

ACTA UNIVERSITATIS STOCKHOLMIENSIS
Stockholm Slavic Studies 33

The Rhetoric of *Pravda* Editorials

A Diachronic Study of a Political Genre

Ludmila Pöppel

Stockholm University

© Ludmila Pöppel 2007

ISSN 0585-3575

ISBN 978-91-85445-61-5

Front cover:

Paul Klee, *Revolution des Viadukts*, 1937, Hamburger Kunsthalle.

Layout: Larisa Korobenko and Sverker Michelsen

Printed in Sweden by Intellecta DocuSys, Stockholm 2007

Distributor: Almqvist & Wiksell International

To Manfred

The Rhetoric of *Pravda* Editorials
A Diachronic Study of a Political Genre
Ludmila Pöppel

Abstract

The present study considers the diachronic changes that took place in Soviet political discourse as reflected in six selections of *Pravda* editorials from the 1920s through the 1950s, as well as slogans and headlines in that newspaper from 1917 through 1933.

The principal goal of analyses conducted on various levels is to identify and investigate a number of tendencies demonstrating the gradual transformation of the language of revolution into totalitarian language.

A quantitative analysis of the vocabulary of slogans and headlines in Chapter 2 focuses on chronological changes in words and addresses the contexts in which they were used. The same material is used in a review of the polarization of vocabulary in positive and negative contexts.

Chapters 3–6 are devoted to a qualitative analysis of editorial texts on three levels: lexical rhetorical means (Chapter 3), semantically charged elements of argumentation (Chapter 4), and the overall composition of the text (Chapter 5). Chapter 6 concludes the study with an illustration of the devices considered in Chapters 3–5 based on two editorials, one each from the revolutionary and totalitarian periods.

The analysis identifies a number of stable elements present throughout the period under study, such as the *self – other* opposition and references to the classics of Marxism-Leninism. At the same time, noted on all levels are changes illustrating the process by which the language of revolution was gradually transformed into totalitarian language. These include the disappearance from rhetoric of emotionality, imagery, and elements of logic, as well as stylistic leveling and an increase in the frequent repetition of the same conclusions and clichés.

Keywords: political discourse, discourse analysis, language of revolution, totalitarian language, Soviet political language, *Pravda* editorials, rhetorical changes

A dissertation for the degree of Doctor of Philosophy
Stockholm University
Department of Slavic Language and Literature
S-106 91 Stockholm

Contents

Acknowledgements	9
Introduction	11
0.1 The language of revolution	12
0.1.1 The French language and the Revolution of 1789–1794	12
0.1.2 The influence of the 1917 Revolution on the Russian language	14
0.2 Totalitarian language	20
0.2.1 Newspeak	20
0.2.2 The language of Nazi Germany	22
0.2.3 The language of Italian Fascism	24
0.2.4 Soviet political discourse	26
0.2.5 Political discourse of East European countries	37
Chapter 1. Methods of research and genres of political discourse	39
1.1 Methodologies	39
1.1.1 Discourse analysis	39
1.1.2 The analysis of political discourse	41
1.1.3 Pragmatics: speech act theory	42
1.2 The genres of political language	44
1.3 The editorial as a genre	45
1.3.1 The history of <i>Pravda</i>	47
1.3.2 Periodization and selection criteria	48
Chapter 2. Quantitative analysis: slogans and headlines	51
2.1 Slogans	51
2.2 Headlines	71
2.3 Lexical polarization	84

Chapter 3. Lexical rhetorical devices of the editorial	105
3.1 Metaphor, simile, cliché	105
3.2 Metonymy, synecdoche	131
3.3 Epithet	135
3.4 Hyperbole, understatement	147
3.4.1 Hyperbole	147
3.4.2 Understatement	158
3.5 Phraseologisms, proverbs, allusions, quotations	162
3.5.1 Phraseologisms	162
3.5.2 Proverbs	164
3.5.3 Allusions, quotations	165
3.6 Praise, blame	168
3.6.1 Praise	168
3.6.2 Blame	172
3.7 Irony	177
Chapter 4. Semiotically charged elements of argumentation	191
4.1 References to authorities	191
4.2 Statistical arguments	199
4.3 Arguments based on specific examples	203
Chapter 5. The structure of the editorial as a whole	207
5.1 Editorial themes	209
5.1.1 Main theme	209
5.1.2 Leitmotif	214
5.2 Overall text composition	216
5.2.1 Enumeration: chains, garlands, climax	216
5.2.2 Antithesis, partial opposition	222
5.2.3 The logic of argument	228
5.2.4 The closing of the editorial	232
Chapter 6. Two illustrative examples	243
6.1 Example 1	243
6.2 Example 2	248
Conclusion	255
Bibliography	259
Appendix	267
Biographical notes	295
Index	301

Acknowledgements

I very much wish to acknowledge my gratitude to my colleagues and friends who have helped me in the course of writing and publishing this paper.

My first thanks are addressed to my supervisor Milan Bílý for his most valuable advice and support. I also want to thank Barbro Nilsson for all her help and encouragement during the initial stage of my work.

I am deeply grateful and indebted to Anatolii Shaikevich, my Russian supervisor, who provided me with vital scholarly support and inspiration. This book would not have been written without his enormous contribution. I owe a debt of gratitude to Maria Nikolajeva for sharing with me her deep knowledge and for generously offering me help and indispensable expertise during the process of writing and editing the manuscript. I am very grateful to Tora Hedin for reading the entire manuscript, making many insightful comments and especially for helping me through the last stage of the work. I am very much indebted to Charles Rougle for translating this book and for many valuable suggestions and ideas. I appreciate the help of Susanna Witt, who took her time and thoroughly read the bibliography. My sincere thanks to Per-Arne Bodin for solving numerous problems and for his humane perspective and sympathetic encouragement. Particular thanks to Lars Åhlander for masterly proof-reading and for very helpful comments.

I am grateful to my colleagues at the Department of Slavic Languages who have given me every possible assistance, and to everyone there who have shared ideas and projects with me over the years.

I am indebted to the Royal Academy of Sciences, the Swedish Institute and the Vera Sager Foundation for research grants which enabled me to work in archives and libraries in Moscow.

Most of all I want to thank my family, especially my sister Dina, not only for her encouragement, tolerance and love, but also for her valuable assistance in my research.

Introduction

Contemporary scholars of political discourse often begin their studies by stating that the discipline is far from new. Indeed, rhetoric, the use of language to influence and convince, has its roots in ancient Greece and Rome. The classical tradition of rhetoric wrestled with the relationship between persuasion, truth, and morality and was aware of the power of language. The interrelationship between language, power, ideology, and the manipulation of consciousness and the linguistic description of political language became particularly relevant in the twentieth century, when politicians (and especially governments) gained access to powerful technologies such as large-circulation daily newspapers, radio, sound amplifying equipment for mass meetings, and of course television. The new mass media were among the factors contributing to the enormous and truly global political upheavals that distinguish the twentieth century from all that preceded it.

Revolutions saturated language with hundreds of neologisms (new words, new collocations, new meanings of old words), many of which became key notions of the age. Victorious revolutions ended with a period of stabilization in which the triumphant power of the bureaucracy superseded the often spontaneous and random action of the masses. This process was most clearly apparent in those countries that rejected the very principle of parliamentarianism. Communist Russia, Fascist Italy, and Nazi Germany saw the emergence of a totalitarian system with a single mass party whose Leader (Vozhd', Il Duce, der Führer) or leaders imposed upon society a new ideology in place of the old political, religious, and moral principles. This new ideology can itself change (sometimes unrecognizably) depending on political objectives of the moment or the personal biases of the Leader.¹ Of the three pillars of totalitarianism mentioned above, Soviet Russia is surely

¹ The most vivid example is the political drift of the USSR from the principles of internationalism of the 1920s to the chauvinism and xenophobia of the late 1940s. This process generated ideological contradictions. Hypocrisy became a characteristic feature of the Soviet system, for at any given moment the propagandist could drag out one or another (diametrically opposite) principle and swear loyalty to it with redoubled zeal. George Orwell's novels *Animal Farm* and *Nineteen Eighty-Four* provide some remarkable examples (Orwell 1945, 1949)

the most instructive. Hitler was in power 12 years, Mussolini more than 20, while the Communist Party ruled Russia for over seven decades.

What instant associations occur to readers who know the Soviet political language? First and foremost, there are memories of the endless clichés, the obligatory references to Marx, Lenin, the Communist Party, the Soviet leaders. Contemporaries also recall aged Party leaders opening their speeches with *Dear Comrades!* and kissing each other in greeting in accordance with the official ritual among those admitted to the highest echelons of power. Whatever the associations, the overall picture is of a heavy, monolithic language that is considered to have appeared after the 1917 October Revolution and to have existed down to the disintegration of the Soviet Union in 1991. Many studies (for example, Seriot 1985, Zemtsov 1985) examine Soviet totalitarian language synchronically, especially in the period from the 1960s to the 1980s, by which time it was fully developed. The emergence and evolution of political discourse throughout the Soviet period, however, has received attention in recent years (Gorham 2003). The importance of diachronic studies is emphasized by Daniel Weiss (1995:343), who considers that the temporal distance is sufficient to permit diachronic research on the language of propaganda during the Soviet period. So far, however, there have been few such linguistic investigations.

The diachronic analysis of political language in the present study centers on *Pravda* editorials from the 1920s through the 1950s.

0.1 The language of revolution

One of the first works on the language of revolution was Paul Lafargue's 1912 study, which attempts from a Marxist perspective to confirm the impact of the French Revolution on French. Following a survey of the basic changes that occurred in French I go on to look at the peculiarities of the Russian language of revolution.

0.1.1 The French language and the Revolution of 1789–1794

The literary language of seventeenth- and eighteenth-century France, the language of the French aristocracy, was the standard upon which the various editions of the French Academy Dictionary (1694, 1718, 1740, and 1762) were based. To this strictly hierarchically structured language the Revolution contrasted “republican” language, and “the vocabulary of revolution was set in opposition to the vocabulary of the Academy” (Derzhavin 1927:11). The fifth revised edition of the Dictionary, published in 1798, included a special supplement containing 336 neologisms. Noting that these new words “were

forged or adopted by the Revolution,” Paul Lafargue (1912:4) calls them “the victory of the rabble,” and emphasizes their considerable influence on the French lexicon:

... the same process had taken place during the Revolution; new words and expressions flooded the language in such quantities that newspapers and writings of this period would have had to translate them to make them intelligible to Louis XIV’s courtiers. (Lafargue 1912:6)²

According to Lafargue, the principal linguistic impact of the French Revolution was that it accelerated the democratization of the language by dethroning the language of the aristocracy and developing further the language spoken by the bourgeoisie and already used in literary works. This shift began to be felt even before 1789, while the Revolution gave it a strong forward push (Lafargue 1912:46).

Almost all research on the language of the French Revolution concentrates on the lexical changes that occurred in its wake (Derzhavin 1927, Brunot 1927–1937, Blakemore 1988, Lohe 1997).

Some neologisms, such as *citoyen* (*citizen*) and the corresponding adjective *civique* (*civil*), had become important words even before the Revolution in the writings of the philosophers. After 1789 these words entered into general use, replacing for a few years the taboo *monsieur* and *madame*. A number of antonyms of the positive *civique* appeared during the revolutionary years to denote behaviour unworthy of a citizen, such as *anticivique* (1789), *incivisme* (1790), *anticivisme* (1791) (Le Robert 1992). The words *révolution* and *constitution* became important notions under the influence of English and especially the American experience. As early as 9 July 1789 the Assemblée nationale changed its name to “Assemblée constituante,” and the first Constitution was adopted in 1791. Their derivatives soon appeared: the adjective and the noun *révolutionnaire* (1789 and 1790, respectively), *révolutionnairement* (1793), the verb *révolutionner* (1793), *contre-révolution*, *contre-révolutionnaire* (1790), *réaction* (1792), *réactionnaire* (1794) (Le Robert 1992, *révolution*, *réaction*). Words associated with the third estate such as *patrie*, *patriote* and *nation*, *national* (cf. *garde nationale*; 1789), became symbols of the Revolution (cf. the 1789 law on the crime of *lèse-nation*, which replaced *lèse-majesté*). *Patriote* began to mean an armed citizen, an enemy of the aristocracy and became a quasi-synonym of *sans-culotte*, which appeared in 1790 (Le Robert 1992, *patriote*, *cul*). In the language of constitutional law the words *décret* (*executive decree*) and its derivative verb *décreter* took on a new meaning, as did *département*, the basic territorial division after the administrative reform of 1790. One of the grimmest new meanings generated by the Revolution was *terreur*

² All quotations are translated into English, if the original language is other than English.

(*terror/horror*), which was coined by the authorities to designate the ruthless executions of their real or imagined enemies.³ Another neologism became the symbol of this policy – *guillotine* (1790).

In addition to lexical changes, recent scholars address other issues, focusing on features such as anaphora, climax, repetitions, and a striving for brevity in the French revolutionaries' highly emotional rhetoric. Elisabeth Lohe (1997:173–89) notes the significance of key concepts in their discourse, citing examples such as *raison*, *nation*, *peuple*, *Convention*, *représentants*, the leitmotif *égalité*, *liberté*, *fraternité*, and so on.

Some neologisms of the French Revolution became firmly established in the language, but the majority are now historical words such as *Jacobins*, *Girondins*, *Brumaire*, *Nivèse*, although some of them have been revived in the metaphorical usage of twentieth-century political language.⁴

0.1.2 *The influence of the 1917 Revolution on the Russian language*

The impact of the October Revolution on the development of Russian political language attracted considerable scholarly attention as early as the beginning of the 1920s (Mazon 1920, Jakobson 1921, Karcevski 1923), followed by later research and language debates in the 1920s – the beginning of the 1930s (Vinokur 1925, Polivanov 1927, 1931, Selishchev 1928, Chernykh 1929). In his book *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918)* André Mazon was among the first to analyze changes in Russian abbreviations, phraseologisms, and vocabulary under the impact of WWI and the Revolution. He concluded that neither the war nor the Bolsheviks influenced the basic grammar of the Russian language, and that changes were primarily confined to neologisms formed from Russian roots and borrowings from foreign languages, chiefly German. He cites as examples *napumem* (*parity*), *государственный аппарат* (*State machinery*), *партеÿтаз* (*Parteitag – party congress*), *цузамменбрых* (*Zusammenbruch – breakup, collapse*), and *шмпейк-брыхер* (*strike-breaker*).

³ It was in the context of the French Revolution that the word *terror* became international in the nineteenth century (*terror*–1). Beginning in the 1870s it began to be used in a new meaning to refer to armed attacks on representatives of the government, bomb throwing, and the like (*terror*–2).

⁴ In his struggle with Stalin, Trotskii constantly alluded to the French Revolution, condemning his rival as a Thermidorean and calling himself a Jacobin. There is a concentrated example of such usage in his speech to the Central Committee in June 1927 (Trotskii 1963:187–89). In 1937 Kamenev told his interrogator: “You are now observing Thermidor in a pure form. The French Revolution taught us a good lesson, but we weren’t able to put it to use. We don’t know how to protect our revolution from Thermidor. That is our greatest mistake, and history will condemn us for it” (Rogovin 1996:26). The political aspect of such usage is discussed in Tamara Kondratëva’s monograph *Bol’sheviki-iakobintsy i prizrak termidora* (Kondratëva 1993).

Serge Karcevski (1923) addresses the various ways in which new words were borrowed into Russian. He distinguishes two periods, one of which, 1905, begins with the Russo-Japanese War and ends with the Stolypin reaction. He also examines the influence of the jargon of the Social Democrats and Social Revolutionaries on political language as exemplified by such cognates as *аграрный* (*agrarian*), *анархист* (*anarchist*), *бюрократия* (*bureaucracy*), *демократия* (*democracy*), *демонстрация* (*demonstration*), *директивы* (*directives*), *провокактор* (*provocateur*), *террор* (*terror*), *фракция* (*fraction*), and *экспроприация* (*expropriation*). The second period spans 1914 through 1922. WWI in itself left hardly any traces in the language.⁵ The principal influence of war came after the Civil War, which according to Karcevski “was not merely a war but an armed political struggle” (1923:237). There was a “resemanticization process that mainly tended to particularize meanings” (*ibid.*). Thus concepts arose such as *трудовой фронт* (*working front*), *трудовая, рабоче-крестьянская, пролетарская, советская армия* (*Workers’ and Peasants’, proletarian, Soviet Army*) and *концентрационный лагерь* (*concentration camp* as a means of punishment). The most frequent adjectives include: *красный* (*red*), *трудовой* (*working*), *социалистический* (*socialist*), *социальный* (*social*), *советский* (*Soviet*), *революционный* (*revolutionary*), *рабоче-крестьянский* (*workers’ and peasants’*), *пролетарский* (*proletarian*). Karcevski also notes (1923:239) that even in this early period “they had become hackneyed and had lost all meaning.” He also cites examples of foreign borrowings such as the cognates *диктатура пролетариата* (*dictatorship of the proletariat*), *интервенция* (*intervention*), *федерация* (*federation*), *экспроприация* (*expropriation*). Two chapters deal with abbreviations formed on various principles (graphic, phonetic, syllabic, mixed, and complex) and the principles governing the derivation of verbs, nouns and adjectives and the most productive suffixes.

One designation by which political language has been known – *the language of the revolutionary period* – is taken as the title of the most significant study of this period on Soviet political language, namely Afanasii Selishchev’s *Iazyk revoliutsionnoi epokhi* (1928), which treats some of the formative processes at work in the first decade after the October Revolution. Selishchev notes (1928:12) that in certain periods political developments significantly influence language, generally in connection with important changes in social life. Among the first to examine the influence of the language of the French Revolution on Soviet political language, he goes on to observe that “similar social phenomena are associated with identical linguistic facts” (1928:21), and draws a number of linguistic parallels:

- Changes in the meanings of words (e.g. *citoyen* – *monsieur* (“Mr., sir”));

⁵ This conclusion was first reached by Roman Jakobson (1921).

borrowings from French during the revolutionary period, cognates such as *старый режим* (*the old regime*), *петиция* (*petition*), *декрет* (*decree*), *экспроприация* (*expropriation*), *национализация* (*nationalization*), *коммуна* (*commune*), *комиссар* (*commissar*), *трибунал* (*tribunal*), *объявить вне закона* (*to outlaw*).

- Emotional speech; for example, the use of repetition and word-forming suffixes (*-erie*, *-щина*).
- Words formed from personal names, such as *ленинизм* (*Leninism*), *ленинец* (*Lenin follower*), *троцкизм* (*Trotskyism*).
- The use of elements from the previous culture such as bookish and philosophical and technical terms as reflected in words formed by means of *-isme*, *-изм*; *-iste*, *-ист*; *contre-* *контр-*; *ultra-* *ультра-*.

He also examines changes in the process of word formation. “Republican” language, for example, made frequent use of word-forming suffixes and prefixes such as *-isme*, *-iste*, *-isation*, *anti-*, *contre-*, *ultra-*, and *archi-*. Approximately half of the book is devoted to three chapters dealing with speech functions (a notion developed by linguistics in the 1920s). Thus Chapter III is entitled “The Communicative Function of Speech.” Subsection 1, “Foreign Elements,” lists dozens of borrowings: *гегемон* (*predominant force, leader*), *дискредитация* (*discredit*), *диспропорция* (*disproportion*), *коммуниqué* (*communique*), *люмпен* (*lumpen*), *монолитность* (*monolithic character*), *накт* (*naht*), *рентабельность* (*profitability*), *функционер* (*official, functionary*). There are also examples of compound words and collocations formed on German models: *в общем и целом* – *im grossen ganzen*, *целиком и полностью* – *ganz und voll*, *сегодняшний день* – *der heutige Tag*.

Subsection II, “Officialese and Archaic Language”, deals with the penetration of stylistically high words into the general language of sociopolitical journalism, e.g. *сугубо* (*especially*), *уже с ним* (*of his/its ilk*), *имярек* (*somebody/so-and-so*), *стезя* (*path*), *уготовать* (*cater/pander*), *воздать* (*render/bestow*), *всуче* (*in vain*), *тем паче* (*all the more*), *во главу угла* (*of paramount importance*). Dealt with separately are metaphors, similes, and allusions of religious provenance such as *евангелие коммунизма* (*the Gospel of Communism*), *апостол социализма* (*apostle of socialism*), *социалистические резонеры с каиновой печатью* (*socialist arguers with the mark of Cain*).

Subsection III, “Vulgarisms,” describes the opposite tendency to “simplify” language through borrowings from thieves’ cant: *тrepачи* (*prattler*), *осточертеть* (*be bored/fed up with*), *кpыть* (*curse/swear at*), *шпана* (*gang*). Here it is noted that “Communist activists had a predilection for strong words and expressions” (Selishchev 1928:29).

Subsection IV, “Struggle, War, and Language” deals mainly with war

metaphors, and subsection V, “The Party. Reflection of its Program and Activity in Language” includes most of the political words of the 1920s: *партия* (*party*), *единство* (*unity*), *монолит* (*monolith*), *агитация* (*agitation*), *пропаганда* (*propaganda*), *класс* (*class*), and so on.

The materials in chapter IV are organized around “The Emotional and Expressive Speech Function.” Analysis focuses on the means for achieving emotional effect: slogans, exclamatory collocations with *O!*, word combinations in which some component is repeated (usually anaphora), archaisms and Church Slavonic elements, superlatives, and aggrandizing epithets. It is also noted that politicians used figurative language to express emotions, including “images of avengers for the oppressed, images of iron and blood, predatory animals, and hydras with a million tentacles, a magnificent flame whirling across the entire world.” (Selishchev 1928:133).

Selishchev also analyzes changes in the nominative function of speech (Chapter V), that is, the disappearance of some meanings and nominations and the appearance of others. For example, the names of administrative posts such as *губернатор* (*governor*), *исправник* (*district police officer*) disappeared, and the meaning of others such as *барин/барыня* (*in pre-revolutionary Russia a man/woman belonging to the upper strata of society*), *лакей* (*lackey*) acquired a negative meaning. Foreign borrowings and bookish words began to be used to denote socioeconomic and political concepts. The following means of forming neologisms are discussed:

- Various types of abbreviation based on the first letters of words – *ЦК* (*Central Committee*), the first syllable of the first word – *госбанк* (*государственный банк; State bank*), or only the first word – *полит-экономика* (*political economy*), *дензнак* (*денежный знак; paper money*).
- Compound words – *социал-патриот* (*social-patriot*), *домоуправление* (*house management*).
- Prefixing and suffixing nouns, adjectives, and verbs – *петлюровцы* (*Petliurovtsy/followers of Petliura*), *субботник* (*volunteer work on a Saturday*), *троцкизм* (*Trotskyism*), *митинговать* (*hold a mass meeting*), *съездовский* (*congress*). In such new formations the stem can be old or new (the result of abbreviation or formation from proper nouns). There is a list of productive suffixes and prefixes, and separate attention is given to the influence of the revolution on the language of the village and to Russianisms in the languages of the national minorities.

As native speakers of the language, many professional linguists objected to the changes they were describing. It is not surprising, therefore, that they should also consider problems related to language culture.

In essays devoted to proper usage, Grigorii Vinokur (1925:31–91)

dwells on such topics as purism, abbreviations, neologisms, and phraseology, examining all his examples in the cultural context. He considers new connotations of such lexemes as *товарищ* (*comrade*) and *гражданин* (*citizen*). He devotes attention to language policy, demonstrating its meaning and content on the basis of examples of revolutionary phraseology, the rationalization of which he considers an issue in this area (Vinokur 1925:78). He states:

almost all elements of our phraseology are hackneyed clichés, coins worn so smooth it's impossible to tell their value, the worthless currency of 1917–1921. The very cobblestones cry out the devaluation and denomination of this tender. These are words devoid of any function except the nominative. (Vinokur 1925:84)

He comes to the following conclusion: “Shouldn't we begin our struggle with bureaucracy and vulgarity by renewing phraseology? This would not be such a bad idea” (Vinokur 1925:91).

In the mid-1920s a debate raged about the intelligibility of newspaper language (Vinokur 1924, Gus et al. 1926). Lev Uspenskii (1931:256) writes:

As early as 1923 Soviet journalists noticed that their writings were largely inaccessible to workers and peasants. The difference between the language of the 'ruling elites' and the 'broad masses' was so great that it began to threaten the possibility of eliminating it in the future [...]

Lenin also criticized the evolution of Soviet political language:

We are spoiling the Russian language. We are using foreign words unnecessarily. And we use them incorrectly. Why use the foreign word *defekty* when we have three Russian synonyms – *nedochoty*, *nedostatki*, *probely*. A man who has recently learned to read in general, and to read newspapers in particular, will, of course, if he reads them diligently, willy-nilly absorb journalistic turns of speech. However, it is the language of the newspapers that is beginning to suffer. If a man who has recently learned to read uses foreign words as a novelty, he is to be excused, but there is no excuse for a writer. Is it not time for us to declare war on the unnecessary use of foreign words? (Lenin 1963, vol. 40:49)

The critics of newspaper language claimed that it was incorrect, hackneyed, and difficult to understand. Citing the need to introduce the semiliterate masses to culture, they demanded that it be simplified. It was noted that “the fad for foreign words and clever word formations has already been dealt a sufficiently hard blow” (Gus et al. 1926:4). They proposed improving the syntactic structure of newspaper discourse. Iakov Shafir (1927:130) shared their opinion: “The worker and the peasant need a language that is close to the spoken language, which is colourful, simple and clear, and uses comparisons drawn from the spheres of industry and agriculture.”

This opinion was countered by Viktor Shklovskii (1925:28), for example,

who thought that until readers were educated there was no use in popularizing newspaper language: “The point is not that they do not understand a word, but that they are ignorant of its narrow meaning. It is not a matter of replacing one word with another, but of conveying to the reader as much knowledge as possible.” In his article “Iazyk nashei gazety” (1924) Vinokur also entered into the debate with the advocates of simplification. In his view (1924:124), newspaper language does not possess any artistic or poetic function and is moreover intended for the broadest possible audience. This explains why it contains so many clichés on all levels – structural, grammatical and lexical. At the same time, he considers this mechanical, stereotyped quality positive, as it enables the newspaper to fulfill its cultural function (Vinokur 1924:131–32).

A number of other studies in the 1920s concerned with language culture examined such issues as neologisms and related cultural contexts, the use of new words and phraseology, and intelligibility to the broad mass of readers (Vinokur 1924, 1925, Polivanov 1931, Uspenskii 1931). Except for Evgenii Polivanov, almost all scholars during this period took a critical, cautious view of Soviet political language. Yet another branch of research to appear at this time was the study of Lenin’s language and style, which began after his death in 1924 with Boris Eikhenbaum’s *Osnovnye stilevyie tendentsii v rechi Lenina* (“Basic stylistic tendencies in Lenin’s discourse”) (Eikhenbaum 1924).

Linguistic features associated with the language of revolution have been studied by Michael Gorham (2003:22–37), who investigated their development within the cultural context.

Numerous scholarly disciplines such as sociology, stylistics and literary scholarship practically ceased to exist in the Soviet Union in the 1930s, as did studies of the Russian language focused on usage and stylistics. Weiss (1986:248) notes that at this time research on political language was denounced, and changes occurred in political discourse that indicate it was being transformed into the language of a totalitarian state.

The language of revolution and totalitarian language pursue different psychological and communicative goals. One of the important communicative goals of the former consists to varying degrees in convincing readers or listeners of the need for change and persuading them to follow leaders. This language is therefore generally emotional, colourful, and permits individuality. Selishchev (1928:28–59) also considers that the discourse of revolutionary activists exerted considerable influence on the language of the 1920s. He notes that the rhetoric of the Russian revolutionaries was persuasive and expressive and frequently used vivid imagery. While the degree of emotion and figurativeness varied, however, individuality was in general considerably limited. In the area of lexis, denotations of old political realia tended to disappear, and there was an influx of neologisms.

The communicative goal of totalitarian leaders and their totalitarian language is quite different. Persuasion is not important in a totalitarian society, which means that corresponding changes will occur in political language as well. Revolutionary rhetoric becomes outdated, and language to a greater degree is simplified, depersonified, ritualized, and subjected to more rigid stylistic norms, and imagery and emotionality disappear. Thus the process by which revolutionary rhetoric is formed differs from that which shapes the rhetoric of totalitarian society. I now turn in more detail to studies treating the impact of totalitarian systems on language.

0.2. Totalitarian language

The term *totalitarian* (*totalitario*) was coined in the early 1920s to describe the new Fascist state of Italy under Benito Mussolini and meant “comprehensive, all-embracing, pervasive, the total state”. A *totalitarian state* is the form of government that permits no individual freedom and that suppresses all aspects of the individual’s life to the authority of the government. The official language in such a state is called *totalitarian language* (Scott and Marshall 2005).

0.2.1 Newspeak

Researchers of the political language of totalitarian systems often turn to George Orwell’s novel *Nineteen Eighty-Four*. When it appeared in 1948, it was regarded by many critics as a satirical projection into the future of present-day affairs and modes of thought. Of greatest interest to my study is “On the Principles of Newspeak,” the appendix to the novel in which Orwell focuses attention on the language of power. Based on Oldspeak – contemporary English – Newspeak is the language of triumphant Ingsoc in Oceania. It both reflects and parodies the most characteristic features of totalitarian discourse.⁶

In his appendix Orwell examines the lexical, phonological, grammatical, and semantic properties of Ingsoc. Vocabulary is based on the principle of maximum simplification:

[...] to give exact and often very subtle expression to every meaning that a Party member could properly wish to express, while excluding all other meanings and also the possibility of arriving at them by indirect methods. This was done partly by the invention of new words, but chiefly by eliminating undesirable words and by stripping such words as remained of unorthodox meanings, and so far as possible of all secondary meanings whatever. (Orwell 1949:313)

⁶ John Welsey Young (1991:6), for example, notes that “in *Nineteen Eighty-Four* he [Orwell] drew a reasonably reliable and well-informed picture of the language of totalitarian politics and propaganda”.

Vocabulary is divided into three basic groups: the A vocabulary (for business and everyday life), the B vocabulary (for political purposes), and the C vocabulary (scientific and technical terms). Most productive in the formation of Newspeak was the B vocabulary, which abounded in compound words and abbreviations such as *crimethink* (thoughtcrime), *thinkpol* (Thought Police), *duckspeak* (to quack like a duck), *bellyfeel* (a blind, enthusiastic acceptance), *oldthink* (implied wickedness and decadence), *Minipax* (Ministry of Peace), *Recdep* (the Records Department), *Ficdep* (the Fiction Department), *Teledep* (the Teleprogrammes Department).

Grammar had two outstanding properties: regularity and almost complete interchangeability between different parts of speech. Thus all irregular forms were replaced by regular ones, and word formation was reduced to a selection of suffixes and prefixes, which made it possible to get rid of everything superfluous. Semantics was also simplified and all unnecessary meanings discarded. Completely gone were the phraseology, the meanings of most abstract concepts, and other stylistic features of Oldspeak. The principal goal of the compilers of Newspeak was complete control over the meanings of words: "...to make sure what they meant: to make sure, that is to say, what ranges of words they cancelled by their existence" (Orwell 1949:318). The B vocabulary used for political purposes, had the following properties:

No word in the B vocabulary was ideologically neutral. A great many were euphemisms. Such words, for instance, as *joycamp* (forced-labour camp) or *Minipax* (Ministry of Peace, i.e. Ministry of War) meant almost the exact opposite of what they appeared to mean. Some words, on the other hand, displayed a frank and contemptuous understanding of the real nature of Oceanic society. An example was *prolefeed*, meaning the rubbishy entertainment and spurious news which the Party handed out to the masses. Other words, again, were ambivalent, having the connotation 'good' when applied to the Party and 'bad' when applied to its enemies. But in addition there were great numbers of words which at first sight appeared to be mere abbreviations and which derived their ideological colour not from their meaning, but from their structure. (Orwell 1949:319–320)

Also of interest to the present study is Orwell's diachronic description of the evolution of Newspeak. Ten editions of the *Newspeak Dictionary* describe provisional versions of the language prior to 1984, while the final, perfected version was to appear 66 years later in the eleventh edition of 2050. No detailed account of this evolution is given, it being merely noted that in 1984 Newspeak had not yet become the only means of communication:

The leading articles in the *Times* were written in it, but this was a *tour de force* which could only be carried out by a specialist. It was expected that Newspeak would have finally superseded Oldspeak (or Standard English, as we should call it) by about the year 2050. Meanwhile it gained ground steadily, all Party

members tending to use Newspeak words and grammatical constructions more and more in their everyday speech. (Orwell 1949:312)

The language described by Orwell is a writer's vision of totalitarian language.

I shall now go on to linguistic studies which focus on how German Nazism, Italian Fascism, and Soviet Communism exerted linguistic influence on the development of political language in totalitarian systems.

0.2.2 *The language of Nazi Germany*

The most important work on the language of National Socialism is considered to be Victor Klemperer's *Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen/The Language of the Third Reich*, which appeared just after World War II in 1947. The focus of the study is on vocabulary and stylistic peculiarities, which are examined in detail in the cultural context. Klemperer opens his book with a question:

What was the most powerful Hitlerian propaganda tool? Was it the individual speeches of Hitler and Goebbels, their pronouncements on this or that theme, their rabble-rousing against the Jews, against Bolsheviks? (Klemperer 1947:20/2000:15)

And he answers:

No, the most powerful effect was exerted neither by individual speeches nor by articles or flyers, posters or flags; it was not achieved by things which one had to absorb by conscious thought or conscious emotions. Instead Nazism permeated the flesh and blood of the people through single words, idioms and sentence structures which were imposed on them in a million repetitions and taken on board mechanically and unconsciously. (Ibid.)

Klemperer is particularly interested in the use of language to manipulate consciousness, and in this process he allots the principal role to the Word:

But language does not simply write and think for me, it also increasingly dictates my feelings and governs my entire spiritual being the more unquestioningly and unconsciously I abandon myself to it. And what happens if the cultivated language is made up of poisonous elements or has been made the bearer of poisons? Words can be like tiny doses of arsenic: they are swallowed unnoticed, appear to have no effect, and then after a little time the toxic effect sets in after all. (Klemperer 1947:21/2000:15–16)

In this particular case what is meant is not only the power of the Word to penetrate and influence, but also its effect as medicine or poison in the Platonic sense. "Pharmakon" in Plato's *Phaedra* has two opposite meanings as both a medicine and source of healing and as a poison, depending on the dose.

Describing *Lingua Tertii Imperii* (LTI) in general terms, Klemperer

notes that it was not created but was basically borrowed from other languages or from pre-Hitler German. Other changes occur in Nazi language, including changes in the meaning and frequency of words. Some words and groups of words become common property, whereas others undergo the opposite process and are used only in narrow circles. Language is put into the service of the system and transforms discourse into a powerful recruitment tool (Klemperer 1947:21–22/2000:15–16). He includes in LTI lexemes such as *historisch* (*historical*), *fanatisch*, *Fanatiker* (*fanatic*), *Sturm* (*storm*), *Staatsakt* (*state ceremony*), *ewig* (*eternal*), *Weltanschauung* (*world view*), *blindlings* (*blindly*), *Untermenschentum* (*subhumanity*), *der jüdische Krieg* (*the Jewish war*), *jüdisch* (*Jewish*), *holen* (*fetch/go for*). He also focuses on certain neologisms such as *entjuden* (*de-Jewify/cleanse of Jews*), *arisieren* (*Aryanize/make Aryan*), *aufnorden* (*Nordnise/make more Nordic*).

Stylistic peculiarities examined include the following:

- Abbreviations. The use of abbreviations is common to the language of Bolshevism, Italian Fascism, and German Nazism. Klemperer notes of their significance:
No linguistic style prior to Hitler German had made such an exorbitant use of this form. The modern contraction always appears with new technology and new organization. And in line with its claim to totality Nazism brings new technology and new organizations into everything. Hence the immense number of abbreviations (Klemperer 1947:99/2000: 92).
- Repetitions. These are among the principal stylistic devices of Nazi language (Klemperer 1947: 37/2000: 31).
- Inverted commas to mark irony; metaphors (especially those related to mechanisms, sports, and war), euphemisms, invectives, figures.

Klemperer maintains that language plays a major role in shaping consciousness, including the creation of the image of the true Aryan. “The construction of the Aryan has its roots in philology rather than science” (Klemperer 1947:147/2000:138).

He repeatedly uses the metaphor of a tightrope artist walking along a wire and keeping his balance by means of a pole held in both hands. In this metaphor the language of National Socialism functions as the hands, which possess enormous power and are capable of manipulating the consciousness of millions.

The two studies examined above were published almost 60 years ago, following the appearance of their subject – totalitarian language. Much later a generation of linguists would emerge who were free from the suffocating influence of the totalitarian language and were equipped with new semiotic and linguistic theories. Recent works that analyze the language of National

Socialism include Gerhard Bauer (1988), Werner Bohleber and Jörg Drews (1991), Cornelia Schmitz-Berning (1998), Hanno Birken-Bertsch and Reinhard Markner (2000), and Robert Michael (2002). The dictionary of the language of National Socialism (Schmitz-Berning 1998) compiles lexemes illustrating the use of language in official and unofficial discourse. As the author notes, official language encompassed far more than official speeches, orders, newspapers, and radio transmissions (Schmitz-Berning 1998:VII). Considerable space is devoted to detailed synchronic and diachronic descriptions of central notions such as *Volksgemeinschaft* (*community of nations*), *Rasse* (*race*), *Judenfrage* (*the Jewish question*). The entry for *Rasse*, for example is defined as follows:

Zentrales Schlüsselwort des Nationalsozialismus; steht für “Grundpfeiler nationalsozialistischer Weltanschauung”, die Ideologie der Höchstwertigkeit der *Arier*, des *Untermenschentums* der Juden und für “die Rassenhygiene mit ihrem nordischen Zuchtziel”. (Schmitz-Berning 1998:481)

(“Central keyword of National Socialism standing for “main support of the National Socialist Weltanschauung,” the ideology of the superior worth of the *Aryans*, the *subhumanity* of the Jews and for “racial hygiene with its goal of Nordic breeding.”)

The entry goes on to discuss the etymology of the word, citing various philosophical views and definitions that influenced Nazi racial theory, followed by a survey of the positions taken by Hitler and National Socialist ideologues. Commentaries are supplied with examples. Derivations are also represented: *Rasse*: *Rasseamt*, *rassebewußt*, *Rassebewußtsein*, *rassefeindlich*, *rassefremd*, *rassegebunden*, *Rassegedanke*, *Rassegefühl*, *Rassegenosse*, *Rasseinstinkt*, and *Rassekern*. This lexicological approach allows the reader not only to understand the meaning of key notions, but also to become acquainted in detail with the value system underlying them.

Other lexicographical works such as Michael’s *Nazi-Deutsch/Nazi-German: An English Lexicon of the Language of the Third Reich* (2002) contain significantly more entries that are briefly explained in English without commentaries and examples.

In addition to lexical aspects, a number of studies examine National Socialism’s use of rhetorical devices such as pauses, allusions, and slogans (Bauer 1990) and analyze peculiarities of its language from a psychoanalytical point of view.

0.2.3 *The language of Italian Fascism*

The language of Italian Fascism is examined in the works of Erasmo Leso et al. (1978), Giovanni Lazzari (1975), Gabriella Klein (1986), and Pier Vincenzo Mengaldo (1994), among others. The movement itself is associated with

Benito Mussolini, whose regime spanned more than 20 years, from 1922 through 1943. By the language of Fascism is to a significant degree meant the language of Mussolini himself, who was the record-breaking orator of the period. Studies devoted to the Italian of these years address two principal aspects – Mussolini’s language policies and resultant linguistic changes that were influenced by other factors. The overall thrust of Mussolini’s policies was as follows: “In conformity with its nationalistic outlook, Fascism pursued a strong policy of national purity” (Mengaldo 1994:13). It was realized in three main directions:

- Opposition to the use of dialect words. In schools, for example, special rules were introduced limiting the use of dialects.
- Opposition to the languages of national minorities.
- Resistance to foreign borrowings. This opposition was noticeable as early as late 1923 and intensified considerably in the latter half of the 1930s. Many foreign words that had been used for years were completely replaced with Italian words.

Mengaldo (1994:15) notes that in conformity with the law of 23 December 1940, in the space of 3 years the Academy published 15 lists of Italian lexemes to be substituted for foreign words. For example, *absynthe* was replaced by *assenzio* (*absinth*), *stop* by *arresto* (*stop*), *check* or *cheque* by *assegno* (*cheque*), *guichet* by *sportello* (*box-office window*), *regisseur* by *regista* (*director*). Some of these substitutions have taken root in the language, whereas due to semantic differences others were much disputed and did not. These include such examples as *caffè* for *buffet* and *villetta* for *chalet* (*small wooden house*).

The features noted above were a consequence of Mussolini’s language policies. Studies of the period also address the influence of Mussolini’s language itself on Italian political discourse, noting the following phenomena:

- The frequent use of metaphorical models; for example, metaphors of war such as *le serrate falangi* (*to close ranks*); *vibrare un colpo* (*strike a blow*); metaphors relating to organisms and disease such as, *il partito come organismo* (*the party as an organism*). Metaphors with a religious content occupy a special place; for example: *il partito come ecclesia martire* (*the party as a holy martyr*). Reflecting the religiosity of the country, such metaphors were used skillfully in political discourse.
- Limited word-forming devices. Neologisms are mechanical rather than conceptual. For example, *antifascismo*, *barricadiero* (*revolutionary*), *controproducente* (*subversive*), *intimidatorio* (*threatening*).
- The frequent use of slogans. For example: *Col Duce e per il Duce* (*With il Duce and for il Duce*), *Credere – Obbedire – Combattere* (*Believe – Obey – Struggle*), *Procedere e precedere* (*Advance and Overtake*).

- Expressiveness and emotionality through the use of various rhetorical devices such as hyperbole, epithet, syntax.
- Simplification of vocabulary. The quantitative reduction of the vocabulary conceals intensely frequent repetition.

Mengaldo characterizes political discourse during the reign of Italian Fascism as “dialogo con la folla” – “dialogue with the masses,” in which Mussolini is cast against the background of crowds in mass meetings as the peace-loving, calm and sensible politician.

0.2.4 Soviet political discourse

In the USSR, the study of political language was limited to utterly sterile works generally praising the eloquence of Soviet political leaders such as Vladimir Lenin, Iosif Stalin, Mikhail Kalinin, and Sergei Kirov. Practical guides on journalism had some pedagogical worth. Soviet scholars and journalists (for example, Efimov 1950, 1957 and Kostomarov 1965, 1971) addressed such topics as newspaper and sociojournalism style and the language of the political agitator. Works continued to be published on Lenin’s rhetoric, the best known of which is *Stil Lenina-publitsista* (Tseitlin 1969). The early 1970s saw the appearance of *Slovar’ iazyka Lenina* (Denisov 1972), a two-volume concordance to his complete works. Especially in the 1920s, Lenin’s language significantly influenced the development of Soviet political discourse, and some of the particular features of his rhetoric will be examined below in analyses of editorials from this period.

Because the present study analyzes *Pravda* editorials, it is worth considering how such texts are treated in Soviet scholarly literature. The editorial as a genre is described in a number of studies as a variant of the newspaper article in general and one of the basic genres of the Soviet press. In some cases (for example, Kruglov 1955), comparisons are drawn with other journalistic genres. Editorial is defined as the basic form for investigating events and propagating advanced ideas and scientific information (Khlynov 1960:6). The importance of combining broad generalizations, a thorough analyses of facts, and consistency with popular, accessible, and colourful language and style is also stressed (*ibid.*). The content of the editorial should be sophisticated ideologically, its themes varied and topical, its exposition concrete, brief, precise and clear, and its analyses persuasively argued (Shandra 1962:5–25). Its language and style should be vivid and colourful and address a well-defined reader (*ibid.*). Andrei Root (1980:12) notes that the main difficulty here is in satisfying all these demands. The journalist working in the editorial genre must be a skillful, knowledgeable, and politically experienced writer.

Soviet researchers classify editorials thematically according to whether

they deal with propaganda or politics in general, or address practical issues. A type editorials that accompany and summarize materials published in the same issue or in preceding issues is also distinguished (Kruglov 1955). In the Soviet period studies of the editorial covered the history of the genre, its stylistic peculiarities and demands made upon it, and some sociolinguistic research on newspaper language (e.g., Lysakova 1981, Solganik 1981).

The principal studies of Soviet political discourse were done in the West, two of the most important works of the 1950s being *Iazyk i totalitarizm* (Rzhevskii 1951), and *Russkii iazyk pri Sovetakh* (Fesenko and Fesenko 1955). The features of Soviet political language treated by Leonid Rzhevskii include the influence of the October Revolution, the banalization of language, the nominative function of words in propaganda, the resemantization of concepts, emotional language, language as an instrument of totalitarianism, Stalin's language policies, and the discussion of linguistics in *Pravda* in the 1950s. The chapter on linguistic influence of the October Revolution deals with neologisms, abbreviations, foreign and dialectal elements, and vulgarisms. Rzhevskii agrees with other scholars with respect to abbreviations, foreign and dialectal elements and vulgarisms, but differs with them on neologisms:

[...] if we assume, as do the makers of the Revolution, that the events of October represented an "emancipation" in the intellectual life of the people, then we can only be amazed at the rather small quantity of neologisms reflecting the qualities of this emancipated life that have emerged over more than three Soviet decades. (Rzhevskii 1951:8)

He maintains that neologisms of the postrevolutionary period were formed not under the influence of the Revolution but of other social and linguistic factors such as technology, lexical formations introduced by Party functionaries, and new morphological formations. Penetrating the language from above, they became obligatory on the lowest level, which resulted in the following situation:

Soviet citizens are overpowered by clichés, which fasten on their linguistic consciousness like burrs on their clothing. When they read editorials, listen to the radio, and attend meetings, not even the most vivid individual usage can withstand the impact of the clichés with which they come into contact. They begin to write "with inspiration"; they speak about their "selfless devotion to the Party of Lenin-Stalin", their "boundless love of the socialist Fatherland"; they "hold up to contempt" adulation of "rotten bourgeois culture" and "resolutely eliminate the vestiges of the past" in their consciousness; they "actively join...", "mobilize all their strength for...", "achieve record successes" as they approach "the next in a series of victories" possible "only under the leadership of..." and so on, and so forth. (Rzhevskii 1951:21)

Andrei and Tatiana Fesenko's monograph *Russkii iazyk pri Sovetakh* (Fesenko and Fesenko 1955) treats various lexical and stylistic peculiarities of Russian, including Russian political language, during the Soviet period. Like Selishchev (1928) the authors begin with the rhetoric of the French revolutionaries, noting parallels between the language of the French Revolution and Russian of the revolutionary period such as neologisms, the exclusion of old words, and the use of the word-formative prefixes *anti-*, *contre-*, *de-* or *des-* (Fesenko and Fesenko 1955:20). The development of Soviet language is divided into two periods, the first from the October Revolution to the end of WWII, and the second after the war. The principal features of the postrevolutionary years consisted in the politicization of the language and in the use of abbreviations. By analogy with Lenin's formula "Communism = the Soviets + electrification" the state of the Russian language in the initial Soviet period is described as "Soviet language = politicization + abbreviation" (Fesenko and Fesenko 1955:25). Clichés, especially collocations, begin appearing at this time. Considered separately are two groups that arose some time after the Revolution, namely stock phrases connected with the cult of Stalin (*сталинский* as an established synonym for everything positive) and clichés of gigantomania. The vocabulary and phraseology of various areas and events such as commerce, jurisprudence, collectivization, and the Komsomol are considered, and separate analysis focuses on the official vocabulary and phraseology related to the positive aspects of Soviet life: *знатные люди страны* (*prominent/distinguished people of the country*), *ударник учебы* (*shock worker student*), *производства* (*industrial shock worker*) as well as its shortcomings: *срыв плана* (*disruption/breakdown of the plan*), *бумажная волокита* (*red tape*). The authors maintain that the basic feature of language as it developed in the beginning of the Revolution and for a few years afterward was its politicization. As time went on, however, the main tendency was toward technicalization of the vocabulary. The monograph also addresses features such as the insignificant penetration of neologisms of Western provenance, the struggle against cosmopolitanism and "foreignism" (i.e. everything connected with the West), and opposition to Russian neologisms such as *бытовка* (*construction site barrack*), *оперативка* (*briefing*), *курсовка* (*health resort care and boarding voucher*), and *снабженец* (*supply agent*), which were considered substandard.

Connected with general tendencies in linguistics such as discourse analysis, Marxist philosophy, and psychoanalysis, in the late 1970s Western Slavists in France, Great Britain, and the United States began showing an interest in the study of political language, including Soviet political discourse. Weiss (1995:344) notes that studies of Soviet political language appearing at this time considered not only lexical aspects, but also sentence semantics and sentence and text pragmatics. Of note among works addressing the grammatical and lexical changes of the Soviet period are *The Russian Language*

Since *the Revolution* (Comrie and Stone 1978) and *The Russian Language in the Twentieth Century* (Comrie et al. 1996). The political language as such is not analyzed, but lexical changes are considered within overall developments since 1917 (Comrie and Stone 1978:131–58). The 1980s saw the appearance in the West of lexicographical works describing the political language of the Soviet period, whereas in the USSR such publications were impossible at the time. *Sovetskii politicheskii iazyk* (Zemtsov 1985), published in London, was the first lexicographical work to attempt to address the language of Soviet propaganda. Dictionary entries for words and collocations that characterize Soviet political doctrine and Soviet life, including those related to industry and agriculture such as *регистрация* (*registration*), *кремлевский паек* (*special ration of scarce goods or food available to privileged persons*), describe the mechanisms of Soviet political discourse and explain the realia that Soviet language tends to mask (Zemtsov 1985:11). Included as well are the most frequent evaluative words in Soviet political language. Entries provide a detailed explanation of the cultural context followed by examples. Some also state when and why a particular word appeared. Unfortunately, this material is often not put into historical perspective. Illustrative examples from the press are limited to the 1970s and 1980s, with none from earlier periods, and the principles for selecting vocabulary and examples are not provided. Questions therefore arise as to the currency or frequency of word or collocation in a particular historical period and whether certain words have been appropriately selected. Nevertheless, the dictionary represents the first serious attempt to systematize the vocabulary of Soviet political discourse.

Also published in London during this period was *Spravochnik po GULAGu* (Rossi 1987). Although the language with which it deals – official and unofficial terms connected with the GULAG – is not reflected in the official Soviet press, it treats an important aspect of Soviet political discourse. The material was collected by the author over the course of over twenty years as a political prisoner. Because this language is not fully comprehensible to anyone lacking first-hand contact with it, Jacques Rossi's experience enhances the value of the work, but he has refrained from personal opinions. Stylistic notes beginning each entry describe words as official terms, words in general use in the penal system, specifically criminal language, and so on. Obsolete vocabulary is also noted as such. All aspects of prison camp life are described in detail, and some entries are illustrated. The description of key terms such as *лагерь* (*concentration camp*) can run to several pages, which provides the reader with ample information about the camps and a full understanding of the concept. Official terms are consistently treated diachronically. In some cases the history of words is traced from their appearance in camp language down to the late 1950s.

Besides lexicographical works, the 1980s saw the appearance of a

number of studies by French discourse scholars, most significant among which is Patrick Seriot's *Analyse du discours politique soviétique* (Seriot 1985). The monograph has several goals, including "a rejection of the superficial view of Soviet political language as discourse that 'communicates nothing,' 'speaks only of trivial matters,' and 'is completely self-enclosed'" (Seriot 1999:388). Seriot also proposes to "read the lines" rather than "read between the lines."

The book begins as an historical study, addressing the impact on Russian of "the Soviet use of language" on the basis of two texts from the 1960s: Nikita Khrushchev's Central Committee Report to the 22nd Communist Party Congress (1961) and Leonid Brezhnev's Central Committee Report to the 23rd Communist Party Congress (1966). Analysis of these texts points to nominalization and conjunction as two syntactic features of 1960s Soviet political discourse. The use of nominalization, which involves replacing the personal forms of the verb with nominal derivatives in *-ание*, *-ение*, *-ация*, increased abnormally in the late 1950s and early 1960s to become one of the most widespread stylistic features. The semantic result is that the subject or agent disappears and actions become impersonal. Depersonalization in turn permits various ideological manipulations. For example, nominalization facilitates rhetoric implicitly aimed at refuting an opponent, so that "the Other"⁷ is always present in Soviet political discourse. Seriot also concludes that "between the noun and the sentence there is an incremental, gradual transition that permits the introduction into a text a textual memory in the form of nouns recalling sentences that were or could have been uttered prior to, outside, or even independently of the text" (Seriot 1999:388).

Conjunction, the second feature of 1960s Soviet political discourse, refers to the joining of two or more notions with or without the connector *и*. Concepts that are not synonymous in ordinary speech, that is, outside political discourse, are made to seem so when they are conjoined. For example: *партия* (Party) = *народ* (people) = *ЦК* (Central Committee) = *правительство* (government) = *государство* (state) = *коммунисты* (Communists) = *советские люди* (Soviet people/Soviets) = *рабочий класс* (working class) = *все народы Советского Союза* (all peoples of the Soviet Union) = *каждый советский человек* (each Soviet individual) = *революция* (revolution) = *наш съезд* (our congress) = *рабочие* (workers) = *колхозники* (collective farm workers), etc.⁸

Seriot (1985:71) shows how the "author" is made to "disappear", asking "What action do Khrushchev and Brezhnev perform when they *give a report*

⁷ The founder of the theory of utterance ("I" and "the Other") was Émile Benveniste. According to him, it is the subject that occupies the central place in linguistic activity (Benveniste 1971).

⁸ The complete list of examples illustrating this paradox is in Seriot (1985:95–96).

(*выступать с докладом*) – do they read, read out or utter? These lexemes presuppose varying degrees of agent participation and therefore responsibility, but since officially practically the only expression ever used is *выступил с докладом*, both authorship and accountability dissipate. Tracing back through the process of conjunction, it turns out that the source of the text is *я (I) = Генсек (General Secretary) = ЦК (Central Committee) = вся партия (the whole Party) = наша страна (our country) = мы (we)*. The addressees of the text are *делегаты съезда (delegates of the Congress) = все коммунисты (all communists) = народ (people) = все прогрессивное человечество (all progressive people) = все люди (all people) = мы (we)*.

Daniel Weiss's article "Was ist neu am 'Newspeak'" (Weiss 1986:247–325) provides an overview of works on political discourse in the Soviet Union and East European countries. His criteria for describing the language of propaganda include the presence and frequency of certain syntactic, semantic, and pragmatic properties, and the combination of certain features into a new whole. He also analyzes lexemes, clichés, and phraseologisms and their semantic and syntactic functions in Newspeak.

Works from the 1990s and early 2000s tend to focus on lexicosemantic aspects. Most relevant to the present study is Joern-Martin Becker's *Semantische Variabilität der russischen politischen Lexik im zwanzigsten Jahrhundert* (Becker 2001), which examines Russian political vocabulary diachronically throughout the twentieth century in an attempt to identify and describe regularities and semantic changes. It also includes a survey of the connections between linguistic changes and the political context, while semantic variation is identified through a synchronic description of regularities and the analysis of lexicosemantic units and groups in the actual use of vocabulary. Becker also demonstrates the connection between semantic variation and extralingual processes.

One central semantic analysis focuses on the notion of *демократия (democracy)* and the related lexemes *демократ (democrat)*, *демократический/демократичный (democratic)* (Becker 2001:169–227). The etymology of the word is followed by a comparative analysis of various dictionary definitions and an analysis of examples from a text corpus compiled by the author that distinguishes the following meanings: power of the people (power), power of the people (government), political order, political principle, democratic organizational principle, democratic state, supporters of democracy, democratic party/group, democratic ideology, democratic actions. The examples also show the prevalence of different meanings in different periods and the lexicosemantic changes that have occurred in the twentieth century. Becker concludes that the ideological polysemy of *демократия (democracy)* has to do with the fact that it is essentially an ideologically empty cliché that can be inserted into various contexts as needed or desired.

From his analysis of the semantic shifts and polysemy of concepts such as *элемент* (*element*), *буржуазия* (*bourgeoisie*), *кулак* (*kulak*), *пионер* (*pioneer*), *лагерь* (*camp*), *товарищ* (*comrade*), *социализм* (*socialism*), *фашизм* (*fascism*), and *коммунизм* (*communism*) the author concludes that the revolutionary changes that occurred in the twentieth century have been generated not by the lexicosemantic system, but rather by politics and its influence on economic, social, and cultural life. Thus “reductions after 1917 have affected not the linguistic system, but *parole*, that is, political discourse as both oral and written forms of *speech*” (Becker 2001:273). Political discourse is significantly affected by changes in the extralinguistic sphere. For example, in the 1920s the mass media were put under the exclusive control of a single political party, and an obligatory lexicosemantic subsystem was created for all of them.

Becker’s lexicosemantic analysis of the material concludes that significant semantic changes have occurred in twentieth-century political vocabulary. He regards these as an evolutionary process in which extralinguistic factors do not directly cause but merely create the conditions for shifts in meaning. Russian political vocabulary underwent various changes between 1917 and 1992, including an influx of borrowing and neologisms, the expansion and contraction of meanings. Most interesting to the present study are the semantic shifts that have taken place in concepts such as *демократия*, *фашизм* (*fascism*), *элемент* (*element*) during the Soviet period.

In the 1990s and early 2000s scholarly interest has focused on post-Soviet political discourse, although some works study political language of the Soviet period as well. In *Totalitarnyi iazyk: slovar’ i rechevye reaktsii* Natalia Kupina (1995) analyzes notions of the 1930s and their semantic spheres, tracing the process of transformation into mythologeme supertext. Her principle lexicographical source is Ushakov’s *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka* (1935–1940), the first multivolume explanatory dictionary of the Soviet period. Of interest to the present study is her division of totalitarian language into several stages and her analysis of the supertext of mythologemes, especially the means for manipulating linguistic consciousness.

The 1990s also saw the publication of dictionaries describing the vocabulary and phraseology of Soviet and post-Soviet political discourse, most significant among which are two works that analyze political metaphor: *Russkaia politicheskaia metafora* (Baranov and Karaulov 1991) and *Slovar’ russkikh politicheskikh metafor* (Baranov and Karaulov 1994). Both dictionaries compile and attempt to systematize and structure the political metaphors used in the perestroika and post-perestroika periods. Important in my view is the fact that the authors approach this material from a neutral scholarly perspective and eschew evaluative or subjective viewpoints. The works are of considerable value to the present study, whose analysis of

the metaphors of *Pravda* editorials is abased on the models presented there.

Valerii Mokienko and Tatiana Nikitina's *Tolkovyi slovar' iazyka Sovdep'ii* (1998) treats sovietisms, explaining them from both official and unofficial points of view and tracing their post-Soviet history. They can be divided into three groups, the first of which is semantic and includes new socio-political meanings and nuances of originally non-ideologized words such as *белый* (*white/White Guard*), *беседа* (*conversation/talk*), *вожак* (*leader*), and *пионер* (*pioneer*). The second consists of new words created in various ways to denote phenomena of Soviet reality such as *новостройка* (*construction of new houses*), *новояз* (*newspeak*), *совок* [explanation follows], etc. The third group includes stereotyped nominations conveying ideological mythologemes such as *вождь мирового пролетариата* (*Ленин; the leader of world proletariats, Lenin*), and *наш вождь и учитель* (*Сталин; our leader and teacher, Stalin*). The dictionary also features collocations symbolizing the Soviet period such as *священный долг* (*sacred duty, i.e. military service*) and *материальное благосостояние* (*economic well-being*) and attempts to define the functional style and place of sovietisms on an emotional evaluative scale. There are also a significant number of abbreviations, which is especially important and interesting to readers unfamiliar with the language of the Soviet period.

The entry for *Совденция* can serve as an example. It is defined as follows: 1. *Советская страна* (*Soviet country*). 2. Разг. Пренебр. *То же, что совдеп 2* (colloquial, slighting. The same as *sovdep 2*). *Совденция 2* is explained as *советская власть* (*Soviet power*); *советская государственная система* (*Soviet state system*). The word is illustrated with two examples, but the entry communicates virtually nothing about the history of the word, its currency in different historical periods, or its connotations at various times.

The word *Совденция* (*Sovdepia*), used by the Whites during the civil war and in the 1920s to denote the "land of the Soviets," is a contraction of "Soviet of workers, soldiers (later Red Army) and peasant *deputies*," -ия added by analogy with the names of other countries: *Франция* (*France*), *Англия* (*England*). Mazon (1930:32) notes that the suffix gave the word negative and ironic connotations, but Raisa Rozina (1995:108) maintains that the suffix itself is neutral and that the negative nuance comes from the stem to which it is attached. She observes that besides negativity, *sov-* also has a connotation of "Other" (*ibid.*). The opponents of the new regime used it in contexts speaking of an alien country and a new alien language, a country from which people fled or were driven. Later in the 1920s *Совденция* almost ceased to be used, but there arose other words with the component *сов-* such as *Софья Власьевна* (*Sofia Vlasievna*), an allegorical reference to the *Soviet power/regime* (*советская власть*), which in the 1960s was succeeded by *Софка* (*Sofka*). *Совденция* became current again in the 1980s, at about the same time that another word

became widespread – *совок* (*sovok* means also *scoop*, *dustpan*), the suffix *-ок* added to a truncation of *Советский Союз* (*Soviet Union*).

The above example illustrates the need for more detailed entries and the value of a diachronic approach. The material would have been significantly more interesting if it had been presented from the perspective of a neutral observer. The description of several words in the dictionary are used in the analysis below of *Pravda* editorials.

The dictionary *D.S.P.: materialy k russkomu slovariu obshchestvenno-politicheskogo iazyka XX veka* (Guseinov 2003) compiles materials from both the Soviet and post-Soviet periods. It attempts to describe the notions of the latter as an independent cultural and historical phenomenon and to demonstrate the influence of the Soviet era on post-Soviet language. The first section deals with the 1990s, while it is the second, which treats words of the Soviet period that is of interest to the present study.

Most entries begin with a brief description of the word followed by illustrative examples arranged in a definite order: the official version, then an analysis of the practical use, and finally a complete rejection of the official usage (Guseinov 2003:10). A number of entries are not analyzed but merely illustrated by quotations. The question arises here as to why only an interpretation is given in some cases, whereas others have only examples, and yet others are both analyzed and illustrated. For example, the entry for *пятидневка/пятидневная рабочая неделя* (*five-day work week*) is not explained but merely illustrated with a quotation. No other information about the five-day work week in the Soviet Union is provided that could indicate to the reader when it existed and what it meant in different periods. The crucial point in this particular case is the difference between the five workdays followed by one day off in the 1930s and five workdays followed by two days off in the 1960s.

The dictionary does not describe the stylistic differences between concepts during various periods. Thus the section dealing with the Soviet era includes such entries as *Горбушка* (*Gorbushka*)⁹ or *сбледнуть с лица* (*get frightened*). There is no explanation of the selection principle, however, and it is questionable whether non-standard vocabulary should be classified as Soviet realias.

Interest in Russian political metaphors and vocabulary has remained high into the present century, as is evident from the following two works. Amarzaiaa Dorlingiin's dissertation *Sovremennyi russkii politicheskii diskurs: leksiko-semanticheskii aspekt* (Dorlingiin 1999) analyzes lexicosemantic aspects of post-Soviet political discourse such as evaluation, nomination, borrowing,

⁹ Originally *Gorbushka* was a black market for tape and video recordings and cassettes. The name *Gorbushka* originated from the Gorbunov Palace of Culture, which was located nearby.

and metaphor. In the area of evaluation and nomination particular attention is given to changes in Communist ideological vocabulary. In the post-Soviet period the clear differentiation between positive and negative evaluation has weakened; the same lexical unit can be used positively or negatively depending on party or group membership, political outlook, and so on. Borrowing takes place in basically two directions – external and internal. The first group includes foreign loans – generally anglicisms – and the second consists of borrowings from the low style. In the 1990s, foreign words borrowed earlier such as *спикер* (*speaker*), *истеблишмент* (*establishment*), *лоббировать* (*lobbying*), and *имидж* (*image*) have often acquired new connotations. Metaphors are examined on the basis of the models proposed by Anatolii Baranov and Iurii Karaulov (1991, 1994). Metaphor has changed in comparison with Soviet political language and is now used as a means of evaluation and shaping opinion. Dorlingiin concludes that the role of metaphor as a means of figurative nomination in Russian political discourse has decreased in significance.

In her dissertation *Lingvokognitivnye osobennosti metafory v politicheskom diskurse* Anna Stepanenko (2001) describes the features of certain Russian and German political metaphors from various theoretical perspectives. Metaphor is understood as “a figurative expression that has arisen from a cognitive process in mental space and consists in a conceptual transfer from the source area to the goal area and a subsequent projection onto a mixed space, which generates a new concept and a new view of the object or phenomenon” (Stepanenko 2001:205). Materials consist of a corpus of 200 utterances by contemporary Russian and German politicians selected from various printed sources in Russia and Germany. The objective of the study is to classify types of metaphors and to differentiate between usual metaphors in general use and occasional, original metaphors. Stepanenko concludes that occasional metaphors are relatively rare, which is explained by the fact that the frequent use of an occasional metaphor lowers its value and pragmatic impact. In addition, because politicians need to be intelligible to their audiences, they are inclined to use easily accessible metaphors. The analysis distinguishes pragmatic, cognitive, and referential functions of metaphors in political discourse, as well as the role they play in preserving and conveying national self-awareness, traditions, history, and culture.

Most interesting for the present study is Stepanenko’s discussion of the relationship between usual and occasional metaphors, as the analysis below includes consideration of these groups and changes between them from the 1920s through the 1950s.

Other recent works focus on such aspects as semiotics and sociolinguistics. Elena Sheigal’s *Semiotika politicheskogo diskursa* (Sheigal 2004) takes an interesting semiotic and culturological approach. The object of her analysis is the semiotic space of political discourse, including verbal and non-verbal

signs, a thesaurus of precedential utterances, models of typical speech acts, and the concept of typical communication genres. The section providing a general description of political discourse considers system-forming features such as the predominance of a mass addressee, the dominant role of emotion, conceptual vagueness, esotericity (secretive language),¹⁰ the indirect nature of political communication in the mass media, and the theatricality and dynamism of political language. Also analyzed are the basic culturo-linguistic concepts of *власть* (*power*) and *политика* (*politics*) and the typology of the signs of political discourse, which is structured according to the following criteria: verbal – non-verbal signs (artifacts, graphic symbols, behavioural signs), connotative markedness (referential signs proper are contrasted with connotatively marked affectives), degree of abstraction of the referent, and stability in the cognitive base of the native speaker of the language. Besides the study considers the speech acts of political discourse and intentional characteristics such as euphemization and de-euphemization as strategies for deviating from the truth.

The generic space of political discourse is structured on parameters such as institutionality, subject-addressee relations, sociocultural differentiation, event localization differentiation, and field and functional structure. Materials analyzed include the inaugural address, the slogan, and the political scandal as a form of political narrative (a combination of primary and secondary discursive formations of various genres).

Sheigal's research on the semiotic organization of political discourse is relevant to the present study. Particularly interesting are the sections analyzing different genres and the intentional features of political discourse such as euphemization and speech acts, topics that will be treated in greater detail below.

Michael Gorham (2003) concentrates in his study on changes in language culture during the period of over 70 years. He focuses his attention mainly on cultural issues but his analysis of linguistic aspects are of considerable interest for my study.

Politicheskii diskurs Rossii (1998–2005) is the yearbook of a continuing seminar at the Linguistic Institute of the Russian Academy of Sciences that compiles communications and discussion materials relating to the functioning of political discourse in contemporary Russia. Interdisciplinary in scope, the publication treats such topics as political figures' portraits and self-portraits, the semiotics of the sign, gender, and other problems in contemporary political discourse.

¹⁰ This category includes such strategies as euphemism, deliberate circumlocution, allusion, hints, and citing rumors.

0.2.5 Political discourse of East European countries

From the 1940s through the 1970s, Soviet political discourse influenced the discourses of the socialist countries in Eastern Europe. Among these the Polish language of propaganda, *nowomowa*, sometimes called *język propagandy* (the language of propaganda), is known far outside the field of linguistic research. The description of Polish political discourse started among Polish emigrants (e. g. Karpiński 1984), but in the early 1980s studies of *nowomowa* addressing questions such as the use of Polish for manipulative purposes began to appear in Poland as well (for example, *Novo mowa* 1985). The most important contribution to the research of Polish totalitarian language was Michał Głowiński's *Nowomowa po polsku* (1990). According to Głowiński, a totalitarian language is characterized by the predominance of sign over meaning. It also connects pragmatic and ritual elements and uses esoteric words to create rather than describe reality. It excludes the interchange of different views and can also function as a universal metalanguage, as it must be used uncritically. Another Polish scholar, Jerzy Bralczyk, has studied Polish political discourse in a number of works, most important of which is his monograph *O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych* (Bralczyk 1987), which analyzes the basic informational, ritual, declarative, and persuasive functions of Polish propaganda language in the 1970s. Addressed as well are the linguistic and rhetorical means by which these functions were expressed in the light of both extralinguistic factors and semantic and pragmatic properties of the texts.

The political discourse of other East European countries has also received attention. Czech totalitarian language, often called *komunistický jazyk* (communist language) or *oficiální jazyk* (official language), for example, has been studied by several scholars, among them Petr Fideles (1983), and there is Horst Dieter Schlosser's important work on East Germany *Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie* (Schlosser 1999).

The above survey of the scholarly literature clearly indicates considerable interest in political language. Much has already been accomplished, but inadequately studied areas remain, among them the process by which the language of revolution was gradually transformed into totalitarian language. The present study proposes to trace this evolution as reflected in the editorials of *Pravda*.

Methods of research and genres of political discourse

1.1 Methodologies

Before analyzing the *Pravda* editorials that constitute the principal object of study it is necessary to determine their place among the genres of political discourse. To do so requires at least a brief review of the basic principles that can serve as both the theoretical foundation of genre classification and possible approaches to their study. Here I will identify the theoretical framework of various approaches and the research method itself.

1.1.1 Discourse analysis

The term discourse is broad in meaning, and there is no single clear and universally acknowledged definition that would cover all of its uses. According to Alec McHoul (1994:940),

“discourse,” used as a mass noun, means roughly the same as “language use” or “language-*in-use*.” As a count noun (“a discourse”), it means a relatively discrete subject of a whole language, used for specific social and institutional purposes – as in “the medical discourse of the middle ages.”

This definition serves the purpose of the present study, as what is being analyzed here is not discourse in general, but a specific institutional discourse possessing its own sub-language of vocabulary, phraseology, syntax, structure, and rhetoric.

There are three main currents in contemporary discourse analysis: the formal linguistic approach, the critical approach (discourse as power/knowledge), and the approach based on Jürgen Habermas’s theory, which involves a critical examination of the values, norms, and rules of social life.

The formal approach is the most direct descendant of Zellig Harris (1952) and Terence Mitchell (1957). In contemporary linguistics *discourse* is close in meaning to the notion of *text*. *Discourse* underscores the dynamic character of linguistic communication, whereas *text* is thought of as a mainly static object, the result of linguistic activity. The move from the notion of

speech to the concept of discourse is connected with an attempt to introduce a third element into Saussure's opposition of *langue* and *parole*. Thus Nina Arutiunova (1990:137) notes that "discourse is speech immersed in life". Often *discourse* includes both the dynamic process and the result of linguistic activity in its social context. Researchers using this approach are concerned with such problems as the development of traditional concepts of speech, text, and dialogue text linguistics, for example, including text grammars.

The critical approach is associated especially with the French school of discourse analysis influenced by Michel Foucault, Jacques Derrida, Michel Pêcheux, and Michel de Certeau, where the term *discourse* is used "to refer to relatively well-bounded areas of social knowledge" (McHoul 1994:945). This approach attempts to refine traditional concepts of individual language and style in the broad sense. It takes *discourse* to mean manner of speech obligatorily modified by *what kind of* or *whose*; that is, the focus is not on discourse in general, but on its specific variations as defined by a wide set of parameters such as linguistic properties, style, and thematics. This research area is connected primarily with sociology.

Discourse is also approached as a type of speech communication based on Habermas's philosophical approach. The central issue here is the critical examination of the *values, norms, and rules of social life*, and the only aim of communication is to achieve mutual understanding. Studies using this approach are connected with logic, philosophy, sociology, and social semiotics.

Speaking of discourse analysis in linguistics, Teun van Dijk (1985:1) notes:

One of the prevailing features of discourse analysis appears to be the explicit account of the fact that discourse structures, at several levels, may have multiple links with the context of communication and interaction. Discourse analysis, thus, is essentially a contribution to the study of language "in use". Besides – or even instead – of an explication of the abstract structures of texts or conversations, we witness a concerted interest for the cognitive and especially the social process, strategies, and contextualization of discourse taken as a mode of interaction in highly complex sociocultural situations.

One of the possible studies of "language in use" mentioned by van Dijk involves the description of a specific political discourse, which is the focus of the present research. Van Dijk goes on to stress the relevance of this area of research:

As long as we dealt with abstract grammars, sophisticated formalities, or idealistic speech act theories, our preoccupations were possibly respected or admired, but further ignored, in the majority of the social sciences. Now that we claim to have better insights into the nature of actual language use, and

into the intricate relations between discourses and social situations and institutions, we may have to deliver more than just another sophisticated theory or fancy description. (Van Dijk 1985:30)

1.1.2 The analysis of political discourse

Unlike general discourse studies, scholars of political discourse analysis use two basic approaches – descriptive and critical – but there is no clear-cut boundary between them. The descriptive approach derives from classical rhetoric as presented, for example, in Aristotle's *Art of Rhetoric*, Cicero's *On the Public Speaker*, Quintilian's *Training for Public Speakers*, and the anonymous *Rhetoric for Gaius Herennius*. In contemporary linguistics this approach is concerned with observing and analyzing on the phonological, lexical, syntactic, pragmatic, and textual levels the behaviour of politicians, particularly the persuasive, deceptive, and manipulative aspects of their language (Holly 1989, Atkinson 1984, Baranov and Parshin 1986, Mikhal'skaia 1996). Content analysis, which is another current within the descriptive approach, focuses on the content aspect of political speeches. Together with cognitive mapping, it is used to determine the cognitive disposition of politicians as evident from their value dominants, inclination toward conflict or cooperation, and so on (Chilton and Ilyin 1993, Pfau et al. 1990, Volkova 2000).

Another descriptive approach reflecting the Marxist notion that ideology and language are interrelated (Althusser 1971) examines the linguistic or textual characteristics of various ideologies and studies the means by which totalitarian systems control language, the mass media, and public information.

Most linguistic studies using the descriptive approach have a lexico-semantic focus and devote considerably less attention to other aspects. Important in this approach is the positivistic epistemological position of the researcher, which prescribes neutrality and the avoidance of personal viewpoints or values.

The critical approach to the analysis of political discourse presupposes not the viewpoint of a neutral observer but the power of the individual subject. The researcher, therefore, adopts a critical position to study the social inequality expressed in discourse through, for example, the use of language as means of exercising power and social control (Fairclough 1989, 1992, 1995, van Dijk 1985, 1997, 1997a, 1998, 2002, Wodak 1989, 1996, 2002). Subject position is an important concept in this approach, subject being understood in both a political and a quasi-grammatical sense. In the first meaning "a person is a passive 'subject' in a political jurisdiction" (Chilton 1994:3219), whereas in the second "a 'subject' is (at least in many sentences) the active 'doer'" (ibid.). The aim is to show how various discourses simultaneously define and shape the subject as a social actor. The critical approach examines different aspects of pragmatics such as speech

acts and conversation analysis, since it is concerned with language-in-use as a form of social action, as shown in Norman Fairclough (1989).

Another theoretical current is the cognitive approach, which models the consciousness structures of participants in political communication through an analysis of the frames, concepts, metaphorical models, and stereotypes underlying political prejudices, etc., and also examines the interrelationship of language and ideology (Fowler 1991, van Dijk 1997, Baranov and Karaulov 1991, 1994).

The methodology of the present monograph combines elements of the descriptive, critical, and cognitive approaches. The terms *political discourse*, *language of politics*, and *political language* are used synonymously. *Political language* is employed in the sense of Baranov and Kazakevich (1991:6):

Political language is a special sign system intended specifically for political communication to develop public consensus and the acceptance and justification of political and sociopolitical decisions.

1.1.3 Pragmatics: speech act theory

The foundations of speech act theory were laid by the philosopher John Austin in his book *How to Do Things with Words* (Austin 1962) and developed further by a number of scholars, among them John Searle (1969, 1979). Austin noted that certain verbs in the first person singular annul the truth of the entire sentence (that is, the sentence ceases to be true or false) and instead themselves perform an action. Austin calls these verbs and the sentences containing them performatives, or simply speech acts, to distinguish these utterances that change or create a state of affairs from constatives, or ordinary utterances, that simply describe reality. Because speech act theory focuses mainly on an analysis of the illocutionary forces or function of speech acts, these are also called illocutionary acts. Austin distinguishes between locutionary, illocutionary and perlocutionary acts. A locutionary act has meaning; it produces an understandable utterance. An illocutionary act has force; it is informed by a certain tone, attitude, feeling, motive, or intention. Searle introduced the notion of perlocutionary effect (1969:25), i. e. consequences or effects that perlocutionary acts have on actions, thoughts, beliefs. This is an important concept in political discourse analysis in particular, because it points to the potential discrepancy between intended effect (that is, effect that some hearers may infer to be intended) and the effect actually achieved.

Austin (1962) proposed the following taxonomy: verdictives, exercitives, commissives, expositives, and behabitives (formulae based on social etiquette). Later Searle (1979) suggested a classification that included five types of speech acts: representatives, directives, commissives, declarations, and expressives.

- Representatives (also called assertives) are acts that maintain, deny, answer, object, insist, foretell, preach, etc.
- Directives are attempts to get the hearer to do something, and include such verbs as ask, order, command, entreat, invite, and advise.
- Comissives are acts that commit the speaker to some future course of action: promise, pledge, give one's word, vow, swear, guarantee, plan, etc. Searle has borrowed this class of speech acts directly from Austin.
- Expressives are acts that express emotional states: thank, congratulate, apologize, and commiserate.
- Declarations are acts that bring about a change in reality: to name, christen, pronounce husband and wife, decree, and resign.

Searle (1979:31) also distinguishes a class of indirect speech acts in which one act is performed indirectly by performing another act. In this case the speaker's utterance can express not only what it directly means, but also something else. For example, in the use of metaphors, irony, and hints, the meaning of the utterance and the meaning of the sentence do not coincide. There is also an entire category of utterances in which the speaker implies what is directly contained in the utterance but also implies something more.

In his examination of speech acts in political discourse, Paul Chilton (2004:31) notes the dependence of certain of them on social and political factors. The success of such speech acts as the pronouncement of a sentence, a christening, or an official announcement directly depends on whether the speaker possesses the necessary power, that is, whether the speaker and the act have *legitimacy*. The same is true of speech acts such as *threatening* and *warning*, which figure significantly in political discourse. According to Chilton (2004:32), "physical resources backing up the capability are clearly important, but, since such resources are not always visible, it is the verbal communication that becomes crucial in political interaction."

Elena Sheigal (2004:217–31) applies speech act theory to Soviet and post-Soviet political discourse. She approaches speech acts in the discourse of the 1990s from various angles:

- as political performatives typical of certain types of communication (performatives of trust and mistrust, support, choice, demand, and promise)
- as high-frequency acts for certain types of communication (exhortation, promises)
- as a reflection of the semiotic triad of integration – orientation – agonality/aggression

Speech acts of integration include apotheoses and calls for unity. Examples of speech acts of orientation are such things as slogans as programmatic

declarations and acts of prognosis. Agonal acts include behavioural regulatives (exhortation, demands) and argumentative acts.

Besides, the following speech acts are described in totalitarian political discourse: categorical, actionally oriented directive acts in which the addressee has no freedom to choose alternative action; acts of positive self-evaluation, including boasting; acts of negative evaluations of partners, including a negative evaluation of their activities or competence; acts of humiliation, insult, threats, irony, and mockery (Pushkin 1990).

The approaches listed in this section often focus on speech acts corresponding to relatively brief text fragments. Such fragments will be examined in Chapter 2 in connection with the analysis of the text of editorials. At present, however, it is necessary to address the classification of entire texts or clearly demarcated excerpts that perform a special function in discourse and are amenable to specific methods of analysis.

1.2 The genres of political language

Generic studies of texts consider the structure and content of messages and place them into distinct classes, each of which exerts a constraint on both the speaker or writer and the audience. Political discourse also has a number of genres that preserve social order by constraining the speaker and the audience through accepted norms, tastes, and values. For this reason political discourse must be studied closely from the point of view of different genres. Until recently, however, this problem has not been a focus of research, and scholars of political discourse have tended instead to concentrate on a single genre analyzed as political discourse in general.

Sheigal's study is interesting in this respect, for it contains a chapter devoted to the generic space of various genres within political discourse (Sheigal 2004:232–86). One of the parameters of the analysis, for example, is the axis of institutionality/officialness, along which are located the following genres of political communication: unofficial conversations about politics, samizdat flyers and graffiti, citizens' telegrams and letters, political scandal, press conferences, public political debates, political documents such as laws and decrees, international negotiations, and official meetings (*ibid.*, 233–34). With respect to subject-addressee relations, communication is classified as institutional and extrainstitutional. Each of these groups is divided into several subgroups. Sociocultural differentiation is considered on the basis of political sociolects and event localization. Prototypical genres such as parliamentary debates, public speeches by politicians, slogans, and voting are at the center of political discourse, while marginal ones such as everyday conversations, interviews, analytical articles, jokes, letters to the editor are on the periphery

(Sheigal 2004:24). Criteria determining the prototypicality of a text include the struggle for power as its principal intent, its primacy, and the absence of intersection with other types of discourse. Two opposite genres of political discourse and their functions – the inaugural address and the slogan – are analyzed in greater detail, and attention is given to political narrative as an aggregate of discursive formations of various genres concentrated around some political event.

Sheigal's overall classification is difficult to apply to newspaper genres. *Pravda* carries political texts that vary considerably in length, including grandiose speeches extending over several columns, the texts of laws, court verdicts, and – in declining order of text mass – rather long articles on the lower part of the page, editorials, signed articles, letters to the editor, news reports, slogans and slogan-like sentences usually set off in boldface, and finally, very short captions beneath cartoons. Headlines and article headings play a special role in the paper and therefore will be considered as a separate subgenre.

1.3 The editorial as a genre

According to Sheigal's classification (2004:244–45) the editorial is a prototypical political discourse genre, since it is an immediate instrument in the political struggle of the party that it represents and occupies a leading position in political communication. The history of the editorial as a genre in Russian journalism has been described in detail by Andrei Root (1980). Dating from the 1850s and 1860s, the first political editorial is considered to be Aleksandr Herzen's leading article in the first issue of *Poliarnaia zvezda*, which appeared in London on 20 August 1855. The first editorials within Russia were by Pavel Usov and Konstantin Aksakov, writing in the newspapers *Severnaia pchela* and *Molva*, respectively. Mikhail Katkov also used the editorial in his *Moskovskie vedomosti* as the main vehicle for his polemics with Herzen (Koz'min 1948:60–66; Shuvalova 1957:138–40, Alekseev 1963:68, Berezin 1965:54–55, Esin 1967:37).

The term *передовая статья* (*editorial*) as a synonym of *руководящая статья* (*leader, leading article*) was first used by Vladimir Dal' in the third volume of his dictionary, which appeared in 1865, and in the press it was first mentioned in *Molva* in 1857. Konstantin Aksakov wrote:

On the basis of literary rumors, some people have counted me as an editor of *Molva*. I consider it my duty to explain, that I am not an editor. My standing collaboration in the newspaper is limited to the editorial section. Unsigned editorials have been written by me. (*Molva* 1857)

The emergence of the editorial genre was clearly influenced by the European

press, where leading articles began to appear more and more regularly by the eighteenth century. The crucial juncture was the French Revolution, an illustrative example being Jean-Paul Marat's paper *L'ami du Peuple*, but the tradition did not become firmly established until the first half of the nineteenth century with the appearance of the modern daily, which erased the difference between papers publishing news and those carrying only commentary. An example is *The Times* in London under the editorship of Thomas Barnes (1817–1841).

The objectives and properties of Soviet editorials were defined in 1922 in the Central Committee letter “On the Layout of Local Newspapers”:

1. Editorials: 80 to 120 lines. Specific content based on definite events and facts, often from local political and economic life or republic level, only exceptionally international.
2. A second, matter-of-fact article dealing with questions of local construction (*Sovetskaia pechat' v dokumentakh* 1961:222)

The letter indicates two types of articles – “a leading and second article” or “editorial and subeditorial” (передовица и подпередовица) – and dictates that they should provide guidance, direction, and basic line of behaviour.

The post-Soviet period has witnessed studies that subject the materials of political editorials to linguistic analysis. Thus in her study of editorials in right-wing Russian and German newspapers Galina Koshcheeva concludes that their system of functions constitutes a “hidden directive” (Koshcheeva 2001:56–57). She distinguishes three basic functions: communication, information, and influence. The communication function – the syntactic or systemic function – is performed through monologues, dialogues, and expressiveness. Information – the semantic function – is expressed in the text through composition (headline, introduction, body, and conclusion). Influence – the pragmatic function – is realized through various forms of description, information, and arguments. The function systems have two levels – an internal (textual) and external (linguistic).

As an example of the analysis of the editorial as a genre we can take Ingrid Westin's monograph *Language Change in English Newspaper Editorials* (Westin 2002), which examines changes throughout the twentieth century based on materials drawn from three British dailies – *The Telegraph*, *The Guardian*, and *The Times*. Westin (2002:10–11) considers that at least four questions must be addressed before compiling a text corpus for diachronic study. First there is the matter of selecting newspapers, followed by delimiting the period to be examined. The third and fourth questions have to do with the intervals separating selected materials and determining what sampling pattern to use. The above three newspapers were the main British dailies at the beginning of the twentieth century. During the course of the period under study the political views and readership of the publications changed, which makes it possible to trace certain linguistic changes as well. The work exam-

ines discursive words, grammatical markers, and shifts that have occurred in English editorials over a period of 90 years. Materials are studied in one-year periods at a selection interval of 10 years, the 20-year interval used in one of Westin's previous studies having proved inadequate. The corpus is selected on the basis of a "constructed week": one Monday in January, followed by a Tuesday in February, a Wednesday in March, and so on, which provides a representative linguistic pattern over the course of the year. Editorials from a real week might be devoted to a single political event or theme such as elections, war, or the budget, resulting in a distorted linguistic picture. The volume of materials is an important factor for a quantitative study such as Westin's. The frequency of features chosen for the investigation was estimated with the help of statistical tools. These features include lexical, grammatical and syntactic markers of information density, explicit reference and narrative, argumentative, and abstract discourse. The analysis shows that English editorials became more informal, more integrated and lexically more specific and diverse. Sentences became shorter and the use of passives was reduced. Narrative style gradually decreased and was replaced by a non-narrative style. In contrast, information density increased. Despite clear stylistic differences among them, all three newspapers showed a growing acceptance of informal language.

1.3.1 *The history of Pravda*

Pravda was founded in 1912 by Vladimir Lenin, who until 1914 was the actual editor and leader of the paper. After the October Revolution on 25 October (7 November) 1917 it began publication as the central organ of the Central Committee of the Russian Social Democratic Party (Bolsheviks). In 1918 it became the organ of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), in 1925 that of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and in 1952 the organ of the CPSU Central Committee.

Irina Lysakova (2005:14) notes that the two main principles followed in developing the Soviet press were Marxist views on the division of labour in the print media and the Leninist principle of democratic centralism. In addition, the necessity of differentiating newspapers was addressed in a resolution of the twelfth congress of the Russian Communist Party in April 1923:

Having at its disposal an entire network of newspapers, the Party must more or less precisely delegate among them spheres of activity in order that each newspaper address primarily a definite stratum of mass readership. (Klemanova 1972:92)

Gradually a system of newspapers emerged in which *Pravda* occupied the principal position among the central non-specialized political publications

and was allotted the leading role in ideology, economics, and domestic policy. Thematic foci included theory and propaganda and the leadership role of party organizations, as well as internal party matters, economics, industry, agriculture, education, science, public health, and so on. In his analysis of Soviet newspapers Jeffrey Brooks (2000:15) describes a hierarchy that was formed as early as the beginning of the 1920s. *Pravda* and *Izvestiia* were distinguished as elite newspapers from other “mass” newspapers.

Foreign policy was treated in *Pravda* only from the perspective of the Soviet Union in the international arena. The leading role in explaining international questions was instead given to another central publication, *Izvestiia*. Directly subordinate to the Central Committee, *Pravda* was a vehicle of party policy. It was headed by an editorial board approved by the Central Committee, and the editor-in-chief was a Central Committee member. The special position of the newspaper is also evident from the fact that other Soviet publications reprinted its editorials, but *Pravda* never reprinted theirs.

1.3.2 Periodization and selection criteria

The goal of the present study is to demonstrate on the basis of *Pravda* editorials the evolution of the Soviet political language between the 1920s and 1950s and to trace the rhetorical and linguistic changes that occurred during this period, illustrating the transformation of the language of revolution into totalitarian language.

Scholars of political discourse propose various criteria for periodization. In his article “Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion” Weiss (1995:345) suggests one classification based on important political events such as Lenin’s death, collectivization, the Great Patriotic War, the Twentieth Congress of the CPSU, but notes that such an arrangement is not suitable for a linguistic analysis. A more effective method of discovering historical changes is to analyze materials on various levels – morphological, syntactic, semantic, pragmatic, and stylistic. The more changes in a short time span, the more reason there is to classify this stretch as a separate period.

A number of other studies also stress that Soviet political language has gone through several stages of development. Thus Natalia Kupina (1995:138) considers that the Stalin era was the heyday of Soviet totalitarian language, while early perestroika marks its decline. Her conclusion, however, does not address the later period but is based on a study only of 1930s language.

In selecting the period to be studied I have proceeded from the assumption that Soviet political discourse was fully developed by the end of the 1950s. Beginning with the 1960s and to the end of the Soviet era, it underwent insignificant changes and in this form went by different appellations in

different languages: *langue de bois*, *totalitäre Sprache*, *the language of dictatorship*, *newspeak*, *nowomowa*, *nowoiaz*, *Betonstil*, *Lingua Sovietica*. This is the period studied by most researchers, but there is reason to maintain that Soviet political discourse developed gradually. The basic changes took place at the turn of the 1920s and 1930s, when the language of revolution gradually became totalitarian language. The final stage of evolution came at the end of the 1950s, followed, as mentioned above, by minor changes into the 1980s. Weiss (1995:384) is of the same view. He concludes that the starting point in the evolution of Soviet political discourse was the agitational style, which in the 1920s and 1930s was increasingly crowded out by ritualistic and bureaucratic elements. The final stage was the language of the Brezhnev period, which basically remained unchanged until the end of the Soviet era. With these considerations in mind, the period under study has been limited to the 35 years between 1924 and 1959.

Articles were selected according to the type of analysis employed in the study. They are analyzed with respect to logico-compositional structure and style, not only on the level of the individual article, but also on that of the corpus as a whole in a given period. Texts were compiled in chronological order to be able to distinguish certain compositional and stylistic elements such as leitmotifs at the corpus level. Materials must also be of sufficient scope to provide a rhetorical and linguistic picture of a particular period. As was also noted by Westin (2002:11) there is some risk in such an approach that results may not fully correspond to the overall linguistic picture of a particular period, since a single important political event can eclipse other themes. I have attempted to minimize this danger and yet take into account the special features of the present study by selecting for each period editorials for one calendar month, excluding months marked by significant events such as May Day or anniversaries of the October Revolution. Avoided as well were the “quiet” summer months, in which as a rule little happened. The ideal month in this respect was October, except when too many editorials were devoted to the same event or theme, in which case March of the same year was substituted. The corpus includes texts from the following periods: March 1924, October 1928, October 1933, October 1939, October 1949, and March 1959. Also taken into account was the fact that the holdings in Scandinavian libraries were insufficient and that copies were not obtainable from Russian libraries. For this reason intervals of 5 and 10 years could only be observed approximately. The poor physical quality of the materials made computer scanning of the corpus impossible.

Materials consist of 174 editorials.¹¹ For each period a corpus of rheto-

¹¹ In 1924 only 24 issues appeared monthly; in 1928 *Pravda* was not published on Sundays. In 1933, 1939, 1949, and 1959 it appeared daily.

rical devices has been compiled that serves as the basis for stylistic analysis. Since the present study of editorial texts is qualitative rather than quantitative in nature, I consider the scope of materials to be sufficient.

The choice of *Pravda* was motivated by the prominent role the paper played in political discourse throughout the Soviet period. The language of editorials generally reflects the language of society. Considering the special position of *Pravda* among other newspapers, it can be stated that the language of the Party organ set the tone for Soviet political discourse as a whole, and that therefore the findings of the present study are applicable to the discourse of the period it addresses.

Chapters 3–6 will be devoted to an analysis of editorials texts. Chapter 2 will address the minor genres of headlines and slogans. Semantically and lexically these are similar to the texts of editorials, but because they are brief they are amenable to quantitative analysis. Brief though they are, the texts of slogans and headings possess considerable semiotic weight, and to one degree or another they colour other genres. Slogans and headings were selected from *Pravda* during four periods: 1917–1918 (November–December 1917, January–February, July–August, and October–November 1918); 1923 (the entire year); and 1933 (the entire year).

Quantitative analysis: slogans and headlines

2.1 Slogans

The slogan is a brief written text expressing a guiding idea, task, or political demand (MAS, BSE) whose purpose is to influence the addressee, that is, a perlocution according to Austin.

In his article “The Semiotics of Soviet Slogans,” Iurii Levin proposes to classify slogans on the basis of either the theme or the pragmatic-communicative aspect (Levin 1988:68–85). The two basic thematic groups are political and economic slogans, while those devoted to other themes are classified as “special.” The three groups distinguished on the pragmatic-communicative principle are exhortations, encomium, and assertions (cf. Searle 1969, 1979). Levin notes:

[...] the basic function of the exhortation is motivational (to motivate the addressee to action), while that of the encomium is magical (supernatural verbal influence on the object), and that of the assertion is didactic. But all types of slogans have a magical function. Every slogan, even a specific exhortation such as *Выполним годовой план к 29 декабря!* (*Let us fulfill the plan by 29 December!*) is to some degree an incantation. In precisely the same way, all slogans – but especially assertions – have a modeling function, for they shape a kind of “model of the world.” [...] Some slogans that use verbal tense can also have a prognostic function as *Коммунизм победит!* (*Communism will triumph!*), and all slogans also have (a secondary) ornamental function – not in the sense of “embroidered speech,” but in the sense that the slogan – both as a physical object and a vehicle of a “lofty” and “proper” content – adorns its environment.

Exhortations are characterized by a combination of imperative and appellative functions. They are most often aimed at an explicit or implicit, inclusive or exclusive recipient. Inclusive exhortations are formed with the first person plural imperative and include the sender among multiple recipients. Exclusive exhortations use the second person plural and obligatorily contain an appeal.

Encomium (glorification) are found in three forms: *да здравствует* (*long live*), *слава* (*glory to*), with the variant *честь и слава* (*honour and glory*)

to) and *пусть живет* (may live), with the variants *вечно живет* (eternally live), *живет и крепнет, процветает* (live and grow stronger, thrive). The addressees of encomium are extremely broad. Slogans of this group generally consist of a clichéd beginning such as *glory to* followed by a noun group indicating the object of the encomium, which is something highly valued in the slogan universe such as Communism, Leninism, the name and deeds of Lenin, the Great October Socialist Revolution, the CPSU, the Motherland, labour, Soviet foreign policy, the unity of Party and people, and so on. Encomium is a performative: the speech act of proclaiming glory is at the same time the act of glorifying. Levin also emphasizes the preference of a tripartite structure in these slogans, which he explains as due to the markedness of the number *three* and the connection with the prototype slogan “Liberté, égalité, fraternité.” He calls slogans such as “Мир, труд, май!” (“Peace, labour, May!”) lists, and regards them as resulting from the nullification of formulae with *long live*.

Levin classifies as assertives slogans in the form of a narrative sentence, usually with a nominal predicate. Predicates with a personal form of the verb in the future tense are less frequent. Assertives declare the high value of the object of the utterance. Their basic function is didactic in the present tense and didactic and prognostic in the future.

The interrelationship between slogans and their actual social reality, i.e. the slogan universe, can be considered from various perspectives and in different contexts. They can also be regarded as part of a wider ideological universe, that is, as very brief ideological texts addressed to a maximally broad audience, in which case they are an extremely condensed variant of current doctrine.

Sheigal (2004:256) regards the slogan as a prototypical genre of political discourse. Her analysis of Russian and American slogans of the post-Soviet period addresses aspects such as material embodiment, content features, structure, phonetic features, illocutionary features, and subject-addressee organization. She concludes that certain linguistic and pragmalinguistic properties are common to all slogans (ibid., 268–69). With regard to content, shared features include a single thematic focus, topicality, ideological prescription, explicitness, and emotionality. Properties on the structural level are brevity, unexpanded sentences, clichés, rhythm, rhyme, and alliteration. With respect to illocution slogans are classified in three categories – promotional, protest, and declarative. Conclusions are based on slogans of the post-Soviet period, which in some aspects differ from Soviet slogans, but they intersect with the latter at various points and will be used in the present study in analyzing *Pravda* editorials.

It is in fact slogans upon which Harold Lasswell – the pioneer of content analysis – based the quantitative study of texts and text masses he used for subsequent content interpretation in *The Language of Politics: Studies in Quan-*

titative Semantics (Lasswell et. al. 1949). Chapter X of this collection, entitled “Trend: May Day Soviet Russia,” by Sergius Jakobson and Harold Lasswell (Lasswell et al. 1949:233–97), examines May Day slogans from 1918 through 1943 in an attempt to identify basic symbols and on the basis of a quantitative analysis trace the changes that occurred in this area. Symbols (words and word families) are classified in eleven groups:

- I Revolutionary symbols (Communist, International, Socialist, World, Revolution, Red, Proletariat, Class, Working, etc.)
- II Anti-revolutionary symbols
- III National symbols
- IV Universal symbols
- V Domestic policy
- VI Foreign policy
- VII Social group symbols
- VIII Persons
- IX Old liberal symbols
- X Moral symbols
- XI Action symbols (Fight, Long live, Down with, Victory, etc.)

The frequency of occurrence for each group was calculated in the overall list of exhortations for the given year, followed by the share of the group in the total frequency of all groups. A single symbol can fall into two groups. Thus World and International belong to groups I and IV; Honour and Duty belong to groups IX and X. Analysis of the table on p. 246 shows that groups VII, VIII, and XI contain very heterogeneous lexical material, and the total data for these groups display no significant chronological variation. By removing the data of the group from the total frequencies, we obtain a new variant of Jakobson and Lasswell’s table in which the changes over time are even more apparent (see Table 1).

Group IV (Universal symbols) shows a thoroughly steady decreasing tendency. Group II (Anti-revolutionary symbols) also displays such a tendency, although here it is broken with some increases in 1928–1930, 1933–1934, 1937–1938, and 1942–1943. None of these small rises, however, reaches the level of the preceding increase. The behaviour of Group I (Revolutionary symbols) is very interesting. Increases in 1925–1927, 1929–1930, and 1937–1938 give way to a precipitous and lasting decline in 1939–1941, which is attributable to various factors: in 1939–1941 the “friendship” with Germany, and in 1942–1943 concealment of strategic objectives out of tactical considerations vis-à-vis friendship with the allies Britain and the United States. Had Jakobson and Lasswell repeated their study in 1949–1950, they would have found another increase in revolutionary symbols.

Years	Total frequency	Percentage of group in total frequency of groups							
		I	II	III	IV	V	VI	IX	X
1918–1920	135	27.4	20.7	5.2	15.8	14.8	8.2	5.2	3.0
1922–1924	138	27.5	23.2	3.6	10.1	9.4	22.5	3.6	–
1925–1927	397	32.0	12.3	5.0	9.6	17.4	16.4	3.3	1.5
1928	148	25.7	16.1	7.4	6.8	23.0	14.2	3.4	1.4
1929–1930	509	31.4	14.0	2.7	6.7	34.0	6.7	2.2	2.4
1931–1932	442	30.3	10.9	3.4	5.4	36.3	7.9	3.6	2.9
1933–1934	521	28.8	12.5	8.4	4.0	26.9	10.0	4.3	5.2
1935–1936	683	25.2	5.9	10.2	2.9	37.2	6.7	5.7	6.1
1937–1938	367	28.9	9.0	10.9	4.1	21.5	10.6	10.1	4.9
1939–1941	487	22.8	4.5	14.8	3.9	36.0	7.0	7.8	3.5
1942–1943	587	11.8	7.8	17.2	0.9	23.7	27.6	7.9	3.4

*Table 1. Groups of symbols in May Day slogans 1918–1943.
(Modified from Yakobson and Lasswell.)*

The zigzags of Soviet policy are amply evident in the behaviour of groups V (Domestic policy) and VI (Foreign policy). Group VI peaks in 1922–1924, sinks to a low plateau in the 1930s, and reaches a huge new summit in 1942–1943. The logical negative correlation of Groups V and VI is obvious. The percentage of Group VI in the combined frequency of Groups V and VI is 36% in 1918–1920, 71% in 1922–1924, 48% in 1925–1927, 21% in 1929–1938, 16% in 1939–1941, and 54% in 1942–1943. The significant peak in the frequency of Group VI in 1942–1943, of course, is due to the war. As for the period 1923–1924, the combined influence of two independent factors appears to be at work here. On the one hand, considerable interest in foreign affairs was generated by the victorious conclusion of the civil war, the unification of the Soviet republics, the effort to gain diplomatic recognition, and finally, anticipation of world revolution. On the other, the growth of the NEP and the vagueness of state and Party economic policy rendered impossible any sort of exhortations to the masses in the area of the economy. As for the political sphere, the behind-the-scenes struggle had not yet come out into the open, which similarly ruled out clear intra-Party slogans.

Yakobson and Lasswell's conclusions are overwhelmingly supported by

Group III (National symbols). Some fluctuation in frequency prior to 1933 subsequently becomes constant lasting growth that clearly continues into the postwar period. The data for Group IX (Old liberal symbols) and Group X (Moral symbols) is paradoxical, for their use peaks in 1937–1938, the years of mass terror and flouting of the Soviet Union’s own laws. Such facts pose serious problems for the interpretation of the findings of content analysis. Hypocrisy is a characteristic feature of totalitarian society in general, but Soviet totalitarianism was hypocritical in the highest possible degree, which is why it became a very important ideological component of Orwell’s anti-utopia. Lasswell’s goal was to discover the political motifs and intentions beneath the verbal signs of the text. The present study focuses on the signs themselves, which will not be grouped a priori (as in Lasswell), but only after examination of chronological changes and consideration of the contexts in which the words have been used.

Together with the editorials, I will be looking at slogans that basically coincide chronologically with the material of the editorials.¹² Besides the slogans proper the corresponding corpuses include brief extratextual fragments set off in the newspaper in the largest type. Here is an example from the issue of 18 November (New Style) 1917:¹³

Немецкие и австрийские социалисты приветствуют русскую революцию.
Венский пролетариат требует немедленного перемирия.
Французские интернационалисты приветствуют большевиков.
Да здравствует международная революция!

The first three sentences resemble statements, but they are followed by an obvious slogan. All four sentences are set in the same type, and they have all been included in the corpus of slogans.

The analysis also includes slogans, set off in type, closing the text of editorials. For example, in the issue of 14 August 1918 the editorial entitled “Первая победа” (“The first victory”) concludes with two slogans, both of which have been included in the corpus:

Военное счастье улыбнулось красным войскам!
Это счастье надо сделать непобедимым роком!

These two types of additions constitute not more than 5% of the overall material.

¹² The use of punctuation marks in *Pravdas* slogans was not consequent. For convenience I use dots in all examples in 2.1 that lack punctuation marks.

¹³ Examples from *Pravda* editorials in Chapters 2–6 are not translated into English.

Table 2. Slogan corpus word frequency list
(per 1000 word usages).

	1917/18	1923	1928	1933
<i>армия</i>	1	3	5	3
<i>большевистский</i>	1	–	4	10
<i>борьба</i>	5	3	8	6
<i>брат (-ский, тво)</i>	3	2	1	2
<i>будьте</i>	3	1	2	1
<i>буржуазия</i>	11	2	–	–
<i>в</i>	22	29	27	19
<i>великий</i>	1	5	5	3
<i>весь</i>	25	19	16	11
<i>власть</i>	8	2	1	2
<i>война</i>	4	5	2	2
<i>враг</i>	5	2	2	1
<i>всероссийский</i>	8	–	–	–
<i>второй</i>	–	–	–	4
<i>вы</i>	6	1	8	–
<i>высокий (выше)</i>	–	–	1	8
<i>Германия (-ский)</i>	3	13	4	2
<i>да здравствует</i>	18	10	10	15
<i>дело</i>	3	1	4	6
<i>диктатура</i>	2	1	–	3
<i>дисциплина</i>	2	–	–	5
<i>для</i>	5	2	2	2
<i>долой</i>	4	–	1	4
<i>железный</i>	1	2	2	2
<i>за</i>	11	5	22	21
<i>земля</i>	4	2	1	2
<i>знамя</i>	1	1	4	5
<i>и</i>	42	38	46	50
<i>их</i>	3	7	–	1
<i>к</i>	9	7	5	7
<i>капитал</i>	3	4	1	2
<i>класс</i>	2	3	6	6
<i>коммунистический</i>	1	2	4	3
<i>красный</i>	2	9	6	2
<i>крестьянин</i>	8	13	4	4
<i>кто</i>	5	1	1	1
<i>ленинский</i>	–	–	8	7
<i>миллион (-ный)</i>	–	2	1	3
<i>мир (world)</i>	1	7	4	3
<i>мир (peace)</i>	12	4	1	2
<i>мировой</i>	2	1	9	3
<i>мы</i>	3	15	5	2
<i>на</i>	17	13	12	11

наш	3	28	4	3
не	12	2	4	3
новый	3	7	4	9
октябрь	1	2	7	4
они	4	2	2	1
партия	3	1	15	9
первый	1	2	2	5
по	4	5	5	1
победа	5	7	7	6
под	3	2	8	6
привет	-	5	6	6
пролетариат	4	4	1	3
пролетарии	4	8	3	3
пролетарский	2	6	6	5
против	6	12	11	6
пусть	1	5	6	-
пятилетка	-	-	-	6
работница	-	1	-	5
рабочий (adj.)	7	7	4	6
рабочий (n)	24	13	8	11
революционный	7	2	6	6
революция	11	5	8	5
рука	3	6	-	-
ряды	1	2	4	3
с	11	8	10	3
свой	6	7	5	3
сегодня	1	5	6	1
силы	1	3	5	2
советский	5	3	4	4
советы	12	-	-	2
солдаты	18	-	2	-
социализм	3	-	6	5
социалистический	2	-	5	8
союз	4	9	2	4
СССР	-	1	2	5
Сталин	-	-	-	6
страна	2	10	6	8
съезд	9	-	6	1
техника	-	-	-	5
товарищ	5	5	1	5
тот	2	-	2	3
труд	2	2	2	3
трудящийся	4	2	4	5
укрепить (-лять)	1	-	1	5
фашист (-ский)	-	3	-	4
фронт	3	2	-	2
хотеть	3	2	2	1
этот	5	7	1	2

A majority of slogans included in the corpus are connected with the two main Soviet holidays – 1 May and 7 November. Slogans for other dates are rare:

Дорогому Ильичу, любимому нашему учителю и другу, мудрому “Старику”, великому полководцу пролетарской армии на пороге нового года шлем горячий привет. (3 January 1923)

Светлое будущее человечества за Лениным. (21 January 1928)

В день десятилетия Рабоче-крестьянской Красной Армии мы шлем горячий привет всем ее доблестным непобедимым бойцам, ввуруженным рабочим и крестьянам. Честь и слава Красной армии, несокрушимой защитнице пролетарских границ! Перед павшими героями гражданской войны, перед безвестными воинами пролетарской революции, расстрелянными и замученными белыми бандами и империалистами, перед теми, кто сражались и отдали жизни за великое дело рабочего класса – склоним ниже пролетарские знамена. Память о них будет вечно гореть в сердцах трудящихся. (23 February 1928)

Товарищи красноармейцы и красные командиры! Как в эти десять лет, до конца будьте верными солдатами мирового Октября, бесстрашными витязями коммунизма. Против вас готовы ополчиться все силы старого мира. Вас ненавидят и страшатся империалистские варвары, которые хотят ввергнуть человечество в кровавую пучину новой бойни. Но за вами и могучие силы истории, за вами – железные фаланги ВКП, за вами – несметные батальоны Коминтерна. За вами – миллионные лавины тружеников городов и сел. Ваши угнетенные братья на всем свете – за вами. (23 February 1928)

Зорко сторожите мирный труд рабочих и крестьян,
Не дремлет классовый враг, держите порох сухим,
Если грянет буря, будьте готовы!
Даешь боевую мощь Советского Союза! (23 February 1928)

The last example accompanies a photomontage with the portraits of Vladimir Lenin, Mikhail Frunze, and Kliment Voroshilov, but not Lev Trotskii.

Сегодня миллионные массы работниц и крестьянок буржуазных стран еще тесней сплотят свои ряды под знаменем Коминтерна для борьбы против фашизма, против беснующейся реакции, за победу пролетарской революции. (8 March 1933)

Сегодня миллионные массы работниц и крестьянок Советского Союза под руководством ленинской партии и ее вождя тов. Сталина дадут новые тысячи передовых ударниц социалистического строительства Колхозницы помните, что культурная обработка полей, борьба с остатками кулачества решают успех сева. (8 March 1933)

Работницы, овладевайте техникой производства, крепите железную дисциплину, разоблачайте лодырей, рвачей и летунов. (8 March 1933)

The editorial of 14 March 1933 deals with the 50th anniversary of Marx's death:

Капиталистический мир содрогается под ударами победоносно шагающей коммунистической революции. (14 March 1933)

Марксистско-ленинская теория, овладев миллионными массами и поднимая их на борьбу за свержение капитализма, стала несокрушимой материальной силой. (14 March 1933)

Только великий восходящий класс – пролетариат, могильщик капитализма и создатель социалистического общества – мог выдвинуть гениальных теоретиков и вождей революции – Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. (14 March 1933)

Here are other examples editorials dedicated to different anniversaries:

Сегодня – горькая дата, страшный, незабываемый день, когда агенты буржуазии эсеры – попытались отнять у нас нашего Ильича. Мировой пролетариат носит в своем сердце пули, пробившие грудь тов. Ленина. Он возвратит их своим врагам в час решительного боя за коммунизм. Он пошлет их в сердце буржуазии. (30 August 1923)

За 5 лет молодой и горячей кровью вписал Комсомол свое имя в историю пролетарской революции. Сильную, смелую, славную смену готовит он на помощь рабочим-коммунистам.

Сотни тысяч юных пионеров растит и подымает он из рядов пролетарских детей.

Юной рукой крепит он, комсомол, паруса Красного Флота.

Да здравствует наш комсомол. (28 October 1923)

Slogans can also be triggered by current reality. To use contemporary terminology, a slogan is a response to a specific information event. Such slogans are well represented in the 1917–1918 column of the frequency table above: *выборы* (elections), *список* (list), *голосовать* (vote); *Учредительное Собрание* (Constituent Assembly), *кадеты* (Constitutional Democrats), *Всероссийский Съезд Советов* (Allrussian Congress of Soviets), *депутат* (deputy), *солдат* (-ский) (soldier), *демократический мир* (democratic peace), *война* (war), *перемирие* (armistice), *Петроград* (Petrograd), *немедленный* (immediate), *революция* (revolution), *революционный* (revolutionary), *Керенский* (Kerenskii), *калединцы* (Kaledin army), *Рада* (Rada), *водка* (vodka), *пьяный* (drunk). In connection with the last pair of words, cf. the slogans of 12 December 1917:

Пьяная провокация продолжается. (12 December 1917)

Разбитые в открытом бою контрреволюционеры взяли за спаивание водкой рабочих и солдат. (12 December 1917)

Калединцы, капиталисты и помещики надеются в пьяной междоусобице, в водке и крови утопить завоевания октябрьской революции. Все, кому дороги мир, земля, хлеб и воля для народа, к немедленной беспощадной борьбе с пьяной провокацией! (12 December 1917)

Долой врагов народа – организаторов погромов и бесчинств.
(12 December 1917)

Да здравствует революционная дисциплина солдат и рабочих!
(12 December 1917)

The key word of this period, *власть* (*power*), points to specific events in Petrograd in 1917 and in Vienna in 1918:

Да здравствует Революционное Правительство Советов! (9 November 1917)

Рабочие, солдаты, крестьяне, все как один человек стойте за эту народную власть. (9 November 1917)

Сегодня выборы в Учредительное Собрание! Рабочие, солдаты!
Вы взяли власть в открытом бою с буржуазией, а она думает вернуть потерянное, побив вас в избирательной борьбе. (25 November 1917)

В Вене и Будапеште рабочие и солдаты низвергли старую власть.
(3 November 1918)

At the same time, the word *власть* (*power*) begins to become an element of propaganda language that has lost its connection with concrete events.

Революция в высочайшей опасности! Смертельный удар занесен над красным Петроградом. (25 February 1918)

Если вы, рабочие, солдаты, крестьяне, не хотите потерять своей власти Советов – до последнего издыхания сражайтесь с разбойниками, которые надвигаются на вас! (25 February 1918)

Рабочие! Пролетарии! На исходе четырехлетней мировой бойни, вы, свергнувшие власть капитала, не дайте задушить себя чехо-словацким бандам. (30 July 1918)

Германия согласилась на перемирие на всех фронтах.
(28 November 1918)

Английские и французские рабочие, пролетарии Италии, солдаты всех воюющих стран! Мы зовем вас присоединиться к перемирию, свергая власть буржуазии, посылающей вас на убой. Русская революция одержала над войной первую победу. (28 November 1918)

Да здравствует Советская власть, открывшая путь миру народов!
(28 November 1918)

The words *буржуазия* (*bourgeoisie*), *помещик* (*landlord*), *земля* (*land*), *беднота* (*the poor*), and *бедняк* (*poor peasant*) became typical propagandistic (“non-event”) words.

The central event for the slogans of 1923 was the turbulent political situation in Germany, which was interpreted in Moscow as a revolution or even as the prologue to world revolution. Keywords here are *Германия* (*Germany*), *германский* (*German*), *Тюрингия* (*Thuringia*), *путч* (*putsch*), *Штресеман* (*Stresemann*), *Эберт* (*Ebert*), and *Сект* (*Seeckt*). Cf. the following slogans:

Продвижение французов продолжается. Судя по всему, песенка буржуазной Германии спета. Страну может спасти только пролетариат.

(1 February 1923)

Гражданская война в Германии. Кровавые бои в Гамбурге.

(25 October 1923)

Поход против коммунистов в Германии. (17 November 1923)

Комитеты действия по всей Германии. (9 December 1923)

Гитлеровцы готовят новый путч. (21 December 1923)

Slogans connected with 7 November:

Рабочая Германия и наш рабоче-крестьянский Союз – опора мира и труда. Германский паровой молот и советский хлеб победят весь мир. Дорогу нашему красному хлебу в обмен на германскую машину. Петля на шее германской революции приведет к выколачиванию царских долгов из нашего крестьянина – Да здравствует победа германской революции! Союз белой Германии с царскими генералами принесет смерть вольному крестьянину, цепь для рабочего. За грабежом Германии пойдет грабеж нашего трудового Союза. Будьте начеку. (26 October 1923)

Besides Germany, hopes for revolution were raised by the abortive upheaval in Bulgaria:

Сегодня к нам приезжают болгарские беженцы, борцы против каторжного режима Цанкова, с оружием в руках защищавшие дело рабочих и крестьян. Мы шлем им наш горячий братский привет. (2 December 1923)

Да здравствует победа рабочих и крестьян в Болгарии. (2 December 1923)

Да здравствует международный революционный штурм. (2 December 1923)

Responses to current events also include the words *Керзон* (*Curzon*), *ультиматум* (*ultimatum*) and *убийца* (*murderer*), pronounced in connection with the assassination of Vatslav Vorovskii:

Рабочие Москвы. Протестуйте против насильников¹⁴ и убийц! Рабочие, крестьяне, красноармейцы. Все честные граждане СССР, кто не хочет, чтобы страна наша была под пятой иностранного капитала – поднимайте свой голос против коварных злодеев.

В ответ на провокационный ультиматум Керзона, в ответ на револьверные выстрелы лозаннских убийц гром негодования пронесся по всей нашей стране.

Миллионы шагали по улицам наших городов, миллионы голосовали на площадях лозунг: Все для мира! Все для возможности труда.

¹⁴ In modern language the word *насильник* (*rapist*) is associated primarily with sex crimes; however, in the context of 1923 the word did not have this connotation.

Но никогда, никогда, никогда не будет рабой Советская страна.
(12 May 1923)

Слушайте, пролетарии! Даже буржуазная пресса Англии признает ультиматум Керзона провокационным, Даже буржуазная пресса Англии признает нашу ноту миролюбивой. Это значит: Керзон хочет войны, Керзон провоцирует войну. Пролетарии всех стран поднимают свой голос протеста. (12 May 1923)

Наш пролетариат послал в стан врагов своего испытанного борца, тов. Воровского. Империалисты прислали нам его окровавленный труп. Сегодня мы хороним в гневе и печали останки нашего друга. Запомним этот день. Пусть во всех нас живет священная ненависть к подлым убийцам, которые теперь пытаются затянуть петлю вокруг нашей шеи. В дружные колонны против империалистических палачей! На улицу, трудящийся народ! Рабочие, крестьяне, красноармейцы! Следите за каждым шагом врага! (12 May 1923)

Typical keywords in the slogans of this period were *капитал* (*capital*), *-ист* (*-ist*), *-истический* (*-istic*), *социал-демократы* (*social-democrats*), *пролетариат* (*proletariat*), *пролетарский* (*proletarian*), *всемирный* (*world-wide*), and *Европа* (*Europe*). In 1923 the epithet *красный* (*red*) became most frequent, especially in *Красная Армия* (*Red Army*) and *Красный Флот* (*Red Navy*). Further examples include the following:

Да здравствует красные директора и красные агрономы! – надежда нашего народного хозяйства. (26 October 1923)

Пролетарии! Красноармейцы! Трудящиеся! Собирайтесь под красные стяги! Выходите на смотр своих сил! (7 November 1923)

Да здравствует наш Октябрь! Да здравствует Октябрь в Европе!
(7 November 1923)

В день пролетарской победы, в день Красной звезды, мы шлем наши проклятья всем палачам рабочего класса, всем презренным слугам капитала. Его жадным банкирам и синдикатникам. Его генералам и офицерам. Его растленным социал-демократическим лакеям. Его проповедникам и шутам. (7 November 1923)

This was also the year of highest frequency for the first-person plural pronoun, as in the following characteristic example from 1 May 1923:

Первое Мая, великий праздник пролетариев и всех угнетенных, завоевали мы кровью лучших бойцов нашего класса.

В этот день громовым голосом зовет Союз наших республик к единому всемирному фронту борьбы с капиталом.

Против железной цепи капиталистического рабства мы скуем великую людскую цепь, крепкую, как сталь.

В ряды звено к звену, пролетарии всех стран!

В ряды, плечо к плечу, труженики городов и деревень!

В единый фронт, пролетарии континентов и миллионы колониальных рабов!
Этой цепью затащим мы шею капиталистического чудовища!
Этой цепью взнуздаем мы непокорные силы природы! (1 May 1923)

The last two slogans demonstrate yet another use of figurative language that was characteristic of 1923 and 1917–1918 but absent from the slogans of 1928 and 1933, namely, images of death in very concrete, almost sadomasochistic detail:

Рабочие! Пролетарии! Теперь, когда крупные хищники империалисты заняли свои силы свалкой на Западе, не теряйте времени!
Вооруженной рукой разбейте отряды империалистских наемников!
Уничтожьте осиное чехо-словацкое гнездо!
Товарищи! Наша революция не погибла еще от крупных разбойников. Не дайте задуть ее тем, кто у них на побегушках. (26 July 1918)

Рабочие! Пролетарии! На исходе четырехлетней мировой бойни, вы, свергнувшие власть капитала, не дайте задуть себя чехо-словацким бандам. Они уже взяли твердыню Урала – Екатеринбург. Не дайте им накинуть петлю с востока! Империализм гниет на трупах убитых им рабочих. Не дайте задуть ему ростки нового мира! К оружию! К борьбе! К победе! (30 July 1918)

Slogans commemorating the anniversary of the Revolution:

Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,
Иной им воздайте почет!
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед! (2 July 1918)

Next to this quatrain it was recommended to include the portraits of the fallen fighters.

В день нашей победы с гордостью и благоговением вспоминаем мы наших товарищей, павших в боях. Мы вспоминаем людей, кровью которых удобрена наша земля, на костях которых воздвигаем мы стропила и балки нового общества. Мы шлем пламенный братский привет всем друзьям, сидящим за железными решетками. Всем товарищам, с оружием в руках идущим на штурм капиталистических твердынь. (7 November 1923)

The chain metaphor as well sometimes bespeaks such morbidity:

Казанские белогвардейцы в железном кольце. Их ждет кара от не знающей пощады руки рабочего класса.
Все на ноги, здесь в тылу!
Железные оковы на лапы всем врагам, предателям трудовой республики. (11 August 1918)

Правительство Франции поджигает Европу. Мир накануне новой катастрофы. Пролетарии! Протестуйте против подлой жадности, которая грозит задушить человечество.
Где твое лицо, “прекрасная Франция”? Это подлая звериная морда.
Пролетарии Европы! Сбрасывайте кандалы с своих рук! Куйте цепи для этого зверя! (14 January 1923)

Among foreign information events generating slogans in 1928 may be mentioned the machinations in China, reflected in the following:

Против раздела Китая! На защиту китайской революции! (24 May 1928)
Вызывающее поведение японской военщины в Китае. (7 June 1928)
Долой мировой империализм! Да здравствует китайская революция!
(4 August 1928)

The Sixth Comintern Congress may be considered the major organizational event of 1928:

Сегодня в красной столице, в сердце строящегося социализма, открывается мировой съезд коммунистов – шестой конгресс ленинского Коминтерна!
Боевой штаб революционной армии всех стран и континентов соберется на совет для того, чтобы на едином большевистском языке обсуждать великие задачи, готовиться к великим событиям, к великим доблестным делам.
Под ударами жесточайшего террора, под ураганным огнем буржуазно-“социалистической” лжи и травли, которую против сил мировой революции ведут силы проклятого, угнетательного мира: помещики и попы, банкиры и короли, жандармы и продажные шайки II Интернационала – в огне и буре, в тяжелых муках, в суровой борьбе растут, закаляются и сплачиваются железные батальоны Коминтерна, солдаты мирового Октября!
Привет бойцам! Привет товарищам-делегатам! Привет лучшим верным сынам революции! Под знаменем Ленина рабочие всех стран и угнетенные империализмом колониальные народы, соединяйтесь!
(17 July 1928)

It is difficult to distinguish slogans and events in the case of the November Plenum of the Central Committee, at which Stalin first mentioned the “danger of the Right Deviation” represented by Nikolai Bukharin, Alexei Rykov, and Mikhail Tomskii. All three words turn up in the *Pravda* slogans in November and December:¹⁵

¹⁵ Note that Bukharin was at this time still the editor-in-chief of the newspaper.

Против правой опасности – в решительное наступление.

(21 November 1928)

Сплотим широкие массы вокруг основных задач партии! (21 November 1928)

На борьбу с правой опасностью – за неуклонное проведение решений XV съезда. (23 November 1928)

Организуем широкую разъяснительную кампанию по правому уклону. (27 November 1928)

Партия Ленина не потерпит оппортунистических шатаний в своих рядах. (30 November 1928)

Идейно разоружим правый уклон и примиренчество. (2 December 1928)

Правый уклон – главная опасность. (5 December 1928)

Партия большевиков идейно разоружит правых и примиренцев. (6 December 1928)

Партия преодолет правые шатания в своих рядах. (7 December 1928)

Неуклонная решительная борьба против правого уклона.

(9 December 1928)

Сильнее огонь по кулаку, нэпману и помогающему им бюрократу!

(13 December 1928)

С ленинской непримиримостью – против уклонов от большевизма!

(13 December 1928)

Будем решительно бороться с извращениями генеральной линии партии! (23 December 1928)

Правый уклон и примиренчество – вот в чем главная опасность.

(25 December 1928)

На борьбу с извращениями партийной линии! (28 December 1928)

The principal foreign event in 1933 was surely Adolf Hitler's accession to power on 30 January. Perplexity and a completely inadequate analysis of developments in Germany continued through February. In March slogans began to appear containing the keyword *фашизм* (*Fascism*):

Пожар в здании германской рейхстага – провокация фашистов.

(1 March 1933)

Террор и провокация. (5 March 1933)

На борьбу с фашизмом. (6 March 1933)

Не фашистским последышам разваливающегося капиталистического строя задержать победное движение революционного марксизма!

Гибнущую капиталистическую систему не спасут ни наглые провокации против революционного класса, ни кровавый террор фашистских банд. (16 March 1933)

May Day slogans:

Братья по классу, жертвам фашистского террора, узникам капитала – наш пролетарский привет!
В странах капитала и фашистской диктатуры десятки миллионов рабочих и крестьян на голод, нищету и вымирание.
Рабочие и работницы капиталистических стран. Единый революционный фронт рабочих – вернейшее средство против наступления капитала и фашистской контрреволюции. Да здравствует единый фронт коммунистов и социал-демократических рабочих против капитала!
Братский привет революционным пролетариям Германии!
Да здравствует героическая коммунистическая партия Германии!
Да здравствует тов. Тельман!
Социал-демократия, борясь против революционных рабочих и компартий, расчистила дорогу фашизму, срывает единый революционный фронт рабочих. Рабочие и работницы всех стран! Покидайте ряды социал-демократии, становитесь под знамена Коммунистического интернационала! Долой вождей второго Интернационала!
Да здравствует Коммунистический интернационал, боевой авангард борьбы против фашизма! (22 April 1933)

The dominant theme in 1933, the first year of the Second Five-Year Plan (as was proclaimed 10 times in slogans), was the planned economy. Typical keywords of this period include *выполнение* (*fulfilment*), *выполнить* (*fulfil*), *высокий* (*high*), *дисциплина* (*discipline*), *добиться* (*achieve*), *завод* (*factory*), *задача* (*task*), *новый* (*new*), *образцовый* (*model, exemplary*), *овладеть* (*master*), *план* (*plan*), *победа* (*victory*), *продукция* (*production*), *производство* (*manufacture*), *соревнование* (*competition*), *техника* (*technique*), *транспорт* (*transport*), *уголь* (*coal*), *укрепить* (*consolidate*), and *усилить* (*strengthen*). Special attention was devoted to agriculture, as is apparent in words such as *колхоз* (*kolkhoz*), *поле* (*field*), *сев* (*sowing*), *совхоз* (*sovkhov*), and *урожай* (*harvest*).

Calls to master technique, reinforce discipline, fulfill the Plan were of course necessarily accompanied by images of the enemy:

Усилим классовую бдительность! Добьем кулака! Сделаем все колхозы большевистскими. (17 February 1933)

May Day slogans:

Рабочие, хозяйственники, советские специалисты! Шпионы и вредители пытаются подрывать советские электростанции, фабрики, заводы и совхозы, портить машины и агрегаты. Усилим революционную бдительность! На беспощадную борьбу с вредителями!
Колхозное дело непобедимо. Будем всемерно укреплять колхозный

	1917/18	1923	1928	1933
<i>Сталин, вождь</i>	–	–	4	9
<i>большевистский, ленинский</i>	1	–	11	17
<i>ВКП(б), партия, ЦК, знамя, организатор, руководство</i>	4	2	26	26

Table 3. Frequency of words identical to Stalin (per 1000 word usages).

строй. Добьем остатки кулачества. Да здравствует союз рабочих и крестьян, строящих социализм.

За охрану социалистической собственности! За изгнание из колхозов и совхозов кулаков, вредителей, лодырей, воров и расхитителей колхозной собственности. Выше революционную классовую бдительность. (22 April 1933)

A large percentage of the 1933 slogans are in praise of Stalin – a leitmotif of Soviet propaganda throughout the subsequent twenty years. The word *Сталин* (*Stalin*) became identical to the words *партия* (*party*) and *ЦК* (*CK*) with their typical epithets *большевистский* (*Bolshevist*) and *ленинский* (*Leninist*). The relative frequency of this group (per 1000 word usages) in the four periods supports this assertion (see Table 3).

Slogans containing Stalin's name took on an almost formal rigidity:

Выполнение пятилетки в четыре года – грандиозная победа ленинизма, одержанная трудящимися СССР под руководством партии Ленина и ее большевистского ЦК во главе с тов. Сталиным. (21 January 1933)

Сегодня миллионные массы рабочих и крестьянок Советского Союза под руководством ленинской партии и ее вождя тов. Сталина дадут новые тысячи передовых ударниц социалистического строительства. (3 March 1933)

Под знаменем партии большевиков, под руководством ленинского ЦК и вождя мирового пролетариата тов. Сталина – вперед, к новым победам, за мир, за мировую пролетарскую революцию! (7 November 1933)

На основе славного революционного, под руководством ЦК и вождя партии, товарища Сталина, большевики и пролетарии Ленинграда добились блестящих успехов. (11 December 1933)

На основе величайшей идейной сплоченности, под руководством ленинского Центрального Комитета и большевистской партии, тов. Сталина, московские большевики добились блестящих побед. (19 December 1933)

Not infrequently, slogans quoted Stalin's speeches:

“Только слепые не видят, что в психологии масс и в отношении к труду произошел громадный перелом, изменивший облик наших заводов и фабрик”. (Stalin; 1 January 1933)

Calls to celebrate May 1:

“Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому”. (Stalin;¹⁶ 22 April 1933)

“Сильная и мощная диктатура пролетариата – вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов”. (Stalin; 22 April 1933)

“Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими”. (Stalin; 22 April 1933)

“Поднимем всех колхозников, бывших бедняков и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь”. (Stalin; 22 April 1933)

Calls to celebrate 7 November:

“В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос **нового строительства** и добились решающих успехов. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом и пафосом **освоения** новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. **В этом теперь главное**”. (Stalin; 1 November 1933; bold in the original)

The tendency to formalize slogans is very much in evidence in 1933. Many customary May Day and November slogans either coincide completely or differ insignificantly. May Day texts below are followed by the November variant in square brackets:

Братьям по классу, жертвам фашистского террора [фашизма] – наш [пламенный] пролетарский привет!

Ударникам и ударницам, передовым борцам великой армии строителей социализма – [пламенный] большевистский привет!

Рабочие-железнодорожники! Установим строжайшую [железную] дисциплину на транспорте Выполним [с честью] план [осенне-зимних] перевозок.

¹⁶ A versified version of this utterance was included in the famous theme song to the very popular film *Tractor-drivers* (*Traktoristy*, 1939) directed by Ivan Pyr'ev:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

Обеспечим народное хозяйство [За полный] социалистическим хозрасчетом, жесткой [За жесткую] бюджетно-кредитной дисциплиной. Колхозное дело непобедимо [Успехи первого года второй пятилетки подтвердили, что колхозное].

Будем всемерно укреплять [Всемерно укрепляйте] колхозный строй.

Юные пионеры – дети Октября! [Укрепляйте пролетарскую дисциплину в школе! Овладевайте основами науки!] Будьте готовы продолжать и завершить великое дело Ленина [Сталина] – дело мирового Октября!

За ленинскую национальную политику! За единство и братство трудящихся всех национальностей [народов] СССР!

Да здравствует ВКП(б) – вождь и организатор победоносного строительства социализма [социалистического строительства].

Variants such as these suggest that linguists and semioticians often overestimate the significance of variant wordings or locutions. *Строительство социализма* (*construction of socialism*) is equivalent to *социалистическое строительство* (*socialist construction*); *будем всемерно укреплять* (*let us consolidate in every way*) is tantamount to *всемерно укрепляйте* (*consolidate in every way*); *фашистский террор* (*fascist terror*) amounts to *фашизм* (*fascism*). The equivalence of such variants, of course, should be checked against the overall context of the study. In my corpus of slogans there are not infrequent chronological differences between nouns and adjectival derivatives. The words *большевик* (*bolshevik*), *буржуазия* (*bourgeoise*), *Ленин* (*Lenin*), and *Советы* (*Soviets*) gradually decline in frequency, and the corresponding adjectives gravitate toward the fourth of the periods. The frequency of the word *Сталин* (*Stalin*) in slogans in 1933 is 16, while the use of *сталинский* (*Stalinist*) comes later.

All of the above examples from the slogan word frequency list are autosemantic words that are more or less interpretable. It is more difficult to account for the decline in frequency of the words *весь* (*whole*), *для* (*for*), and *кто* (*who*) (Table 4).

	1917/18	1923	1928	1933
<i>весь</i>	25	19	16	11
<i>для</i>	5	2	2	2
<i>кто</i>	5	1	1	1

Table 4. Decline in frequency; *весь* (*whole*), *для* (*for*), and *кто* (*who*).

One distinctive feature of Soviet slogans is their constant use of the antithesis *self* (Soviet power, the Party, the proletariat) and *other*:

Учредительное Собрание для буржуазии и ее слуг.
Всероссийский съезд советов для рабочих городов и бедноты деревни.
Учредительное Собрание для узаконения каторжного режима капитала.
Всероссийский Съезд Советов для освобождения труда.
Учредительное Собрание для мира с буржуазией и войны против
трудящихся.
Всероссийский Съезд Советов для беспощадной войны с буржуазией и
мирного содружества рабочих городов и деревень.
Учредительное Собрание хочет воскресить умирающий буржуазный
строй.
Всероссийский Съезд Советов зовет трудящихся к строительству новой
жизни.
Да здравствует Всероссийский Съезд Советов!
Да здравствует Советская Республика!
Да здравствует революционный союз пролетариев города с бедняками
деревни! (4 August 1918)

Царство рабочего класса длится только год. Сделайте его вечным.
Империалисты заключают мир, чтобы воевать против рабочих.
В Красную Армию, пролетарии!
На юг, рабочие и крестьяне. Навстречу главному врагу – Союзному
капиталу.
Никто не поможет нам, кроме нас самих и наших братьев – рабочих
других стран.
Чтобы завоевать весь мир навсегда, будьте готовы пожертвовать всем
Только в братском союзе справится рабочий с буржуем, крестьянин – с
помещиком и кулаком.
Вся власть, все права трудящимся! Никакой власти, никаких прав
богачам-тунеядцам!
Кто не трудится, да не ест!
Пролетарская диктатура – оружие в войне против буржуазии.
Кто против диктатуры рабочих, тот хочет разоружить и предать их.
Земля и хлеб – трудящимся и беднякам.
Восемь часов работы, справедливая плата, здоровое жилище, паек
первой очереди, все газеты, все дома для собраний, все школы – отняла
у буржуазии, отдала рабочим пролетарская диктатура!
Только работники должны владеть землей, а паразиты никогда!
Фабрики, заводы, рудники принадлежат трудящимся!
Дисциплина и труд – буржуя перетрут!
Да здравствует третий Интернационал – союз революционных рабочих
республик! (2 November 1918)

Долой мировой империализм! Да здравствует китайская революция!
(22 апреля 1933)

Долой вождей второго Интернационала!
Да здравствует Коммунистический интернационал, боевой авангард
борьбы против фашизма!
Долой интервенцию против Китая!
Да здравствует Советы и героическая Красная Армия Китая – орудие
освобождения китайского народа от внутренних и иностранных пора-
ботителей!
Долой антисоветские провокации!
Да здравствует советская политика мира.
Долой помощников классового врага – “правых” и “левых” оппорту-
нистов! Да здравствует железная пролетарская дисциплина в партии!
Да здравствует единство большевистских рядов. (4 August 1928)

This tendency to antithesis is also considered later in this Chapter and in Chapter 5. I now turn to the quantitative analysis of headings.

2.2 Headlines

The structure, function, and stylistic properties of newspaper headlines and headings suggest that they should be considered a separate genre, and in fact they are the subject of numerous studies (Vinokur 1928, Grast 1933, Vompersky 1966, Muzhev 1970, Shamelashvili 1982, Khazagerov 1984, Lazareva 1989, and Podchasov 2001), most of which distinguish three functions: nominative, attention-grabbing or promotional and informative (Podchasov 2001:21–25, Vinokur 1928, Grast 1933, Muzhev 1970, Shamelashvili 1982, and Lazareva 1989).

By the *nominative function* is meant the ability of the headline to name the text. Grigorii Vinokur (1928:87–88) considers that headlines have a demonstrative function that is close to simple nomination. It has also been noted that the nominative function is ontological and primary (Popov 1966:22). Ella Lazareva (1989:70) remarks that the headline names the text and therefore fulfills a nominative function regardless of syntactic structure.

The *informative function* provides a relatively complete idea of the main theme of the article (Popov 1966:125). Some scholars, for example, consider that headings performing an informative function exert considerable influence on the reader (Popov 1966:125, Pogrebenkov 1977:83). By the “*attention-grabbing*” or *promotional function* is meant the vividness or colour of the heading, its ability to attract attention (Popov 1966:125, Maksimov 1970:25). Studies of headings have also identified defining and demonstrative (Vinokur 1928:87–88) and demonstrative-nominative (Kostomarov 1965) functions. Aleksei Podchasov (2001:114–38) compares Russian and British newspaper headlines in the latter half of the 1980s and 1990s and analyzes the basic types of headings from the point of view of the sender according to the following criteria:

- Informative. Headlines of this group communicate as much information as possible about the theme or content of the text.
- Appellative. Headings urge readers to obtain goods or services.
- Informative-appellative. Headings that are a combination of informative and appellative.
- Disorienting. Headings mislead the reader as to the content of the article.
- Defective. The meaning remains unclear even after the text has been read.

Lazareva (1989:76) notes that defective headlines have stylistic flaws that obstruct understanding and lead to the readers negative evaluation. The most common type of headings in Podchasov's study are informative-appellative. He notes (Podchasov 2001:124) that as late as the early 1980s such headlines were generally not fully informative and used nominative constructions such as "Трагедия в шахте" ("Coalmine disaster") rather than verbal models.

My quantitative analysis of *Pravda* headlines from the 1920s and early 1930s takes into account the findings of earlier studies but devotes most attention to interpreting vocabulary and other parameters such as headline length and is based on the same periods as that of the slogans. Changes in the frequency of words in headlines are given in Table 5 and in more detailed form in Table II (Appendix).

Collected together with the editorial headlines were the headings of other articles on the first page of *Pravda* (1917–1918 and 1923). The size of this corpus is insufficient to permit substantive conclusions, but in the data below, two groups of words can be distinguished nevertheless. The words *война* (*war*), *мир* (*peace*), *деревня* (*countryside, village*), and *дело* (*concern*) gravitate toward editorials, while *вопрос* (*issue*), *задача* (*task*), and *кризис* (*crisis*) tend to occur in the headings of other articles. This tendency is demonstrated in Table 6.

	Editorials		Other	
	1918	1923	1918	1923
Number of word usages	421	609	221	969
<i>Война</i>	6	1	–	–
<i>Дело</i>	2	4	–	1
<i>Деревня</i>	1	5	–	1
<i>мир (peace)</i>	9	1	2	–
<i>Вопрос</i>	1	1	2	9
<i>Задача</i>	1	2	–	11
<i>Кризис</i>	–	1	–	5
<i>Партия</i>	–	5	–	16

Table 6. Distribution between editorial headlines and headings of other articles.

Table 5. Changes in frequencies in editorial headlines.

	1917/18	1923	1928	1933
Total words	421	608	1085	1690
Total editorials	142	173	278	346
Average headline length	3.0	3.5	3.9	4.9
	Relative frequency (per 1000 word usages)			
Англия (-ский)	–	–	5	–
беречь	–	–	–	4
большевистский	–	–	–	9
борьба	12	7	17	11
в	7	36	37	24
важный (ейший, ость)	–	2	6	3
весна (-енный)	–	–	1	5
весь	–	3	3	5
власть	7	–	1	–
внимание	–	5	2	2
война	14	–	–	1
вопрос	2	2	4	–
враг (-жедбный)	5	–	3	3
выборы	–	2	5	–
высокий	–	–	–	5
Германия (-ский)	5	13	9	2
главный	–	–	–	4
год	–	3	2	10
годовщина	2	2	5	1
два	7	–	4	2
дело	5	7	1	4
демократия (ический)	5	2	1	–
демонстрация	–	3	1	1
день	2	8	3	3
деревня (енский)	2	8	6	4
диктатура	7	–	3	1
договор	5	2	1	1
должен	–	–	–	4
европейский	–	5	1	1
за	9	7	14	20
задача	2	5	17	8
заем	–	–	4	–
и	57	48	43	22
игра (-ть)	5	–	2	–
или	9	2	4	1
империализм-	5	2	3	1
индустри-	–	–	6	–
история (-ический)	–	5	–	1
итог	2	2	6	1
к	24	20	25	15
кампания	–	–	6	–
качество	–	–	–	4
Керзон (-ида)	–	5	–	–
Китай	–	–	4	–
класс (-овый)	5	3	6	1
колхоз-	–	–	3	14
коммунизм-	2	3	6	3
конгресс	–	2	4	1
конец	5	3	1	2
кооперат-	–	2	5	–
красный	9	3	–	–
крестьянин (-ский)	2	5	1	–
кризис	–	8	1	2
кто	7	2	–	1
маневры (ировать)	–	–	5	1
массы	–	2	8	4
международный	2	7	4	1
мир (-овой)	7	2	4	5
мир (peace)	21	2	8	2
Москва (овской)	2	5	1	1
мы, наши	14	21	6	2
на	9	18	17	22

не	2	2	2	4
новый	7	7	7	14
о	2	26	25	7
образец-	-	-	-	7
один	5	3	1	2
они, их	4	2	3	1
организ-	1	2	3	8
от	3	-	-	3
ответ (чать)	2	5	1	1
отстава-	-	-	-	4
очередной	-	-	4	-
партия (-йный)	-	15	8	9
первый	2	3	3	6
переговоры	5	-	2	-
перед	2	2	4	1
план (овый)	-	-	2	4
пленум	-	2	6	1
по	5	-	1	4
побед-	9	2	1	7
под	7	3	4	1
подготов-	-	2	3	5
поле	-	-	-	4
политика (чекский)	7	2	3	7
после	5	2	-	1
правительство	-	8	1	-
пролетар-	5	3	5	2
промышленн-	-	3	8	4
против	12	3	2	4
профсоюзы	-	-	5	1
путь	7	-	2	1
пятилетка	-	-	2	5
работа (-ать)	2	8	8	7
работник (-ица)	2	3	1	-
Рабочий	2	11	2	2
развитие	-	2	4	2
революция (ионный)	26	10	5	2
Россия (йский)	7	3	-	-
руководство	-	-	3	4
Рур (ский)	-	8	-	-
с	9	7	8	5
самокритика	-	-	4	-
сделать	-	-	-	4
сев	-	-	1	9
сельское хозяйство	2	-	4	2
слово	5	2	-	-
советский	5	8	4	6
Советы	7	-	3	1
совхозы	-	-	-	4
соревнование (-тсья)	-	-	-	6
социал-демократ-	-	5	1	-
социализм-	-	-	8	7
союзник (-ный)	12	-	-	-
СССР	-	7	2	2
страна	-	-	-	3
съезд	12	10	6	2
техника (ический)	-	-	-	5
транспорт	-	-	1	8
у	2	3	1	-
убить-	-	7	-	-
убрать (ка, чный)	-	-	-	5
угнетенный	5	-	-	1
угроза	5	3	1	-
Украина	5	-	-	1
урожай (нось)	2	-	1	9
урок	-	-	4	2
Учредительное собрание	12	-	-	-
фашизм-	-	5	1	1
фронт	5	2	4	1
хлеб-	5	-	6	4
хозяйство (енный)	-	2	6	2
что	-	5	-	1
шаг	5	-	1	1

The dynamics of headlines to some degree repeats the evolution of slogans. In 1917–1918 events are very clearly reflected in headings:

- Они сорвали соглашение (20 November 1917)
- Путь к миру (22 November 1917)
- Учредительное собрание и революция (25 November 1917)
- Переговоры прерваны, пусть говорит народ (7 December 1917)
- После вторичных переговоров о перемирии (8 December 1917)
- Советская власть на Украине (29 December 1917)
- Съезд Советов и Учредительное Собрание (5 January 1917)
- Задачи Учредительного Собрания (15 January 1917)
- К открытию Учредительного собрания (16 January 1917)
- Пятый съезд (4 July 1917)
- Итоги 5 съезда (12 July 1917)
- Николай Романов (19 July 1917)
- Волга свободна (9 October 1917)
- На юг! (18 October 1917)
- Вильсон, Гаазе и Карл Либкнехт (25 October 1917)
- Операционная линия “Одесса – Москва” (29 October 1917)
- Конец брест-литовского мира (9 November 1918)
- Советская Германия (10 November 1918)
- Господин Шейдеман под сенью красного знамени (12 November 1918)

The new balance of international and domestic forces after the Revolution produced shifts in the semantics of certain words. The use of quotation marks is an obvious indicator of such changes. For example:

- Политика мира и “союзный” капитал (30 November 1917)
- Надежды “союзников” (17 February 1918)
- Петлюра, Скоропадский и “Союзники” (24 November 1918)
- Саботаж революции и “интеллигенты” (9 December 1917)
- Шейдеман за “демократической” работой (26 October 1917)

Analogous usage is also found in Bukharin’s signed articles “Демократические душиатели” (Democratic suffocators; 15 August 1918) и “Демократический жандарм” (Democratic gendarme; 22 November 1918). The military situation in 1918 repeatedly generated doubt in the ultimate victory of the Revolution, and this was reflected in the headlines:

- Перспективы*¹⁷ западноевропейской революции (2 February 1918)

¹⁷ Asterisks in the headlines mark words occurring in the year indicated but not in the other three years.

Победа или смерть (26 February 1918)
Грядущие битвы* (28 February 1918)
На волосок* от войны (8 July 1918)
Дезорганизация* революции и организация контрреволюции (13 July 1918)
Угроза растет (24 July 1918)
Тяжелые дни (28 July 1918)
Тучи* с севера (2 August 1918)
Опять задремали* (20 August 1918)
Серьезная угроза¹⁸ (17 November 1918)
Еще одно усилие, еще один порыв* (23 November 1918)

As events turn around, doubts are replaced by certainty:

Борьба живых* и мертвых* (6 February 1918)
Неизбежное* (1 October 1918)
Семимильные* шаги (4 October 1918)
Враги слабеют*, мы укрепляемся* (5 October 1918)
Туман* рассеивается (6 October 1918)
Агония* (18 October 1918)
Мертвецы* ездят быстро (20 October 1918)
Неизбежный* путь (29 October 1918)
Уступают* место (30 October 1918)
Новая петля¹⁹ (13 November 1918)

Revolutionary rhetoric in this period is not yet completely free from Christian allusions and phraseology:

Сим победиши (29 November 1917)
Катехизис сознательного пролетария²⁰ (31 July 1918)
Черный всадник и красный всадник (1 August 1918)

Interpreting the specific vocabulary of the 1917–1918 headlines presents no great difficulty, but what is one to do with the word *два* (*two*), whose frequency also peaks in this period?

Два стана (19 January 1918)
Две власти – две диктатуры (30 August 1918)

¹⁸ The reference is to the appearance of the British fleet in the Baltic and the potential loss of Petrograd.

¹⁹ On the Entente and revolutionary Germany.

²⁰ Of 37 sentences in this editorial, 28 end in an exclamation point.

Apparently, represented here are the bases of the typical antitheses that so vividly appeared in slogans. The following oppositions are found in headlines in 1917–1918:

Или – или (14 November 1917)
Слова и дела (27 November 1917)
Кому власть? (13 December 1917)
Борьба за мир и борьба за прибыль (25 December 1917)
Эсеры и коммунисты (9 July 1918)
Мы и они (10 July 1918)
Слова и дела социал-предателей (5 November 1918)
Диктатура против диктатуры (28 November 1918)

The 1923 headlines echo slogans in their response to important current events:

Угроза оккупации Рурской области (11 January 1923)
Ко всем рабочим, крестьянам, солдатам. К трудящейся молодежи (14 January 1923)
Французские штывы в Руре – рабочие демонстрации в Москве (16 January 1923)
К событиям в Руре (17 January 1923)
Убийство тов. Воровского (12 May 1923)
Ответ “улицы”²¹ (13 May 1923)
Ответ Советского правительства (15 May 1923)
Убийство Воровского и г. Керзон (20 May 1923)
Бойкот покровителям убийц (22 June 1923)
Начало дележа Германии (23 October 1923)
Накануне всеобщей стачки в Германии (24 October 1923)
Октябрьская годовщина и германская революция (25 October 1923)
Что же происходит в Германии? (3 November 1923)
Наступление фашизма (10 November 1923)
Колчаковщина в Германии и рабочий класс (25 November 1923)

As in slogans, the basic opposition here is *we* and *they*:

Наша сила (16 March 1923)
Наше железное будущее (29 April 1923)
Первое мая у “нас” и у “них” (4 May 1923)

²¹ The reference is to demonstrations in the USSR in response to Vorovskii's murder. The word *улица* (*street*) carried a positive connotation; cf. the slogans in the same issue of the newspaper: В дружные колонны против империалистических палачей! На улицу, трудящийся народ!

Наши преимущества (9 September 1923)

Их помощь и наша (16 September 1923)

Metaphors and epithets specific for this period are aimed almost exclusively at enemies:

Бесноватая* Европа* (28 January 1923)

Дезертиры* не убьют коммунизма (3 February 1923)

Приговор над католическими* попами* и международный капитал (30 March 1923)

Суд над святейшей* контрреволюцией (18 April 1923)

Меньшевики* под царским флагом (23 May 1923)

“Совестливые* люди” [II Интернационал] (30 May 1923)

Волчий* клык* и лисий* хвост [об Англии] (1 June 1923)

Лай* отчаянья* [об эмиграции] (17 June 1923)

Конец гнусной* комедии* [о патриархе Тихоне] (27 June 1923)

Софийские* налетчики* и врангелевские* бандиты* (17 July 1923)

Министерская* чехарда* продолжается (5 October 1923)

Стратегия* буржуазии (18 October 1923)

Социал-демократические* душегубы* (20 October 1923)

Старая погудка* на новый лад* [об Англии] (26 October 1923)

Еще одна измена* социал-демократии (31 October 1923)

Социал-демократические* “стратеги”* (4 November 1923)

The most salient change among grammatical words is the remarkable increase in frequency of the preposition *о/об* (*about/on*). In the headlines of the 1917–1918 editorials it was used only once,²² whereas in 1923 it appeared in 16 such headings. For example:

О письме Л. Уркарта (2 February 1923)

О борьбе с самогонщиками (13 February 1923)

Об антирелигиозной пропаганде (8 May 1923)

О положении пролетарского студенчества (1 July 1923)

Об оживлении внутрипартийной работы²³ (13 October 1923)

О деревне (16 November 1923)

О работе в деревне (7 December 1923)

О внутрипартийных делах (8 December 1923)

О клевете и сплетне (19 September 1923)

²² We can note, however, that two important articles by Lenin begin with this preposition: “О революционной фразе” and “О чешотке” (21 and 22 February 1918), both of which criticize the Left Communists without mentioning them by name.

²³ An important article serving as the prologue to a debate discussed below.

Editorials beginning with *O* acquired a certain tone of indirect directive or at least claimed to originate from the Party or ideological Olympus. Cf. also the following signed articles:

- Преображенский “О том, что назрело” (24 March 1923)
- Ларин “О правом болоте в нашей партии” (5 April 1923)
- Ленин “О кооперации” (26 May 1923) and “О нашей революции” (30 May 1923)
- Бухарин “О культурных объединениях” (7 June 1923)
- Крупская “О классовом приеме в ВУЗ’ы” (15 August 1923)
- Троцкий “О германской революции” (21 October 1923), “О казенщине, военной и всякой иной” (4 December 1923) and “О смычке” (6 December 1923)
- Сталин “О задачах партии” (6 December 1923) and “О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях т.т. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого” (15 December 1923)
- Крыленко “О пределах допустимости группировок внутри партии” (14 December 1923)
- Сафаров “О фракционной фразе и партийности” (14 December 1923)
- Сапронов “О единстве и оппозиции” (16 December 1923)
- Зиновьев “О борьбе за партию” (20 декабря)

The increase in the use of the preposition *в* (*in/at*), which retained its frequency in 1928 as well, is easier to explain, since a large number of editorials addressing foreign issues need it to indicate spatial relations: в Руре (in the Ruhr region), в Англии (in England), в Германии (in Germany). One characteristic feature of the 1928 headlines is their similarity to the vocabulary of slogans:

- Борьба за кадры социалистических кооператоров (24 January 1928)
- Борьба за заем (10 August 1928)
- В борьбе за рационализацию аппарата (28 September 1928)
- В борьбе за социалистическую кооперацию (6 October 1928)
- Поднимем массы на борьбу за социалистическую рационализацию (4 November 1928)
- В борьбе за снижение себестоимости (11 November 1928)
- В борьбе за ленинскую линию (28 November 1928)
- О борьбе с правой опасностью в Коммунистическом Интернационале (28 December 1928)
- За подготовку новых специалистов (19 July 1928)
- Дружнее за реконструкцию хозяйства (25 November 1928)
- За мир! (5 December 1928)

За 30–35 проц. повышения урожайности к концу пятилетки
(6 December 1928)

The word *задача* (*task, problem*) appeared with remarkable frequency (19 times). In 1933 it also became common in slogans:

задача деревенских коммунистов, задачи внутрипартийной работы, задачи партии, задачи на фронте культуры, задачи кустарной промышленности, задачи потребительской кооперации, задачи на хлебном рынке, задачи всемирного комсомольского конгресса, задачи пролетариата, задачи озимой кампании, задачи колдоговорной кампании

Linguistically this word is almost completely desemanticized, especially in verbal nouns, as in *задача расширения посевов* (*the task of increasing crops*), *задачи хозяйственного сбалансирования* (*tasks of economic balancing*). From a broader semiotic perspective, however, *задача* (*task*) in the heading signaled a directive, which was important in the practical sense, although less significant on the theoretical level than the preposition *о*. Among sensational domestic events, the Shakhtinskii trial – the first in a long series of fabricated cases– had special resonance:

Об экономической контрреволюции в угольной промышленности
(10 March 1928)

Очередной рекорд предательства [о реакции социал-демократии]
(24 March 1928)

Перед шахтинским* процессом* (9 May 1928)

Классовый процесс* (18 May 1928)

Германская буржуазная пресса и шахтинское* дело (1 June 1928)

Перед приговором* (30 June 1928)

Приговор* (6 July 1928)

Quantitatively, themes in headlines were predominantly economic and contained important key words such as *заем* (*loan*), *индустрия* (*industry*), *кампания* (*campaign*), *хлебозаготовки* (*State grain purchase*):

Два займа

Второй заем индустриализации

Борьба за заем

Заем индустриализации в деревню!

Армия индустриализации

О тяжелой индустрии

На боевом участке к индустриализации

Бюджет индустриального развития

О подготовке яровой кампании

О недочетах в проведении яровой кампании
Задачи озимой кампании
Перевыборы советов – массовая политическая кампания
Задачи колдоговорной кампании
К весенней посевной кампании
Пленум ЦК и ЦКК о хлебозаготовках
На хлебозаготовках подтянуться
Хлебозаготовки и снятие экстраординарных мер
Больше внимания хлебозаготовкам²⁴

The strange campaign under the slogan of self-criticism had a certain political significance:

О самокритике* (23 March 1928)
О проведении лозунга самокритики* (14 March 1928)
Самокритика* и массы (16 May 1928)
Ко всем членам партии, ко всем рабочим (5 June 1928)
Важный документ (6 June 1928)
Самокритику* в массы (16 June 1928)

1928 ended with a series of editorials foreshadowing the removal of the Right Opposition from leading Party positions (cf. the analogous slogans):

Ко всем членам Московской организации ВКП(б) (19 October 1928)
В борьбе против правой опасности (26 October 1928)
Продолжим социалистическое наступление (27 October 1928)
В борьбе за ленинскую линию (28 November 1928)
На страже генеральной линии партии (4 December 1928)
Об укреплении партии (16 December 1928)
О борьбе с правой опасностью в Коммунистическом
Интернационале (28 December 1928)

Among foreign themes two constantly dominated – the vilification of Social Democrats and the derision of pacifists which was general in nature:

Реформистская* “синица”* как она есть
Верный прицел
Маневры “левых” реформистов*
Социал-прислужающие* за работой
Радикальный “бунт на коленях”*

²⁴ It was disagreement on grain procurement methods that enabled Stalin to expand his attack on the more moderate Bukharin and his allies.

The German and English parties came in for special abuse.

German Social Democracy:

“Штурм”* на коленях*
Темное и светлое
Фальшивый вексель
Пойманные* с поличным*
Удар ослиным* копытом*
Полевение масс и маневры германской социал-демократии

English Social Democracy:

Наступление капитала и английские оппортунисты
Раскол во имя мира с капиталистами
Английский капитализм и реформистские маневры
Английское рабочее движение на новых рельсах

Headlines aimed at pacifism abroad were usually ironic:

“Вечный мир”* и дредноуты*
“Вечный мир”* и его апостолы*
“Вечный мир”* или непрекращающаяся драка
Пражский* квартет* и проблема безопасности
Штреземан и Бриан разговаривают* через границы
Женевский конфуз*
Польско-литовский спор и Лига Наций*
СССР и пакт* Келлога
Новый пацифистский трюк
Лицемеры социал-пацифизма
Мягкий* климат* или “сирокко”* в Лугано*

The principal outright enemy was England:

Порция* тронной* лжи*
Происки* английских империалистов
Замыслы врага

The headlines from 1933 resemble slogans both thematically and stylistically. Here are examples of headings or parts of headings containing the word *za* (*for*):

за базу сельхозмашиностроения
за план (3 times)
За большевистскую подготовку
За твердую [...] дисциплину (2 times)

За укрепление МТС
за повышение урожайности
За хартию независимости народов
за большевистские колхозы
за высокий урожай (2 times)
за топливо
за сев
за уголь
за урожай
За доброкачественную шихту
за советскую политику цен
за перестройку Донбасса
за высокое качество уборки
за мир
за единый фронт
За образцовые культурные предприятия

Returning now to the first lines of Table 5, it is quite clear how consistently headlines grew in length, from 3.0 words in 1917–1918 to 4.9 in 1933. In 1917–1918 there were 8 headlines consisting of only one word:

Выбирайте (26 November 1917)
Вперед! (11 August 1918)
Наступление (21 February 1918)
Неизбежное (1 October 1918)
Единогласно (5 July 1918)
Самоубийство (12 October 1918)
Провокация (6 July 1918)
Агония²⁵ (18 October 1918)

In 1923 and 1928 there were two such headings “Мир” (Peace) and “Перегруппировка” (Redeploy); and “Приговор” (Sentence) and “Брюссель” (Brussels), respectively. Gradually the number of long headlines increases:

1923 Как обманывают общественное мнение и как в “демократиях” обращаются с парламентом

1928 Рамзей Макдональд, Стенлей Болдуин и английская коммунистическая партия

²⁵ The record for brevity may belong to the journalist Men'shom, whose article of 9 November 1918 was entitled “Эй!” (“Hey!”; The engineer of the locomotive of world revolution shouts to its enemies “Hey, get out of the way!”).

“Национальные интересы” Японии, миролюбие европейских империалистов и Лига Наций

Лорд Кешендэн – женеvский соловей и сумерки мира на Дальнем Востоке
К задачам хозяйственного руководства в связи с повышением хлебных цен
Малиновый звон архиепископа Кентерберийского, или азарт и наша борьба за мир

- 1933 Борьба за твердую трудовую дисциплину – основное условие успеха сева
Успех весеннего сева в совхозах венчается победой комбайна на уборке
Развернем всесоюзное соревнование на первенство в уборке и поставке зерна государству
Деловая уступка советской делегации в Токио и двусмысленные маневры г. Охаси
Взять в будущем году урожай и доход на трудодень еще больше нынешнего

This tendency toward antithesis is addressed in more detail below and in Chapter 5.

2.3 Lexical polarization

It was noted above that *we* and *they* are constantly opposed to each other in slogans and headlines. In Soviet political discourse this Manichean principle is accompanied by the assignment of certain words to one of two poles, a process that will be referred to below as the lexical polarization.

Semantically close words in various contexts occur at opposite poles within a specific section. In the editorial “Беречь автомашину!” (“To take care of a car!”; 16 September 1933) it is clear that the automobile is a positive phenomenon, whereas even the brief context of the heading of Emel’ian Iaroslavskii’s article “Борьба с автомобильной вакханалией” (“Struggle against the car bacchanal”; 16 November 1923) indicates that it is negative, and in fact the piece criticizes the wasteful (“prestigious”) use of automobiles. Individual occurrences such as this are of course quite sporadic, but quite often word-use statistics clearly show that words with a constant evaluative colouring have become entrenched in the minds of readers. The word *революционный* (*revolutionary*), for example, practically always occurs in a positive context (33 times). The only exception is the heading of Lenin’s essay “О революционной фразе” (“About a revolutionary phrase”; 21 February 1918). No Leninist would dare use this almost sacred word with such irony.

In the tables 7 and 8 (pp. 85–91) structured on the combined material of slogans and the headings of editorials and signed articles between 1918 and 1923 vocabulary is arranged along two poles.

Table 7. Dynamics of word frequency in positive contexts
(slogans and article headings).

Total nouns, adjectives, adverbs, and verbs	All years	1917/18	1923	1928	1933
	4307	514	1023	803	1967
авангард	5	-	2	-	3
активный (-ость)	2	-	1	-	1
американский	3	1	2	-	-
антирелигиозный	2	-	1	1	-
армия	10	-	2	5	3
батальон	3	-	1	2	-
бдительность	8	-	-	-	8
беднота	7	3	1	3	-
бедняк	4	3	-	-	1
бережь (-жный)	10	-	-	-	10
беспощадный (-о, -ость)	12	7	1	-	4
блестящий	4	-	-	1	3
боевой	11	-	1	6	4
боец	7	-	1	2	4
бой	5	-	3	1	1
больше	4	-	-	1	3
большевизм	5	-	3	2	-
большевик	7	-	-	2	5
большевистский	43	-	-	3	40
борьба (-отья)	8	-	3	-	5
борьба (-отья)	67	2	11	20	34
братья (-ский, -ство)	16	6	3	1	6
будем	3	-	1	1	1
будущий (-ее, -ность)	6	-	3	2	1
будьте	6	-	3	1	2
важный (-йший, -ость)	16	-	3	7	6
великий (-чайший)	24	2	8	6	8
верный (-йший, -ость)	11	-	1	5	5
весь	96	34	19	15	28
вительзь	2	-	1	1	-
ВКП(б)	9	-	-	2	7
власть	3	1	1	-	1
военный	4	2	2	-	-
вождь	8	-	1	2	5
воспитать (-ние, -ывать)	4	-	1	-	3
вперед	17	2	2	3	10
всемерный (-о)	4	-	-	1	3
всемирный	6	-	3	3	-
выполнить (-ние, -нать)	12	-	-	1	11
высокий (-сший, выше)	20	-	-	2	18
выше знамя	7	-	-	-	7
генеральная линия	3	-	-	2	1
Германия (-ский)	26	8	13	2	3
герой (-ческий, -ство)	10	-	-	3	7
главный	5	-	-	-	5
годовщина	10	1	4	3	2
гордый (-о, -ость)	4	-	2	2	-
город (-ской)	11	6	2	1	2
горячий	5	-	3	1	1
государство (-нный)	6	-	4	-	2
готов-	8	-	2	2	4
гражданская война	2	1	-	1	-
громадный	2	-	1	-	1
да здравствует	96	35	12	9	40
движение	6	1	2	-	3
действительный (-о)	5	-	-	1	4
дело	24	2	1	4	17
демократия (-ческий)	4	2	1	1	-
демонстрация	6	-	2	2	2
депутат	6	6	-	-	-
деревня (-ский)	18	6	4	5	3
дети	3	-	1	-	2
диктатура	8	3	1	2	2
диктатура пролетариата	6	1	-	1	4
дисциплина	18	-	-	1	17
добить (-вать)	7	-	-	-	7
добиться	8	-	-	2	6
доблесть (-ный)	4	-	-	2	2
дорога	4	-	3	-	1
дружный (-о, -ее)	3	-	2	1	-
Европа (-ский)	6	-	4	1	1
единственный	3	1	1	1	-
единство	9	-	3	1	5
единый	3	-	2	1	-
единый фронт	12	1	5	-	6

железный	9	-	1	2	6
живой	3	1	-	2	-
жизнь	8	-	1	2	5
жизнь	4	-	2	1	1
за	98	2	1	24	71
завоевать (-ние)	3	-	1	-	2
задача	40	1	11	14	14
защиточный	6	-	-	-	6
защита (-щать)	12	1	3	3	5
звено	6	-	2	2	2
земля	13	7	2	1	3
зеница ока	3	-	-	-	3
знамя	3	1	1	1	-
зоркий (о)	5	-	-	1	4
идейный (-о, -ость)	6	-	-	2	4
идти	6	-	2	1	3
ИККИ	3	-	1	2	-
индустрия (-зация)	5	-	-	4	1
интернационал	8	-	1	3	4
история (-ический)	10	1	5	1	3
итоги	6	-	-	5	1
качество	11	-	-	-	11
Китай (-ский)	8	-	-	4	4
класс	8	2	1	1	4
классовая борьба	3	-	-	3	-
классовый	9	-	2	1	6
колония (-льный)	3	-	1	1	1
колонна	3	-	2	1	-
колхоз	45	-	-	3	42
командир	3	-	-	1	2
Коминтерн	12	-	1	9	2
коммунизм	10	-	4	1	5
коммунист	19	3	6	3	7
коммунистический	22	-	4	7	9
компартия	5	-	-	2	3
комсомол	17	-	4	3	10
конгресс	9	-	1	7	1
кооперат-	7	-	3	4	-
Красная Армия	11	-	3	2	6
красноармейцы	8	-	4	1	3
красный	26	5	10	3	-
Красный Флот	3	-	3	-	-
креп-	11	-	3	-	8
крестьянин-	63	22	24	4	13
кровь	4	1	3	-	-
крупный (-йший)	4	-	1	-	3
культура-	14	-	5	2	7
Ленин	18	1	4	7	6
Ленинград (-ский)	4	-	-	1	3
ленинизм	5	-	3	-	2
ленинский	29	-	-	8	21
Либкнехт	4	4	-	-	-
ликвидация (-ировать)	7	-	2	-	5
линия	5	-	-	5	-
лицо	5	-	-	1	4
лучше (-ий)	9	1	3	1	4
люди	4	-	2	1	1
май	6	-	3	1	2
Маркс-	9	-	2	1	6
массовый	6	3	1	2	-
массы	21	1	2	8	10
международный	22	7	10	2	3
миллионы (-ный)	12	-	3	2	7
мир	20	-	3	2	15
мир (peace)	22	7	5	3	7
мирный	3	-	-	1	2
мировой	21	1	2	10	8
могучий	6	-	-	1	5
молодой (-молодежь)	10	-	6	1	3
Москва (-ский)	12	1	5	3	3
мощь (-ный)	10	-	3	1	6
мужество (-нный, -нно)	4	-	2	1	1
мы	29	1	22	5	1
на	24	-	1	4	19
народ	8	4	3	-	1
народы	14	4	3	3	4
наступление	5	-	-	5	-
наука	5	-	-	-	5
национальный	4	-	1	-	3
нац	67	2	50	6	9
необходимый (-ость)	3	1	2	-	-
непобедимый (-ость)	4	-	-	1	3

несокрушимый	5	-	1	2	2
новый	50	4	8	5	33
нужен	4	-	1	2	1
обеспечить (-ние, -вать)	9	-	-	2	7
образец	14	-	-	-	14
общество	3	-	2	-	1
овладеть (-ние, -вать)	14	-	-	-	14
оздоровление	3	1	1	-	1
октябрь	18	-	2	6	10
октябрьский	10	2	3	1	4
оплот	7	-	4	1	2
опыт	3	2	1	-	-
организатор	10	-	3	1	6
организация (-нный, -о)	11	2	-	2	7
организовать (-ность)	6	-	-	1	5
орудие	4	-	1	-	3
оружие	4	1	2	1	-
освободить-	6	1	4	-	1
освоение	5	-	-	-	5
основа	7	-	2	1	4
основой	4	-	1	1	2
ответ	8	1	6	-	7
отечество	4	-	-	-	4
отпор	4	1	2	-	1
очистить	3	-	-	1	2
партийный (-ость)	15	-	9	1	5
партия	71	6	17	18	30
первый	12	3	3	2	4
передовой	9	-	1	-	8
печать	3	-	2	1	-
пионеры	3	-	1	-	2
план	8	-	-	-	8
пленум	8	-	1	5	2
плечо	4	-	4	-	-
по-большевистски	4	-	-	-	4
победа	44	3	10	7	24
победить (-ждать)	12	3	2	4	3
победоносный (-о)	6	-	-	-	6
повышение (-сить)	6	-	-	1	5
под знаменем	12	-	1	3	8
подготовка (-ить)	6	-	1	1	4
поднимать (-нять, -нятие)	11	-	3	1	7
подъем	6	-	-	1	5
политика (-ический)	26	7	3	1	15
полный (-остью)	9	-	1	2	6
помощь (-ник, -гать)	5	-	3	-	2
пора	5	-	2	-	3
последний	4	1	1	-	2
правительство	3	1	2	-	-
праздник (-чный)	7	-	4	2	1
практика (-ческий)	3	-	1	-	2
привет (-ствовать)	33	5	7	7	14
приговор	4	-	1	2	1
признание	3	2	1	-	-
продолжать (-ить)	3	-	-	1	2
производство	8	-	1	-	7
пролетариат	16	1	7	3	5
пролетарий	23	1	10	3	9
пролетарская диктатура	3	1	-	1	1
пролетарский	28	-	10	7	11
промышленный (-ость)	4	-	2	2	-
пропаганда	3	-	2	1	-
профсоюзы	8	-	1	5	2
пусть	11	-	5	5	1
путь	7	2	1	1	3
пятилетка	13	-	-	-	13
работа (-ать)	21	1	3	4	13
работник	5	-	1	-	4
работница	14	1	2	1	10
рабоче-крестьянский	5	-	3	1	1
рабочее движение	4	-	4	-	-
рабочий	21	11	8	2	-
рабочий (суц.)	95	45	19	6	25
рабочий класс	21	3	5	3	10
развернуть (-ывание)	3	-	-	1	2
развитие	8	-	2	4	2
разоружить (-ение)	4	-	-	4	-
расти (рост)	5	1	1	2	1
революционный	33	5	5	5	18
революция	55	14	18	12	11
резерв	3	-	2	-	1

республика	5	1	3	1	-
решающий	4	-	-	2	2
решение	8	-	2	5	1
решительный (-о)	6	-	1	4	1
РКП	6	-	6	-	-
Россия (-ский)	7	3	4	-	-
рука	9	-	9	-	-
руководство-	19	-	1	6	12
русский	4	2	2	-	-
ряды	16	1	3	3	9
самокритика	4	-	-	4	-
светлый	3	-	1	2	-
свобода (-ный)	3	1	-	-	2
себестоимость	4	-	-	1	3
село (-ский)	4	-	-	2	2
сердце	3	-	1	2	-
серьезный	5	-	-	2	3
сила	13	-	4	3	6
сильный (-ее)	6	-	1	2	3
слава (-ный)	7	-	2	2	3
слава	4	-	3	1	-
смотреть	4	-	2	1	1
снижение	3	-	-	1	2
собратья (-братья)	3	-	2	1	-
собственность	5	-	-	-	5
совет	3	2	1	-	-
Совет Нар. Ком.	4	4	-	-	-
советская власть	11	7	1	1	2
советский	33	5	10	3	8
Советский Союз	5	-	1	1	3
советы	16	8	1	1	6
совхоз	5	-	-	-	5
солдаты (-ский)	43	40	1	2	-
соревнование	10	-	-	-	10
социал-демократ-	4	2	1	-	1
социализм	26	6	-	6	14
социалистический	37	3	1	9	23
союз	25	7	10	1	7
союзник	3	2	1	-	-
сплотить-	8	-	1	3	4
СССР	21	-	5	4	12
Сталин	16	-	-	-	16
страна	36	-	11	5	20
строжайший	4	1	-	-	3
строить-	29	1	4	5	19
съезд	26	5	9	9	3
Съезд Советов	18	18	-	-	-
сырье (-вой)	3	-	1	-	2
твердый (-ость)	4	1	-	1	2
темп	4	-	-	4	-
теория	5	-	1	-	4
техника (-ический)	21	-	-	-	21
товарищ	39	10	8	-	21
торжество	4	-	-	2	2
труд (-овой)	26	6	6	4	10
трудящийся	28	7	4	3	14
тысяча	3	-	1	-	2
угнетенный	8	2	1	3	2
удар (-ить)	4	-	-	2	2
ударник-	15	-	-	-	15
ударный	3	-	1	-	2
укрепить-	18	1	-	2	15
улучшить (-ние, -ать)	6	-	2	-	4
уровень	6	-	-	1	5
урожай (-ность)	16	1	1	1	13
урок	6	1	1	3	1
усилить	7	-	-	3	4
успех	9	1	-	1	7
фронт	6	1	1	3	1
хлеб-	11	2	2	1	6
хозяйство (-нный)	10	-	5	3	2
хотеть	3	-	1	1	1
ЦК	9	-	-	2	7
честь (-ный, -но)	9	-	1	1	7
член	5	-	1	2	2
шаг (-ать)	6	1	1	-	4
широкий (-е, -ться)	5	-	-	3	2
школа	5	-	3	1	1
экзамен	5	-	-	1	4
экономия	4	-	2	-	2
юный	4	-	2	-	2

Table 8. Dynamics of word frequency in negative contexts
(slogans and article headings).

Total nouns, adjectives, adverbs, and verbs	All years	1917/18	1923	1928	1933
	1609	253	610	391	355
американский	3	2	–	1	–
Англия (-ский)	9	–	4	4	1
антигосударственный	3	–	–	–	3
антисоветский	3	–	–	1	2
Бавария (-ский)	3	–	3	–	–
банда (-ит)	3	–	1	1	1
банкир	2	–	1	1	–
белый	4	1	2	1	–
бессилие (-ный)	2	–	1	1	–
блок	2	1	1	–	–
бойня	3	–	1	2	–
борьба (-отья)	7	2	–	2	3
брак	4	–	–	–	4
буржуазия	5	2	3	–	–
буржуазный	9	–	4	3	2
бюрократ-	5	–	–	2	3
весь	10	3	3	1	3
вечный мир	3	–	–	3	–
Вильсон	3	3	–	–	–
власти	2	–	1	1	–
внутренний	2	–	–	1	1
военщина	2	–	1	1	–
военный	2	–	–	1	1
вождь	3	–	–	1	2
война	12	6	4	1	1
вор	2	–	–	1	1
враг	13	5	4	2	2
враг народа	8	5	–	–	3
враждебный	2	–	–	1	1
вредитель-	5	–	–	–	5
Второй Интернационал	4	–	1	1	2
выступление	2	1	1	–	–
генерал	4	–	4	–	–
Германия (-ский)	17	–	12	3	2
главный	3	–	–	2	1
голод (-ный)	5	–	1	–	4
господин	9	1	6	1	1
готовить	3	–	1	–	2
грабеж (-ить)	4	–	3	–	1
двусмысленный (-ость)	2	–	1	–	1
декларация	2	–	1	1	–
демократия (-ический)	5	3	2	–	–
державы	3	–	1	2	–
диктатура	7	2	2	–	3
договор	3	2	–	1	–
дойой	19	7	–	1	11
Европа (-ский)	5	–	4	1	–
жандарм	2	1	–	1	–
железный	3	–	3	–	–
Женева (-ский)	3	–	–	2	1
за	8	1	5	1	1
задушить	3	1	2	–	–
игра	3	–	1	2	–
измена	3	–	3	–	–
империализм	6	1	–	4	1
империалист	10	1	2	3	4
империалистический	6	2	2	1	1
империалистский	2	–	1	1	–
иностранный	2	–	1	–	1
интеллигент-	3	1	2	–	–
интервенция	3	–	–	2	1
капитал	21	5	7	3	6
капитализм	10	–	–	1	9

капиталист	8	1	5	2	-
капиталистический	11	1	4	1	5
катастрофа	3	-	3	-	-
Керзон (-иада, -ята)	10	-	10	-	-
класс	4	-	-	1	3
классовый враг	5	-	-	2	3
клевета (-ник)	2	1	1	-	-
Колчак-	3	1	2	-	-
комедия	2	-	1	-	1
коммунистический	2	-	1	1	-
конец	3	-	2	-	1
контрреволюция-	12	6	4	1	1
конференция	4	-	1	2	1
кризис	13	-	6	1	6
кровавый	5	-	2	2	1
кулак-	12	1	-	3	8
лакей	3	-	3	-	-
левый (-ацкий)	8	1	2	2	3
лицемер-	3	1	1	1	-
лодырь	4	-	-	-	4
Лозанна (-ский)	3	-	3	-	-
лорд	3	-	2	1	-
Макдональд	3	-	-	3	-
малый	2	-	1	1	-
маневры	5	-	-	4	1
международный	2	1	1	-	-
меньшевик-	5	2	3	-	-
мир (world)	8	-	4	2	2
мир (peace)	6	1	1	4	-
мировой	4	2	-	1	1
назад	3	-	1	1	1
нападение (-ать)	6	1	2	-	3
нарушить (-итель)	3	-	1	-	2
насилие (-ник)	4	-	3	1	-
наступление	7	1	3	1	2
национальный	2	-	1	1	-
начало (-инать)	3	-	3	-	-
немецкий	3	2	1	-	-
никакой	4	2	-	-	2
новый	17	2	7	5	3
норвежский	3	-	2	1	-
обман (-ывать)	3	2	1	-	-
оккупация	3	-	2	1	-
окровавленный	2	1	1	-	-
они	3	1	1	1	-
опасность (-ый)	13	3	1	8	1
оппозиция	2	-	1	1	-
оппортунист-	6	-	1	2	3
остатки	6	-	-	-	6
отравленный (-итель)	3	1	1	1	-
отставание (-ать)	6	-	-	-	6
отчаяние	2	1	1	-	-
палач	5	-	3	1	1
партия	3	-	2	-	1
петля	3	1	2	-	-
план	4	-	2	2	-
по стопам	2	1	1	-	-
поджигать (-тель)	2	-	1	-	1
подлый (-ость)	5	-	4	1	-
политика	2	-	1	1	-
Польша (-ский)	7	-	5	2	-
помещик	9	4	3	2	-
помощник (-гать)	3	-	-	1	2
поп	2	-	1	1	-
попытка (-аться)	5	3	2	-	-
поражение	2	1	-	-	1
последний	3	3	-	-	-
потеря (-ть)	3	-	1	-	2
правительство	7	1	5	1	-

правый	15	-	2	11	2
предать-	11	5	2	3	1
пресса	3	-	2	1	-
примиренцы (-ство)	3	-	-	3	-
провал	2	-	-	1	1
провокатор войны	3	-	-	-	3
провокация-	14	5	3	1	5
проклятый (-ие)	3	1	1	1	-
пытаться	4	1	1	-	2
пьяный	3	3	-	-	-
работладельцы	2	-	1	-	1
работа	5	1	3	1	-
рабство	3	-	3	-	-
разбойник-	7	5	1	1	-
развал (-иваться)	4	-	3	-	1
расстрел-	3	1	-	2	-
расти	2	1	1	-	-
реакция	2	-	-	1	1
ревизия	3	-	3	-	-
реформизм-	5	-	2	3	-
Россия (-ский)	2	-	1	1	-
саботаж-	4	1	1	-	2
сговор	2	-	1	1	-
сила	6	1	2	3	-
слово	3	2	1	-	-
слуга	4	3	1	-	-
смерть	4	1	2	-	1
социал-демократ-	14	-	9	2	3
социализм (-ист)	2	-	1	1	-
союз	4	1	3	-	-
союзник (-ный)	3	3	-	-	-
спасти	2	-	1	-	1
спекулянт	3	-	1	-	2
старый	3	-	1	2	-
страх-	4	1	2	1	-
строй	2	-	-	1	1
тенденция	3	-	-	-	3
террор	4	-	-	1	3
товарищ	4	-	4	-	-
травля	2	-	1	1	-
тяжелый	3	2	-	1	-
убить-	7	-	7	-	-
угнетение-	3	-	2	1	-
угроза	5	2	2	1	-
удар	3	1	-	2	-
уклон	7	-	1	6	-
ультиматум	5	-	5	-	-
умирающий	3	1	-	-	2
Учредительное Собрание	4	4	-	-	-
фашизм-	33	-	11	1	21
фраза	2	1	1	-	-
фракция (-ионный)	4	-	4	-	-
Франция (-цузский)	8	-	6	2	-
хвост (-истский)	3	-	1	-	2
хотеть	2	-	1	1	-
царский (-ство)	6	1	4	1	-
цель	4	-	3	-	1
черный	2	1	1	-	-
чужак	2	-	-	1	1
шаг	3	-	1	2	-
шатания	3	-	-	3	-
Шейдеман	3	3	-	-	-
шпион (-аж)	2	-	1	-	1
Штрреземан	7	-	6	1	-
Эберт	2	-	2	-	-
элементы	4	-	-	1	3
эсеры	3	2	1	-	-
Япония-	7	1	-	4	2

Table 7 shows certain changes in the composition of positive symbols. Thus in the first period 1917–1918 hymnal lexemes such as *да здравствует* (*long live*), *слава* (*glory*), *славный* (*glorious*) predominate, with a striking frequency of 64 of 100 contexts; that is, 3–4 times more than in the following periods. An even more important feature of this period is the focus on class: *рабочие* (*workers*), *крестьяне* (*peasants*), *солдаты* (*soldiers*), to which are later added *работники* (*workers*), *работницы* (*working women*), *крестьянки* (*peasant women*), *колхозники* (*collective farmers*), *колхозницы* (*collective farmers women*), and *красноармейцы* (*Red Army men*). The corresponding figures for the various periods are 200, 44, 14, and 32. The same decreasing trend in class accent is evident in the relative frequencies of the adjectives *рабочий* (*working*), except for the collocations *рабочий класс* (*working class*), *рабочее движение* (*working movement*), *крестьянский* (*peasant*), and *рабоче-крестьянский* (*working and peasant*): 31, 15, 4, and 1. Remaining relatively stable, in contrast, are the theoretical abstractions reflected in the word *крестьянство* (*peasants*) and the collocation *рабочее движение* (*working movement*), and in all derivations from *класс* (*class*), *пролетарий* (*proletariat*), and *труд* (*labour*) (47, 50, 42, and 38). Obviously there is a sharp decrease in the frequency of symbols associated with events: *советская власть* (*Soviet power*), *съезд советов* (*congress of Soviets*), *депутат* (*deputy*), *Либкнехт* (*Liebknecht*), *мир* (*peace*), *революция* (*revolution*), and *Советы* (*Soviets*) (124, 24, 26, and 13). By the end of the 1920s there is a decline in the use of the epithet *красный* (*red*) except for the collocation *Красная Армия* (*Red Army*): 10, 10, 4 and 0.

As time goes on the class opposition gives way to geographical contrasts. In 1923 the positive pole of this new opposition is expressed by the words *мы* (*we*), *наш* (*our*), *страна* (*country*), and *Москва* (*Moscow*): 8, 86, 21, and 16. Later lexemes are *Советский Союз* (*Soviet Union*), *СССР* (*the USSR*) and *отечество* (*fatherland*) (0, 6, 6, and 10). Compare this with slogans from 1933:

Пролетарии всех стран! Защищайте страну советов – отечество всего мира!

Да здравствует большевистская Москва, столица СССР – отечество международного пролетариата и угнетенных народов всего мира!

Paradoxically, the end of the Civil War stimulates the growth of three positive symbols – *борьба* (*struggle*), *за* (*for*), *задача* (*task*): 10, 22, 79, and 63. The use of four positive symbols reflecting the struggle within the Party peaks in 1928: *линия* (*line*), *пленум* (*plenum*), *единство* (*unity*), *большевик* (*bolshevik*) (0, 8, 19, and 6), as do four others connected with economic growth – *индустрия* (*industry*), *индустриализация* (*industrialization*), *темп* (*rate, speed*), *наступление* (*offensive*) (0, 4, 16 and 4). 1928 also witnesses a sharp increase in the frequency of hierarchical symbols – *ЦК* (*Central Committee*), *вождь*

(*leader*), Сталин (*Stalin*), во главе (*led by*), руководство (*leadership*) and words associated with them (0, 2, 10, and 21). The words typical of slogans in 1933 have already been mentioned above. Here we can note positive symbols connected with the notion of “a high degree”: *высокий* (*high*), *высочайший* (*highest*), *выше* (*higher*), *повысить* (*increase, v*), *повышение* (*increase, n*), *поднимать* (*raise*), *поднятие* (*raising*), *поднять* (*raise*), *подъем* (*raising*), *подымать* (*raise*), *уровень* (*level*) (0, 4, 7, and 20). A new symbol appearing in 1933 (6 occurrences) is the word *зажиточный* (*well-off*):

Поднимем всех колхозников, бывших бедняков и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь. (Сталин)

В СССР несокрушимый союз рабочих и крестьян обеспечивает победу колхозного строя, зажиточную и культурную жизнь колхозников.

За зажиточную, культурную колхозную жизнь!

Наша ближайшая задача – сделать всех колхозников зажиточными.

По пути к зажиточной жизни.

Новый шаг к зажиточной жизни.

All of these slogans and headlines were written during the terrible famine in Ukraine.

The total negative vs. positive symbols occur at a ratio of 1:2, but in 1933 it is 1:6. The dynamics of the negative word symbols is less expressive than that of the words at the positive pole. For the most part it correlates with changes in the frequency of antonyms: *контрреволюция/революция* (*counterrevolution/revolution*), *война/мир* (*war/peace*), *белый/красный* (*white/red*). Contrasting with the positive intraparty words in 1928 *линия* (*line*), *плenum* (*plenum*), *единство* (*unity*), *большевик* (*Bolshevik*) are the words *шатания* (*vacillation*), *уклон* (*deviation*), *опасность* (*danger*), *левый* (*left*) and *правый* (*right*), whose total relative frequency per 1000 negative symbols changed through the periods as follows: 16, 8, 76, and 14. In 1923 derivatives of the word family *убить* (*kill/murder*), and the words *ультиматум* (*ultimatum*), Керзон (*Curzon*), and фашизм (*Fascism*) were independent symbols marking negative events.

Let us now turn to a comparison of the two poles, beginning with evaluative vocabulary of a general rather than specialized nature. The following words are at the positive pole: *да здравствует* (*long live*), *великий* (*great*), *блестящий* (*brilliant*), *хороший* (*good*), *лучше* (*better*), *лучший* (*the best*), *слава* (*glory*), *славный* (*glorious*), *гениальный* (*of genius*), *золотой* (*golden*), and *мудрый* (*wise*). They constitute 3.5% of the total positive symbols. Words at the negative pole are *долой* (*away with*), *подл-* (*mean*), *позорн-* (*disgraceful*), *проклятый* (*damned*), *чудовищ-* (*monstrous*), *гнусный* (*villainous*), *жалкий*

(*wretched*), злодей (*villain*), недопустимый (*inacceptable*), презренный (*contemptible*), and ужасный (*horrible*), which make up 2.3% of the total.

As might be expected, semantically universal words are not strongly polarized, and *весь* (*whole/total*), *мир* (*world*), *мировой* (*world*), *международный* (*international*), *всеобщий* (*total*), and *человечество* (*humanity*) occur in both positive and negative contexts. The positive ones, however, also include words such as *тысячи* (*thousands*), *миллионы* (*millions*), *миллионный* (*million*), *на свете* (*in the world*), *народы* (*people*), and *несметный* (*innumerable*). The group as a whole constitutes 5.0%, whereas at the negative pole it makes up only 2.0%.

Maximum lexical difference is expected in the group of anthroponyms and adjectives derived from them. Obviously, at the positive pole are the names of Lenin, Stalin, Marx,²⁶ and the victims of capitalism Liebknecht, Adler, Béla Kun, Vorovskii, Dimitrov, and Thälmann. Only Trotskii occurs in both lists at once. At the positive pole, however, names comprise 2.3% of the total, while at the negative they make up 4.9% and include Curzon, Stresemann, Vandervelde, Wilson, Wrangel, Kolchak, MacDonald, Seeckt, Trotskii, Tsankov, Scheidemann, Ebert, and 37 other names occurring once.

There is even greater contrast in the use of toponyms and derivative adjectives: 2.6% at the positive pole, 6.7% at the negative. The same geographical name, of course, can appear in both positive and negative contexts. A typical example is Germany, but the Soviet Union and the USSR are used only positively. Even Russia can occur in a negative context, as in the editorial *Российские “представители” во II Интернационале* (*Russian “representatives” in the Second International* 15 April 1923) or the 1928 First of May slogan *Рабочие СССР, победители старой романовской России [...]* (*Workers of the USSR, conquerors of Russia of the Romanovs*). What was mentioned above in connection with *мы* (*we*) and *наш* (*our*) to identify the USSR (especially in 1923), however, also needs to be taken into account. Toponym distribution along the two poles is typical of the 1920s, whereas in the 1930s the self-imposed ideological isolation of the Soviet Union causes a decrease in the number of specific foreign toponyms in negative headline contexts and an increase, quite naturally, in the positive use of names of the Union republics.

There is also a certain disproportion in the group that might conditionally be called “Goal,” in which the words *за* (*for*), *план* (*plan*), *готов* (*ready*) and *помощь* (*assistance*) and their derivatives are found at both poles. This group makes up 4.6% of the positive symbols and 3.4% of the negative ones. The lexical differences are rather large: to the above words at

²⁶ Marx also occurs at the negative pole, but in this case it is the name of a chancellor of the Weimar Republic.

the positive pole may be added *задача* (*task*) and *пусть* (*let*) as well as two subgroups:

- *звать* (*call*), *будем* (*let us*), *будьте* (*be*), *лозунг* (*slogan*), *манифест* (*manifesto*), *клич* (*call*), *обращение* (*address, appeal*), *призыв* (*call, appeal*), *призвать* (*call, v*)
- *основа* (*foundation*), *база* (*basis*), *заявление* (*guarantee*), *ключ* (*key*), *поручение* (*guarantee, responsibility*), *фундамент* (*foundation*). In the word symbols at the negative pole a seme of “uncertainty” is observable: *пытаться* (*attempt, v*), *попытка* (*attempt, n*), *проба* (*trial/test*), *прожектерство* (*hare-brained plans*), *ставка* (*stake*), *тупик* (*deadlock*), *удастся* (*succeed*), and sometimes a seme of “maliciousness” – *замыслы* (*underhand plotting*), *происки* (*intrigues*), *коварный* (*insidious*)

The groups *война* (*war*), *мир* (*peace*) and *борьба* (*struggle*) with a very significant shared lexical component are found at both poles: *война* (*war*), *военный* (*military*), *наступление* (*offensive*), *поход* (*campaign*), *стратегия* (*strategy*), *фронт* (*front*), *штурм* (*assault*). There are also differences, of course. In the negative sphere are *нападение* (*attack*), *интервенция* (*intervention*), *оккупация* (*occupation*), *вторжение* (*invasion*), *завоевание* (*conquest*), *захватчик* (*invader*), *штык* (*bayonet*), *дезертир* (*deserter*), while the positive one contains especially many military appellations: *авангард* (*advance-guard*), *батальон* (*battalion*), *боевой* (*battle, adj.*), *боец* (*fighter*), *бой* (*fight*), *витязь* (*knight, hero*), *вооружить* (*arm, v*), *герой* (*hero*), *доблесть* (*valour*), *колонна* (*column*), *командир* (*commander*), *мобилизация* (*mobilisation*), *оплот* (*stronghold*), *оружие* (*weapon*), *отряд* (*detachment*), *смотр* (*inspection*), *солдаты* (*soldiers*), *фаланга* (*phalanx*), *штаб* (*headquarters*).

The semantic systems of the two poles are structured differently, although at both there is a group with the identical hyperonym *class*. Four important groups can be identified in the positive sphere. The entire word family is indicated before the illustrative examples, which are followed in parenthesis by the percentage of the groups in the total symbols of the sphere:

- **Class:** рабочий, крестьянин, пролетарий, массы, солдаты, работник, народ, бедный, низы, профсоюз, труд, город, деревня and even exoticisms such as кули и феллах (10.2%)
- **Party:** коммунизм, большевик, социализм, Коминтерн, ИККИ, конгресс, интернационал, РКП, ВКП, организация, внутрипартийный, линия, единство (9.0%)
- **Leaders:** ЦК, пленум, Сталин, организатор, вождь, во главе, возглавить, воспитание, решение, директива, указание, аппарат (2.2%)
- **Red Army:** авиация, флот, обороноспособность (0.7%)

There are five groups in the negative sphere:

- *Class*: капитал, помещик, кулак, империалист, буржуазия, банкир
- [*Nep*]: акционерный, верхи, синдикатники (5.2%)
- *Authorities*: правительство, бюрократ, диктатура, кабинет, канцелярия, поработить, пята, рабство, угнетение, эксплуатация, цепь and a number of words that occurred once: господство, деспотический, закованный, застенки, казенщина, кандалы, каторжный, парламент, премьер, рейхстаг, решетки, тюрьма (3.4%)
- *Enemy*: фашизм, антисоветский, банда, белый, Лига Наций, союзный, Антанта, противник, эмигрантский (3.7%)
- *Betrayal*: социал-демократ, агент, Амстердам, лакей, слуга, предать, оппортунизм, ревизия, реформист, меньшевик, эсеры, социализм,²⁷ желтый, Каин, ренегат, соглашательский, сотрудничество, социал-пацифизм, социал-предатель, социал-прислужающий, социал-фашист, социал-холоп (5.0%)²⁸
- *Internal enemy*: вредитель, саботаж, враг народа, правый, левый, уклон, оппозиция, примиренцы, фракция, нарушать, портить, шпион (4.4%)

Lexical groups such as the following are also typical of the positive sphere:

- *Will*: бдительный, беспощадный, выдержка, диктатура, жесткий, зоркий, крепкий, мужество, начеку, ненависть, решительный, смелый, суд, твердый, энергия, бесстрашный, воодушевление, выковать, гнев, закаляться, карать, негодование, непримиримый, порыв, проклятья, решимость, суровый, должен, надо, необходимо, нужно, пора, хотеть (2.8%)
- *Effort*: всемерно, добиться, обеспечить, перестройка, поддержка, преодолеть, укрепить, выправить, исправить, неослабно, неустанно, подтянуться, тщательно (1.6%)
- *Growth*: высокий, выполнить, еще, закрепить, неуклонный, полностью, продолжать, расти, расширение, темп, увеличение, улучшение, уровень, широкий (2.5%)
- *Defeat*: впрах, вытравить, добить, изгнание, ликвидация, покончить, приговор, прицел, процесс, разбить, уничтожить, выгонять, вышибить, гнать, прекратить, разгром, расстрелять, рушиться, сломать, сокрушительный (1.0%)
- *Banner*: звезда, красный, праздник, священный, стяг, торжественно, флаг (1.5%)

²⁷ Cf. Lozovskii's article "Социализм в английской палате общин" ("Socialism in the English House of Commons"; 19 July 1923) and the editorial "Французские социалисты на путях 'положительной' политики" ("French socialists on the road to 'positive' policies"; 26 May 1928).

²⁸ The positive sphere contains the antonymical group *Faithful*: очистить (purge, cleanse), чистка (purge), испытанный (experienced), преданный (devoted), присягать (to take an oath), проверенный (tried) (1.4%).

Revolution (4.5%) октябрь, единый фронт, советы, восстание, сбросить, свержение	Counterrevolution (0.9%) ²⁹ реакция, переворот, путч
Victory завоевание, непобедимый, успех, достижение, семимильный	Defeat кризис, отступление, потеря, провал, развал, банкротство, раскол
Strength могучий, сила	Weakness бессилие, дремать, спать, немощь, мягкий, пощада, снисхождение, малый, элементы
Forward авангард	Backward отставать, хвост, затянуть, медлительность, мешать, плестись, топтание, тормоз
Discipline ряды, звено, плечо, рука, теснее, аккуратность, консолидация, порядок	Disorder выступление, шатания, бунт, вакханалия, дезорганизация, клубок, запутывать, междоусобица, узел, противоречия, хаос, чехарда

Table 9. Antonymic groups in polarized spheres.

- **Competition:** образцовый, первенство, передовой, ударный, пример, равняться (1.3%)
- **Importance:** внимание, главный, знаменательный, значение, крупный, основной, решающий, серьезный (1.0%)

There are another 15 groups in the positive sphere whose share ranges from 0.2% to 1.0%:

- **Movement:** дорога, переворот, превратить, развернуть, развитие, шаг, перевал, повернуть, поступь, преобразовать, продвижение, шествие
- **Technology:** индустр-, инженер, домна, машина, молот, паровой, топливо, трактор
- **Young:** комсомол, пионеры, юный, смена, племя
- **Science:** культура, учитель, учиться, школа

²⁹ The morpheme *контр-* (*counter-*) was so politicized that it created neologisms despite its etymological meaning “anti-.” The 15 April 1933 issue of *Pravda* features the banner in bold-face *Шаг за шагом суд разоблачает британских контрразведчиков* (*Step by step the court is unmasking the British counterspies*). The article is about an English engineer working in the USSR who is accused of spying. The word that should have been used, of course, is *разведчик* (*spy/intelligence operative*).

- **Master:** освоение, рационализация, реорганизация, реконструкция
- **Brother:** брат
- **Results:** документ, урок, экзамен, выводы, результаты
- **Protest:** голос, демонстрация, улица, громовой, громче, площадь, раздаться
- **Creation:** строительство, балка, воздвигнуть, кузнец
- **Life:** жизнь
- **Victim:** узник, угнетенный, колония
- **Freedom:** вольный, независимость, раскрепостить
- **Theory:** идейный, катехизис
- **History:** история
- **Truth:** действительно, разоблачать, настоящий

The following word symbols are extremely important in the negative sphere:

- **Deception:** маневры, провокация, двусмысленный, игра, извращение, клевета, козни, конференция, лицемерие, ложь, пакт, тайный, трюк, вертеться, дипломатия, доверие, заверение, клоун, кулисы, маска, мыльный пузырь, петарда, подделать, подлог, примазаться, сказка, скрытый, сплетня, тихой сапой, туман, шут, шутка

This group includes also words with ironic quotation marks – *джентльмен, добродетельный, добрый, прекрасный, честный* (4.4%).

- **Cruelty:** кровавый, палач, задушить, кровь, насилие, окровавленный, петля, расстрел, террор, арест, беспощадный, варвары, выколачивание, душегуб, душитель, замучить, казнь, мука, расправа, томиться, убой (2.7%)
- **Crime:** убить, вор, грабеж, к ответу, отравитель, разбой, расхитить, выстрел, налетчик, пожар, пуля, револьверный, с поличным, шайка (2.1%)
- **Threat:** опасность, ультиматум, буря, ввергнуть, грозить, грянуть, облачко, пугать, туча (1.9%)
- **Death:** бойня, гибель, гибнуть, колени, последний, умирающий, агония, вымирание, дно, звон, кладбище, крах, лопнуть, обломки, песенка спета, последыш, пучина, самоубийство (1.8%)

The negative sphere has another 5 groups whose share ranges from 0.5% to 1.0%:

- **Negative emotions:** жадность, отчаяние, страх, вздохи, горький, забота злобный, пессимизм, самодовольство, содрогаться
- **Poverty:** голод, нищета, нужда, прозябание, разорение, “рай”
- **Words:** декларация, дискуссия, разговаривать, речи, словоблудие, соловей
- **Misfortune:** катастрофа, тяжелый, землетрясение, зима, малярия, несчастный

- *Animal metaphors*: волчий, звериный, зверь, клык, копыто, кошки, лай, лапы, лисий, морда, ослиный, хищник

From a diachronic perspective slogans and headlines clearly demonstrate the phenomenon in concentrated form. It should be emphasized that whereas the occurrence of a word in the positive or negative sphere may be coincidental initially, it can later become an enduring fact of political discourse. Thus the words *тенденция* (*tendency*) and *элементы* (*elements*) were assigned to the negative pole for many decades.

An example in 1928 is the slogan “Очистим партию от социально-чуждых и разложившихся элементов!” (Let us purge the Party from socially alien degraded elements). In the 1933 First of May slogans *элементы* (*elements*) appears three times:

Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими. (Stalin)

Рабочие совхозов! Образцовым использованием машин и рабочего скота, повышением трудовой дисциплины, изгнанием кулацких элементов обеспечим выполнение высокого урожая на совхозных полях!

Очистим ряды большевистских от всех ненадежных, неустойчивых, примазавшихся элементов! Долой помощников классового врага.

The word *тенденция* (*tendency*) occurs three times in 1933:

Против антигосударственных тенденций (26 January 1933)

Разбить до конца хвостистские и иждивенческие тенденции (18 March 1933)

Вытравить антигосударственные тенденции! (10 September 1933)

A detailed description of the evolution of the vocabulary of Soviet political discourse is a task for the future. For such a project the texts themselves must obviously be studied *in toto*, whereas the present quantitative study is limited to editorials and signed articles from two months – October and December – of 1923. Lexical polarization in these articles is shown in full in tables V–VIII and are briefly summarized in the following.³⁰

Slogans and headlines in October 1923 were dominated by events in Germany, which seemed to be on the verge of a proletarian revolution. The first striking discovery in an analysis of the statistics (Tables V–VI) is the predominance of negative word symbols (1446 to 1223). It will be recalled that in slogans and headlines negative symbols were only half as frequent as positive ones. The negative sphere also displays significant lexical variety

³⁰ In the compilation of word frequencies the maximum frequency of a specific word-symbol in a single article has been limited to 5.

Positive pole	Negative pole
авангард 13, баррикады 6, беззаветный, битва 2, бой (боевой) 15, бурлить, бурный, буря 2, взрыв, взять за горло, винтовка 2, волнение 6, вооружен- 9, восстание (-ть) 9, героизм- 4, гнать в шею, закал (-енный), зарница, заря, застрельщик, инициатива (-ность) 2, конспиративный, массы 27, митинг, мобилизация 7, нарастающий, низвергнуть, низы 4, окопы, оружие 2, освободить (-ние) 3, отпор 2, пароль, партизан, побед- 27, поток, потрясать (-ение) 2, пролетариат- 57, протест- 6, рабочий 86, революция- 51, решимость 3, ринуться, ружье, смельчак 2, спартаковец (-ский) 2, сплотить (-ченный) 2, удесятерить, штурм (-овой) 3, штык 2, энергия (-чный) 3, энтузиазм	авантюер- 2, ажиотаж, Антанта 3, арьергард 4, ахиллесова пята, банда 7, банкрот 6, белый 11, болтать 2, буржуазия 55, в спину, Вандея, вооруженный до зубов 2, врасплох, гиена, гнилой 2, гнусный 2, голод 15, доктринер (-ство) 3, дряблый, дьявольский, жалкий 2, желтый 4, заговор (-щик) 3, закабалить, закатать, затопить 2, зверство, злодейский, злосчастный, измена (-ник) 8, измором, изнурение, капитал 14, капитулировать (-ция) 3, карательный, катастрофа 6, клика 2, кнут, колебание 5, контрреволюция 27 Корнилов (-ец) 2, крах 2, кризис 9, кровь 22, крушение, лавина, лавирование (-ать) 2, махинация 2, меньшевик 11, мерзавец, монархист 5, наглеть 4, насилие 4, науськивать, националист 8, недовольство 3, неустойчивость 3, низложить, нищета 2, обнищание, обрушиться, обыватель (-ский), оголтелый, одурачить, ожесточенный 3, озверелый, палач 8, парализовать, петля 4, пешка 2, пиррова победа, платонический, подлый 5, поднимать голову, подстрекать, показной 2, полиция 11, помещик 9, попутчик, поражение 4, порка, правый 15, ³¹ предать 15, предлог 2, провокация 5, пулемет 4, путч 4, пушечное мясо, разброд 3, разгон, раздавить, разруха 4, раскол 2, распад 2, расправа 4, расстрелять 3, расчленение 4, реакция 21, ребячий, реванш 2, режим 2, репрессии 2, робкий, розги 2, рок (-овой) 3, роспуск 2, рухнуть, рушиться, с перепугу, с позволения сказать 2, самороспуск, самоубийство, свинец 2, сдаться, сделка, сентенция, сепаратист 4, смертная казнь 4, соглашатель 2, сокрушительный, социал-демократ 40, социалист 3, спустить с цепи, срыв (-ать) 4, столкновение 3, телесное наказание, тенденциозный, тихой сапой, травить (-ля) 2, треск (-отня) 3, тюрьма 2, фалды, фашист 37, филистерский, фраза 2, ханжа 2, хаос 3, цинический, черносотенный 4, чехарда 2, чиновник 3, чреватый 2, чураться, шантажистский, шатания 3, ярость 3

Table 10. Frequency of word symbols of revolution and counterrevolution.

³¹ Note that the word *правый* (*right*) belongs exclusively to the negative sphere, and that *левый* (*left*) is equally represented in both. The same is true of *демократия* (*democracy*) and *демократический* (*democratic*), but it is less evident in the case of *социал-демократ* (*social-democrat*) and its derivatives, which occur 12 times in positive and 40 times in negative contexts.

Positive pole	Negative pole	Both poles
коллектив, коллективный, внутрипартийная демократия, рабочая демократия, самодетельный (-ость), у станка	казенный, казенщина, болезнь (-енный), ошибка	аппарат, партийный аппарат

Table 11. Key words of the 1923 debate.

	Positive	Negative
majority	1069	1142
minority	512	684 ³²

Table 12. Number of occurrences in positive and negative contexts.

(788 different words as against 475 in the positive sphere). On the whole, the distribution of vocabulary at the two poles corresponds to what was described above. The situation in reality, of course, affected word frequency, particularly that pertaining to events. To an even greater extent, however this is reflected in the “revolutionary” word symbols, and here those of counterrevolution are more varied.

The lion’s share of the materials in the December issues of *Pravda* come from a debate between the majority (Zinov’ev, Kamenev, Stalin) and the minority grouped around Trotskii. Key words of the exchange which did not appear in the paper in other periods are shown in tables 11 and 12 and in tables VII and VIII in the Appendix.

The frequencies of ЦК (*Central Committee*) and *правильный* (*correct*) in the positive sphere and *группировка* (*grouping*), *фракция* (*faction*), *фракционный* (*factional*), *неправильный* (*wrong, incorrect*) in the negative one are relatively high. As in October, the frequency and variety of word symbols is greatest at the negative pole (1800 uses vs. 1581 at the positive pole). Grouping the articles according to the political side of the discussion reveals a number of significant lexical divergences (negative symbols dominate on both sides, but the opposition uses them more forcefully).

³² On the side of the majority the articles were written by Grigorii Zinov’ev, Iosif Stalin, Mikhail Kalinin, Lev Kamenev, Emmanuil Kviring, and Nikolai Krylenko. On the side of the minority are articles by Evgenii Preobrazhenskii, Lev Trotskii, and Ivan Smirnov.

Table 13 a–c. Word symbols in the 1923 Party debate.

	Majority	Minority
<i>аппарат</i>	+13	+1 -12
<i>Бухарин</i>	+1	-2
<i>демократия</i>	+1 -4	+2
<i>Зиновьев</i>	+2	-9
<i>Каменев</i>	+2	-6
<i>критика</i>	+4 -3	+8
<i>орган</i>	+1	-2
<i>партийный аппарат</i>	+7	+1 -8
<i>Преображенский</i>	-13	+1
<i>режим</i>	+2	-4
<i>Троцкий</i>	+1 -4	+5

a) Words with opposite connotations. The table illustrates the distribution of words in positive and negative contexts as used by the Party majority and minority. An example of different connotations is the word *аппарат* (machinery, bodies). The majority used it 13 times in the positive context, while the minority used it once in a positive context and 12 times in the negative.

	Majority	Minority		Majority	Minority
<i>аппаратный, чик</i>	-	11	<i>недочет</i>	7	-
<i>буржуазия-</i>	18	1	<i>обвинение</i>	8	-
<i>бюрократ</i>	13	18	<i>оппозиция-</i>	13	3
<i>вредный</i>	-	3	<i>оппортунизм</i>	11	1
<i>гибель</i>	6	-	<i>отрицательный</i>	1	3
<i>дипломат (ия)</i>	6	1	<i>презренный</i>	4	-
<i>казенный-</i>	1	11	<i>разложение</i>	10	2
<i>кризис</i>	1	4	<i>свобода</i>	8	-
<i>критик</i>	7	-	<i>слабость</i>	6	-
<i>ложь-</i>	2	11	<i>сплетня</i>	5	1
<i>меньшевик-</i>	19	1	<i>форма-</i>	4	9
<i>фраза</i>	6	1			

b) Words with positive connotations.

	Majority	Minority		Majority	Minority
<i>авангард</i>	9	1	<i>перестроить</i>	-	3
<i>беспорный</i>	1	4	<i>политбюро</i>	5	-
<i>большевизм</i>	9	-	<i>правда (ивый)</i>	-	5
<i>большевик</i>	5	1	<i>пролетариат-</i>	32	7
<i>большевистский</i>	10	2	<i>путь</i>	7	-
<i>гарантия</i>	8	2	<i>революция</i>	27	24
<i>государство</i>	3	7	<i>решишь</i>	6	6
<i>деловой</i>	9	2	<i>руководить-</i>	16	3
<i>доверие</i>	10	1	<i>самодетельный-</i>	7	6
<i>жизненный</i>	-	3	<i>самостоятельный-</i>	4	5
<i>задача</i>	-	5	<i>свежий</i>	1	4
<i>инициатива</i>	-	3	<i>сила-</i>	9	1
<i>коллектив (ный)</i>	3	11	<i>собственный</i>	-	6
<i>культурный</i>	8	1	<i>сознательный</i>	2	4
<i>Ленин (изм,ский)</i>	38	6	<i>сплоченный-</i>	7	-
<i>линия</i>	11	-	<i>у станка</i>	2	3
<i>мнение</i>	-	4	<i>улучшение</i>	4	-
<i>обсудить (ение)</i>	1	4	<i>ЦК</i>	20	3
<i>опыт</i>	6	-	<i>честный</i>	5	-
<i>отвергнуть</i>	6	-	<i>штаб</i>	5	-
<i>ответственность</i>	4	5			

c) Words with negative connotations.

Number of occurrences in the 1923 Party debate in different contexts is shown in Table 13 a–c.

The rhetoric of the victorious majority determined certain features in the further evolution of Soviet sociopolitical writing in general. In the positive sphere, there is the frequent appellation to Lenin and Bolshevism and the high frequency of the words *руководство* (*guidance, leadership*), *сплоченный* (*united, serried*) and *линия* (*line*). In contrast, the words *мнение* (*opinion*), *правда* (*truth*), *самодельный* (*acting on one's own*) and *самостоятельный* (*independent*) practically disappear. In the negative sphere there is a decrease in the frequency of *казенный* (*formal, bureaucratic*), while the word *аппарат* (*machinery, bodies*) and its derivatives become taboo in journalism but continue to be used in informal communication among Party members.

Chapter 2 has applied various approaches to the analysis of Soviet political discourse during its formative period. The study of lexical polarization was a step toward the study of actual texts of newspaper articles (more precisely, positive and negative contexts), but quantitative analysis was restricted to vocabulary. Chapters 3–6 will attempt a many-sided analysis of editorial texts.

Chapter 3

Lexical rhetorical devices of the editorial

On the basis of slogans and headlines, Chapter 2 analyzed the vocabulary of Soviet political discourse in the 1920s to the beginning of the 1930s. Chapters 3 – 6 consider the texts of the editorials. Chapter 3 addresses lexical rhetorical devices – metaphor, cliché, metonymy, synecdoche, epithet, hyperbole, understatements, phraseologisms, proverbs, invectives, and irony. All these elements are connected with a certain degree of figurativeness. Dmitrii Dobrovól'skii and Elisabeth Piirainen (2005:14) use two criteria for distinguishing between figurative and non-figurative elements – image requirement and additional naming. By image component they mean “a specific conceptual structure mediating between the lexical structure and the actual meaning of figurative units” (ibid.). Additional naming is described as additional means for naming things, properties, actions and the like (ibid., 18). In stating criteria for figurativeness Dobrovól'skii and Piirainen (2005:11-27) discuss the trichotomy *literal language – non-literal (but also non-figurative) language – figurative language*. The present study is concerned with rhetoric elements on the level of texts but not with the units of the language system. Some of the devices analyzed below, such as hyperbole and irony, belong mostly to the level of pragmatics, rather than linguistic semantics. Taking into consideration the purpose of the present study, I will not consider the difference between figurativeness and non-figurativeness but concentrate on tracing the changes in the use of the rhetoric elements mentioned above in *Pravda* editorials from the 1920s through the 1950s.

3.1 Metaphor, simile, cliché

Metaphor has always had an important place in political rhetoric. For the most part, contemporary linguistics takes a cognitive approach to it (Lakoff 1993, Lakoff and Johnson 1980, 1999, Lakoff and Turner 1989, Turner 1991, Chilton and Lakoff 1995), and research on political discourse in this area is connected especially with Teun van Dijk (van Dijk 1990, 2002, van Dijk and Kintsch 1983). Paul Chilton (2004:52) emphasizes:

[...] metaphor is a part of human conceptualization and not simply a linguistic expression that occurs especially frequently in oratory and literature. It is thought that metaphor works by mapping well understood source domains of experience onto more specific ones. The source domains may be innate or acquired in development; they provide the source for conceptualization.

Anatolii Baranov and Elena Kazakevich (1991:17) assert that metaphoric thinking in politics is characteristic of crisis thinking – thinking in a complex problem situation whose solution requires significant effort on the part of the human cognitive system to acquire and process new knowledge to construct a set of variant actions and alternatives.

Traditionally scholars of metaphor distinguish between creative, or live, metaphors and conventional, dead or frozen metaphors. The question of the degree of metaphoricity and classification of different degrees has also been discussed (Lakoff and Johnson 1980, Traugott and Dasher 2002, Dobrovolskii and Piirainen 2005:12). In the present research I will not discuss the complexity of the problem or the origin of different terms, but will rather focus on pragmatic changes that have occurred in the Soviet political language. Baranov and Karaulov (1991, 1994) interpret political metaphor in a broad meaning and include into the same group metaphor, metonymy, synecdoche and simile. Such interpretation is explained by their common function in political discourse (ibid., vi). I am going to use this interpretation but for convenience I will consider metonymy and synecdoche in a separate section.

It is also noted that the distinction between live and dead political metaphors is not always clear (ibid., xiii). Scholars of cognitive approach explain that there are cognitive models behind both creative and conventional metaphors. In the first case the models are actualized or create an image, in the second one they are not actualized. It is often difficult or even impossible to say whether or not the image is created (ibid.). The distinction between creative/live and conventional/dead metaphors in my study is made only for the purpose of describing possible shifts in the degree of expressiveness within the metaphoric models and following their development towards ritualization.

While studying numerous examples from *Pravda*, I noticed that in some cases the original semantics of metaphors gradually decreased or disappeared completely. In order to describe this development I extend the metaphor group and consider in this section examples of metaphors and clichés. How they interrelate and how the boundaries between them should be drawn is a complex and subtle question and is not in the focus of the present study. Linguistic theory uses a number of terms in approximately the same meaning as clichés, such as speech formulas, stereotyped expressions, idioms, set phrases, speech stereotypes, phraseologisms, word-group stereotypes, favoured locutions, stereotyped locutions (Baranov et al. 2001). There is a certain difference in the use of these terms, but for convenience I use here the term *cliché*.

Corresponding to the opposition *self– other*, Tatiana Nikolaeva (1999:705) distinguished four models of cliché usage: self for other, self for self, other for self, other for other. In political language of the Soviet period some clichés have a socialization function, but most of them quickly lose it, that is, the function is erased. As a rule, clichés are used in the *self – other* opposition in which socialism and capitalism are contrasted. In describing the achievements of socialism clichés are a positive or neutral component, and in descriptions of the enemy or capitalism they are negative. Nikolaeva (1999:707) calls such clichés *communicative stereotypes*, by which she means “those instances of oral speech *in which the speaker always uses the same cliché locutions in the same situations.*”

Chilton (1994:3220) noted the metonymical character of certain politically significant stereotypes of Jews, Germans, Communists, enemies, and so on, which are relatively stable mental representations:

Stereotypes seem to arise when some, often peripheral, subset of a category is taken as a prototypical representative of the entire category. From a cognitive and semantic point of view this process is metonymic – that is, the process whereby one thing is taken to stand for another thing with which it is associated. But the metonymy itself comes about as a result of some form of social political promotion, usually by a socially and politically dominant group.

Already early studies on the language of the 1920s observed that political language was saturated with clichés. Selishchev wrote that clichés are being rapidly created and replacing recent forms of expressive language and noticed that speech full of hackneyed phrases did not arouse as before. It was mere jabbering (Selishchev 1928:122). Vinokur (1925:80) described the political language of the 1920s as follows:

[...] when the form of a word is no longer sensed as such and ceases to stand out, its meaning is no longer felt either [...] Look how our revolutionary phraseology is received today. It is no exaggeration to say that to the ear that has heard the verbal cannonades of October, it is no more than an assortment of meaningless sounds.

He concluded in the same work:

Thus almost all the elements of our phraseology are tired clichés, coins worn smooth; it is impossible to say what they are worth. They are the now worthless tokens of 1917–1921: the cobblestones cry out for devaluation of this currency. These are words devoid of any function but the nominative. (ibid.)

Polivanov (1931:169) compared the political language of the 1920s with the Old Church Slavonic and called it metaphorically *the Old Slavonic of revolution*:

Clichéd expressions and phraseological humdrum such as “the rapacious sharks of imperialism” (*хищные акулы империализма*) and “the hydras of

counterrevolution” (*гидры контрреволюции*) – this, in my view, is the Old Slavonic of revolution. It deserves to be called that, because these “sharks” and “hydras” are so lifeless and immobile that they are fully comparable with set phrases of Old Church Slavonic used in the church.

Western studies from the 1950s noted the same phenomena. Rzhvskii (1951:19), for example, stated that clichés are “a device for total control”:

[...] clichés are “legitimized” on high. It is from above that clichéd forms expressing official viewpoints, evaluations, and “directives” of the day are “sent down” through the monopolized Party press to be acted upon by “public opinion.” It suffices to look at the top-down organization of Soviet newspapers – central – regional – district – local – to get a clear idea of how the process of validating clichés operates.

The present analysis of editorials uses the classification of political metaphor proposed by Baranov and Karaulov (1991, 1994). Examples in my study are grouped according to the principle of the metaphoric models proposed in their two dictionaries of Russian political metaphor. Metaphoric model is defined as:

[...] a conceptual area (the source area in the cognitive interpretation of metaphor), elements of which (meanings and combinations of meanings) are connected by various semantic relations – “fulfill a function,” “facilitate,” “cause,” “be part of,” “be an example,” where each element of the model is joined by other elements by significantly stronger ties than it is to elements of other notional areas. (Baranov and Karaulov 1994:xv)

On the cognitive model see, for example, van Dijk (1987).

In his analysis of Soviet newspapers, among them *Pravda* editorials, Brooks (2000) notes a frequent use of metaphors of war and family (ibid., 21–27), as well as path, line and building (ibid., 48–53). Stalin’s period is also compared to performance and political theatre (ibid., 54–82). *Pravda* editorials had the leading role in staging this performance,

My study focuses on changes that have occurred within the metaphoric models from the 1920s through the 1950s. Among the metaphoric models described in the dictionaries the most common in *Pravda* editorials are:

- War
 - Struggle³³
 - Military actions: kinds and results of military actions (defense – offense, victory – defeat), the location of military actions (front, staging area)
 - Weapons, armaments
 - Army
 - Mobilization

³³ Because *struggle/to struggle* has a high frequency, it has been put in a separate group.

- Fire
- Light
- Force
- Forces of nature
- Road/path/way
- Family
- Parts of the body
- Disease/sickness
- Construction
- Mechanism, machine
- Prison
- Acting/play
- Animals/beasts

War (война)

The high frequency of the war metaphor was noted already by Selishchev (1928:85–87), who listed terms of a military origin as among the most widespread in the language of the revolutionaries and Soviet political figures of the 1920s. Such vocabulary was connected with the very nature of the revolutionaries' activities, whose goal was to emancipate the workers. Later, after the October Revolution and the Civil War, military terms began to be used in relation to the Party and social and cultural life.

War is used rarely as a metaphoric model. In texts from the 1920s and early 1930s there are only one or two examples in each period, and beginning in 1939 to the end of the 1950s *война* (*war*) is used only in the literal sense. The phrase *объявить войну* (*to declare war*) is used in the same contexts as *бороться против* (*to struggle against*). The example from 11 March 1959 does not explicitly mention war, but uses the less direct phraseologism *выступить в поход* (*set off on a march/campaign*) in the meaning *бороться за* (*struggle for*):

объявим войну: эксплуатации, трестовым магнатам, [...] саботажу
производства ненасытными капиталистами, [...] безработице, удли-
нению рабочего дня (8 March 1924)

английские рабочие [...] объявят решительную войну английскому капи-
тализму и реформизму (5 October 1928)

объявлена жестокая война мелкобуржуазной распущенности, всему
наследию индивидуального, анархического хозяйствования
(17 October 1933)

молодежь выступает в поход за экономию и бережливость
(11 March 1959)

Because it is connected with the rhetoric of the revolutionary struggle, *война* (*war*) occurs more often in the 1920s and early 1930s than in later periods. Its

low frequency in the subsequent periods also has to do with the real proximity of war and later with the attempt to mend relations with the West.

Struggle/to struggle (борьба/бороться)

Struggle and *to struggle* are the most frequent metaphoric models throughout the entire period under study. There is a clear distinction in this group between *struggle for* and *against*.

In the 1920s *struggle for* is in the interests of the working class and peasantry and is connected with the achievements or conquests of the Revolution. Considerable space in this period is devoted to economic and political issues. In the 1930s *struggle for* is mainly connected with the solution of economic problems, while ideological and political issues recede into the background. In the 1940s and 1950s practically all spheres of economics and politics become objectives of *struggle for*. Examples include:

Soviet hard currency (7 March 1924), women's well-being (8 March 1924), socialist cooperation (6 October 1928), the continued resolute expansion of intraparty democracy (7 October 1928), fulfilling the fourth-quarter Plan (11 March 1933), the implementation of new technology (17 October 1933), solving principal economic problems (9 October 1939), kolkhoz structure (15 October 1939), Communism (31 October 1939), peace (19 October 1949), the German people's struggle to democratize the country (11 October 1949), the early fulfillment of the Stalinist Five-Year Plan (25 October 1949), the struggle to transform nature (20 October 1949), the implementation of the Leninist general line of the Party (28 March 1959), the implementation of the historic decisions of the Twenty-first Party Congress (24 March 1959), and the Seven-Year Plan (7 March 1959).

In the 1920s and early 1930s the *struggle against* was directed at capitalism, internal enemies, and various difficulties. Beginning in 1939 and to the end of the 1950s the only targets are capitalism and deficiencies. Internal enemies are not mentioned in editorials, although in 1939 there was a struggle against "enemies of the people" (the victims of Stalinist repressions), and in 1949 the anti-cosmopolitan campaign. Other struggles were with:

speculation (7 March 1924), the "armored" policies of Social Democracy (5 October 1928), the Rightist danger (20 October 1928), the Trotskiist opposition (26 October 1928), the Kulaks and their opportunistic agents (11 October 1933), the Fascist terror and bourgeois reactionaries (8 October 1933), idlers, self-seekers, and disorganizers in industry (9 October 1933), high labour turnover and truancy (31 October 1939), depraved bourgeois ideology (23 October 1949), the forces of nature, crop failures, droughts (20 October 1949), colonial slavery, exploitation and oppression (8 March 1959), imperialism and its agents (18 March 1959), and hooliganism (10 March 1959)

Throughout the period under study the use of *struggle* is structured around the opposition *friend – enemy*, whose basic elements – socialism and capitalism – are always present. The other targets of struggle remain practically unchanged, but in the 1920s and early 1930s enemies also include internal enemies (the Right and Left Oppositions) that represent a danger to the higher echelons of power.

Military actions: defense – offense/attack (защита – нападение)

The defense – offense metaphoric model is used frequently. The attacking side can be both *friend* and *enemy*. Offense conducted by *friends* is aimed at capitalism, internal enemies, and various shortcomings:

будто товарный рубль способен защитить достигнутый уровень в жизни рабочего от понижения (4 March 1924)

готовность давать энергичный и активный отпор бешеному наступлению капиталистов (11 October 1928)

главный огонь он должен направить против правой опасности (28 October 1928)

усилить наступление на капиталистические элементы деревни (12 October 1928)

попыткам извратить правильную “классовую линию” [...] партия даст решительный отпор (18 October 1928)

отпор пролетариата фашизму, буржуазной реакции, империалистической войне (8 October 1933)

сотни тысяч ударниц колхозных полей [...], ногтями и зубами защищающих общественную колхозную собственность (13 October 1933)

эти антигосударственные тенденции многих заводов надо обстреливать ураганным огнем (7 October 1933)

сталинская мирная политика [...] выводит из возможной линии огня одно за другим небольшие государства (11 October 1939)

захватнические планы империалистов (2 October 1949)

перейти в развернутое наступление против засухи (20 October 1949)

миллионы тружениц поднимают голос в защиту мира (8 March 1959)

защищать честь и достоинства граждан (10 March 1959)

великое трудовое наступление (25 March 1959)

In the 1920s and early 1930s the examples of attack and defense become more intense and are often used together with epithets such as *бешеный* (*rabid/furious/frenzied*), *активный* (*active*), *энергичный* (*energetic*). There is an interesting example in an article from 13 October 1933: *ударницы, ногтями и зубами защищающие общественную колхозную собственность* (*female shock workers defending common kolkhoz property tooth and*

nail). This figurativeness later disappears and expressions become more clichéd, the most frequent epithets being *реши́тельный* (*resolute*) и *развернутый* (*full-fledged*). The offensive against capitalism gradually becomes general.

Military actions: victory – defeat (победа – поражение)

Victory is used significantly more frequently than *defeat*, culminating in 36 occurrences in October 1939. Socialism is always victorious over its enemies. Internal enemies disappear after 1933 but reappear in one example in 1949 (28 October):

пролетариат вышел из поражения пятого года с [...] меньшими жертвами, чем парижский пролетариат 71-го года (18 March 1924)

победа в бою с рыночной стихией за твердую советскую валюту (7 March 1924)

массы [...] преисполнятся гордой боевой радости и твердой уверенности в победу (8 March 1924)

потерпело ошеломляющее поражение не только германское правительство (26 March 1924)

планы польских империалистов [...] обречены на позорный крах (1 October 1928)

классовый враг, в том числе его наиболее крупный отряд кулачество победоносно разгромлен пролетариатом (14 October 1933)

победы социалистического земледелия/сельского хозяйства/строительства/индустрии (5, 6, 8, 12, 23 October 1939)

всемирно-исторические победы нашей Родины в борьбе за коммунизм (23 October 1949)

путь славных побед социализма в деревне (16 October 1949)

лагерь империалистов терпит поражение за поражением (2 October 1949)

разгромили вейсманнизм-морганизм (28 October 1949)

выдающиеся научно-технические победы СССР (16 March 1959)

яркая демонстрация победоносного шествия коммунизма (21 March 1959)

In the 1920s there are isolated examples describing temporary, generally past defeats of the proletariat, for example 18 March 1924. These cases speak of lessons for the future. In the 1920s and early 1930s *victory* is rarely used together with epithets, while *defeat* occurs, for example, with *ошеломляющий* (*stunning*) or a compressed metaphor is used, as in an example from 14 October 1933 – *победоносно разгромил* (*victoriously routed*). Beginning in the 1930s collocations with *victory* include clichéd epithets such as *всемирно-исторический* (*global historical*), *славный* (*glorious*), *выдающийся* (*outstanding*), while *defeat* is used without epithets. In the 1940s and 1950s *victory* assumes

a more global scale, even when the subject is national economic achievements. Practically nothing remains of the original semantics of *victory* in contexts connected with the economy.

Military actions: front, staging area (фронт, плацдарм)

The front metaphoric model is most frequent in the 1920s and early 1930s. In 1949 *staging area* appears together with it. In the editorials from March 1959 *front* and *staging area* do not occur but begin to be replaced by *рубеж* (*border*):

прорыв всего империалистического фронта (5 March 1924)

промышленность должна более широким фронтом пойти навстречу кооперации (15 March 1924)

[реформизм] все более открыто пытается душить пролетарскую борьбу на всех фронтах (5 October 1928)

на фронте социалистического строительства (18 October 1928)

решительная борьба на **два фронта** против обоих уклонов (19 October 1928, bold in the original)

расширить фронт добычи руды (5 October 1933)

развернувшееся широким фронтом социалистическое наступление (14 October 1933)

германские фашисты [...] очутились перед единым фронтом Англии, Франции и САСШ (16 October 1933)

ознаменовать выборы новыми замечательными успехами на всех фронтах социалистического строительства (24 October 1939)

фронт мира (2, 5, 11 October 1949)

фронт культурной работы в деревне (6 October 1949)

использовать Западную Германию в качестве плацдарма, а немецкий народ – в качестве пушечного мяса (11 October 1949)

предстоящий весенний сбор является первым серьезным рубежом, который предстоит взять работникам сельского хозяйства (3 March 1959)

взять первый рубеж семилетки (7 March 1959)

непреклонное стремление идти вперед, ориентироваться на завоевание новых рубежей (25 March 1959)

In the 1920s *front* is used to describe the struggle between capitalism and the workers and when there is an opposition between *self* and *other*. The example *единый революционный фронт* (*united revolutionary front*) occurs a few times. In 1928 *struggle on two fronts* (*борьба на два фронта*) is used frequently in connection with the Right and Left Oppositions but disappears after their defeat. In the early 1930s *front* is combined with the epithet *единый* (*united*) in the opposition between German Fascism and the other capitalist countries, and with the epithets *единый революционный* (*united revolu-*

tionary) in connection with the international proletariat's struggle against capitalism. From the 1920s through the 1940s *front* is also used to describe economic problems. In the 1920s this usage is consistent with revolutionary rhetoric, but in later "economic" examples the semantics of *front* practically disappears.

Weapons, armaments (оружие, вооружение)

This metaphoric model is found frequently throughout the period under study. In the 1920s through the 1940s it is generally used in contexts of struggle with enemies, while in 1959 this context is absent. Beginning in the 1930s it is often used to describe economic issues:

- буржуазия, политически разоруженная, лежит на земле (8 March 1924)
[правительства Антанты] хотели вооруженной рукой уничтожить рабоче-крестьянское государство (23 March 1924)
[реформизм] все больше выступает с открытым забралом, [...] все наглее и задорнее бряцает антисоветским оружием (5 October 1928)
[сентябрьский пленум МК] не вооружил в достаточной мере организацию в борьбе против встречающихся затруднений (20 October 1928)
вооружит рабочий класс в борьбе с предстоящими трудностями (20 October 1928)
единый фронт рабочего класса – это важнейшее оружие мобилизации широчайших рабочих масс снизу для классовой борьбы (8 October 1933)
никогда еще совхозы не были так хорошо вооружены уборочными машинами (26 October 1933)
впереди, подобно колонне мощных танков, сметающих с пути все препятствия, уверенно шагает передовой отряд шахт (19 October 1933)
XVIII съезд ВКП(б) вооружил советский народ величественной программой сталинской третьей пятилетки (31 October 1939)
могучее духовное оружие братских компартий (1 October 1949)
могучее оружие переделки природы полей (28 October 1949)
[буржуазный мир] широко использует отравленное оружие своей растленной пропаганды (23 October 1949)
народы не забыли, как размахивали атомной бомбой поджигатели войны (2 October 1949)
встретить сев во всеоружии (19 March 1959)
верные сыны и дочери нашего народа, вооруженные марксистско-ленинской теорией (20 March 1959)

In the 1920s the weapons/armaments metaphor is often used in emotional, expressive contexts, especially to characterize enemies, as in the example from 5 October: *реформизм все больше выступает с открытым забралом,*

все наглее и зазорнее бряцает антисоветским оружием (*more and more reformism comes out with raised visor, more audaciously and passionately rattles its anti-Soviet sabre*). In the 1930s and 1940s the emotionality gives way to clichés such as *отравленное оружие растленной пропаганды* (*the envenomed weapon of depraved propaganda*). In positive contexts *weapon* is often combined with *могучий* (*mighty*), especially in 1939 and 1949. Editorials from the 1930s and 1950s use the same clichés. Sometimes there are attempts to avoid them that often result in infelicitous phrases such as *размахивать атомной бомбой* (*brandish the atomic bomb*; 2 October 1949) or one comparison of an advanced detachment of mining shafts to a column of mighty tanks (19 October 1933).

The army and mobilization (армия и мобилизация)

The army and mobilization metaphoric models make their first appearance in 1928. In almost all examples, *army* is used in the sense of an enormous number of people. The examples of *mobilization* are most often connected with addressing economic and domestic political issues:

- еще более мощная мобилизация всей партии (9 October 1928)
- мобилизация наличного железного лома (17 October 1928)
- мобилизовать на борьбу с правой опасностью (26 October 1928)
- мобилизация наличного железного лома (17 October 1928)
- мобилизовать всю партийную организацию, весь колхозный актив на преодоление отставания (6 October 1933)
- мобилизация всего социал-фашистского лагеря для открытой борьбы против революционного единого фронта (8 October 1933)
- мобилизации колхозников на успешное выполнение всех своих задач (23 October 1933)
- мобилизация трудящихся на успешное выполнение конкретных хозяйственно-политических задач (15 October 1939)
- мобилизовать все силы на выполнение выдвинутой великим Сталиным задачи (10 October 1949)
- выполнение семилетнего плана потребует [...] активной мобилизации творческих сил советского народа (15 March 1959)

In the late 1920s and early 1930s *mobilization* is aimed at struggle with enemies, the prevention of war, the victory of socialism, and celebration of the anniversary of the October Revolution, but also with specific tasks such as amassing available scrap iron. Beginning in 1939 it is generally aimed at solving economic problems. Appearing in 1933 is the cliché *мобилизация на (успешное) выполнение задач* (*mobilization for the (successful) completion of tasks*), which remained frequent throughout several decades.

Fire (огонь)

Fire is used in two figurative senses – as a destructive and a positive force. In the editorials of the 1920s only the former occurs:

совзнак – удивительная бумажка. Сама она не горит, но как будто жжет руки, в которые попадает (1 March 1924)

[реформизм] таскает каштаны из огня всем и всяческим капиталистическим “стабилизаторам” и “рационализаторам” (5 October 1928)

In 1933 there is one example of the latter, positive sense, and in later periods both meanings are found:

огромная карта области с нанесенными на ней колхозами, выполнившими план, переливала огнями (17 October 1933)

неугасимое пламя великих идей Ленина и Сталина зажгло сердца миллионов простых людей Китая (5 October 1949)

разжечь огонь социалистического соревнования (31 October 1939)

Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет отводят печати и радио большую [...] роль как своему боевому помощнику, пламенному агитатору и пропагандисту, коллективному организатору масс (19 March 1959)

вокруг распределения доходов разгорится и уже разгорается классовая борьба (3 October 1933)

разжигать военный психоз (2 October 1949)

поджигатели войны (2, 4, 11, 19 October 1949)

германский народ не хочет быть ландскнехтом англо-американских поджигателей войны (11 October 1949)

буржуазия, разжигающая национальную вражду (8 October 1949)

империалистические поджигатели войны (8 March 1959)

As a destructive force *fire* describes both *self* and *other*, but in the positive sense only *self*. In the 1920s the examples are charged with emotional appeal, especially in reference to enemies (for example, 5 October 1928), but beginning in the 1930s it disappears and yields to clichés repeated year after year. The following two examples are given for purposes of comparison from editorials (28 October 1928 and 28 October 1933) on the anniversary of the Komsomol that repeat the same cliché almost verbatim:

комсомольское движение [...] выросло, закалилось и окрепло в огне пролетарского восстания, [...] в пламени его творческой работы по строительству нового общества (28 October 1928)

в огне пролетарского восстания, [...] в пламени творческой работы по строительству социализма создавал комсомол свою боевую историю, завоевывал новую, светлую жизнь (28 October 1933)

Light (свет)

Ever since the Age of Enlightenment, *light* has been associated with philosophy, especially Ratio, and it is used in this sense in almost all examples from the 1920s:

эта бумажка, тем не менее, уже бросает свет на те настроения, с какими Румыния явится на переговоры (14 March 1924)

имена Маркса и Ленина, их учение служат нам путеводной звездой (5 March 1924)

осветить все вопросы, выдвигаемые трудящимися на собраниях (4 October 1928)

In the 1930s the accent gradually shifts to another meaning – showing the correct path:

буржуазно-либеральные поэты иногда гнусавили: “Женщине – дорогу!”, приглашая ее отправиться “к свету и свободе” (12 October 1933)

комсомол свою боевую историю, завоевывал новую, светлую жизнь (29 October 1933)

свет кремлевских звезд озарил Западную Украину и Западную Белоруссию (1 October 1939)

под благодатными лучами Сталинской Конституции эти земли ожили, возродились к новой жизни (30 October 1949)

как в свете могучего прожектора, предстало перед миром огромное международное значение происходящих в Германии событий (19 October 1949)

смело идет за ней [партией] по освещенному светом марксистско-ленинского учения историческому пути строительства коммунистического общества (1 March 1959)

в свете поставленных партией величественных задач (20 March 1959)

Beginning in the 1930s there was no longer any need to convince the reader and thus no reason to connect light with rationality and enlightenment. Also noteworthy is a gradual intensification of the mythical element in the metaphor. Clichés appearing in the late 1930s include *светлое будущее* (*bright future*), *светлый путь* (*radiant path*), *светлая жизнь* (*bright life*), *осветит путь* (*light up the way*), and later *в свете задач* (*in the light of the tasks*). In some examples of the 1950s, as in *в свете поставленных партией задач* (*in the light of the tasks set by the Party*), there is practically nothing left from the initial semantics of light. Serving as sources of light at various times are Marxism, Stalin, the Party, the Stalinist Constitution, and momentous events.

Force (сила)

Force in the sense of a *part or sector of society* is a frequent metaphor. Most editorials use clichés:

боевой союз рабочего класса с крестьянством, представлявший тогда вооруженную силу (12 March 1924)

террор был бы революционной силою [...] как средство сломить сопротивление классовых противников рабочего класса (18 March 1924)

внутренняя движущая сила кооперации (общественность и самодеятельность масс) (10 October 1928)

мобилизовать все силы на выполнение выдвинутой великим Сталиным задачи (10 October 1949)

растущие силы лагеря демократии и социализма (23 October 1949)

коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила (31 October 1949)

чем больше она [партийная организация] проявляет заботы о правильной расстановке своих сил (9 March 1959)

бесстрашно стала лицом к лицу перед соединенными силами капитала, фашистских властей и социал-охранников (11 October 1928)

нет в мире такой силы, которая бы смогла отнять у Октябрьской революции это ее решающее завоевание (11 October 1933)

черные силы реакции (2, 11 October 1949)

There is an interesting example in the editorial of 18 March 1924, in which terror is considered a positive, revolutionary force. Beginning in the 1930s *force* occurs together with epithets such as *могучий* (*powerful*), *непоколебимый* (*unshakeable*), and so on. Frequency increases beginning in the early 1930s, and certain examples are repeated year in and year out throughout the entire Soviet period. Thus the phrase *коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила* (*the Communist Party is the leading and guiding force*), which occurs in both 1949 and 1959, was so frequent that the mere mention of *руководящая и направляющая* (*leading and guiding*) sufficed to evoke association with this cliché in the mind of the reader. In post-Soviet journalism such references to the Communist Party are often used ironically.

Forces of nature (стихия)

Water (*вода*) is the principal example in this group. The majority of examples are in the editorials from the 1920s, after which frequency gradually decreases:

доллар, ни разу не дрогнувший во время мировой бури (9 March 1924)

клич, который могучей волной переливался через окопы с обовшивев-

шими солдатами, через проволочные заграждения, через горы ненависти, обмана, лжи, через море крови и груды трупов (5 March 1924)

страны, захваченные буквально потопом бумажек (6 March 1924)

получить новый мощный приток той несокрушимой силы, которая позволила пролетарской диктатуре поднять страну из бездны разрухи и нищеты (4 October 1928)

подымающаяся волна классовой борьбы (23 October 1928)

великий взрыв все затопляющего, прерывающего все преграды чувства массовой солидарности (23 October 1928)

на совхозных и колхозных полях в СССР поднимается широкая волна освоения новой техники, производственного пафоса (20 October 1933)

волна народного гнева и нарастающего революционного движения вздымается все выше (28 October 1933)

хлебозаготовительные организации были застигнуты врасплох мощным потоком хлеба (9 October 1933)

мощный поток творческой инициативы масс (23 October 1933)

могучая волна социалистического соревнования (21 October 1939)

новая волна социалистического соревнования (31 October 1939)

потоки полновесного зерна (21 October 1939)

новые потоки нефти (21 October 1939)

[движение за мир] поднялось могучей волной в Европе (2 October 1949)

и вместе с вешними водами ширится по просторам Родины половежье народной инициативы, волна трудового соревнования (25 March 1959)

сливаясь в единый поток, эта энергия становится могучей силой в борьбе за выполнение грандиозных планов (25 March 1959).

Natural forces can be destructive or threatening. In the 1920s the force of nature is most often used in a positive sense. Destruction is justified in contexts of the union between the proletariat and the peasantry or revolutionary struggle. *Water* has a number of parallels with *fire* (*огонь*), but whereas fire can be lighted (initially under human control), water is an uncontrollable force of nature. There is no example of fire as such a force in the editorials, and in the 1930s – 1950s water often appears as an energy source that humans harness as needed. This usage corresponds to the ideological and political objectives of achieving full control over humanity and nature.

Road/path/way (путь)

The road or path is a frequent metaphor. The goal to which the road leads corresponds to the *self – other* opposition: the path of the Soviet Union leads to communism, whereas that of the capitalist countries ends in a cul-de-sac:

правительство “рабочей партии” [...] “решительно” стало на гибельный путь (2 March 1924)

мы проделали исторический путь, который [...] должен был уложиться не менее, чем в полу столетие (21 March 1924)

польский милитаризм готов вступить на скользкий путь авантюры (1 October 1928)

двинемся вперед по пути социалистического строительства (7 October 1928)

[индустриализация] является единственно правильным путем действительного изживания диспропорций (17 October 1928)

твердым шагом идет по указанному т. Сталиным пути превращения всех колхозников в зажиточных (18 October 1933)

[буржуазия ищет выхода] на путях инфляций, фашизма и войны (28 October 1933)

практические пути экономии топлива (4 October 1939)

путь, пройденный колхозом, отражает победное шествие нашего крестьянства к коммунизму (6 October 1949)

советские ученые успешно продвигаются по пути использования термоядерной энергии в мирных целях (16 March 1959)

наша партия и советский народ первыми прокладывают всем народам столбовую дорогу к коммунизму (19 March 1959)

политика боннского правительства [...] толкает страну на путь милитаризма и реваншизма (13 March 1959)

The goal in the 1920s was socialist construction, which in the late 1930s became the construction of communism. The most widespread cliché is *путь к коммунизму* (*the road/path to communism*), a less common variant of which is *столбовая дорога к коммунизму* (*the highway to communism*). There were many kolkhozes named “Путь к коммунизму.” (“The road/path to communism”). In the 1930s and 1940s the phrases *единственно правильный путь* (*the only correct path*) и *указать путь* (*to show the way*) were often used in reference to Stalin.

Family (семья)

Family and kinship metaphoric model is traditional in Russia, as is evident in the use of words such as *батьюшка* and *матушка* (affectionate diminutives of *father* and *mother*) in reference to the tsar and empress, respectively, *братья* (*brothers*) to refer to other Slavs, and *мать* (*mother*) for Russia. After the October Revolution the family metaphoric model continued to be used in Soviet political language:

революция бесстрашно бросила клич международного братства рабочих (5 March 1924)

самые героические, самые лучшие сыны пролетариата отдавали свою жизнь (5 March 1924)

братская германская партия (9 October 1928)

идейными отцами тогдашней социал-демократии были Маркс и Энгельс (25 October 1928)

но нечего греха таить: среди этих шахт есть сыны и пасынки (19 October 1933)

на благо любимой матери-родины (12 October 1939)

народ с гордостью посылает своих сыновей в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (2 October 1939)

лучшие сыны и дочери советского народа (22 October 1939)

наши кровные братья украинцы и белорусы (1, 15 October 1939)

многомиллионный Китай входит в семью демократических миролюбивых государств (5 October 1949)

[стремление германского народа] к возвращению в семью миролюбивых народов (19 October 1949)

братская семья советских социалистических наций (12 October 1949)

трудящиеся Украины и Белоруссии получили братскую поддержку великого русского народа (30 October 1949)

[все советские народы] спаянные в единую братскую семью (1 March 1959)

[трудящиеся советских республик] спаянные братской дружбой (6 March 1959)

великая многонациональная семья народов Советского Союза (6 March 1959)

огромные завоевания братского венгерского народа (21 March 1959)

The examples from the 1920s underscore fraternal ties, while the paternal role is allotted to Marx, Engels and Lenin, and the representatives of the proletariat are the sons. Beginning in 1939 the frequency of the metaphor increases, and a full family hierarchy appears designed on the prerevolutionary model, with Lenin and Stalin as fathers, Russia as mother, representatives of the people as sons and daughters, and the republics and peoples of the USSR as brothers (after WWII these also included the countries of the socialist community). As is evident from the recurring epithet in the collocation *великий русский народ* (*the great Russian people*), in the examples from 1949, the Russian people is singled out among other nations and given the role of an elder brother.³⁴

³⁴ After unmasking the cult of personality the father metaphor disappeared due to its strong connection with Stalin, and in the 1960s Lenin moved into the ranks of the grandfathers, producing a new pair – Grandfather Lenin and Octobrist grandchildren.

Parts of the body (части тела)

Parts of the body are used metaphorically throughout the entire period:

чтобы на протяжении всей кампании партийный и беспартийный советский актив был собран в единый кулак при советах (4 October 1928)

братская рука советского рабочего (23 October 1928)

“позвоночником” индустриализации является тяжелая промышленность (17 October 1928)

на участках [...] нет крепкого партийного глаза (19 November 1933)

по-новому должен биться пульс наших массовых оборонных организаций (13 October 1939)

партийная организация, обладая сильными щупальцами во всем производственном организме, должна и может вовремя обнаружить возникающие новые явления (17 October 1939)

миллионы тружениц поднимают голос в защиту мира (8 March 1959)

с надеждой и любовью обращают свои взоры миллионы трудящихся во всех странах мира к могучему лагерю социализма (21 March 1959)

громадную долю расходов войны переложить на плечи рабочего класса (6 March 1924)

как бы далеко он [район] ни был расположен от сердца страны – Москвы (18 October 1939)

люди распрямили спины, гордо подняли головы (26 October 1939)

внимательный и заботливый глаз профсоюзной организации (31 October 1939)

[средняя буржуазия] изверилась в политике крепко сжатого кулака (29 March 1924)

накинуть новую петлю на его шею, заковать его руки и ноги в новые цепи (22 March 1924)

[партии] получают возможность, выступая перед избирателями, выдавать свои руки за “чистые” или, по меньшей мере, за “вымытые” руки (29 March 1924)

дать отпор всем поднимающим голову фракционным элементам партии (9 October 1928)

сколько рук голодных рабочих, детей, просящих кусок хлеба, повиснет в воздухе (11 October 1933)

пролетариат [...] несет на своих плечах все бремя экономического кризиса (28 October 1933)

сквозь позорную работу заводов-смежников торчат уши бескультурья (7 October 1933)

население Западной Германии на своей спине ощущает всю тяжесть этой политики порабощения и гнета (11 October 1949)

The most common examples are of the head, hands, and shoulders. As early as the 1920s there are clichés such as *рука помощи* (*a helping hand*) and *нести на плечах груз* (*carry a weight on one's shoulders*). Later the back appears in connection with loads and burdens, and also the head. Almost all examples in the editorials from the late 1930s – 1950s are phraseologisms and clichés. In the early 1920s *кулак* (*the fist*) is used in the meaning of unity and strength, but by the latter half of the decade it began to denote an enemy and its earlier sense was dropped. In the 1930s *глаз* (*eye*) was widely used in the sense of surveillance, often together with the epithet *зоркий* (*vigilant*). The metaphor *щупальцы партийной организации* (*feeler/antenna of the Party organization*; 17 October 1939) is interesting. The context in which it is used is about quickly identifying innovation, but in addition to “feeler/antenna,” the Russian word *щупальцы* also means *tentacle*, which evokes associations to an octopus. Some attempts in the 1930s to use expressive examples arouse doubts as to the linguistic competence of the authors, such as *уши бескультурья* (*the ears revealing the lack of culture*) from 7 October 1933. In the 1940s and 1950s only clichés are used.

Disease/sickness (болезнь)

The disease metaphoric model has two main aspects – disease, on the one hand, and recuperation/healing on the other. Disease is used to describe enemies and deficiencies:

вожди рабочей партии являются лишь “карьерой скорой помощи для капитализма” (5 October 1928)

выступить на борьбу против болезней в наших пролетарских рядах: некультурности, пьянства, религиозных предрассудков, антисемитизма и т. д. (31 October 1928)

в отдельных перерождающихся клеточках кооперативного организма наблюдается опаснейший процесс родственного сращивания мелко-буржуазных идей с бюрократизмом и ведомственностью (6 October 1928)

стоит лишь решительно преодолеть косность, неповоротливость, боязнь нового – болезни, которыми все еще страдают некоторые хозяйственники (4 October 1939)

наивно полагая, что людей, зараженных религиозными предрассудками, у нас совсем не осталось (8 October 1939)

культура буржуазных наций все больше приходит в упадок, деградирует, впадает в маразм (8 October 1949)

[*нью-йоркская газета “Дейли компас”*] положение современной американской экономики “напоминает рак, который, пока врачи спорят относительно диагноза, распространяется по всему организму” (15 October 1949)

наша страна может сохранить полное хладнокровие перед деяниями того сумасшедшего дома, в который превратился капиталистический мир (20 March 1924)

Recuperation and healing are generally connected with restoring the ruined economy after WWI, the Civil War, and WWII:

дать возможность крестьянскому хозяйству залечить свои раны (7 March 1924)

не только экономически, но и политически заинтересована в некотором оздоровлении Германии (26 March 1924)

иностраный капитал идет в нашу страну пока в слишком гомеопатических дозах (30 March 1924)

от этой своеобразной болезни излечились еще далеко не все вузы (27 October 1933)

специальный летний оздоровительный ремонт паровозов (4 October 1933)

страна залечивала раны, нанесенные войной (8 March 1959)

Examples of the 1920s often employ expressiveness. For example, the capitalist world is compared to an insane asylum, and reforms in the West are likened to an ambulance for capitalism. At home diseases refer to faults among the proletariat such as boorishness, drunkenness, religious prejudices, and anti-Semitism. Beginning in the 1930s, the only internal shortcomings thus treated have to do with the economy. The metaphoric model is applied to enemies throughout the period under study, but it is less frequent than earlier in the editorials from 1959.

Construction (строительство)

The construction model occurs throughout the whole period:

пониженные цены являются мостом между рабочим классом и крестьянством (15 March 1924)

вопросы социалистического строительства (7 October 1928)

страна наша [...] создала этот мощный экономический фундамент социализма и возводит на нем великолепное здание для трудящихся (11 October 1933)

строить свое светлое, свободное, солнечное будущее (30 October 1939)

великая цель строительства коммунизма (3 October 1949)

путь социалистического строительства (8 October 1949)

закладывая фундамент единой демократической и миролюбивой Германии (19 October 1949)

период развернутого строительства коммунистического общества (8 March 1959)

сердечные встречи со строителями социализма на немецкой земле (13 March 1959)

совзнак создал между городом и деревней валютную стену (7 March 1924)

[Франция] не строила, а ладила карточные домики (20 March 1924)

вся система удерживается только внешними скрепами и обручами, которые нагоняются с грубой беспощадностью и готовы лопнуть, треснуть и разорваться во всякий момент (20 March 1924)

[Румыния] один из любопытнейших и ярких примеров восточноевропейских государств, сколоченных самым циничным грабежом (20 March 1924)

капиталисты отгораживаются друг от друга колючей проволокой таможенных пошлин, ввозных запретов, они заливают свои границы бетоном, создают цепи крепостей и укреплений (28 October 1933)

In the 1920s the construction is used in connection with *self vs. other*. The clichés *социалистическое строительство* (*socialist construction*), *строительство социализма* (*the construction of socialism*) appear in 1928, while *строительство коммунизма* (*the construction of communism*) dates from 1939. Beginning in the late 1930s these phrases are often used together with epithets such as *победоносный* (*victorious*) and *гигантский* (*giant*). Another widespread example is *the foundation*, which is particularly frequent in the 1920s. In 1924 *construction* was most often used in a negative sense or as a means for achieving set tasks. Beginning in 1928 it is used positively, and by the end of the period under study exclusively so.

Mechanism, machine (механизм, машина)

The mechanism model is used less frequently in editorials than one might expect, especially in the 1920s:

планомерность и отчетливость работы государственного механизма (7 March 1924)

звено мировой пролетарской революции (14 October 1928)

некоторые звенья в самой партии (19 October 1928)

иметь хорошее орудие в своих руках для проверки того, что делается в нашем народном хозяйстве (14 October 1933)

транспорт может и должен работать, [...] как часовой механизм (30 October 1933)

добиться, чтобы “транспорт был четко работающим, исправно действующим, точный, как хороший часовой механизм, конвейером!” (Сталин) (10 October 1949)

планомерная и четкая работа всех звеньев нашего хозяйства (10 October 1949)

стахановская работа на транспорте, который во всех своих составных частях должен работать с точностью часового механизма (18 October 1949)

гитлеровская/германская и японская военная машина (3, 5 October 1949)

главный тормоз на пути мирного урегулирования с Германией (13 March 1959).

Mechanisms combine with the epithet *государственный* (*state*) and machines with *военный* (*military*). The link metaphor is frequent in the 1920s, while in the 1930s and 1940s the transport system is compared to clockwork. As Chilton (1994:3220) notes: “Stalin’s concept of politics and the state seems to have utilized a machine metaphor, entailing ‘transmission belts,’ ‘levers of power,’ etc.” In the editorials under analysis here there are no comparisons of humans to mechanisms or cogs in mechanisms.

Prison (тюрьма)

The prison model is traditionally used in Soviet political language to describe countries and peoples under capitalism:

мы слышим те стоны, которые несутся из забитой, задавленной Бессарабии, превратившейся под разбойной пятой наглых хищников в каторжную тюрьму (14 March 1924)

никогда не может примириться с румынскими цепями, с румынскими застенками, с румынскими палачами (20 March 1924)

[капиталистический мир] превратил тюрьмы в глухие застенки, возродил средневековые пытки – версальские пытки и надругательства (18 March 1924)

классовая борьба ломает колючую изгородь, тщательно сооружаемую реформистами (5 October 1928)

они [реформисты] сковывают в цепи всякую пролетарскую активность (11 October 1928)

так же как каторжанину в первую минуту освобождения больно с кровью и мясом отрывать вьевшиеся в тело кандалы, так и крестьянка, темная, веками приученная к полускотскому своему существованию, – не сразу поняла, что ей несет колхозный строй (13 October 1933)

польское государство было тюрьмой народов (30 October 1939)

рабочий класс, навсегда сбросивший цепи эксплуатации (31 October 1939)

освобожденное от оков капитализма, от пут мелкотоварного производства (16 October 1949)

освобождение труда от оков капиталистического угнетения (25 March 1959).

Examples are most frequent in the 1920s. Beginning in 1939 the number of examples gradually decreases and is in effect reduced to a few clichés such as *тюрьма народов* (*prison of nations*)³⁵ and *оковы/цепи капитализма* (*the fetters/chains of capitalism*).

Acting/play (игра)

Acting or play model is used only in negative references to enemies and connote a general idea of deceit:

разыгрывается новая очередная комедия, поставленная для той простоватой толпы, которой парламентаризм до поры до времени так успешно втирает очки (29 March 1924)

пример [...] игры, которой любят заниматься в капиталистическом мире (14 March 1924)

жонглируя миллиардами [о троцкистах] (3 October 1928)

японские режиссеры старательно готовят комедию выступления “независимого” Манчжоу-Го против установленного пекинским и мукденским договорами статуса КВЖД (10 October 1933)

образование западно-германского марионеточного государства (11 October 1949)

за цветистой ширмой буржуазной демократии скрывается всевластие капитала и фактическое бесправие трудящихся (1 March 1959)

The use of such examples decreases gradually over time.

Animals/beasts (звери)

Animal metaphors are widely used to portray enemies:

[буржуазия] все ярче будет проявлять упадочные черты хищника и расточителя (4 March 1924)

борьба со спекулятивным хищничеством в торговле получит твердую почву под ногами (7 March 1924)

интересующий нас купец – небольшой купец, не акула, а хищник значительно меньших размеров (16 March 1924)

[Бессарабия] отдана на растерзание того шакала, который зовется румынским боярином (20 March 1924)

в своем разбойном захвате торжествующие победители резали и кромсали сопредельные страны, как опьяневший от крови мясник, и рвали

³⁵ The source of the expression is probably *La Russie en 1839* by the French writer and traveler Adolf de Custine (1790–1857), which addresses the oppression of the non-Russian peoples in tsarist Russia. The collocation was used by Lenin in “K voprosu o natsional’noi politike” (“On the question of national policy”; 1961 vol. 25:66), whence it entered Soviet political language.

зубами живые организмы, как голодные остервенелые волки (20 March 1924)

не защита национальных интересов Китая, а обслуживание капиталистических интересов акул капиталистического мира (22 March 1924)

буржуазия с удесятеренным бешенством обрушит свои скорпионы против революционных авангардов (14 October 1928)

пепеэсовцы, верные псы фашизма (23 October 1928)

сработавшиеся с версальскими акулами (25 October 1928)

мы разоблачаем в них и тех капиталистических зубров, которые [...] воплощают наиболее оголтелую и погромную линию в отношении собственного пролетариата (30 October 1928)

прибавочный труд высасывают из них и “заокеанские” вампиры и “своя” буржуазия и помещики (21 October 1928)

фашизм спустил с цепи всех бешеных своих псов (18 October 1933)

[пролетариат, его коммунистическая партия] могут освободить их [производительные силы] от змеиноного удава капитализма (1 October 1933)

народы, находившиеся под ярмом польских хищников-империалистов (11 October 1939)

так называемую армянскую “проблему”, над которой тщетно ломали голову старые волки империалистической дипломатии (20 October 1939)

ужасы войны, которую обрушили на голову народа бездарные, трусливые хищники, составлявшие польское правительство (26 October 1939)

польские паны [...] многие годы прививали и разжигали звериный национализм (26 October 1939)

крушение американских хищнических планов (5 October 1949)

пороки помещичье-капиталистического строя с его хищническим использованием земли (20 October 1949)

темные реакционные силы внутри страны, которые, подобно гигантскому спуту, душили китайский народ (5 October 1949)

разлагающаяся буржуазная культура воспитывает звериный национализм (17 October 1949)

The enemy is compared to a shark (16, 22 March 1924, 25 October 1928), a wolf (20 March 1924, 20 October 1939), dogs (23 October 1928, 18 October 1933), and indirectly in the example from 30 October 1928 to bison, since *зубр* in the figurative sense denotes “hide-bound” (“conservative/reactionary”). Further comparisons are to an octopus (5 October 1949), a snake/constrictor (1 October 1933 in the remarkable collocation *змеиный удав* – “snaky constrictor,” or some such, a scorpion (14 October 1928) – a strange example with *обрушить* (*bring, rain down upon*) in which contrary to Russian grammar the scor-

pions are declined as inanimates), and a jackal (20 March 1924). Capitalism and countries such as France or the United States are likened to large predators – sharks or wolves. The less flattering comparison to the jackal – a scavenger – falls to Romania’s lot. In the 1920s capitalism is also compared to a vampire, which is neither animal nor human, but symbolizes a bloodsucker. Rather common in the 1920s, animal metaphors later become progressively less frequent. Because juxtapositions of animals and humans are traditional in most cultures of the world, initial metaphors easily freeze into clichés and are assimilated into the language, as in the case of *хищник* (*predator*) and *хищнический* (*predatory*) (4, 7 March 1924, 11, 26 October 1939, 5, 20 October 1949). The collocation *звериный национализм* (*brute nationalism*) (26 October 1939, 17 October 1949) is another cliché.

Live metaphors

The term *live metaphor*³⁶ is used here to describe more original and expressive examples that occur in the editorials, although many of them can hardly be classed as *live* in the strict meaning. Most often they are used in reference to enemies:

капитал вышел из войны [...] грубым, изверившимся в возможность длительно дурачить рабочий класс демократическими побрякушками и реформистскими уступочками (6 March 1924)

великая тупость и жадность, великую злобу и несказуемую историческую слепоту охваченного разложения дворянства (12 March 1924)

получив плату за пушечное мясо, брошенное в ту чудовищную реторту, где кровь рабочих и крестьян превращается в золото для правящих классов (20 October 1933)

это – просто прикрытие самых земных интересов, это – лишь способ материально стричь своих духовных овец и бросать их стадами на защиту своего эксплуататорского положения (23 March 1924)

и во второй раз не спасти Капитолий германского капитализма социалистическим гусям (25 October 1928)

[реформизм] таскает каштаны из огня всем и всяческим капиталистическим “стабилизаторам” и “рационализаторам” (5 October 1928)

все это украшает и блесит на исторических щитах шестнадцатого года пролетарской революции (11 October 1933)

в Главном управлении транспортного машиностроения раньше мариновалось немало проектов (9 October 1939)

стахановцы открыли огромные, не известные ранее возможности техники, оседлали ее и погнали вперед (9 October 1939)

³⁶ *Live metaphor* (*la métaphore vive*) was introduced by Paul Ricoeur (1978)

кое-кто полагает, что деревенскую глубинку можно держать на старом культурном “пайке” (6 October 1949)

народ, рабочий народ, спустился из “райка”, где ему некогда были отведены места, вниз, в партер, в ложи (27 October 1949)

[помещики, кулаки] были заинтересованы в том, чтобы деревня не выходила из ярма подневольного труда, из омута нищеты и невежества, чтобы идиотизм ее жизни подавлял творческую мысль (6 October 1949)

и вместе с вешними водами ширится по просторам Родины половодье народной инициативы, волна трудового соревнования (25 March 1959)

Most such examples are found in the 1920s editorials and often rely upon the academic knowledge or erudition of the reader. Beginning in the 1930s they decline in frequency and their character undergoes a change, as they are increasingly often addressed to the masses and quite often testify to the educational level of the authors.

The material upon which I have attempted to trace the changes that have taken place in metaphoric models is limited to samples of articles and does not permit any conclusions as to overall changes affecting different models. All that can be established are tendencies that need to be confirmed by further research.

Certain models are found in the editorials of all periods, but shifts occur within the models. This applies to groups such as war, fire, light, force, road/path, parts of the body, family, etc. In other groups, such as the prison, acting/play, animal/beast, and live metaphors there is a gradual decrease in the number of examples. The reverse process – that is, the appearance of new metaphors – is not in evidence. Characteristic of the 1920s is the frequent use of expressions connected with destruction. In the attack metaphor in the sense of *attack resulting in destruction*, for example, the attacking side can belong either to the *self* group (in which case the attack is always justified) or the *other* group, whereas in subsequent period it is only the latter. In the fire metaphor, used frequently in 1928, fire is only destructive. Models such as prison, theatre, and animals, which to a significant degree are connected with brutality and use vivid imagination, occur frequently in the 1920s but rarely in later periods. Beginning in the 1930s, destruction, brutality and expressiveness are of secondary significance in editorials. Examples referring to internal problems in the 1920s differ sharply in style from those describing enemies. In the former case they generally address the reader's logic and knowledge, whereas in the latter they usually appeal to emotions. This difference suggests that in the political rhetoric of the 1920s, metaphoric models played a role in the process of persuasion, and that the function of persuasion, although

essentially formal, was important. The frequent use of live metaphors in this period also reflects a high degree of imagination and expressiveness, features that are characteristic of the language of revolution.

In the 1930s brutality and destruction disappear and are replaced by creation and unity, a change that is observable in the metaphorical models of fire, light, forces of nature, and family. Thus fire is used more often in the meaning *source of warmth*, and natural forces are guided into useful channels. In the family there is increasing emphasis on unity strengthened by blood kinship – brotherhood or through the Motherland. The stylistic difference between metaphors depicting *enemies* and *friends* is gradually smoothed out as metaphors are in essence addressed neither to emotions nor reason but tend to perform a ritualistic function. Especially beginning in 1939 there is also a trend toward cliché. These features are characteristic of the language of totalitarian systems.

3.2 Metonymy, synecdoche

Metonymy and synecdoche are used considerably less frequently than metaphor. The various types of metonymy that occur in the texts include transfer from a place or inhabited point to its population or an event taking place there, from a social organization to its collective, from a whole to a part, and conversely, from a personal name to a group of people.

Place → people

Examples in this group are often used in the political language:

Об этом год назад поведала Вена, об этом говорит Лодзь
(23 October 1928)

бесчинства японских властей на дороге [...] в точности соответствуют
тем приказам, которые давались из Токио (10 October 1933)

в Лондоне чрезвычайно признательны палачам германского рабочего
класса (16 October 1933)

трудящаяся Москва [...] восторженно приветствовала героическую
команду (1 October 1933)

Баку пускает новые буровые (31 October 1933)

Львов и Белосток встречают избранников народа (26 October 1939)

голос Москвы через радио слышен в самых отдаленных деревнях
(6 October 1949)

Deserving special attention are the examples in which Versailles and Geneva are metonymies of international organizations and treaties:

томящиеся в застенках теперешнего мирового варварского Версаля (18 March 1924)

кризис Женева, кризис Версаля (16 October 1933)

фашисты стремятся к новому переделу Европы, чтобы создать новый грабительский Версаль (16 October 1933)

This group also includes the countryside or village and the city as metonymical references to rural and urban dwellers:

деревня должна получить городской товар (7 March 1924)

преодоление культурного и социального противоречия между городом и деревней (8 March 1924)

в оборот провинция втягивается все с большей силой (25 March 1924)

вопрос о том, чего же требует сейчас деревня (24 October 1928)

город со все растущей безработицей закрывает перед ним [крестьянином] свои ворота (20 October 1933)

под гнетом фашизма стонет германская деревня (20 October 1933)

молдавская деревня все более насыщается тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами (12 October 1949)

32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции колхозная деревня, как и вся наша страна, встречает в обстановке большого патриотического подъема (29 October 1949)

People → power

обманутые упования, которые они возлагали на способность Пуанкаре накинуть петлю на шею Союза Советских Республик (29 March 1924)

This type of metonymy is found in the 1920s.

October → the Revolution

October is used widely to refer to the Revolution throughout the Soviet period:

через апрель революция пошла от своего марта к октябрю (12 March 1924)

к октябрю через новый, осуществленный апрель [...] идет революция и во всем мире (12 March 1924)

кровь коммунаров [...] дала свои всходы [...] в нашем Октябре (18 March 1924)

пройдя через мировой Октябрь (18 March 1924)

всю грозную близость и непредотвратимость мирового Октября (18 March 1924)

мощное оружие в борьбе международного пролетариата за мировой Октябрь (31 October 1928)

нет в мире такой силы, которая бы смогла отнять у Октябрьской революции это ее решающее завоевание (11 October 1933)

возрожденные Великим Октябрем нации нашей страны (8 October 1949)

[Сталин] октябрь открыл собой эру торжества мирового коммунизма (23 October 1949)

The banner of Marxism-Leninism/proletarian internationalism → ideology

Used in the 1930s – 1950s:

Новая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных еще более прославит великое и святое знамя партии Ленина – Сталина! (22 October 1939)

верность победоносному знамени марксизма-ленинизма... подтвердили многочисленные митинги трудящихся (21 March 1959)

верные знамени пролетарского интернационализма [советские профсоюзы] (24 March 1959)

советские профсоюзы остаются непоколебимо верными славному ленинскому знамени пролетарского интернационализма (29 March 1959)

Capital → hostile system

Capitalism is always negative in Soviet political discourse. As a metonymy of a hostile system, capital intensifies the negative sense:

пока миром правит капитал, он будет удерживать под ружьем больше работников, чем держал до 1914 г. (4 March 1924)

капитал применяет теперь не лобовую атаку, а незаметное внедрение (11 March 1924)

английский капитал, который не может бросить свой флот на континент, предпочитает “интегрально” грабить Германию (26 March 1924)

в обстановке боев с международным капиталом и его слугой – реформизмом (6 October 1928)

растет движение народных масс против власти капитала (23 October 1949)

Surnames in the plural → enemies

This group is open to question, as its examples can be considered both metonymy and metaphor. They are metonymic when they are used to refer to the enemy:

Массариками всего мира будут указывать всеми способами, сколь мудра эта политика по сравнению с политикой “азиатского” большевизма (2 March 1924)

Краснощековы могли бы превратиться в пятно для нашей партии (11 March 1924)

[Шлезвиг-Голштейн-Готторпская династия], 150 лет терзавшая Россию, как раньше ее терзали Рюриковичи и Романовы (12 March 1924)

тем усерднее, тем беззастенчивее душат ее подлые агенты капитала, Макдональды, Мюллеры, Дашинские (23 October 1928)

авантюристические планы господ Розенбергов, направленные против СССР (16 October 1933)

смотреть должен [...] воспитать тысячи Изотовых (19 October 1933)

не давать усыплять себя заверениями российских Обломовых, которых немало еще на транспорте (30 October 1933)

Наши леса, необъятные поля, озера и реки, наши сады и огороды – все это грубо захватили грабители радзивиллы, понятовские, беки и прочие “ясновельможные” паны. (30 October 1939)

[Сталин] “опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается” (11 October 1949)

Surnames in the plural in reference to enemies are especially common in the 1920s. They are only rarely used in a positive sense. The editorial of 19 October 1933, for example, speaks of raising thousands of Izotovs, i.e. shock workers.

Synecdoche: currency → money, finances

The only examples are in editorials from 1924 addressing the financial reform:

покупательная способность червонца (9 March 1924)

дефициты без особых колебаний покрывались усиленным нажимом на печатный станок [printing-press is a symbol of inflation] (9 March 1924)

биржа сказала (9 March 1924)

почти десятилетний поток разноцветных бумажек (4 March 1924)

возрастающее количество бумажек (6 March 1924)

та монета еще безвозвратно погибла в царские времена (9 March 1924)

Analysis of the editorials indicates that metonymy is not a widespread device. Certain groups (for example, place → people or currency → finances) can occur in any political or special text. Typical of Soviet political discourse as a whole is the metonymic use of *October*, and it is found in the *Pravda* editorials as well. Some groups of metonymy such as surnames in the plural for especially enemies involve imagination and are more characteristic of the language of revolution than of totalitarian language. The rare use of metonymy does not permit any conclusions to be drawn as to frequency in different periods.

3.3 Epithet

In “Was ist neu am ‘Newspeak’” Weiss (1986:270) notes that the most distinctive feature of Soviet political language is its stereotypical quality. He devotes special attention to the predictability of collocations, particularly predictable nominal phrases (NPs), which generally include an epithet. Stereotypicality is considered by Weiss from the syntagmatic and paradigmatic perspectives. Syntagmatically, in a collocation consisting of two or more elements, one element makes it possible to predict the rest. Paradigmatically, one and the same significate is used with one and the same significant. Weiss considers that “both aspects are characteristic of Newspeak in general and the language of propaganda in particular” (ibid.). As examples he cites the adjective *братский* (*fraternal*), which collocates with the following nouns: *связи* (*connections*), *отношения* (*relations*), *содружество* (*community*), *дружба* (*friendship*), *солидарность* (*solidarity*), *поддержка* (*support*), *единение* (*unity*). Certain epithets have more predictive force, others less. For example, *ленинский* (*Leninist*) collocates with significantly more nouns than *беспощадный* (*merciless*). In his semantic analysis Weiss (1986:275:281) divides lexemes into the following groups:

- Lexemes designating stability *неуклонный* (*unswerving*), *непоколебимый* (*unflinching*), *незыблемый* (*unshakeable*), *неизменный* (*immutable*), *нерушимый* (*indestructible*), *неутомимый* (*implacable*)
- Lexemes denoting totality: *полностью* (*fully*), *вполне* (*fully*), *всецело* (*wholly*), *целиком* (*entirely*) and *всемирный* (*universal*), *всенародный* (*nationwide*), *всемирно-исторический* (*globally historical*), *единый* (*united*).
- Lexemes denoting singularity or exclusivity that are used to stress achievements. Epithets in this group are generally hyperbolic:³⁷ *событие огромной политической важности* (*an event of enormous political importance*), *небывалый подъем* (*unprecedented rise/upswing*), *историческое событие/решение* (*historic event/decision*), *единственно верное учение* (*the only true doctrine*), *колоссальные достижения* (*colossal achievements*), *титаническая деятельность КПСС* (*the titanic activity of the CPSU*).

Weiss (1986:281–282) also cites examples in which epithets are shown to serve ideological boasting: *удивительный* (*amazing*), *чудесный* (*marvellous*), *сказочный* (*fantastic*), *небывалый* (*unheard-of*), *весомый* (*weighty*), *значительный* (*significant*). *Мудрый* (*wise*) marks the leading role of the

³⁷ Selishchev (1928: 127-130) notes the widespread use of epithets denoting grandeur, citing examples such as *неслыханный* (*unheard of*), *гигантский* (*giant*), *небывалый* (*unprecedented*), *титанический* (*titanic*), *чудовищный* (*monstrous*).

Party, *славный* (*glorious*) – important dates, *достойный* (*worthy*) and *самоотверженный* (*self-sacrificing*) denote support of the system, *зримый* (*visible*) leads to the realization of ideological goals. *Отдельный* (*separate, certain*) marks shortcomings or oppositional sentiments. Descriptions of external or internal enemies use epithets such as *пресловутый* (*notorious*), *бешеный* (*rabid*), *оголтелый* (*frenzied*). Prognostication here is ideological and referential rather than semantic. Epithets are organized by Weiss corresponding to the antithesis *self – other*: “This technique of evaluative polarization according to the friend – enemy scheme, of course, is not alien to any propaganda. In the Soviet language of propaganda, however, it is more consistent than elsewhere.” (Weiss 1986: 282).

The present study analyzes the most frequent epithets and their combinability, and also considers the changes that have occurred in various periods, particularly changes in collocational range and ideological references and connotations. Hyperbolic and eulogistic epithets and the lexemes *ленинский* (*Leninist*) and *сталинский* (*Stalinist*) are treated separately. Many examples can hardly be called epithets, but for the purpose of the present study I do not consider the degree of figurativeness and apply the same criteria as in the selection of metaphors. The present section treats the following groups:

Геройский/героический (heroic)

It occurs in the editorials from the 1920s and 1930s but not in the later periods:

- геройская стойкость бастующих (23 October 1928)
- геройская борьба (23 October 1928)
- пятилетие героических дней гамбургских баррикад (25 October 1928)
- героическое прошлое (28 October 1928)
- героический полет (1 October 1933)
- героический рабочий класс (1 October 1933)
- героический рабочий класс и колхозное крестьянство (11 October 1933)
- героические пролетарии (11 October 1933)
- героическая решимость и беззаветная революционная преданность (11 October 1933)
- героические будни (23 October 1933)
- героические подвиги советских бойцов (2 October 1939)
- героические дела Красной Армии (31 October 1939)
- героическая партия большевиков (22 October 1939)

In the 1920s this epithet is often used to characterize revolutionary activity, especially struggle on the barricades. In the 1930s it is used in reference to the Party and great deeds.

Пламенный (*fervent*)

The use of this epithet is in an editorial commemorating Mikhail Lermontov (14 October 1939) that repeatedly cites his poem *Мицпури* (*The Novice*) – *одна, но пламенная страсть* (*his only yet fervent passion*). This phrase also recurs in a number of later articles:

- велика и пламенна любовь молодежи к Красной Армии (2 October 1939)
- пламенная страсть (14 October 1939)
- они вернулись пламенными агитаторами за смелое применение стахановских методов (25 October 1939)
- пламенная любовь к народу (28 October 1939)

The next group is lexemes denoting importance or significance, it includes *важный* (*important*) and *важнейший* (*very/most important*).

Важный (*important*)

Analysis shows that in the choice between *важный* (*important*) and *важнейший* (*very/most important*) preference is given to the superlative. *Важный* (*important*) is used relatively seldom:

- чрезвычайно важный этап (5 October 1928)
- чрезвычайно важные условия механизации деревни (24 October 1928)
- одна из чрезвычайно важных задач текущего года (27 October 1928)
- чрезвычайно важное обстоятельство (18 October 1939)
- важное и знаменательное достижение (17 October 1949)
- исключительно важное значение (7 March 1959)

There is a definite tendency to intensify the epithet through the addition of *исключительно* (*exclusively*), *чрезвычайно* (*extremely*) or other adverbs, as in the example from 17 October 1949.

Важнейший (*very/most important*)

The superlative degree is used often:

- важнейший момент (16 March 1924)
- решающие, важнейшие ее [промышленности] отрасли (30 March 1924)
- важнейшая политическая кампания (4 October 1928)
- ряд важнейших стран капиталистической системы (11 October 1928)
- важнейшие международные массовые выступления (14 October 1928)

важнейшие вопросы политического, хозяйственного и культурного
 строительства (18 October 1928)
 важнейшая опора партии (28 October 1928)
 один из важнейших лозунгов (31 October 1928)
 важнейшая задача четвертого квартала (2 October 1933)
 важнейшие вопросы (14 October 1933)
 новая, важнейшая сельская база Союза (24 October 1933)
 один из важнейших районов Союза (24 October 1933)
 машиностроение – важнейший потребитель металла (4 October 1939)
 важнейшие вопросы внешней политики (5 October 1939)
 договор является новым и важнейшим звеном в... политике
 (11 October 1939)
 прием в ВКП(б) одна из самых важнейших задач партийных органи-
 заций (27 October 1939)
 важнейшие задачи (3 October 1949)
 важнейшие вопросы (4 October 1949)
 важнейшая предпосылка успехов (5 October 1949)
 важнейшие условия (7 October 1949)
 важнейшие результаты (8 October 1949)
 важнейшая магистраль (10 October 1949)
 важнейшая веха (11 October 1949)
 новый, важнейший период развития (1 March 1959)

In the 1920s and early 1930s, *важнейший* (*very/most important*) often describes a specific referent such as a country, an event, or a branch of the economy. Together with these concrete referents more abstract ones gradually appear, such as *веха* (*landmark*), *задачи* (*tasks*), *условие* (*condition*), and the semantics of the epithets is weakened.

Священный (sacred)

This epithet occurs only in the editorials from 1939, where it is connected with the ideological preparation for war:

горячо и радостно идет молодежь выполнять свой священный долг
 (2 October 1939)
 священные обязанности перед социалистической родиной
 (21 October 1939)
 священная обязанность профессиональных союзов
 (31 October 1939)

It often collocates with the nouns *долг* (*duty*) and *обязанность* (*obligation*).

Another frequent group is lexemes denoting stability.

**Несокрушимый (unshakeable), непобедимый (indomitable),
нерушимый (indestructible)**

In the 1920s and early 1930s these epithets are seldom used. Most of the examples are from the period 1939–1959:

- новый мощный приток той несокрушимой силы
(4 October 1928)
- непобедимая Красная Армия (12 October 1933)
- несокрушимой скалой социализма высится Страна советов
(28 October 1933)
- могущественная и несокрушимая сила (2 October 1939)
- нерушимое морально-политическое единство советского народа
(6 October 1939)
- [индустрия] несокрушимая основа могущества нашей великой
родины (12 October 1939)
- несокрушима дружба народов Советского Союза (16 October 1939)
- несокрушимый/непобедимый блок коммунистов и беспартийных
(24 October 1939)
- к могучей и непобедимой матери-Родине (12 October 1949)
- нерушимый союз рабочих и крестьян (6 October 1949)
- нерушимая интернациональная связь (8 October 1949)
- нерушимая [...] дружба народов (12, 23, 30 October 1949)
- нерушимый всенародный блок коммунистов и беспартийных
(1 March 1959)
- нерушимая сплоченность (11 March 1959, 19 March 1959)

In the example from 4 October 1928 *несокрушимый (unshakeable)* refers to forces of nature, and the semantics of stability recedes into the background. The phrase *непобедимая Красная Армия (the invincible Red Army)* appears and later becomes a worn cliché.³⁸ Beginning in 1939 all of the examples are clichés repeated year after year.

³⁸ Especially after the appearance of Aleksandrov and Kolychev’s “Song of the Soviet Army” (“Песня о Советской армии”) in 1943, the epithet in which became a synecdoche of the Soviet Army:

Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе, любимая родная армия,
Шлет наша Родина песню-привет.
Тебе шлет Родина песню-привет.

Lexemes denoting intensity are used throughout the whole period, but more often in the 1920s – early 1930s. They include бешеный (furious) and решительный (decisive/resolute).

Бешеный (rabid, furious, frenzied)

Used only in the 1920s and early 1930s, the epithet is typical of revolutionary rhetoric:

- бешеная, самоотверженная борьба [борьба пролетариата] (5 March 1924)
- направить бешеные усилия [...] на дело возрождения собственной индустрии (17 October 1928)
- бешеный поток бедствия (8 March 1924)
- бешеная погромная агитация (23 March 1924)
- бешеная травля коммунистов (5 October 1928)
- бешеное наступление капиталистов (11 October 1928)
- в бешеной борьбе за сохранение своего господства (1 October 1933)
- бешеная подготовка к новой грабительской войне (11 October 1933)
- [остатки кулачества] бешено сопротивляются (17 October 1933)
- бешеная злоба германских фашистов (18 October 1933)
- бешеная агитация для обмана [...] крестьянства (20 October 1933).

As is evident from the examples, in the 1920s the epithet is used in reference to *self* and *other*; in the former it signifies only intensity, while in the latter it conveys both intensity and sometimes malice. Frequently occurring phrases in 1928 are бешеное сопротивление (*furious resistance*) and бешеные усилия (*furious efforts*). They can characterize both *self* and *other*.

Решительный (decisive/resolute)

The epithet *решительный* (*decisive*) is also typical of the 1920s and early 1930s:

- новые решительные шаги к их возрождению (6 March 1924)
- решительный конец (7 March 1924)
- решительное отрицание эксплуатации (22 March 1924)
- полный, решительный, революционный разрыв (28 March 1924)
- решительное изживание этих явлений (7 October 1928)
- за дальнейшее решительное развертывание внутрипартийной демократии (7 October 1928)
- решительное исправление [...] ошибок (14 October 1928)
- решительное социалистическое наступление (26 October 1928)
- решительный перелом (6 October 1933)

решительное исправление недостатков (6 October 1933)
 самая решительная борьба с извращениями нарушениями директив
 партии и правительства (14 October 1933)
 решительный отпор (22 October 1933)
 решительная борьба (1 October 1939)
 решительное увеличение выпуска высокопроизводительных и специ-
 альных станков (9 October 1939)
 решительная и неустанная борьба (23 October 1949)
 решительно оборонческое на своих первых шагах [...] парижское
 движение (18 March 1924)
 решительное “плебейское” развертывание буржуазно-демократической
 революции (21 October 1928)

This epithet corresponded to the spirit of the revolutionary period. The Russian variant of “The International” begins with the words “Это есть наш последний и решительный бой” (“This is our last and decisive battle”).³⁹ In the examples from the early 1920s the combinability of the epithet is relatively high, but it quickly becomes a cliché in, for example, *решительный отпор* (*decisive rebuff*) and *решительное наступление* (*resolute advance*) in 1928 and *решительная борьба* (*decisive battle*) beginning in 1933, and its collocational range gradually shrinks.

Lexemes denoting solidity and hardness are typical of the language of revolution, they include *твердый* (hard/firm), *суровый* (severe/harsh) and *жесткий* (hard/harsh).

Твердый (hard/firm)

In the March 1924 editorials the epithet *твердый* (*hard*) is used in connection with an intense discussion of the monetary reform, and most of the examples of this period therefore have to do with finance policy:

твердые деньги (1 March 1924)
 твердый курс (6 March 1924)
 с неотступной твердостью (7 March 1924)
 твердое сокращение бюджета (21 March 1924)
 введение твердой валюты (25 March 1924)

³⁹ In the French version and other translations there is no *решительный*:
 C’est la lutte finale: groupons-nous, et demain. (French)
 So comrades, come rally and the last fight let us face. (English)
 Völker, hört die Signale! Auf, zum letzten Gefecht! (German)
 Upp till kamp emot kvalen! Sista striden det är. (Swedish)

In the remaining instances it is used in clichés:

- твердая уверенность в победу (8 March 1924)
- мы твердо стоим на линии подъема (21 March 1924)
- твердые рамки (21 March 1924)
- твердое проведение линии (30 October 1928)
- твердым шагом идет по указанному т. Сталиным пути (18 October 1933)
- последовательная, твердая, непоколебимая политика мира (21 October 1933)
- воспитать инициативных и твердых командиров транспорта (31 October 1933)
- твердо встали на путь колхозной жизни (12 October 1949)
- твердая уверенность (8 March 1959)
- твердое, неустанное, последовательное выполнение того, о чем торжественно заявил 12 съезд профсоюзов СССР (29 March 1959)

In the last example the collocation *неустанный* (*incessant*) used together with *последовательный* (*consistent*) becomes a worn-out cliché.

Суровый (*severe/harsh*)

Use of this epithet is connected especially with descriptions of wartime and postwar periods:

- во время суровой гражданской войны (5 March 1924)
- суровые революционеры (11 March 1924)
- суровая борьба (6 October 1928)
- обобщение огромного практического, тяжелого и сурового **опыта** (14 October 1928, bold in the original)
- польский пролетариат прошел суровую школу (23 October 1928)
- суровые стихи Некрасова (13 October 1933)
- в годы суровых военных испытаний (16 October 1949)
- суровое время гражданской войны (8 March 1959)

The clichés *суровое время* (*severe time*) and *суровые испытания* (*severe ordeals*) are often used in this meaning. In some examples *суровый* denotes *serious, harsh/hard*:

- факты с неумолимой суровостью говорят (26 March 1924)
- встречали суровую критику со стороны опытных станций и серьезных агрономов (28 March 1924)
- держат суровый ответ (25 October 1933)
- суровое осуждение (9 October 1949)

Жесткий (hard/harsh)

As a rule it is used in the 1920s and early 1930s in reference to domestic measures:

- финансовая политика [...] еще некоторое время должна оставаться жесткой, даже суровой (1 March 1924)
- поставлено в тяжелые условия жесткого бюджета и твердого сокращения этого бюджета (21 March 1924)
- при жесткой дефицитности бюджета (28 March 1924)
- резкое, жесткое сокращение штатов чиновников, вынуждаемое грозными дефицитами (29 March 1924)
- жесткий контроль (4 October 1933)

Lexemes denoting cruelty/brutality are frequent in the 1920s – early 1930s, they include жестокий (cruel) and кровавый (bloody).

Жестокий (cruel)

It is used throughout the period in reference to enemies and struggle against them:

- Италия жестоко ободрала балканские страны (9 March 1924)
- иногда чрезвычайно жестокие конкуренты (15 March 1924)
- жестокие кровавые уроки (24 March 1924)
- наша партия [...] вела жестокие классовые бои (11 October 1933)
- объявлена жестокая война мелкобуржуазной распущенности (17 October 1933)
- жесточайшие империалистические противоречия (8 October 1933)
- жесточайший экономический кризис (20 October 1933)
- пораженные жесточайшим кризисом (21 October 1933)
- огромные массы, живущие на ограниченные средства и жестоко страдающие от роста дороговизны (28 October 1933)
- режим жестокой эксплуатации (16 October 1939)
- жестоко подавлялись народные восстания (16 October 1939)
- жестокий удар по преступным замыслам поджигателей войны (11 October 1949)

In the early 1920s these epithets were also used to describe the consequences of collapse:

- жестокие удары (4 March 1924)
- иногда чрезвычайно жестокие конкуренты (15 March 1924)
- жестокие кровавые уроки (23 March 1924)
- когда справились с самой жестокой разрухой (28 March 1924)

Кровавый (bloody)

Traditionally it is used in describing the enemy's actions. *Кровавый* is related to people:

- кровавые умирения (12 March 1924)
- кровавые расправы (12 March 1924)
- жестокие кровавые уроки (23 March 1924)
- кровавый фашистский террор (11 October 1933)
- кровавая расправа [...] над крестьянами (20 October 1933)
- история кровавых преступлений (29 October 1933)
- кровавые столкновения (26 October 1939)
- кроважные версальцы (12 March 1924)

The examples from the 1930s describe past events connected with the revolutionary struggle.

Besides the epithets above, editorials often use *новый* (*new*), which in itself is not an epithet but in combination with other adjectives intensifies the properties of the referent.

Новый (new)

In the 1920s and early 1930s, in the positive meaning it is opposed to old, conservative:

- новые колоссальные природные богатства (4 March 1924)
- новые решительные шаги к их возрождению (6 March 1924)
- новая, революционная власть (12 March 1924)
- новый мощный приток той несокрушимой силы (4 October 1928)
- к новым, еще более блестящим победам (4 October 1928)
- новые громадные задачи (31 October 1928)
- строить новую, прекрасную жизнь (13 October 1933)
- новые славные страницы в истории молодого поколения (29 October 1933)

In the negative meaning it is used to reinforce the positive or negative properties of the referent. In the early 1920s it was often employed ironically:

- новая очередная комедия (29 March 1924)
- новый кабинет мог бы быть [...] обновленным изданием старого министерства (29 March 1924)
- вопрос о подготовке новой грандиозного масштаба бойни империалистами (14 October 1928)
- новый грабительский Версаль (16 October 1933)
- бешеная подготовка к новой грабительской войне (11 October 1933)

In later periods it generally intensified only positive qualities:

- новые славные дела (1, 4 October 1939)
- люди новой, сталинской формации (8 October 1939)
- новый могучий подъем (23, 25 October 1939)
- новая яркая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных (24 October 1939)
- новые замечательные успехи (24 October 1939)
- новая славная глава (25 October 1939)
- строить новую, яркую, справедливую жизнь (30 October 1939)
- новый мощный идейно-политический подъем (1 October 1949)
- новая светлая страница (5 October 1949)
- новый светлый путь (6 October 1949)
- новый сильнейший удар (5 October 1949)
- новое драгоценное чувство нового (13 October 1949)
- новый мощный подъем (15 October 1949)
- новый, важнейший период развития (1 March 1959)
- новая выдающаяся победа (6 March 1959)
- новый могучий подъем (7 March 1959)

Used in a positive sense it quickly became a cliché, especially in the phrase *новый мощный подъем* (*new, mighty rise/upswing/peak*).

In the 1920s editorials, particularly those from 1924, epithets denoting firmness, harshness, and brutality predominate: *реши́тельный* (*resolute/decisive*), *твердый* (*hard*), *непоколебимый* (*unshakeable*), *бешеный* (*rabid/furious/frenzied*), *жесткий* (*hard/harsh*), *жестокий* (*cruel/harsh*), *кровавый* (*bloody*). In 1928 only *реши́тельный* (*resolute/decisive*), *бешеный* (*rabid/furious/frenzied*) and *наглый* (*impudent/audacious*) are frequently used. *Твердый* (*hard*), *суровый* (*severe*) and *жестокий* (*cruel/harsh*) occur seldom, while *кровавый* (*bloody*) and *жесткий* (*hard/harsh*) are absent. With the exception of *твердый* (*hard*), there are no lexemes in this period denoting stability and totality. The combinability of epithets such as *бешеный* (*rabid/furious/frenzied*), *реши́тельный* (*resolute/decisive*), and *жесткий* (*hard/harsh*) is greater than might have been expected, and the predictability of collocations containing them is less. In the examples from 1928 combinability decreases somewhat and predictability increases, which indicates a rise in clichés. The combinability of the epithets *кровавый* (*bloody*), *наглый* (*impudent/audacious*), and *жестокий* (*cruel/harsh*) is limited and relatively easy to predict. Noteworthy is the variety in epithets denoting brutality and intensity in reference to enemies: *наглый* (*impudent/audacious*), *кровавый* (*bloody*),

жестокий (*cruel/harsh*). Other examples are *чудовищный* (*monstrous*), *подлейший* (*vile/base*), *проклятый* (*accursed*), *разбойничий* (*predatory*), *необузданный* (*unbridled*), *мстительный* (*vengeful*), *воинствующий* (*militant*), *подлый* (*vile/base*), and *фашистский* (*Fascist*). There is no clear division in this period into groups referring to *self* and *other*:

бешеная, самоотверженная борьба [пролетариата] (*furious, selfless struggle of proletariat*; 5 March 1924)

бешеная травля коммунистов (*frenzied persecution of communists*; 5 October 1928).

Lexemes denoting stability appear in 1933 and become frequent by 1939. Such lexemes as *мудрый* (*wise*) become increasingly common, in 1939 *священный* (*sacred*) is added. Epithets denoting firmness, intensity, harshness, and brutality are used seldom and gradually disappear. In 1933 they are used mainly in reference to enemies and in a few cases to the revolutionary past, but in 1939 only to describe enemies. The most widely used are *наглый* (*impudent/audacious*) and *бешеный* (*rabid/furious/frenzied*). Used in addition to the above epithets in 1933 are *злбный* (*spiteful/malicious*), *злостный* (*malicious/malevolent*), *зловещий* (*ominous*), *грабительский* (*predatory/rapacious*), *фашистский* (*Fascist*), *безобразный* (*shameful/abominable*), and *гнилой* (*rotten*), while in 1939 they become significantly fewer in number and basically consist of three – *бездарный* (*untalented/mediocre*), *трусливый* (*cowardly*), and *жестокий* (*cruel/harsh*). Epithets are more clearly divided into groups describing *self* and *other*, and at the same time combinability decreases and predictability increases. The changes occurring in the 1930s illustrate the transformation of the language of revolution into totalitarian language.

Totalitarian language continues to develop in the 1940s and 1950s. In 1949 lexemes denoting stability are widely used, and those denoting strength and invincibility, such as *победоносный* (*victorious*), *непобедимый* (*invincible*), stress victory in the future. Lexemes denoting patriotism disappear. Words used to describe enemies include *продажный* (*corrupt/venal*), *гнусный* (*vile/mean*), *фальшивый* (*false*), *растленный* (*corrupt/debauched*), *алчный* (*greedy*), and *гнилой* (*rotten*), with an emphasis on perfidy and rottenness. Combinability is low and predictability high.

In 1959 two groups predominate: lexemes denoting stability and praise. These examples are considered below. Most of them have become clichés. The trend of decreasing combinability and increasing predictability continues.

3.4 Hyperbole, understatement

3.4.1 Hyperbole

Hyperbolic exaggeration is a widely used device in the language of propaganda and is generally used to intensify the contrast in the opposition *self* – *other*. Hyperbole is created in the *Pravda* editorials through epithet, metaphor, lexical markers and morphologically through use of the superlative degree.

Epithet includes lexemes denoting grandeur, strength, and size: великий (great), величайший (very great/greatest), громадный (immense), грандиозный (grandiose), могучий (mighty), огромный (enormous), колоссальный (colossal), глубокий (deep/profound), глубочайший (very/most deep/profound), невиданный (singular/unprecedented).

Великий (great)

Frequency increases sharply toward the end of the 1930s. In October 1939 it occurs more than 60 times, in October 1949 more than 80, and in March 1959, over 30. In the 1920s it is used in reference to *self* and *other*:

глава великого государства [about Lenin but not *the great Lenin* as in later periods] (5 March 1924)

выполнение этой великой задачи (8 March 1924)

уроки великих уроков великой пролетарской борьбы (18 March 1924)

великие всходы (18 March 1924)

великая тупость и жадность, великая злоба и несказуемая историческая слепота охваченного разложением дворянства (12 March 1924)

великая революционная борьба (21 October 1928)

великий взрыв все затопляющего, прерывающего все преграды чувства массовой солидарности (23 October 1928)

великие классовые битвы пролетариата (28 October 1928)

Already in this period *великий* (*great*) quickly becomes a cliché, as in *великая задача* (*great task*), *великое государство* (*great state*), and *великая пролетарская борьба* (*great proletarian struggle*). Hyperbole is used especially in reference to the revolutionary struggle. Beginning in the 1930s practically all phrases are worn-out clichés:

великий октябрьский праздник (31 October 1928)

великие мировые задачи (1 October 1933)

великие дела (11 October 1933)

великие успехи (17 October 1933)

великая страна (19 October 1933)
 великие подвиги комсомольских легионов (29 October 1933)
 великая строительная программа (7 October 1939)
 великий Сталин (31 October 1939)
 великий вожьд партии и советского народа товарищ Сталин
 (16 October 1949)
 великие гении человечества Ленин и Сталин (5 October 1949)
 великий опыт строительства социализма (1 October 1949)
 великое дело социалистического/коммунистического строительства
 (3, 8, 17, 30 October 1949)
 великий русский народ (16 October 1939, 8 October 1949)
 великий сталинский план преобразования природы (15 October 1949)
 великая программа развернутого коммунистического строительства
 (2 March 1959)
 великое трудовое наступление (24 March 1959)
 великие успехи в развитии экономики и культуры (28 March 1959)
 великие идеи марксизма-ленинизма (8 March 1959)
 великая Родина (8 March 1959)
 великое единство Коммунистической партии и советского народа
 (6 March 1959)
 великие идеи коммунизма (21 March 1959)
 наша великая ленинская партия (30 March 1959)

The rise in frequency in the 1939 and 1949 editorials is due to the repetition of phrases praising Stalin – *великий Сталин* (*the great Stalin*), *великая партия Ленина-Сталина* (*the great party of Lenin and Stalin*), etc. The phrase *великий русский народ* (*the great Russian people*) is repeated often in this period, which indicates the special place allotted to the Russian people in Stalin's national policy. Most phrases are repeated year after year not only throughout the period under study, but to the end of the Soviet era.

Величайший (very great/greatest)

In the 1920s this epithet is used in reference to both *self* and *other*:

величайшая экономия средств (7 March 1924)
 приложить величайшие усилия к немедленному и самому широкому
 проведению в жизнь (28 March 1924)
 величайший эксплуататор колониальных стран [английский фунт]
 (9 March 1924)
 величайший грабитель континентальной Европы (20 March 1924)
 величайшая ответственность за предвыборную работу (4 October 1928)

одна из величайших задач пролетарской революции (13 October 1928)
величайшая творческая активность всего рабочего класса
(16 October 1928)
величайшая гибкость наших торгующих [...] органов (24 October 1928)
величайшая дисциплинированность и самоотверженность
(28 October 1928)

Величайший (*very great/greatest*) is used to denote size, strength, and significance, but there is no sense of “grandeur” in these examples. That element is added in subsequent periods:

свободный труд – величайшая радость человечества (13 October 1933)
величайшая Октябрьская революция (13 October 1933) [Stalins book]
величайшая теоретическая сокровищница (1 October 1949)
величайшие успехи (30 October 1949)
величайший триумф всепобеждающего учения марксизма-ленинизма
(21 March 1959).

Beginning in 1933 the epithet is used much more often than in the 1920s:

величайший перелом в сознании крестьянки-колхозницы
(13 October 1933)
величайшее преступление немецкой буржуазии (18 October 1933)
величайший экономический фактор [about the USA:s role]
(21 October 1933)
величайшая революция в истории человечества (24 October 1933)
величайшая ответственность за проведение этих решений в жизнь
(30 October 1933)
с величайшим доверием и любовью относится к своему ленинско-
сталинскому правительству (6 October 1939)
с величайшим удовлетворением встретят заключение нового договора
(11 October 1939)
величайшее внимание трудящихся к делу обороны нашего социалисти-
ческого государства (13 October 1939)
величайшая политическая активность (29 October 1939)
величайшие задачи (5 October 1949)
дни величайшего энтузиазма и творческой энергии широких масс трудя-
щихся (28 March 1959)

Reference is made to the enemy in only one example:

источник величайшей опасности для миролюбивых народов
(13 March 1959)

Practically all the examples from the 1930s – 1950s are clichés.

Громадный (immense)

Typical of the 1920s and 1930s, this appears seldom in later periods. In the 1920s it is used in reference to *self* and *other*:

- громадная, величавая мировая идея международной революции (5 March 1924)
- громадная доля расходов (6 March 1924)
- громадные производительные силы (6 March 1924)
- громадная историческая ответственность (18 March 1924)
- наследница громадной работы (18 March 1924)
- громадный рост налогов (29 March 1924)
- громадная ответственность (3 October 1928)
- громадная трудность и сложность (7 October 1928)
- громадная массовая кампания (9 October 1928)
- громадная революционная энергия (23 October 1928)
- новые громадные задачи (31 October 1928)
- громадная работа партии (9 October 1933)
- громадное влияние на широчайшие массы трудящихся (18 October 1933)
- громадные потери [in agriculture] (26 October 1933)
- громадная роль книги (1 October 1949)
- соревнование играет громадную роль (3 October 1949)
- громадный рост социалистической сознательности (23 October 1949)

Semantically the epithet denotes only size, which may explain its relative infrequency in totalitarian language.

Грандиозный (grandiose)

In the 1920s and early 1930s the epithet is rarely used and denotes only size:

- грандиозный размах [...] стачки (11 October 1928)
- новая грандиозного масштаба бойня (14 October 1928)
- Китай стал [...] ареной грандиозных событий (21 October 1928)
- наша партия совершила грандиозные дела (11 October 1933)
- грандиозное сокращение посевных площадей (20 October 1933)
- грандиозный химический комбинат (20 October 1933)

Beginning in 1939 it is also used in the sense of *grandeur*:

- грандиозный план третьей сталинской пятилетки (7 October 1939)
- грандиозная задача (16 October 1939)

грандиозная демонстрация побед (20 October 1939)
грандиозная программа (3 October 1949)
успехи грандиозны (3 October 1949)
грандиозный план преобразования природы (20 October 1949)
грандиозная программа развития (1, 2, 20, 21 March 1959)
грандиозные задачи (8, 14, 19 March 1959)
грандиозное промышленное строительство (20 March 1959)
грандиозные задания семилетнего плана (24, 29 March 1959)
грандиозные планы (24 March 1959)

The epithet is especially frequent in March 1959.

Могучий (mighty)

Frequent throughout the period under study, in the 1920s and early 1930s *могучий (mighty)* often collocates with the metaphor of natural forces; the sense of power and uncontrollability is dominant:

центр могучего революционного движения (5 March 1924)
могучей волной (5 March 1924)
при первых могучих толчках мировой революции (5 March 1924)
в одном могучем кличе (5 March 1924)
Лодзь заговорила таким могучим голосом (23 October 1928)
могучий рычаг мобилизации (23 October 1933)
могучая сила революции (29 October 1933)
могучий вихрь (29 October 1933)

Beginning in the late 1930s it is the sense of power and invincibility that is most salient:

могучая и нежная забота советского народа о своей армии
(2 October 1939)
могучая Красная Армия (2 October 1939)
самое могучее в мире социалистическое государство (2 October 1939)
могучий подъем (3 October 1939)
районная печать, могучая ветвь большевистской прессы
(18 October 1939)
могучее слово Чернышевского (28 October 1939)
могучая социалистическая держава (30 October 1949)
к могучей и непобедимой матери-Родине (12 October 1949)
могучий лагерь социализма/мира и демократии (5, 19 October 1949)

могучая большевистская партия (1 October 1949)
могучая семья новых советских социалистических наций
(8 October 1949)
могучее духовное оружие (1 October 1949)
могучее средство коммунистического воспитания масс (22 October 1949)
могучий размах всенародного социалистического соревнования
(23 October 1949)
могучий подъем (7, 8, 21 March 1959)
могучий и страстный призыв Советского Союза (8 March 1959)
могучий лагерь социализма (21 March 1959)
могучая сплоченность [...] вокруг Коммунистической партии
(23 March 1959)
могучая индустриально-колхозная держава (28 March 1959)

Almost all examples from this period are clichés, and some of them, such as *могучий подъем* (*mighty rise/upswing/peak*), are repeated many times.

Огромный (enormous)

In the 1924 editorials there is only one example:

в огромной степени по нашему разгильдяйству (30 March 1924)

Beginning in 1928 it is used often:

выросли в огромном масштабе задачи (6 October 1928)
огромная важность использования самодеятельности кооперативных
масс (6 October 1928)
огромное большинство партии (9 October 1928)
налагает огромнейшую ответственность на братские компартии
(11 October 1928)
огромный практический [...] **опыт** (14 October 1928, bold in the original)
огромные трудности (19, 28 October 1928)
огромные производственные победы (1 October 1933)
огромное количество сложных машин и механической тяги
(3 October 1933)
огромная историческая задача (7 October 1933)
с огромной силой вырисовывается значение указаний тов. Сталина
(22 October 1933)
огромная масса политически закаленных и выросших сельских
учителей (23 October 1933)
огромная тяга молодежи в ряды армии (2 October 1939)
огромный политический подъем (3 October 1939)

огромное политическое значение (6 October 1939)
 огромный интерес к оборонной работе (3 October 1939)
 огромное значение (2 October 1949)
 огромная помощь партии и правительства (10 October 1949)
 огромная организационная и политическая работа (13 October 1949)
 огромное воодушевление (20, 30 October 1949)
 с огромным воодушевлением (30 October 1949)
 с огромным единодушием/воодушевлением (1, 20, 28 March 1959)
 с огромной силой/творческой энергией (2, 24 March 1959)
 огромные средства на пенсионное обеспечение (2 March 1959)
 огромные завоевания братского венгерского народа (21 March 1959)
 новый огромный подъем творческой активности трудящихся
 (23 March 1959)
 огромный прилив творческой энергии (26 March 1959)

A number of clichés – for example, collocations with the nouns *опыт* (*experience*) and *трудности* (*difficulties*) date from 1928. In 1933 collocations with *задача* (*task*), *масса* (*mass/masses*), *подъем* (*rise/upswing/peak*), *работа* (*work*), *значение* (*significance*), *интерес* (*interest*), *роль* (*role*) and *размах* (*sweep*) begin appearing. In 1959 the prepositional group “с огромным + N” (“with enormous + N”) is frequent. Most of the examples are in reference to *self*, but there are some cases addressing *other* or deficiencies:

огромная орава лакеев реакции (23 October 1949)
 огромные излишки хлеба сжигаются или выбрасываются
 (20 October 1933)

In the 1930s – 1950s it is sometimes used in the sense of “power” and “significance.”

Колоссальный (colossal)

Examples are found only in the 1920s and 1930s. In the 1920s *колоссальный* (*colossal*) is used in reference to *self* and *other*, but in the 1930s only the former. By the end of the 1930s it denotes not only size but also importance and significance:

новые колоссальные природные богатства (4 March 1924)
 колоссальное, подавляющее большинство населения (20 March 1924)
 колоссальное общее разорение (21 March 1924)
 колоссальные эксплуататорские и угнетательские возможности
 (22 March 1924)

колоссальная дефицитность государственного бюджета (29 March 1924)
колоссальные возможности (30 March 1924)
колоссальная выдержка (28 October 1928)
колоссальные технические средства (1 October 1933)
колоссальный разворот творческих сил (1 October 1933)
колоссальные магнитогорские домны (11 October 1933)
колоссальнейшие возможности, таящиеся в колхозном строе (22 October 1933)
неисчерпаемые богатства колоссального края (24 October 1933)
колоссально возросшая активность (13 October 1939)

Глубокий (deep/profound), глубочайший (very/most deep/profound)

In the editorials from the 1920s it occurs seldom:

глубокий ленинский подход (31 October 1928)

It begins to be used frequently in the early 1930s and quickly becomes a cliché:

еще более глубокий кризис Версаля (16 October 1933)
глубочайшая проработка и выполнение колхозниками годового производственно-финансового плана (23 October 1933)
подлинно глубокое знание обстановки (5 October 1939)
глубокая патриотическая гордость (8 October 1949)
глубокая тревога (11 October 1949)
глубокая благодарность (12 October 1949, 28 October 1959)
глубочайшие изменения (12 October 1949)
глубокое изучение и разъяснение (16 October 1959)
глубокая преданность делу коммунизма (19 October 1959)
глубокая заинтересованность в выполнении семилетнего плана (25 October 1959)
глубочайшее волнение (3 October 1933)
глубочайшие пласты деревни (23 October 1933)
глубочайший революционный переворот (16 October 1949)
чувства глубочайшего удовлетворения и радости (6 October 1939)
с глубочайшим удовлетворением (11 October 1949)

The most hackneyed phrases are collocations with the nouns *благодарность* (*gratitude*) and *удовлетворение* (*satisfaction*), and especially the phrase *с чувством глубокого/глубочайшего удовлетворения* (*with a feeling of deep/the deepest satisfaction*), which occurs in the 1959 materials.

In the group of metaphor the army and force or power metaphors are considered.

Арму (армия)

The army metaphor generally refers to large numbers of people:

растут батальоны индустриальных пролетариев (28 October 1933)

повернуть армию торговых работников лицом к новым задачам (15 October 1933)

армия высококвалифицированных культурных сил (23 October 1933)

армия пропагандистов, агитаторов, беседчиков/советской интеллигенции/советских горняков и энергетиков/большевистских журналистов/советских нефтяников (8, 12, 18, 21 October 1939)

армия советских железнодорожников (10 October 1949)

великая армия тружеников земли (20 October 1949)

многомиллионная армия безработных (25 October 1949)

огромная армия работников сельского хозяйства (31 March 1959)

целая армия полицейских, жандармов и шпииков, наводнявшая улицы Лодзи (23 October 1928)

It can be used in reference to both *self* and *other*, and is most frequent in the editorials from 1939. In the prewar period it also has the sense of “strength” and “unity.” *Армия* (*army*) collocates with epithets such as *многомиллионный* (*multimillion*), *могучий* (*mighty*), and *огромный* (*enormous*), which further emphasize the huge numbers involved.

Power/force (сила)

The hyperbolic sense of the word dates from the late 1930s. *Сила* (*power*) collocates with epithets such as *великий* (*great*), *гигантский* (*gigantic*), *большой* (*large*), *могучий* (*mighty*), and *непоколебимый* (*unshakeable*), and in reference to enemies, with *черный* (*black*):

великая творческая сила социалистического труда (12 October 1939)

непоколебимая сила нашей великой социалистической державы (2 October 1939)

социалистическая индустрия выросла в гигантскую силу (4 October 1939)

партийные и непартийные большевики деревни – огромная сила (8 October 1939)

великая творческая сила социалистического труда (12 October 1939)

газеты, выпускаемые в районе, стали большой силой (18 October 1939)

[КА и ВМФ] могущественная и несокрушимая сила (2 October 1939)

женщины в колхозах – большая сила (18 October 1939)
могучие силы, накопленные в народных массах (20 October 1939)
идеи марксизма-ленинизма [...] стали могучей [...] силой, изменяющей мир (1 October 1949)
великая сила марксистско-ленинской теории (13 October 1949)
коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила (31 October 1949)
могучая творческая сила социалистического строя (16 March 1959)
коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила советского общества (28 March 1959)
черные силы реакции (2, 11 October 1949)
реакционные/темные силы (5, 11 October 1949)

The cliché *руководящая и направляющая сила* (*leading and guiding force*) makes its appearance in the 1940s.

Lexical markers emphasize huge numbers and are found throughout the period.

“Millions”, “thousands”

миллионы работников и колоссальные средства производства были отняты от земледелия и промышленности (4 March 1924)
миллионы женщин должны предъявить преступнику счет (8 March 1924)
нищета, поглощающая беспощадно сотни тысяч, миллионы женщин и мужчин (8 March 1924)
переполнил тюрьмы тысячами и десятками тысяч передовых борцов (18 March 1924)
привлечение к непосредственной работе по социалистическому строительству миллионов новых строителей (18 October 1928)
получение новых десятков и сотен миллионов товарного хлеба (24 October 1928)
сотни и тысячи новых членов партии (28 October 1928)
десятки заводов, миллионы рабочих и работниц, специалистов и научных работников создали технические средства, при помощи которых одержаны победы в воздухе и на земле (1 October 1933)
десятки миллионов трудящихся нашей страны (1 October 1939)
свои радостные чувства миллионы граждан выражают в бесчисленных выступлениях, на митингах и собраниях (6 October 1939)
миллионы беспартийных рабочих (9 October 1949)
тяга миллионов к изучению марксизма-ленинизма (23 October 1949)

с небывалым творческим энтузиазмом трудятся в эти дни миллионы колхозников (3 March 1959)

миллионы участников всенародного социалистического соревнования (7 March 1959)

In the 1920s they are used in reference both to adversity and to positive phenomena, and in the 1930s – 1950s with little or no variation to describe positive phenomena and achievements.

Lexico-morphological devices include the superlative degree.

Superlative degree

Beginning in October 1928, the superlative degree becomes one of the most common devices of hyperbole. Epithets *важнейший* (*very/most important*), *величайший* (*very great/greatest*) and *глубочайший* (*very/most deep/profound*) have been considered above. These epithets are used regularly, and there are sometimes semantic shifts in political text contexts, as in the case of *важнейший* (*very/most important*). The most examples of the superlative are in October 1928:

широчайшие массы деревенской бедноты (4 October 1928)

величайшая ответственность за предвыборную работу (4 October 1928)

самые рафинированные мошеннические приемы самое решительное заострение революционной борьбы (5 October 1928)

крупнейшие экономические бои (5 October 1928)

крупнейшая политическая кампания (7 October 1928)

широчайшие массы рабочих и трудового народа (7 October 1928)

широчайшая кампания компартии (7 October 1928)

решительнейшая, беспощаднейшая борьба с контрреволюционным реформизмом (11 October 1928)

активнейшая поддержка революционного движения (21 October 1928)

Superlatives decrease in later periods, and in some examples superlative degree loses partially or totally its semantics:

широчайшая мобилизация колхозных масс (17 October 1933)

самое могучее в мире социалистическое государство (2 October 1939)

важнейшая веха (11 October 1949)

одно из ярчайших проявлений роста социалистической культуры (17 October 1949)

быстрейшее претворение в жизнь (3 October 1959)

грубейшее нарушение государственной дисциплины (7 October 1959)

These examples indicate that in the 1920s – 1950s hyperbole is a characteristic feature of Soviet political language on all the lexical levels considered. Certain changes take place beginning in the 1930s, as new epithets appear and the degree of cliché increases. In the editorials from the late 1950s almost all examples are hackneyed clichés.

3.4.2 *Understatement*

This subgroup includes euphemism and intimation or hints. Euphemism is based on minimizing a negative property or switching an evaluative sign from negative to positive. Sheigal (2004:179) asserts that lies for political advantage show up in euphemisms. Anna Mikhal'skaia (1996:152) also notes a correlation between euphemisms and the rhetorical strategy of demobilization, which attempts to present a situation as “normal, albeit complex, and events as following their natural course and demanding patience on the part of society.” Sheigal (2004:180–84) lists the motives for creating euphemisms: an attempt to conceal or minimize the seriousness of social problems, an attempt to conceal illegal and immoral acts, saving face, avoid accountability by redistributing guilt, and so on. Euphemization is a device for disposing of a fact or phenomenon by changing the means by which it is expressed. A change in name confers new properties upon the denotate. In political discourse euphemization is a conscious manipulation of language. As Sheigal (2004:186) notes:

[...] by decoding a euphemistic utterance and restoring the real denotate, we simultaneously also decode the implicature concealed within the euphemism. Thus compared with the original, “taboo” name, the euphemism removes the connotation of social unacceptability.

From the pragmatic point of view, the euphemism includes an implicit proposition in which the speaker avoids direct nomination. This avoidance is decoded by the addressee. From the cognitive perspective, what happens is a transformation of the central member, that is, there is a referential shift or displacement of pragmatic focus⁴⁰ that results in an “improvement” of the denotate. Sheigal (2004:192) presents a general model of “improvement” in political discourse as follows: social problem → solution of social problem or conflict → reconciliation. What is created in reality is the appearance that problems and conflicts are solved and reconciled. Leonid Krysin (1994:28–49) considers another important factor to be an attempt to avoid communicative discomfort by *veiling* or *camouflaging* the essence of the matter.

⁴⁰ By pragmatic focus Sheigal (2004:190) means a seme motivating a negative evaluation that in the process of euphemization is reduced or undergoes a change of status.

In *Der Euphemismus in der politischen Sprache* Elisabeth Leinfellner lists the rules for forming euphemisms in political language (Leinfellner 1971:80–111). These include using ambiguous expressions, foreign and rare words, the exclusion of an important word or the inclusion of a word, metaphors, litotes, manipulating letters, and so on. All of these rules are in the area of semantics. She also emphasizes that political euphemisms can exist only under certain pragmatic circumstances, and classifies them in the following subgroups: occupation and war, military reversals, domestic politics, economic and social policies and themes connected with them, racial problems (Leinfellner 1971:119–40). Other works that treat the creation of euphemisms include Vasilii Moskvina (1998) and Keith Allan and Kate Burridge (1991).

Euphemism and intimation/hint are used seldom in the *Pravda* editorials analyzed here.

Euphemism

Euphemism occurs in addressing the following problems:

Church-state relations

[...] самая озлобленная клеветническая травля советской власти, когда она по предложению верующих приступила к использованию церковных ценностей для голодающих (23 March 1924)

An article dealing with Patriarch Tikhon mentions the confiscation of Church property. The decree regulating this expropriation (“О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих”) was passed by the All-Russian Executive Committee on 23 February 1922. Ostensibly justified as a means to relieve the famine in the Volga region and southern Russia in 1921–1922, it was actually a measure to remove an influential and powerful opponent – the Russian Orthodox Church. The denotate is “improved” by suppressing the main goal, which is to neutralize the Church, and in addition casting the believers themselves in the role of the initiator of the measure.

The Aleksandr Krasnoshchekov affair

Краснощечков избежал *высшей меры наказания*. Но политически он **убит** вынесенным ему приговором. (11 March 1924, bold in the original)

The denotate is “improved” through the use of the legal term *высшая мера наказания* (*capital punishment*) instead of *смертная казнь* (*death penalty*) or *расстрел* (*firing squad*).⁴¹

⁴¹ The Soviet criminal code stipulated execution by firing squad.

Agriculture and industry

The editorial “Проблемы товароснабжения деревни” (“Goods Supply Problems in the Countryside”; 3 October 1928) refers several times to *наличие элементов товарного голода* (*the presence of elements of goods hunger*), including a quotation from Stalin’s speech to the Fifteenth Party Congress: “У нас есть, например, элементы товарного голода” (“There are, for example, elements of goods hunger”). The issue of the goods famine was raised in connection with the state of agriculture and light industry. Forced industrialization and the concentration on especially heavy industry resulted in a decline in agriculture and other branches of industry. Grain deliveries to the state began to decrease, which threatened a breakdown in industrialization, since industrial centers had to be assured an uninterrupted supply of food. In 1928 rationing was re-introduced in the cities. The word *элементы* (*elements*) improves the denotate by suggesting that the serious shortage of food and manufactured goods is on a lesser scale.

Ideology

The editorial “Партийные организации и руководство хозяйством” (“Party organizations and the economic leadership”; 17 October 1939) deals with oversight of Party organizations:

Разумеется, каждая партийная организация, каждый коммунист, каждый беспартийный товарищ, если они видят промахи, ошибки, недостатки или опасность их возникновения, обязаны сигнализировать об этом, обращаться в высшие партийные, хозяйственные органы.

The key word here is *сигнализировать* (*to signal*), which is used instead of *доносить* (*to denounce*). In this case the denotate is improved by presenting denunciation as something beneficial to the general welfare.

Intimation/hint

Intimation or hint is used in the following instances:

The struggle against the Right Opposition

в корне ложными являются все разговоры о том, что только легкая индустрия является смычковой отраслью (17 October 1928, bold in the original)

Поэтому партия отвергает всякого рода предложения, которые идут по линии попридержки развития тяжелой индустрии, развертывания **за этот счет** легкой индустрии и т. д. Неправильными являются рассуждения о том, что мы-де “переиндустриализовали”, что в проводимый нами курс индустриализации должны быть внесены серьезные поправки, что ввиду “упадка” сельского хозяйства следует серьезно

изменить распределение средств между промышленностью и сельским хозяйством и т. д. (17 October 1928, bold in the original)

Opponents are never named by name, and only their political position is criticized.

The ideological campaigns of the late 1940s

Бывает и так, – учит товарищ Сталин, – что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. (24 October 1949)

This example is from the editorial “Достижения мичуринской науки – в массы!” (“Bring the achievements of Ivan Michurin’s science to the masses!”) *Совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела* (*People completely unknown in the scientific world, simple people, practical people, innovators*) is an intimation to Michurin, references to whom Trofim Lysenko and his supporters used to defend their views. Michurin’s genetics, which had been rejected by all major world scientists, was the officially accepted theory in the USSR.

Мастера социалистического земледелия [...] опрокидывают существующие представления и нормы урожайности и вводят нормы, соответствующие требованиям действительной науки. (24 October 1949)

Действительная наука (*valid science*) is a hint to the theory of Lysenko and his supporters.

The cult of personality

восстановление ленинских норм партийной жизни и принципов руководства обеспечило повышение творческой активности партийных масс и всего народа, создало условия для быстрого роста кадров и более полного использования их сил и способностей в интересах коммунистического строительства. (20 March 1959)

Восстановление ленинских норм партийной жизни и принципов руководства (*the restoration of Leninist norms of Party life and leadership principles*) is a hint to the Stalinist cult of personality. The following example employs intimation and euphemism:

Большевистская требовательность предполагает такой высокий уровень работы партийных организаций, при котором ни один случай нарушения или невыполнения того или иного партийного решения не остается незамеченным, когда работники своевременно и правдиво сообщают о положении дел, о недостатках и ошибках в своей деятельности, облегчая руководящим органам организовать борьбу за устранение недостатков, за улучшение работы. (4 October 1949)

In a context of total control, the phrase *ни один случай нарушения или невыполнения того или иного партийного решения не остается незамеченным* (*not a single violation or failure to execute a Party decision will go unnoticed*) can be construed as hinting at the “all-seeing eye”, *своевременно и правдиво сообщать о положении дел* (*to report on the situation in a timely and truthful manner*) is a euphemism for *доносить* (*to denounce*).

As these examples show, in the 1920s intimation and euphemism are connected thematically with ideology and economics, but only with ideology in later periods. The conclusion that these devices are rare in editorials must be tested on more extensive materials. The present study indicates nevertheless a certain tendency, namely that there is a preference for other strategies such as suppression or omission.

3.5 Phraseologisms, proverbs, allusions, quotations

3.5.1 *Phraseologisms*

Some aspects of phraseologisms have already been discussed in Chapter 3. This section overlaps to a certain extent with what has been discussed previously. Phraseologism or idiom is generally defined as a group of words established by usage as having a meaning not deducible from those of the individual words and as a form of expression natural to a language, person, or group (COED: 2006). For the pragmatic purposes of the present analysis I will not take into account the degree of figurativeness or semantic differences between different groups of idioms. I will consider possible changes in the use of idioms in *Pravda* editorials. In all periods, they usually occur in the opposition of *self* and *other*.

Other

“поставить на место” своего коллегу [about Prime minister of Britain MacDonald] (2 March 1924)

у Пуанкаре развязаны руки (29 March 1924)

рабочая Лодзь заговорила таким могучим голосом, что затряслись поджилки у буржуев во всей Польше (23 October 1928)

сорвать [забастовку] ударом в спину (23 October 1928)

строительство на костях трудящихся (1 October 1933)

[Вельс] на котором лежит печать проклятья многих тысяч пытаемых в концлагерях пролетариев (8 October 1933)

[европейские империалисты] проливали крокодиловы слезы по поводу бедственного положения армян (20 October 1939)

англо-американские империалисты продолжают сеять смуту
(2 October 1949)

на крови трудящихся строятся планы сохранения чудовищных сверх-
прибылей капиталистов (2 October 1949)

нити от скамьи подсудимых в будапештском народном суде протяну-
лись к продажной фашистской банде Тито – Ранковича
(2 October 1949)

капиталистический строй гниет на корню (8 October 1949).

Self

лицом к лицу с капиталистическим миром будет стоять не бессильная
страна (7 March 1924)

стачечное движение текстильщиков [...] немало портит кровь француз-
ским буржуа (5 October 1928)

под углом зрения выполнения директив (12 October 1928)

автомобильная промышленность вписала золотыми буквами новый
раздел в историю нашего народного хозяйства (6 October 1933)

величайшая политическая активность масс, бьющая ключом в любом
районе (20 October 1939)

принцип взаимной помощи красной нитью проходит через его текст
[about the treaty between the USSR and Lithuania] (11 October 1939)

вместе с мужчинами они [женщины] ковали победу над врагом в тылу и
на фронтах Великой Отечественной войны (8 March 1959)

страна залечивала раны, нанесенные войной (8 March 1959)

сдвинуть германскую проблему с мертвой точки (13 March 1959)

Советский Союз протягивает мужественному иракскому народу
дружескую руку помощи и поддержки (18 March 1959)

Shortcomings and their correction

организация колхозов из переселенцев [...] поставлена у нас из рук вон
плохо (23 October 1928)

кулацкие выжидания с хлебосдачей надо громить, а не смотреть на них
сквозь пальцы (1 October 1933)

подстричь все животноводческие фермы под одну гребенку
(3 October 1939)

для таких партийных работников прорывы оказываются неожидан-
ными и падают, как снег на голову (17 October 1939)

взялись за ум, активно участвуют в общественном труде в колхозах
(10 October 1939)

Phraseologisms describing enemies occur in editorials of the 1920s – 1940s.
In the 1920s they are often used ironically. Gradually irony gives way to

hyperbole and invective (cf., for example, 2 October 1949). There are no such phraseologisms in the 1959 editorials, which is due to the ongoing effort to improve relations with the West. The use of phraseologisms in reference to domestic deficiencies is typical of the 1930s, and is found only sporadically in other periods. The most frequent examples are connected with parts of the body such as shoulders and hands: *ложиться на плечи* (to shoulder), *протянуть руку помощи* (extend a helping hand), *из рук вон плохо* (dreadfully bad), *не покладая рук* (tirelessly/incassantly).

3.5.2 Proverbs

Sheigal (2004:158) divides proverbs used in political discourse into two groups:

- Common proverbs whose content can be used in the speech of politicians and to interpret political reality: *Лес рубят – щепки летят* (lit. “If you hew trees the chips will fly = You can’t make an omelet without breaking eggs”). In these proverbs political reality serves as the secondary referent.
- Political proverbs that have arisen in the course of political communication and that originally reflected political reality, which in such cases is the primary referent.

Proverbs and sayings are often used as a rhetorical device in other newspaper genres such as the feuilleton or sketch. In the editorials analyzed here, there are several examples:

“Лежачего не бьют” (“Don’t hit a man when he’s down”; 23 March 1924)

It is the heading of an article on the Patriarch Tikhon affair. The quotation marks indicate that it is being used ironically.

Все дороги ведут в Рим (“All roads lead to Rome”; 17 October 1928)

The proverb is used in an explication of the significance of heavy industry.

Имея “кривую рожу”, безнадежно смотреться даже в историческое зеркало (“If your face is crooked, there is no use looking even into an historical mirror”; 25 October 1928)

This is a paraphrase of the proverb *Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива* (lit. “Don’t blame the mirror if it’s your mug that is crooked = Don’t blame others for your own faults”). The proverb refers to German Social Democracy.

Донбасс вытянул нос, но надо зорко смотреть, чтобы не увяз хвост.
 (“The Donbass pulled its nose out, but it needs to be careful that its tail doesn’t get caught”; 19 October 1933)

The example is a paraphrase of the saying *Нос вытащишь, хвост увязнет*

(lit. “You pull out your nose and your tail gets caught = Solving one problem creates another”). It is used in reference to problems in coal mining.

Но, как говорится в узбекской пословице, от частого упоминания о халве во рту слаще не бывает!
 (“But as the Uzbek proverb says, just talking about halva doesn’t sweeten your mouth”; 24 October 1933)

The proverb illustrates the life of the Uzbeks before they joined the Soviet Union. The next example is also illustrative:

Только воздухом можно дышать бесплатно, говорили дехкане.
 (“Only the air is free, the dikhkan peasants used to say”; 16 October 1939)

It is used in a description of the situation in Turkmenistan before joining the USSR.

Взял слово – сдержи его. Таков первый и незыблемый закон социалистического соревнования. (“Once you’ve made a promise, deliver on it. Such is the first and unshakeable law of socialist emulation”; 25 March 1959)

This is the only example of a saying in 1959 editorials.

3.5.3 Allusions, quotations

Allusions, which can be used to evaluate the addressee and existing standards, are used relatively seldom in the editorials analyzed here. The examples from the 1920s are addressed to educated readers:

Нас меньше всего могут испугать пророчества меньшевиков, которые пытаются доказать, что новые члены партии – это троянский конь, от которого погибнет РКП. Зелен виноград! (27 March 1924)

Зелен виноград (*Sour grapes*) is a quotation from Krylov’s fable *The Fox and the Grapes*. The example also contains an allusion to a Trojan horse, a metaphor for deceitful actions.

Всякий, у кого есть глаза, чтобы видеть, всякий, у кого есть уши, чтобы слышать, должен постичь и понять: промышленные и торговые бароны, дворяне и помещики, банковские и финансовые короли за последний год еще сильнее развернули эксплуатацию неимущих и малоимущих.
(8 March 1924)

The phrases *есть глаза, чтобы видеть, есть уши, чтобы слышать* (*to have eyes to see, to have ears to hear*) are repeated many times in the Old and New Testament of the Bible (Ezekiel 12:2, Mark 4:9).

[...] и “мы пахали” в свое время (25 October 1928)

A quotation from Ivan Dmitriev’s 1803 fable “The Fly” is used ironically in

reference to people claiming that they participated actively in some project, although in reality their contribution was insignificant.

И во второй раз не спасти Капитолий германского капитализма социалистическим гусям. (25 October 1928)

This is an allusion to the legend of the sacred geese that saved Rome.

Маркс и Энгельс могли бы, перефразируя Гейне, сказать им: “Мы сеяли драконов, а пожали блох”. (25 October 1928)

In the example a reference to Marx’s *Die deutsche Ideologie* (*The German ideology*) is used, in which he quotes Heinrich Heine.⁴² Lenin refers to this work of Marx in his *Razvitiie kapitalizma v Rossii* (*The development of capitalism in Russia*; 1958 vol. 3:1-535). The editorial seems to be copying Lenin’s rhetoric.

The examples from the 1920s indicate a certain educational level on the part of the reader and authors. They do not cite quotations in their entirety, but merely allude to well known utterances or stories that generally demand a certain degree of knowledge and erudition. In some cases examples are taken from Lenin’s rhetoric.

In the 1930s a new tendency develops. Alongside with allusions editorials use direct quotations of the classics. In the 1930s and 1940s quotations are more frequent than allusions. Thus the editorial “Крепнет новая сила в колхозах” (“A new force is gathering strength in the kolkhozes”; 13 October 1933) begins with a quotation from Nikolai Nekrasov’s 1863 poem “Орина, мать солдатская” (“Orina, the mother of a soldier”):

Некрасов написал немало стихов потрясающей силы о положении женщины старой Руси, особенно о положении крестьянки.

“В полном разгаре страда деревенская [...]

Доля ты! – русская долюшка женская!

Вряд ли труднее сыскать.”

“Два мировых рекорда” (“Two world records”; 1 October 1933) mentions Johann Goethe’s dream of healing the suffering of the land and cites some lines from *Faust*:

Как звон лопат ласкает ухо мне!

Здесь вся толпа мой замысл исполняет:

Она кладет предел морской волне,

С самой собою землю примеряет

И укрепляет море пред собой. (Translated by N. Kholodovskii)

The building of a dam is compared with the dream of the exploiting classes, who built on the bones of the workers.

⁴² Wie richtig hat Heine seine Nachkläffer beurteilt: “Ich habe Drachenzähne gesäet und Flöhe geerntet” (I have sown dragon’s teeth and harvested fleas”; Marx 1969:498). [about Saint-Simon]

Gradually works from the school curriculum become the source of allusions. In 1939 references are made to three of Lermontov's narrative and lyrical poems: "Mtsyry", "Дума" ("Meditation"), and "Папрус" ("The Sail"). Herzen's famous reference to the "молодые штурманы будущей бури" ("young helmsmen of the gathering storm") became classic when it was quoted by Lenin in his "Pamiati Gertsena" (In Memory of Herzen; 1961, vol. 21: 255-262) There is also a reference to Chernyshevskii's call to the people that concludes his "Письма из провинции" ("Letters from the Provinces") published in *The Bell*:

Чернышевский звал народ "к топору". (28 October 1939)

In the 1930s yet another standard was established, namely allusions to the classics of Marxism-Leninism and Stalin and quotations of their works:

Дрифтерный лов сейчас переживает "детские болезни" освоения.
(24 October 1933)

Новая для этих заводов продукция должна внедряться быстро, минуя "детские болезни" освоения. (9 October 1939).

Детские болезни (*infantile disorders*) is an allusion to Lenin's "Detskaia bolezn' levizny v kommunizme" (Left-wing communism – *an infantile disorder*; 1963, vol. 41: 1-104). Lenin had borrowed the expression from Engels's *Anti-Düring*.

Некоторые районные партийные работники до сих пор страдают головокружением от успехов. (29 October 1939)

Кое-кому могут вскружить голову успехи, выявляющиеся при распределении доходов. (3 October 1933, bold in the original)

The phrases *вскружить голову успехи*, *головокружение от успехов* (*becoming dizzy from success*) are allusions to Stalin's article "Толовокружение от успехов" (Dizzy from success; 1949, vol. 12: 191-199).

После длительного топтания на месте в нынешнем году шагнул вперед речной транспорт. (7 October 1939)

The example contains an allusion to Lenin's *Шаг вперед, два шага назад* (*One step forward, two steps back*; 1959, vol 8: 185-414).

In the editorials from the 1940s and 1950s allusion and quotation are seldom used:

В свое время Некрасов писал о том, как "изнывает русский ум вдали от центров просвещения." (6 October 1949)

A quotation from Nikolai Nekrasov's poem "Пропала книга!" ("The book is gone!")

Самоотверженный труд на благо Родины открыл их таланты и способности, дал им путевку в большую жизнь. (25 March 1959)

A reference to the first Soviet talking movie “Путевка в жизнь” (“A Free Ticket to Life”; 1931) directed by Nikolai Ekk.

The examples here show that phraseologisms and proverbs are not typical of the editorial genre during the period under study, and that only common proverbs are cited. Despite the insignificant number of examples, however, there is a noticeable difference between the use of proverbs in the 1920s and in the subsequent periods. In the 1920s they are used more for interpreting political events, whereas later they merely illustrate historical events or serve as appeals. The 1920s proverbs use imagination, which is characteristic of the language of revolution. In later periods it gradually disappears.

Allusion is used in the 1920s and then gives way to quotations from literary works, Lenin and Stalin. The examples from the 1920s use imagination, but often copy Lenin’s rhetoric. Quotations from literature in the editorials from the 1930s and 1940s tend to reflect Stalin’s literary tastes. By the end of the 1950s literary quotations disappear.

3.6 Praise, blame

3.6.1 Praise

This group includes eulogistic rhetorical device, such as epithets, metaphors, phraseologisms and clichés. Among epithets of praise I will consider the following examples:

Замечательный (remarkable)

Appearing for the first time in 1949, the epithet is used in praise of victories in various areas.

замечательный образец творческого марксизма (1 October 1949)

замечательные образцы скоростной проходки (7 October 1949)

замечательные новаторы производства (10 October 1949)

замечательные образцы самоотверженного труда коммунистов
(21 October 1949)

замечательные успехи советской науки (23 October 1949)

замечательная победа народного блока коммунистов и беспартийных
(19 March 1959)

замечательные патриотические начинания (19 March 1959)

замечательные явления наших дней (24, 25 March 1959)

замечательные успехи (28 March 1959)

замечательное патриотическое движение наших дней – соревнование
бригад и ударников коммунистического труда (29 March 1959)

Славный (glorious)

Славный is used frequently beginning in 1939, generally to praise heroes and achievements:

- славное социалистическое соревнование (1 October 1939)
- славные дела (1 October 1939)
- славная кузница индустриальной и оборонной мощи (12 October 1939)
- славные патриоты и патриотки нашей великой родины (13 October 1939)
- славная глава (25 October 1939)
- славные и поучительные итоги (26 October 1939)
- славные женщины Советского Союза (8 March 1959)
- славные кадры партии (20 March 1959)
- славная Польская объединенная рабочая партия (21 March 1959)
- славными подвигами оваян путь трудящихся Венгрии (21 March 1959)
- славная интеллигенция (24 March 1959)
- славная героическая партия коммунистов (28 March 1959)

Гениальный (brilliant)

Гениальный is found in editorials from the 1920s – 1940s:

- мелкобуржуазные прудонисты, широкие, расплывчатые демократы, бесконечно далекие от [...] гениального слияния революционной теории с революционной практикой [о Марксе] (18 March 1924)
- гениальное толкование парижской революции [о Марксе] (18 March 1924)
- под гениальным руководством Ленина (18 March 1924)
- гениальный прогноз Ленина (21 October 1928)
- гениальный продолжатель дела Ленина – товарищ Сталин (11 October 1933)
- гениальный ум [о Сталине] (6 October 1939)
- гениальный критик Белинский (14 October 1939)
- гениальная поэма достоинства и чести русского народа (14 October 1939)
- гениальный критик [о Чернышевском] (28 October 1939)
- [Ленин] гениальный теоретик пролетариата (4 October 1949)
- гениальное предвидение товарища Сталина (4, 30 October 1949)
- гениальное предвидение, мудрость и дальновидность великого Сталина (25 October 1949)

In the 1920s it is used together with the names of Marx and Lenin and in the 1930s and 1940s especially with that of Stalin and much more rarely with Lenin or, for example, Vissarion Belinskii. It is not frequent, which is due to the semantics of the lexeme, which implies exclusivity.

Мудрый (wise)

Мудрый appears first in editorials from 1939:

мудрая сталинская политика нашей партии и советского правительства
(1 October 1939)

мудрая политика нашего родного т. Сталина – вождя народов
(6 October 1939)

мудрая внешняя политика сов правительства (12 October 1949)

мудрый вождь, творец нерушимой и животворной дружбы народов
– великий Сталин (12 October 1949)

Мудрый (wise) is used especially in connection with Stalin's cult of personality, and also in reference to Soviet policy of the 1930s and 1940s.

Славный (glorious)

The epithet is rare in the 1920s and early 1930s, *славный (glorious)* begins to appear frequently in 1939 to praise the Communist Party, the Soviet people, the army, feats of labour, socialism, etc.:

славная пролетарская победа (19 March 1924)

славные спартаковские дни (25 October 1928)

славное десятилетие Ленинского Комсомола (28 October 1928)

славное знамя бакинских нефтяников (19 October 1933)

новые славные страницы в истории молодого поколения
(29 October 1933)

славное социалистическое соревнование имени Третьей Сталинской
Пятилетки (1 October 1939)

славная кузница индустриальной и оборонной мощи (12 October 1939)

славные патриоты и патриотки нашей великой родины (13 October 1939)

славные революционные традиции (5 October 1949)

славная коммунистическая партия Китая (5 October 1949)

новые славные победы советского народа (17 October 1949)

славные женщины Советского Союза (8 March 1959)

славные патриотические начинания (24 March 1959)

Выдающийся (outstanding)

Выдающийся is not typical of the 1920s and early 1930s, but becomes frequent in the late 1930s, usually in reference to individuals or specific groups of people:

комсомол сыграл выдающуюся роль (28 October 1928)

примеры выдающегося трудового героизма (1 October 1939)

выдающиеся успехи во всех отраслях народного хозяйства и культуры (20 October 1939)
выдающиеся мастера (25 October 1939)
Чернышевский был великим, выдающимся ученым (28 October 1939)
выдающийся сын своего народа (28 October 1939)
выдающееся историческое событие (5 October 1949)
выдающиеся успехи таджикской литературы (8 October 1949)
выдающиеся представители русской агрономической науки (20 October 1949)
выдающиеся деятели Малого театра (27 October 1949)
новая выдающаяся победа (6 March 1959)
выдающиеся научно-технические победы СССР (16 March 1959)
выдающиеся успехи во всех областях хозяйственного и культурного строительства (23 March 1959)

Доблестный (valiant)

The epithet *доблестный (valiant)* is used in only one phrase in the editorials from October 1939: *доблестная Красная Армия (the valiant Red Army; 1, 11, 13, 15, 24, 30 October 1939)*. Its frequent use in this period has to do with urgent preparations for the approaching war and with recent events such as the conclusion of the non-aggression pact with Germany and the movement of Soviet troops to Western Ukraine and Belorussia.

Metaphors, phraseologisms, clichés

They are often used together with an epithet of praise:

народ с гордостью посылает своих сыновей в ряды Рабочее-Крестьянской Красной Армии, покрывшей себя немеркнущей в веках славой (2 October 1939)
с такой чудесной армией можно творить великие дела в деревне (8 October 1939)
славная кузница индустриальной и оборонной мощи – группа наркоматов строительной и оборонной промышленности (12 October 1939)
все республики великого Советского Союза гордятся своей прекрасной сестрой – Арменией (20 October 1939)
в историю развития социалистического хозяйства вписана новая славная глава (25 October 1939)
отмечать каждую выдающуюся веху на историческом пути побед нашей родины новой волной социалистического соревнования (31 October 1939)

имена Маркса и Ленина, их учение служат нам путеводной звездой
(5 March 1924)

под благодатными лучами Сталинской Конституции эти земли ожили,
возродились к новой жизни (30 October 1949)

как в свете могучего прожектора, предстало перед миром огромное
международное значение происходящих в Германии событий
(19 October 1949)

смело идет за ней [партией] по освещенному светом марксистско-ленин-
ского учения историческому пути строительства коммунистического
общества (1 March 1959)

There are significantly fewer such examples in the articles from the 1920s and early 1930s than from later periods. Among metaphoric models light, family, and army groups are common.

3.6.2 *Blame*

This group consists of dysphemism and invective.

Dysphemism

Dysphemism is based on the hyperbolization of a negative feature or the substitution of a negative for a positive feature. The title of Keith Allan and Kate Burridge's *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon* (1991) defines the interrelationship of the devices. Elena Sheigal (2004:179) calls dysphemism a discrediting lie. With respect to its use in political texts she draws a parallel between dysphemisms and the rhetorical strategy of mobilizing public opinion with the goal of presenting "political events in a dramatic light and the situation as terrible and demanding decisive action." This strategy "hunts for culprits' through the use of negative evaluative nominations" (Mikhal'skaia 1996:151).

Dysphemism is rare in the *Pravda* editorials, and is generally used in reference to internal enemies. In the 1920s these include *capitalist elements of town and country* (especially the kulaks) and the Party Opposition.

серьезная попытка со стороны капиталистических элементов деревни
взять реванш и опрокинуть советскую политику цен (7 October 1928)

несмотря на упорное сопротивление капиталистических элементов
города и деревни (18 October 1928)

серьезная вылазка кулацких элементов против хозяйственного плана
пролетарского государства во время прошлогодних хлебозаготовок
(19 October 1928).

These are examples of dysphemism, that is, a degradation of the denotate. Hostile actions are ascribed to the kulaks: *взять реванш и опроки-*

нуть политику цен (*to take revenge and overturn price policy*), серьезная вылазка (*a serious foray*). In 1927–1929 the Bolsheviks in fact returned to the grain expropriations that were a feature of War Communism. The Central Committee decision in November 1928 to implement forced collectivization became official policy in 1929, and Stalin ordered that the prosperous peasants be liquidated as a class.

Партия в полной мере осознает опасность мелкобуржуазной стихии.
(20 October 1928)

[...] мелкобуржуазная стихия и возникающие на этой основе мелкобуржуазные настроения не могут не просачиваться в рабочий класс
(20 October 1928)

Besides the phrase *мелкобуржуазная стихия* (*petty bourgeois elements*), editorials use *мелкобуржуазная опасность* (*the petty bourgeois danger*), *мелкобуржуазные шатания, настроения* (*petty bourgeois vacillation, moods*) in reference to political opponents and their economic activity.

The editorials from 1933 single out two main groups of enemies responsible for economic problems in the early 1930s – saboteurs or wreckers, and the kulaks. The former are blamed for disruptions in industry and transport, the latter for failures in agriculture.

[...] смотр механизмов показывает, сколько вражеских рук еще протянуто к врубовкам и конвейерам (19 October 1933)

[...] подсолнух и кукуруза плохо охраняются, кулацкие элементы почти беспрепятственно организуют хищения урожая. (12 October 1933)

Или вот Нехаевский район. Он характерен тем, что здесь не завершен разгром кулацких и вредительских элементов, которые сейчас пытаются организовать саботаж уборки и хлебозаготовок. (6 October 1933)

Кривбасс еще не повел настоящей борьбы с антимеханизаторскими тенденциями и саботажниками. [...] Пока это [разоблачение вредителей и саботажников] не было сделано в Донбассе, он не двигался вперед. Пока это не будет сделано в Кривбассе, он не преодолеет своего отставания.
(5 October 1933)

In all of these cases properties of the enemy are attributed to the denotate, which is thereby degraded.

In 1946 and the beginning of the Cold War the Party tightened its control of literature, art, and science through a campaign to combat ideological sabotage defined as “cosmopolitanism,” “formalism,” and “adulation of the bourgeois culture of the West.” As a result, even more vigilant watchdogs against non-conformity assumed leading positions in the corresponding social or Party organs. The following examples are from 1949 editorials:

решительная и неустанная борьба [...] против проповеди расизма и космополитизма, против низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада (23 October 1949)

Советская общественность оказала огромную и неоценимую услугу Малому театру, идейно разгромив чуждую и враждебную “мейерхольдовщину” и всякие иные проявления космополитизма.
(27 October 1949)

Invective

Invective is understood in the broad sense as a lexical means of verbal aggression that is intended to insult. Vladimir Zhel'vis (1997:9) defines invective lexis as “a section of the general vocabulary that on the one hand is uncodified (lingoculturally impermissible), and the extreme examples of which are even taboo. On the other hand, it has to be familiar to all native speakers in a given semiotic group or subgroup.” Sheigal (2004:122) classifies invective in two groups – “general pejoratives meaning ‘good-for-nothing,’ ‘a nobody’ (a laughing-stock, scoundrel), and special pejoratives, consisting of those aimed at persons with specific vices (pervert, swindler, thief, murderer, traitor, bandit, provocateur), and obscenities.” She also (2004:122–23) addresses another widespread variety of lexical invective in political discourse – labels. Ruben Apresian (1997) considers that the label serves to mark sociocultural difference and is a manifestation of intolerance toward others. Sheigal (2004:123) notes that labels differ from other invectives by virtue of the fact that they are “ideologized, subjective, and biased. [...] The essence of the label consists in its accusatory thrust: when a name becomes a label, it is used not so much to describe and classify as to accuse the denotate of possessing properties that are dangerous to society.” Political labels in post-Soviet political discourse include non-political pejoratives designating divergence from social and ethical standards, as well as political terms and manipulated names, and that the frequent repetition in a negative context transforms a neutral word into a label (Sheigal 2004:123). It has also been noted that most labels are nouns. Dwight Bolinger (1980:79) considers that owing to their specific character, nouns express stereotypes more strongly than verbs and adjectives.

Selishchev (1928:68–9) observes that the Russian revolutionaries often used familiar words and expressions that in turn influenced the language of especially young people. He explains this usage as arising from a protest against conventionality and a desire to candidly express feelings and moods. In this connection he notes that the Communists had three main enemies – the representatives of other parties, the Russian émigrés, and the diplomatic corps of other states:

It was at them that the Communist leaders aimed their strongest jabs in response to something the enemy had said or done – words that were meant to express with special force the spontaneity of the Communist. (1928:83)

Frequently repeated invectives become clichés and lose their effectiveness. Selishchev cites examples such as *белогвардейская сволочь* (*White Guard trash = Russian émigrés*), *социал-изменники и социал-предатели* (*social traitors = the Mensheviks*), *махровая реакция империалистической клики* (*hidebound reaction of the imperialist clique = anticommunist policies of foreign governments*).

Editorials use both general and special pejoratives (Sheigal 2004:122), but not obscenities, in reference to enemies and their actions.

General pejoratives

гнусная краснощековая измена РКП (11 March 1924)

бешеная погромная агитация против советской власти (23 March 1924)

бесшабашные, наглые, циничные, грубо, неприкрыто насильственные методы Пуанкаре явным образом обанкротились (29 March 1924)

наглый и неприкрытый воинствующий шовинизм бонкуровского типа (14 October 1928)

такой, с позволения сказать, начальник теряет бразды правления и превращается из большевистского руководителя в подставного дурака (30 October 1933)

общество, в котором царило ничтожество, позолоченное титулами и деньгами (14 March 1939)

Special pejoratives

этот фашист (Пуанкаре) при сохранении парламентских форм не стесняется действовать так, что Муссолини мог бы поучиться у него многому (29 March 1924)

она [династия Романовых] успела дать редкостную коллекцию идиотов, необузданных развратников, ханжей, мужеубийц, отцеубийц, вероломных насильников, тупых всеевропейских жандармов, низких мстительных душ, неправдоподобных тупиц, – и в последнем царе воспроизвела удивительное сочетание всего ханжества, всей низкой злобы, всей мелочной мстительности, всей неопикуемой ограниченности, характеризовавшей его предков (12 March 1924)

омерзительная роль германской социал-демократии, выступающей в качестве ширмы для немецких гешефтсмахеров и банковских авантюристов (30 October 1928)

твердолобейшая английская печать (30 October 1928)

Надо помнить: нет непреодолимых снежных заносов, есть безответственность, разгильдяйство, саботаж! (4 October 1933)

выведем на чистую воду саботажников, предателей (6 October 1933)
они [честные труженики] ополчились на тунеядцев, носителей рваческих тенденций (10 October 1939)
образование убудочного боннского “правительства” при одновременном введении оккупационного статуса (11 October 1949)
чуждая и враждебная советскому народу “мейерхольдовщина” огромная орава лакеев империалистической реакции (23 October 1949)
продажный режим предателя Нури Саида (18 March 1959)

In the 1920s the following invectives became labels: *гнусный* (*vile/base*), *грабитель* (*plunderer*), *грабить* (*to plunder*), *грабительский* (*plundering/predatory*), *фашизм* (*Fascism*), *фашистский* (*Fascist*), *фашист* (*Fascist*), *наглый* (*impudent/audacious*). Another group of labels was word formations on the analogy of the word социал-демократия (Social Democracy) that keep the first component *социал* (*social*-): *социал-фашисты* (*Social-Fascists*), *социал-фашистский* (*Social-Fascist*), *социал-предатели* (*Social-traitor*), *социал-ханжа* (*Social-hypocrite*). Some of the examples above are also found in the editorials from 1933: *фашизм* (*Fascism*), *фашистский* (*Fascist*), *фашист* (*Fascist*), *социал-фашисты* (*Social-Fascists*), *социал-фашистский* (*Social-Fascist*), *социал-предательство* (*Social-treason*). New labels were used in reference to internal deficiencies: *лодыри* (*idlers*), *разгильдяйство* (*disorderliness*), *саботаж* (*sabotage*) and its derivatives, *безобразный* (*shameful*) and its derivatives.

The most common label in October 1939 is *польские паны* (*the Polish lords*). This is connected with specific events, namely the recent occupation of Western Ukraine and Western Belorussia. It is found in the following variants: *паны-помещики* ([*Polish*] *landowners*), *польское панство* (*the Polish nobility*), *обанкротившиеся польские заправилы* (*the bankrupt Polish big shots*), “ясновельможные” *паны* *the* (“*most illustrious*” *lords*), *панская Польша* (*Poland of the nobility*). Other widespread labels include *царизм* (*tsarism*), *заснайство* (*conceit*), *бахвальство* (*braggadocio*), *тунеядцы* (*parasites*), and *носители рваческих тенденций* (*self-serving individuals*).

Labels from the late 1940s are connected above all with the Cold War: *происки империалистов* (*machinations of the imperialists*), *растленная мораль буржуазного общества* (*the corrupt morals of bourgeois society*), *лакеи империализма* (*the lackeys of imperialism*), *поджигатели войны* (*war mongers*), *холопы/лакеи буржуазии* (*slaves/lackeys of the bourgeoisie*). Labels connected with ideological campaigns “мейерхольдовщина” (“*Meierholdism*”) и “космополитизм” (“*cosmopolitanism*”) are mentioned in passing, although of course they were often used in 1949 in reference to enemies. More extensive materials would be needed to establish the frequency of these labels.

3.7 Irony

As a stylistic device irony is produced by “the interaction of two types of lexical meanings: denotative/referential and contextual, which is based on a relation of oppositeness (contradiction)” (Gal’perin 1958:133). In the *Pravda* editorials irony is never used humorously or jocularly, but is always serious and often sarcastic. In many cases it is difficult to distinguish irony from sarcasm, and the two devices will therefore be considered together.

The target of irony and sarcasm is the *other/enemy* member of the opposition *self – other* or *friend – enemy*, and beginning in the 1930s it is used to attack shortcomings at home. The constant and variable enemies are capitalism and various rival groups, respectively. In the 1920s specific enemies include France, England, Romania, Social Democracy, and the Right Opposition. In the early 1930s the internal enemy disappears, leaving external ones which include countries (for instance, Germany), organizations, and specific persons. Beginning in 1933 irony is aimed at domestic shortcomings and specific culprits on the lower and sometimes intermediate levels (there are none higher up). In October 1939 enemies “from the past” are added that do not present any current danger, and mention of the enemy of the moment is suppressed, which is connected with the conclusion of the non-aggression pact with Germany and preparations for war. In the Cold War in the late 1940s external enemies reappear and include countries, international organizations, and specific persons. In March 1959 there are no specifically named enemies, with the exception of those already belonging to history. This omission is again due to foreign policy.

The use of irony in the *Pravda* editorials is treated here according to the means by which it is created. Some of these devices are noted by Selishchev (1928:126–27), including the use of archaisms and Church Slavic elements (*сей, иже с ним, вкупе*), “strong” words and expressions in response to the enemy’s actions, *дорогой товарищ* (*dear comrade*) addressed to fellow Communists in connection with disagreements, and so on.

The editorials employ the following devices:

- Quotation marks
- Punctuation, boldface type
- Intonation
- Lexical and lexico-morphological devices:
 - Господин (Mister)
 - The phrase X и компания (X and Co.)
 - Different words and phrases, such as *впрочем* (however)
 - The particle *–де*

- The conjunction a (but/and)
- The diminutive-pejorative suffixes -ец, -очк, -ик, -к
- The superlative degree
- Neologisms
- Metaphor, metonymy, phraseologisms
- Context
- Religious rhetoric

Quotation marks

Quotation marks are the most common device for creating irony:

Правительство “рабочей партии” уже по всем важнейшим вопросам “решительно” стало на **гибельный** путь. (2 March 1924, bold in the original)

The government of the “workers party” refers to British Prime Minister MacDonald’s Labour government, which is presented as protecting the interests of the bourgeoisie rather than the workers, whence the irony stressed by the quotation marks. The Labour Party was repeatedly referred to in this way in 1920s editorials. “*Resolutely*” (“*решительно*”) is usually used in a positive sense, but the quotation marks transform it into a negative.

На бирмингемском съезде “добрые, приличные люди” опять показали себя, оправдав целиком “высокое” доверие Черчиллей, Болдуинов и Мондов. (5 October 1928)

“*Добрые, приличные люди*” (“*good, decent people*”) has also to be understood in the opposite sense. The phrase is taken from a speech by Winston Churchill in which he was describing the Labour Party. In this instance the irony is directed at both Labour and Churchill. There are two more cases of irony in this sentence, one of them marked by quotation marks (“*высокое доверие* – “*great trust*”), and the other indicated by the metonymic use of names of enemies in the plural.

Quotation marks were often used in the 1920s to mark irony:

“прогрессивное” духовенство (23 March 1924)

установление “нормальных” и “дружественных” отношений с советским правительством (22 March 1924)

“доведение войны до победного конца”, т. е. до захвата Константинополя и проливов (28 March 1924)

“интегрально” грабить Германию (26 March 1924)

по сравнению с политикой “азиатского” большевизма (2 March 1924)

“лежащего не бьют” (23 March 1924)

“живоцерковное”⁴³ понимание, “прогрессивное” духовенство
(23 March 1924)

этими словами орган Юзефского метил в Советскую Украину, поскольку под “самостоятельным государственным существованием” он понимает реставрацию власти помещиков и капиталистов (1 October 1928)

борьба рабочих против [...] “рационализации”, против мондовского “промышленного мира”, против лейпартовской⁴⁴ “хозяйственной демократии” (11 October 1928)

The device is also used in the 1930s – 1950s, but the number of examples gradually decreases:

Проводя политику “меньшего зла”, расчищая дорогу открытой фашистской диктатуре, как это имело место в Германии, [...] помогая буржуазии так называемых “демократических” стран поработать рабочие массы, развязывать шовинистическую и националистическую волну в рядах мелкой буржуазии под флагом противопоставления “стран демократии – странам диктатуры”, социал-демократия пытается сейчас еще более углубить раскол рабочего класса в целях спасения капитализма.
(8 October 1933)

Here irony is aimed at the Social Democracy and its actions. Statements reflecting the views of the Social Democracy are put in quotation marks to indicate that they carry the opposite meaning.

Quotation marks are also used in connection with shortcomings at home, but less frequently than in reference to capitalism:

3, 14, 19, 21 и 27 августа посвящены интенсивной бюрократической переписке с обеих сторон, причем явный саботажник Макаров чувствует себя в положении лектора, который заочно объясняет Миронову “пользу самозаготовок”. Когда же “ученик” отказывается понимать “лекцию”, Макаров с бесцеремонностью заявляет, что не выполнит приказа.
(30 October 1933)

This editorial addresses problems on the railroad in Perm. The irony is intensified by the simultaneous use of invective (*явный саботажник – obvious saboteur*).

Русские либералы славили Александра II как “освободителя” крестьян от крепостной зависимости, называли его царствование “эпохой великих реформ.” (28 October 1939)

⁴³ The “Living Church” was one of the principal groups of the Renovationist movement that arose in the Russian Orthodox Church after the 1917 Revolution and the Civil War of 1918–1920. Founded in 1922, it broke up after WWII. The main goal of the group was to “renew” the Church; that is, to adapt it to changing political conditions. It became a loyal opposition to the Soviet regime.

⁴⁴ A neologism from the name of German trade union leader Theodor Leipart.

The targets of the irony are Tsar Aleksandr II and the emancipation of the serfs in 1861.

Quotation marks are also used when the subject concerns domestic shortcomings, as in the following example, which criticizes deficiencies in livestock breeding:

Оказывается в Мгинском районе Ленинградской области разработали целый “план” изъятия и переброски скота из лучших колхозов в отстающие! (3 October 1939)

Были люди, называвшие себя “друзьями народа” и пытавшиеся “облаготворить” деревню культурой. (6 October 1949)

In this case, *other* is not identified specifically. Further on in the text there is an opposition of *other* to the Bolsheviks who show the working class and peasantry the only correct course.

образование боннского “правительства” в Западной Германии
(15 October 1949)

“успокоительные” заявления правительства не только никого не успокаивают, но дают даже буржуазным экономистам повод для горькой иронии (15 October 1949)

In these examples the enemy is the government of West Germany, and the irony is directed at its actions.

Punctuation, boldface type

Punctuation marks and boldface type are used significantly less often than quotation marks:

Орган Юзефского “Пжеглонд Волински” даже после коммюнике Пат писал, подчеркивая истинный смысл последнего: “Украинский народ, как и всякий другой, имеет право на самостоятельное государственное существование и он раньше или позже своего добьется. Украина будет” (!?) (1 October 1928)

Irony is indicated by means of the exclamation point and the question mark in parentheses.

Последние [лидеры английской независимой партии] сеют легенду об “одинаковой ответственности” социал-фашистов и коммунистов за победу фашизма в Германии, об одинаковом банкротстве II и ... III Интернационалов (!) (8 October 1933)

Irony appears three times in the use of quotation marks (“одинаковая ответственность”; “equal responsibility”), ellipsis points, and the exclamation point in parentheses, and is also intensified through invective *социал-фашисты* (*Social-Fascists*).

Итак, почетная доска для... **Вельса**, который капитулировал перед фашистской диктатурой, мотивируя свой выход из II Интернационала несогласием с тактикой единого фронта. (8 October 1933, bold in the original)

In this example the irony is intensified through the use of ellipsis points and the boldface type.

Да и самая цифра – 600 агитаторов – Шевченковским райкомом позаимствована у райисполкома, который через сельсоветы (!?) ведет учет агитаторов. (29 October 1939)

Irony is signaled by the exclamation point and question mark in parentheses.

При этом в подтверждение своих гнилых, предельческих рассуждений он ссылаясь на... “труды” иностранных специалистов. (13 October 1949)

Here irony is aimed at a specific leader of an enterprise – Director Gaivoronskii of the Belovo-Salairskii plant in the Kemerevo region, who refused to increase production. Parentheses and invective are used in addition to ellipsis points.

Intonation

Intonation is not a common device for creating irony:

Пусть утешается Румыния: Франция признала за ней территорию Бессарабии, как в свое время она признала громадные территории за правительством Колчака и за правительством Врангеля. Большую пользу принесли им эти признания. (14 March 1924)

In this example, which concludes the article, only irony conveyed through intonation prevents the sense of the entire text from being lost.

Спрашивается, где были КК – РКИ, когда в районе творились подобные безобразия? (14 October 1933)

А что сделали с начальником службы эксплуатации т. Абуашвили? Ничего! Он по-прежнему задерживает вагоны, как ни в чем не бывало. (26 October 1933)

These examples use lexical means (*спрашивается; one asks/wonders*), comparison (*как ни в чем не бывало; as though nothing had happened*), intonation, an exclamation point, and invective *безобразия (disgrace)*.

Что же получается? Передовые шахты и участки значительно перевыполняют задания, общие цифры выглядят хорошо, и руководителей Сталинского совнархоза это, видимо, вполне устраивает. (7 March 1959)

The utterance loses its meaning without ironic intonation, since the context indicates that the author disagrees with the directors of the Stalin Sovnarkhoz. Irony is intensified by the parenthetical word *видимо (evidently)* and the adverb *вполне (completely)*.

Lexical and lexico-morphological devices

Господин (Mister)

This device is typical of the 1920s. Editorials use *господин (Mister)*⁴⁵ as a title together with a proper name in the singular or plural and as a noun referring to a specific group of enemies, that is, as a synonym of *люди*. *Господин* as a title is generally used in abbreviated form:

Но вот Макдональд стал премьер-министром, а г. Артур Гендерсон министром внутренних дел в его кабинете. Оба они – выдающиеся лидеры “рабочей партии”. Едва Артур Гендерсон заикнулся о необходимости пересмотра Версальского договора, как г. Макдональд тотчас же счел необходимым от имени правительства “дезавуировать”, “поставить на место” своего коллегу. Г. Макдональд и в этом вопросе [...] пошел по более правому пути, чем либеральная буржуазия! (2 March 1924)

Here the title *господин (Mr.)* is used with the surnames of British Labour Party leaders to underscore that these political figures defend the interests of the exploiting class rather than the workers.

выступления гг. Юзефских (1 October 1928)

попытка реализовать замыслы господ Юзефских (1 October 1928)

впрочем, г. Лэнсбери прав лишь односторонне (5 October 1928)

гг. реформисты, ползающие перед Леями на карачках (11 October 1928)

гг. Каутские беззастенчиво превращают Маркса в идеолога трусоватых лабазников и филистеров (25 October 1928)

И потому тем более необходимо безжалостное разоблачение этих господ (24 October 1928)

эти господа не прочь выступить **организаторами финансовой блокады нашей страны** (30 October 1928, bold in the original)

The target of irony can be a single person or group of people. Thus *г. Юзефский (Mr. Iuzefskii)* refers to one man, and *гг. Каутские (Mssrs. Kautsky)* to a limited group sharing his views. *Эти господа (these gentlemen)* allows the target to be widened, since it removes the limits attaching to the name of a single individual.

The phrase “X и компания” (X and Co.)

This device is used rarely:

Генералу Мюллеру и Секу с прямого благословения Эберта и К° удалось расправиться с революционными рабочими. (25 October 1928)

⁴⁵ A form of polite address or reference in pre-Revolutionary times used with the surnames or titles of persons belonging to the privileged classes. (MAS)

процесс изменников и предателей венгерского народа Ласло Райка и компании (2 October 1949)

*Different words and phrases, such as **впрочем** (however)*

Besides *впрочем*, they include *весьма* (extremely), *ни много ни мало* (no more, no less), *пресловутый* (notorious), *с позволения сказать* (if one may say), *так называемый* (so called), *конечно* (of course), *всех мастей и оттенков* (of every stripe), *изрядный* (good/substantial), *этакий*, *однако* (such), *что-то* (something/somewhat), *видите ли* (you see), *оказывается* (it turns out), *казалось бы однако* (it would seem however), and *как бы* (so to speak/as it were). They occur in editorials from all periods and are one of the most common devices for creating irony:

Несмотря на пресловутое процветание (процветание), рабочее движение постепенно, но верно левеет. (11 October 1928)

Совершенно незаметно такой, с позволения сказать, начальник теряет бразды правления и превращается из большевистского руководителя в подставного дурака. (30 October 1933)

Наркомзем Удмуртии все требовал специальных бумажек, ибо, видите ли, “иначе тормозится организация новых форм.” (3 October 1939)

В Грозном явно недостаточна партийно-политическая работа среди нефтяников и что-то не видно серьезных мер к ее усилению со стороны Чечено-Ингушского обкома партии. (21 October 1939)

В этом было основное содержание пресловутой мюнхенской политики. (11 October 1949)

Вот один весьма поучительный факт. (13 October 1949)

Однако в последнее время между Иракской Республикой и ОАР стали складываться такие отношения, которые отнюдь не способствуют объединению усилий их народов в борьбе за насущные интересы. (18 March 1959)

The particle -де

It indicates attribution of speech to another – “he/she says, they say”. Examples are found only in the 1920s:

правительства-де не имеют касательства к этому “частному” делу (30 October 1928)

The conjunction a (but/and)

Соглашением, заявило правительство французской буржуазии, предусматривается и режим, который должен установиться на Китайско-Восточной железной дороге. А этой дорогой командовал Российско-Азиатский банк. А в этом банке крупную роль играли французские

капиталисты. А потому французская буржуазия должна хозяйничать на Китайско-Восточной железной дороге. (22 March 1924)

In the example above it is used in a series of conclusions to show the logical untenability of the enemy's arguments. The derision is intensified by the negative connotation of the verb *хозяйничать* (*be in charge, rule the roost*), anaphora and climax.

The diminutive-pejorative suffixes -ец, -очк, -ик, -к

Most examples are from the editorials of the 1920s. The device is significantly less frequent in the 1930s, and is not used at all in the 1940s and 1950s:

на практике все такие уступочки и послабления незаметно оказываются началом быстрого, неудержимого падения (11 March 1924)

документик был хорош во всех отношениях (14 March 1924)

под их бумажками стоял штемпель тогдашнего константинопольского правительства (14 March 1924)

можно было подобрать порядочный букетец статей, выдающих беспомощность авторов (24 March 1924)

создать "обстановочку" (22 March 1924)

"бойкотистские" словечки (17 October 1928)

людишки социал-демократического формата (25 October 1928)

фиглярики из "независимцев" (25 October 1928)

лучшие мастера, изобретатели, ученые, техники, оптики, машинисты [...] поют под окнами буржуазных квартир в ожидании завернутой в бумажку медяшки (28 October 1933)

мелкий хозяйчик не любит дисциплины (30 October 1933)

Но Совет Осоавиахима таки и не наладил обучение молодежи военно-морскому делу. В чем причина? Оказывается, все имеется, но нет только директивы из области об открытии военно-морского корпуса в Новгороде. И это отсутствие бумажки затормозило живое дело (13 October 1939)

It is often used together with context, quotation marks, lexical and other devices.

The superlative degree

It is used only in the 1920s:

[Румыния] один из любопытнейших и ярких примеров восточно-европейских государств, сколоченных самым циничным грабежом, как будто с той прямой целью, чтобы страх за награбленное не давал им ни минуты покоя. (20 March 1924)

Irony is created through the superlative degree in combination with the lexical meaning of words such as *любопытный* (*curious/interesting*) and *сколоченных* (*cobbled together*) and the context, in which *циничный* (*cynical*) is synonymous with *любопытный* (*curious/interesting*).

Благороднейший рыцарь ордена королевской подвязки, Макдональд, бывший подлинным героем дня на бирмингемском съезде, вертевший делегатами съезда, как марионетками, назидательно разъяснил, что “Лига Наций не есть лига капиталистов” и потому ей должно быть обеспечено всяческое послушание. (5 October 1928)

The context, the lexical markers *назидательно* (*edifyingly*), *всяческое* (*every, all sorts of*), and quotation marks are used together with the superlative degree.

Neologisms

The use of neologisms is not typical of editorials:

насквозь “нафталинизированная” социал-демократия (25 October 1928)

This example uses a word formed from the surname of Social Democratic leader Fritz Naphtali that also arouses associations to the word “naphthalene,” that is “Social Democracy reeking of naphthalene” to suggest it is decrepit and outdated.

Что делает парторганизатор тов. Плужников? Он превратился в главноуговаривающего. (19 October 1933)

Главноуговаривающий (“*persuader-in-chief*”) is formed on the analogy with *главноуправляющий* (*general manager*) to deride Pluzhnikov’s activities.

Metaphor, metonymy, phraseologisms

И если Броун мог бросить крылатую фразу о том, что вожди рабочей партии являются лишь “каретой скорой помощи для капитализма”, то всякий английский рабочий вправе спросить Бруна: почему же он сам продолжает служить младшим кучером в этой карете? (5 October 1928)

The metaphors *каreta скорой помощи* (*ambulance*) *младший кучер в этой карете* (*the junior coachman in this ambulance*) are used ironically.

Японские режиссеры старательно готовят комедию выступления независимого Манчжоу-Го против установленного пекинским и мукендским договорами статуса управления КВЖД. (10 October 1933)

The irony here is based on the play metaphor connoting an intention to deceive and on intonation.

Общие директивы по бесконечному числу адресов (как бы кого-нибудь не обойти) сыплются точно из рога изобилия. (30 October 1933)

The phraseologism *сыпаться из рога изобилия* (*pour from the horn of plenty*) is used ironically, together with the context and the lexical marker *как бы* (*as if*).

Другая “Манчжурия”, которую фашисты высматривают в центре Европы – это Австрия. (17 October 1933)

The irony is based on the metonymy and metaphor. Manchuria stands for an invaded, vassal territory, which Austria is disparagingly compared to. Quotation marks are an additional marker.

Верные лакеи международного капитала дашнаки установили в Армении режим зверского террора. (20 October 1939)

Лакеи международного капитала (*lackeys of international capital*) is always used contemptuously. In the example above the ironical meaning is intensified by the epithet *верный* (*loyal*).

Он [германский народ] не хочет быть народом кайзера Вильгельма и Гитлера или орудием в руках господ с Уолл-стрита и Сити.
(19 October 1940)

The phrase *народ кайзера Вильгельма и Гитлера* (*the people of Kaiser Wilhelm and Hitler*) is a metonymy of the oppressed German people, and *господа Уолл-стрита и Сити* (*the lords of Wall Street and the City*) a metonymy of capitalism. The lexical marker *господа* (*Messieurs/lords*) is used to express contempt and derision toward class enemies.

Подавляющее большинство депутатов – или сами капиталисты, или чиновники, находящиеся в услужении у миллионеров и миллиардеров.
(1 March 1959)

Находиться в услужении (*be in the service/pay of*) or *прислужники капитализма* (*servants/lickspittles of capitalism*) are clichés frequently used in reference to the representatives of capitalism. Also to be noted is the metonymical use of surnames in the plural:

не давать усыплять себя заверениями российских Обломовых, которых немало еще на транспорте (30 October 1933)

кому не известны авантюристические планы господ Розенбергов, направленные против СССР (16 October 1933)

На лондонском слете участников этого “комитета” были представлены финансовые круги “влиятельнейших” европейских стран, “цвет” европейской плутократии, гг. Ротшильды, Мендельсоны и К°.
(30 October 1928)

As a rule, the examples also use other markers such as quotation marks, the phrase “X and Co.,” intonation, and context.

Context

For the most part, context is used together with other markers, such as quotation marks, punctuation or lexical means.

Очень грустно, что тот акт соглашения с нашим Союзом, который послужил бы шагом освобождения Китая от экономической и политической кабалы, хотят уничтожить и создать “обстановочку” для того, чтобы накинуть новую петлю на его шею, заковать его руки и ноги в новые цепи. Но очень хорошо, что хищники распоясываются и обнажаются. (22 March 1924)

The use of the antithesis *очень грустно – очень хорошо* (*very sad – very good*) and the preceding context help to understand the meaning of the last sentence. What *очень хорошо* (*very good*) conveys is not the author’s approval, but the opposite, that is, derision.

Фрондирующий “слева” Мэкстон, издевательски высмеянный Макдональдсом, смог только пикнуть, что заправили рабочей партии слишком медленно хотят двигаться к социализму, хотя ни для кого не секрет, что “движение” Макдональдсов и К” целиком и без остатка укладывается в капиталистической орбите. (5 October 1928)

Besides context, this example uses quotation marks and the phrase “X and Co.” with the surname of the enemy in the plural.

Мысли, руководившие тов. Зубило, когда он сочинял приказ, достойны похвалы. Он, видимо, решил, что пора, наконец, ликвидировать безответственность железнодорожников, преступно-небрежно относящихся к народному добру. По сему поводу, чтобы другим было не повадно, приказ об увольнении вывешивается даже на стенке. Но не повезло приказу: он так и остался благим намерением незатейливого администратора и никакого впечатления ни на Сочихина, ни на других рабочих не произвел. Как ни в чем не бывало, Сочихин и по сей день работает машинистом и ездит даже на им же разбитом паровозе. (30 October 1933)

The example makes use of phrases that differ sharply from each other stylistically, creating an ironic context. Thus *достойны похвалы* (*worthy of praise*), *по сему поводу* (*apropos of which*), *так и остался благим намерением* (*it remained a pious hope*) are contrasted to *ликвидировать безответственность* (*liquidate irresponsibility*), *преступно небрежно относящихся к народному добру* (*who treated the people’s property with criminal negligence*), *незатейливый администратор* (*unpretentious administrator*). Intonation also contributes to the irony.

Эти обкомы не только не побеспокоились о правильной расстановке партийных сил в цехах и на агрегатах, на домнах и в мартенах, но, оказывается, даже не знают, как эти силы расставлены. Но кому же не ясно,

что партийные работники, не знающие, чем живет завод, чем дышат его люди, не могут действительно руководить и оказать реальную помощь хозяйственникам в борьбе за выполнение промфинплана?!
(17 October 1939)

This example employs context, intonation, punctuation, and lexical means – the phrases *кому ж не ясно* (*who cannot see*), *оказывается* (*as it turns out*).

Секретарь горкома т. Волков действует не как политический работник, а как администратор-распорядитель. Считая себя самым опытным и непогрешимым работником, он перестал советоваться с партийным активом, опираться на него. (31 October 1949)

The context indicates that the phrases *администратор-распорядитель* (*administrator and manager*) и *считая себя самым опытным и непогрешимым работником* (*considering himself the most experienced and flawless worker*) are to be construed ironically if the utterance is to be meaningful. The irony is reinforced by the antithesis.

Идеологи империализма изо всех сил расхваливают буржуазный парламентаризм. Но пусть они назовут такую капиталистическую страну, в которой все дела государства, все дела в парламенте решали бы сами производители материальных благ, депутаты-рабочие, депутаты-крестьяне. (1 March 1959)

In Soviet political language *идеологи империализма* (*ideologues of imperialism*) is always negative. In this context the phrases *изо всех сил расхваливают* (*praise for all they are worth*) and *но пусть они назовут* (*let's hear them name*) have an ironic ring.

свержение продажного режима предателя Нури Саида, с благословения которого территория Ирака открыто использовалась колонизаторами в захватнических целях (18 March 1959)

The phrase *с благословения которого* (*with whose blessing*) is used in a negative context to describe an enemy and should therefore be understood ironically.

Religious rhetoric

It was used in 1924 in connection with the Patriarch Tikhon affair:

Не потому покаялся он, что был арестован. О, нет!
Берите его [патриарха Тихона], кому он нужен. Оставайтесь слепыми.
Если вам еще мало тех жестоких кровавых уроков, которые вы проделали за последние годы под руководством церковью разных вероисповеданий и названий. (23 March 1924).

Here the form of a sermon is used to generate irony.

Analysis of these examples indicates that the most common devices for creating irony are quotation marks, context, diminutive-pejorative suffixes, words and phrases such as *весьма* (*extremely*), metaphors, and phraseologisms. Punctuation is used less often. In the 1920s irony is more frequent than in later periods and appeals to imagination, especially in reference to international enemies. There is also a chronological decline in frequency and in the variety of rhetorical devices employed, which by the late 1950s basically amount to quotation marks and context, as well as a clearly observable tendency towards simplified language.

This chapter has considered the lexical means central to the political rhetoric of *Pravda* editorials and shown changes that occurred in the formative period of their style. In the next chapter I now turn to an analysis of semiotically charged elements of argumentation.

Semiotically charged elements of argumentation

This chapter addresses devices in which the linguistic material as such plays a subordinate role. In Soviet political rhetoric and particularly in the *Pravda* editorials analyzed here, however, they are an important instrument of influence. They include references to authorities, statistical arguments, and arguments based on concrete examples.

4.1 References to authorities

Certain references to authorities are mandatory throughout the period under analysis. Their use is ritualistic in nature and indicates an attempt to canonize the referent. Examples include Marx, Engels, and Lenin. They are referred to regardless of the content of the articles, but at the same time the character of references can have specific features in different periods.

Another group of references is obligatory only during some limited period of time. These are generally easily predictable references to leaders and current events such as Stalin, Khrushchev, other Party leaders, Party congresses, conferences, etc. They as well occur regardless of content.

Finally, some references are not mandatory but are frequently used during a particular period, including references to leaders responsible for some branch of the economy or ideology addressed in the editorial. Another example is references to the people, including letters from representatives of the toiling masses. The features of each period will be examined here based on an analysis of six selections of texts.

In 1924 references to authorities are rare and always connected with the theme of the article. Editorials refer only to Marx and Lenin:

имена Маркса и Ленина, их учение служат нам путеводной звездой
(5 March 1924)

гениальное слияние революционной теории с революционной практикой, которое давал Маркс (18 March 1924)

под непосредственным руководством тов. Ленина, который из преследуемого и травимого полицейскими ищейками, превратился в главу великого государства (5 March 1924)

под гениальным руководством Ленина, давшего блестящее сочетание революционной теории с революционной практикой (18 March 1924)

References to Marx have to do with his theories and the practical leadership of the revolutionary struggle in the past; those to Lenin concern his theories and practical contribution to the revolutionary struggle. Thus both figures are recognized not only as theorists but as practical leaders. There are also references to the resolutions of the Thirteenth All-Union Party Conference.

The following is an interesting reference to the enemy as an expert:

Нашу валюту заново создал рабочий класс своей борьбой и своей творческой работой.

И вообще равнодушный к мнению буржуазии, в данном случае он может признать, что буржуазия понимает толк в этих вещах.

И как раз потому, что она понимает толк в этих вещах, она говорит языком биржи:

Пролетариат советских республик настолько восстановил хозяйство страны, что его валюта уже теперь может равняться с валютой богатейших, сильнейших стран буржуазного мира.

(9 March 1924; indent in the original)

This is the only instance in which the competence of the enemy is used with a certain reservation as an authoritative source. There are no such examples in later periods.

In 1928 references to authorities are rare and connected with the theme of the article. Besides Marx, Engels, and Lenin, the names of Stalin and Bukharin appear. There are also references to the resolutions of Party conferences, congresses, and the Central Committee, and to other official documents:

идейными отцами тогдашней социал-демократии были Маркс и Энгельс (25 October 1928)

гг. Каутские беззастенчиво превращают Маркса в идеолога трусоватых лабазников и филистеров (25 October 1928)

учение Ленина о войне, развитое им в ряде работ и отдельных замечаниях, [...] легло в основание выработанных VI конгрессом военных тезисов (14 October 1928)

“Тяжелая индустрия есть основная база социализма”, писал Ленин в письме к V всероссийскому съезду проф. Союзов в конце 1922 года. (17 October 1928)

The reference to Marx and Engels in one editorial is connected with the history of German Social Democracy and their role in the German revolutionary movement. The references to Lenin have to do with his theories and are used as an authoritative confirmation of the correctness of current policy. They are obligatory in ritual articles.

The editorials contain one quotation from Stalin and one from Bukharin that follow one after the other and are cited as arguments in a debate on the goods famine. The names of the two leaders are marked in the same way through the abbreviated form for *товарищ – тов. (comrade)*.

A number of words are derived from Lenin's name: *ленинская линия (the Leninist line)*, *ленинское учение (Lenin's teaching)*, *антиленинские течения (anti-Leninist currents/trends)*.

By the late 1920s Marx's role becomes more distant, and his name is mentioned in connection with political anniversaries in Germany. Lenin is no longer presented as a practical leader; emphasis instead is on his theoretical contributions and his foresight.

In 1933 references to authorities – especially Lenin and Stalin – become a widespread rhetorical device. At the same time, references to Marx and Engels become significantly less frequent. There appear references to other Soviet leaders such as Grigorii Ordzhonikidze, Pavel Postyshev, and Ian Rudzutak responsible for the area dealt with in the editorial, as well as many references to Party events. Marx and Engels are allotted the role of teachers and classics:

коммунисты, верные своим учителям – Марксу и Энгельсу, Ленину и Сталину (29 October 1933)

Маркс и Энгельс писали, что история детского труда – это история кровавых преступлений, которые творил капитализм в процессе своего развития. (29 October 1933)

Lenin is the founder of the doctrine and the Party, and the editorials also cite his works, especially when it is necessary to refer to an indisputable authority:

“Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции – это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее”, – писал Ленин. Этот завет Ленина стал большевистской традицией. (11 October 1933)

The adjective *ленинский (Leninist, Lenin's)* occurs in the collocations *ленинский Центральный Комитет (the Leninist Central Committee)*, *ленинская политика партии (the Leninist policy of the Party)*, *ленинская партия (the Leninist/Lenin's Party)*, *ленинская национальная политика (Leninist national policy)*.

Stalin is presented as Lenin's equal and heir. References to Stalin are approximately as frequent as those to Lenin and are not connected with the theme of the editorial.

Ленин и Сталин неоднократно указывали на необходимость максимального привлечения к работе КК–РКИ трудящихся масс, особенно женщин (14 October 1933)

Derivatives based on Stalin's name such as *сталинские условия* (*Stalinist conditions*) are at this time sporadic, but praise is becoming the norm: *гениальный продолжатель дела Ленина – товарищ Сталин* (*the brilliant continuator of Lenin's work comrade Stalin*), *партия Ленина – Сталина* (*the Party of Lenin and Stalin*), *вождь и руководитель товарищ Сталин* (*supreme leader and guide Comrade Stalin*). Editorials cite excerpts from speeches by kolkhoz workers in which Stalin figures as a hero from the epic *bylina* songs:

“Золотым звоном понеслись над нами слова дорогого нашего вождя тов. Сталина: работай честно, строй колхозы по-большевистски, поднимайся к зажиточной жизни, а закон о зернопоставках – незыблемый. Вскипело в наших сердцах геройство, какое было на фронтах гражданской войны”. (3 October 1933)

Thus Lenin is allotted the role of founder of doctrine, while Stalin is his only heir and to some extent creates doctrine. References to other government figures are generally leaders in the areas addressed by the editorials.

New in comparison with the 1920s are quotations from workers' letters and speeches by factory and kolkhoz workers whose often colloquial and popular language makes them especially illustrative:

[о выделении партторгов в октябрьском райкоме Саратова] А выделение партторгов происходило весьма своеобразным способом. – Работаю я на днях, – рассказывает коммунист Иванов, рабочий мельницы № 1. – Прибегает ко мне паренек и зовет к секретарю партколлектива Грачеву. Прихожу. А тот сует мне какую-то бумажку и говорит: “Ты будешь партторгом”. Вышел я на улицу, развернул бумажку. Смотрю – “Календарный план работы”. Прошла неделя, а я к работе так и не приступал, да и не знаю, как приступить [...], с чего начинать. (9 October 1933)

As in the preceding period, in 1939 the principal references are to Marx, Lenin, and Stalin, but in comparison with 1933 the functions of these authorities are redistributed to some extent. References to Marx and Lenin are for the most part connected with evaluations of past events:

Когда Ленин хотел в имени, в образе показать высоту, силу, красоту подлинной народной великорусской культуры, он назвал имя Чернышевского как представителя русского народа. Маркс писал русским

социалистам в 1870 г. о том, что такие труды, как “вашего учителя Чернышевского, делают действительную часть России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века”.

(28 October 1939)

When the subject is current events Lenin is mentioned together with Stalin: *партия Ленина-Сталина (the party of Lenin and Stalin)*, *ленинско-сталинское правительство (the Leninist-Stalinist government)*, *ленинско-сталинская политика СССР (Leninist-Stalinist policy of the USSR)*.

References to Stalin are significantly more frequent than those to Lenin and are connected with current or recent events that are very significant or serve as the starting point for some argument:

Рабочий класс и весь советский народ упорно борются за выполнение исторической задачи, поставленной товарищем Сталиным на XVIII съезде партии: “Развернуть дальше подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники производства с тем, чтобы, после того, как уже перегнали главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности, – перегнать их также экономически в течение ближайших 10–15 лет”. (7 October 1939)

Often in such cases Stalin *points the way (указывает)* or *teaches (учит)*. In the example above he *issues the historic challenge (ставит историческую задачу)*. Certain derivatives from Stalin’s name, such as the adjective *сталинский (Stalinist)*, are used in almost every editorial and are even capitalized: *сталинская пятилетка (the Stalinist Five-Year Plan)*, *сталинская политика (Stalinist policy)*, *сталинский стиль большевистской агитации (the Stalinist style of Bolshevik agitation)*; *великая Сталинская Конституция (the great Stalinist Constitution)*. Words derived from Lenin’s name are less common than in the preceding periods and occur together with Stalin’s name: *ленинско-сталинское правительство (the Leninist-Stalinist government)*.

References to other Soviet government figures such as Kliment Voroshilov, Viacheslav Molotov, Lazar’ Kaganovich, Andrei Zhdanov, and Andrei Andreev are made in strict correspondence with their official posts. Thus Voroshilov is quoted in connection with war preparations and strengthening defense, Zhdanov is referred to regarding ideological issues, and so on. The nature and frequency of references indicate that in 1939 a vertical of power had been drawn up in which Stalin occupied a special position.

There are frequent references to official documents such as the resolutions of the Eighteenth Party Congress, appeals and addresses issued by the Central Committee, the Central Committee of the Komsomol, and the 1936 Constitution.

Another common device is to quote the letters of factory and kolkhoz workers to demonstrate the response of the people to current policies:

“Я бы хотела, – пишет мать призывника Аграфена Краюшкина, работница завода “Каучук”, – чтобы моего сына направили в бронетанковые части, если ему придется бить врагов нашего отечества, он будет бить их по-хасановски. Я уверена, что он с честью выполнит свой долг перед родиной, перед правительством, перед народом”. (2 October 1939)

[...] слесарь тов. Боженок пишет в “Правду”: “Не нахожу слов выразить свое восхищение столь мудрой политикой нашего родного т. Сталина – вождя народов и главы Советского правительства т. Молотова”. (6 October 1939)

The style of letters and speeches changes compared with those in the 1933 editorials, elements of conversational and popular speech disappearing and giving way to patriotic clichés in praise of Stalin and Soviet policies.

Lenin and Stalin are the principal authorities in the articles from 1949. Lenin is generally mentioned together with Stalin, and the most common collocation is *партия Ленина – Сталина* (*the party of Lenin and Stalin*), which occurs in 14 editorials. Other examples include:

великие вожди и учителя трудящихся Ленин и Сталин
(1 October 1949)

дело Ленина – Сталина (1, 22, 23 October 1949)

неугасимое пламя великих идей Ленина – Сталина (5 October 1949)

великие гении человечества Ленин и Сталин (5 October 1949)

Stalin is transformed into a founder of the Party and leader of the Revolution, he is elevated onto the same pedestal as Lenin. In references to Lenin alone, Stalin's name is mentioned in the same context:

С непревзойденной силой сталинская книга обрисовывает величие Ленина, как гениального теоретика пролетариата, обобщает то новое, что внес Ленин в сокровищницу марксизма, дает классическое определение ленинизма, как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи победы социализма на одной шестой части земли.
(1 October 1949)

Stalin is mentioned and cited far more often than all other authorities taken together. All editorials make reference to him. He is quoted on 29 occasions, and one article (1 October 1949) is devoted entirely to his *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks): Short Course*. Quotations touch upon all important issues of domestic and foreign policy, economics, and ideology, whereas those from Lenin illustrate less significant problems. The content of the quotations indicate that Stalin is accorded the supreme

position not only as the Leader, but as a founder of the Party, organizer of the Revolution, and theorist of Leninism. References to Marx and Engels are rare, and they are always mentioned together:

произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина
(22, 23 October 1949)

учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (28 October 1949)

The derivatives *марксизм* (*Marxism*) and *марксистский* (*Marxist*) are used only in combination with *ленинизм* (*Leninism*) and *ленинский* (*Leninist*).

великие идеи марксизма-ленинизма (13, 17 October 1949)

марксистско-ленинская теория/литература/учеба/подготовка
(13, 14, 21 October 1949)

Optional references connected with the theme of the editorial are to Vasilii Chuikov and Mao Zedong. Letters to Stalin from workers express gratitude to him and the Soviet Union and responses to his policies.

In the 1959 editorials references undergo a certain change. Now the principal authorities are Lenin and Marx. Lenin appears in derivatives having to do with theory and as a proper noun. The most common are *марксизм-ленинизм* (*Marxism-Leninism*) and the adjective *ленинский* (*Leninist*):

в свете ленинских принципов коммунистического воспитания и образования молодого поколения (11 March 1959)

восстановление ленинских норм партийной жизни и принципов руководства (21 March 1959)

осуществление ленинской генеральной линии партии (28 March 1959)

The purpose of many references is to emphasize that the Party is following Lenin's directives:

Советы, как указывал В. И. Ленин, созданы самими трудящимися, их революционной энергией и творчеством. (1 March 1959)

В. И. Ленин называл общественные столовые ростками коммунизма. (2 March 1959)

“Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне”, – писал в те дни, обращаясь к венгерским трудящимся, вождем мирового пролетариата В. И. Ленин. (21 March 1959)

Marx's name occurs only in derivatives:

великие идеи марксизма-ленинизма (8 March 1959)

преданность марксистско-ленинскому учению (21 March 1959)

марксистско-ленинское учение стало ведущей силой современности
(21 March 1959)

Understandably, after the Twentieth Party Congress, Stalin is not mentioned in editorials. References to Nikita Khrushchev are common, usually in two official forms – *товарищ Н. С. Хрущев* (*Comrade N. S. Khrushchev*) or *Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев* (*Chairman of the Council of Ministers N. S. Khrushchev*).

“Тесная связь обучения с жизнью, с производством, с практикой коммунистического строительства, – говорит товарищ Н. С. Хрущев, – должна стать ведущим началом изучения основ науки в школе, основой воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической нравственности”. (27 March 1959)

Mention of Khrushchev is connected with his speech at the Twenty-First Party Congress and with specific economic, political, and other issues. It is he who bears responsibility for the practical implementation of the Party’s policies. There are no quotations from workers’ letters during this period.

References to Lenin and Marx are found throughout the period under study. Although Engels is one of the founders of Marxism-Leninism, he is mentioned more or less sporadically and usually together with Marx. These references undergo certain changes. Thus in the 1920s Marx and Lenin are theorists and practitioners, but the practical aspect gradually recedes, and by the 1930s they have become the classic founders of ideology. If in the early 1930s Lenin is still being mentioned in connection with past events, by the end of the decade he has become a symbol of ideology. By the end of the period under study Marx has changed from a proper to a common noun. These changes indicate that as early as the late 1920s references to the Marxism-Leninism classics have become ritualistic.

References in the 1920s to government leaders are sporadic. In the 1930s and 1940s references to Stalin are more frequent than the names of Marx and Lenin. Their frequency and nature clearly reflect the growth of his personality cult. Basically ritualistic, they peak in the editorials of 1949. References to Khrushchev are prescriptive and related to the implementation of economic and political tasks. There are no eulogies to him.

Workers’ letters and speeches are quoted only in the editorials from the 1930s and 1940s. Their appearance is evidence of a transition to illustration. Stylistic changes over the course of the 1930s and 1940s include the replacement of colloquial and popular language by clichés. This reflects a leveling of style and stylistic regimentation rather than any improved literacy among representatives of the people.

4.2 Statistical arguments

Statistics as such is not a linguistic factor, but statistical arguments are often employed in Soviet rhetoric as a means of influencing readers. Manipulations of figures in the Soviet period to show 100% fulfillment of plans and 99.9% voter turnout are well known. Familiar as well is the attitude of the Soviet leadership toward statistics as a science. Thus in 1929 Stalin (1946, vol. 12:171-172) wrote in Pravda:

What the CSA published in 1926 as the balance of the economy is not a balance but playing with numbers. [...] The balance-sheet of the Soviet economy must be drawn up by revolutionary Marxists if they want to be at all involved in working out the economic problems of the transitional period.

Let us consider how statistics were used as an argument in the genre of the editorial in the various periods.

In the 1920s figures often include a reference to the source, such as the Central Statistical Administration, Gosplan, or stock-exchange quotations, which gives an impression of seriousness and reliability. During this period specific and relative figures, including percentages, are cited in reference to the same issue, sometimes within the same sentence:

[26 March] комиссии закончили предварительную проверку 6 ячеек, причем из 714 членов и кандидатов ячеек [...] предварительными решениями постановлено исключить около 140 человек, т. е. около 20% всего состава этих ячеек. (27 March 1924)

Most statistical arguments illustrate current domestic economic, political events and other issues such as purges of the Party or re-elections to the soviets.

Specific figures

И если раньше за золотник золота в монете можно было купить сто катушек ниток, то в течение войны это количество постепенно падало до 80, 70, 50 катушек. (4 March 1924)

ЦСУ говорит, что в 19 городах с крупной торговлей имеется 1.628 торговых кооперативных учреждений, а во всех городах, кроме губернских, 4.774 учреждения. (16 March 1924)

Согласно наметке контрольных цифр Госплана общая сумма всех вложений в сельское хозяйство как долгосрочных, так и краткосрочных должна составить в текущем хозяйственном году 1030 млн. рублей против 771 млн. руб. прошлого года. (24 October 1928)

Проведенная ЦСУ перепись колхозов на 1 мая 1928 г. указывает, что всего по СССР было 32506 колхозов и что посевная площадь их составляла на это же время 1,2 млн. гектаров. (13 October 1928)

Relative figures

Уже одно устранение такой конкуренции [между заготовителями государственной промышленности] больше чем на 50% обеспечивает удачность государственного вмешательства в цены. (15 March 1924)

По отношению к 1926–27 году истекший хозяйственный год дал увеличение: числа колхозов – на 62 проц., числа крестьянских хозяйств в колхозах – 71 проц., посевной площади – 116 проц. и товарной продукции – 180 проц. (6 October 1928)

Если машиностроение выросло в истекшем году на 25 проц., то выплавка чугуна повысилась лишь на 12,2 проц. (17 October 1928)

In editorials from 1928 relative figures predominate, especially in connection with key issues such as industry and agriculture. In less important areas there is a preference for specific figures.

Figures are also used to illustrate deficiencies such as industrial backwardness or low voter turnout:

Об этом ярко свидетельствуют цифры восстановления тяжелой индустрии: добыча железной руды составляла в истекшем 1927–28 году лишь 62,9 проц. по сравнению с добычей 1913 г., добыча марганцевой руды – лишь 34,3 проц. производство чугуна – 79,1 проц., мартена – 93,5 проц., проката – 91 проц. (17 October 1928)

В прошлых перевыборах только в голосовании участвовало свыше 27 миллионов (48,4 проц.) сельского и свыше 6 миллионов (59,1 проц.) городского трудового населения избирательного возраста. (4 October 1928)

Examples illustrating the situation in capitalist countries are rare:

До войны румынское население составляло около восьми миллионов. (20 March 1924)

[...] правительство румынских бояр более чем удвоило территорию и более чем удвоило терзаемое им население. (20 March 1924)

The tendency to use percentages in connection with key questions and specific figures to illustrate secondary areas continues into the early 1930s as well. In the late 1930s the two types of indicators are approximately equally distributed:

Продукция общесоюзных, союзно-республиканских промышленных наркоматов и наркомместпромов союзных республик составила за 9 месяцев нынешнего года 67 947,6 млн. рублей (в ценах 1926/27 г.) против 58 768,0 млн. рублей за тот же период прошлого года. (12 October 1939)

В 1938 году рост промышленной продукции по сравнению с предыдущим годом составлял 11,3 проц., в первую четверть в нынешнего года – 14,5 проц., в первое полугодие нынешнего года – 15,2 проц., а за три четверти нынешнего года – 15,6 проц. (12 October 1939)

Specific figures are often very exact. The issues to which they refer are of secondary significance, but they create an illusion of objectivity and reliability:

уже работают 234 кружка ворошиловских всадников
(2 October 1939)

Стахановец Тахта Асимов из артели им. Горького, Ворошиловского района, получил вместе со своей семьей на трудодни 42600 рублей. Исмату Турсанову [...] выдали на трудодни 21 тысячу рублей.
(16 October 1939)

In the 1930s figures illustrate deficiencies:

Что касается годового плана зернопоставок, то он на Нижней Волге выполнен только на 63% против 77% в среднем по Союзу. (6 October 1933)

И в самом деле, в Днепропетровской области на 25 сентября было выкопано 1,8 проц. свеклы. (5 October 1939)

В Кировоградской области к 25 сентября было выкопано всего 8,8 проц. свеклы. (5 October 1939)

As in the 1920s, statistical arguments are seldom used in reference to enemies:

В то время, как в СССР в 1937 году собрано на душу населения продовольственных культур (пшеницы и ржи) 4,4 центнера, в США сбор этих культур на душу населения составил 1,9 центнера, во Франции – 1,8 центнера, в Германии – 1,5 центнера, в Италии – 1,9 центнера.
(25 October 1939)

A number of changes occur in the voter turnout. During this period it exceeds 90% and is often around 100%:

На выборах в Верховный Совет СССР 98,6 проц. всех принимавших участие в голосовании, а на выборах в Верховные Советы союзных республик 99,4 проц. всех принимавших участие в голосовании отдали свои голоса кандидатам блока коммунистов и беспартийных.
(22 October 1939)

Примерно такая же картина выборов и в Народное Собрание Западной Белоруссии. Здесь в голосовании участвовало 96,71 проц. всех избирателей, а за кандидатов, выставленных крестьянскими комитетами, временными управлениями, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями рабочей гвардии и собраниями интеллигенции, голосовало 90,67 проц. участвовавших в голосовании. (26 October 1939)

In the early 1930s sources are given only rarely, and by the end of the decade not at all. In the 1949 editorials the use of statistics is clearly marked, specific figures expressed in thousands and millions illustrate achievements, while shortcomings are described in tens or single units:

Колхозы организовали к 1 октября 1949 г более 75 тысяч новых животноводческих ферм. (15 October 1949)

Так, в Тульской области к 1 сентября 1949 года более двухсот колхозов не имели свиноводческих ферм, около пятидесяти колхозов – овцеводческих и свыше трехсот колхозов – птицеводческих ферм.

(29 October 1949)

As a rule, percentages are used to describe the chief branches of industry and agriculture, often in comparison with prewar or prerevolution periods. In such cases growth is reported in percent increase, multiples, or approximate figures:

По сравнению с 3 кварталом прошлого года валовой выпуск продукции увеличился на 17 процентов. Если же взять все 9 месяцев текущего года и сравнить с соответствующим периодом прошлого года, то рост будет еще более значительный – на 20 процентов. (15 October 1949)

Уже в 1948 году основные фонды молдавской промышленности возросли по сравнению с 1940 годом вдвое, объем продукции такой отрасли промышленности, как пищевая, почти вдвое превысил довоенный уровень. (12 October 1949)

In certain examples the figures are too approximate, and comparisons of data do not always indicate the basis of the comparisons:

В 1948/49 учебном году в начальных и средних общеобразовательных школах обучалось уже свыше 33 миллионов детей, т. е. намного больше, чем в довоенные годы. (17 October 1949)

There are no references to sources in this period.

In the editorials from 1959 the clear distinction in the use of specific and relative figures disappears, and often both are used in reference to the same problems:

За кандидатов в депутаты Верховных Советов Союзных республик голосовало во всех избирательных округах: в РСФСР – 77.070.519 человек, или 99,62% общего числа избирателей, участвовавших в голосовании, на Украине – 28.565.343 человека, или 99,87%, в Белоруссии – 5.327.345 человек, или 99,81%, в Казахстане – 5.482.550 человек, или 99,63%, в Молдавии – 1.749.717 человек, или 99,88%, в Латвии – 1.540.944 человека, или 99,90%, в Таджикистане – 1.108.735 человек, или 99,85%, в Туркмении – 884.682 человека, или 99,76%. (6 March 1959)

The voter turnout here is already over 99%. Not infrequently data are cited from the Central Electoral Commission. Problems of secondary importance are often illustrated with exact figures:

Свыше одного миллиона женщин награждено орденами и медалями

СССР, 2605 женщин удостоены звания Героя Социалистического Труда, 24 – награждены второй Золотой медалью “Серп и молот”, 75 женщинам присвоено звание Героя Советского Союза [...] 58.683 женщинам присвоено почетное звание “Мать-героиня”. (8 March 1959)

Once again there are references to official statistical sources such as the economic growth targets for 1959–1964 set by the Twenty-First Party Congress or Electoral Commission data.

Analysis of statistical arguments indicates that in the early 1920s they were used to create an impression of scientific validity. Beginning in the late 1920s there is a tendency to use relative figures. By the late 1930s sources are no longer cited, but such references do appear in the late 1950s. There are significant changes in statistics regarding voter turnout – from less than 50% in 1928 to more than 99% in 1959. Levels of participation exceeding 99% became a kind of symbol of statistical manipulation. Beginning in the late 1930s and to the end of the period under study there is a tendency to provide exact figures in reference to less significant problems.

4.3 Arguments based on specific examples

The use of concrete examples beginning in the late 1920s suggests a tendency to simplify rhetoric and a gradual transition from the appearance of analysis to explanation and illustration. In 1928 such examples are relatively rare and connected with domestic and foreign policy:

Порка крестьян-бедняков в Лудорвае накануне 11 годовщины пролетарской революции, торговля национализированной землей, в отдельных сельсоветах Брянской губернии, безнаказанная “работа” кулацких шаек (поджоги зданий школ, построек деревенских активистов) в течение продолжительного времени в Воронежском и Елецком округах – все эти возмутительные факты были возможны только там, где плохо работают сельсоветы. (18 October 1928)

As early as 1933 examples become a common argumentative device, generally to illustrate achievements and shortcomings:

Алексей Кривонога из колхоза им. Шевченко, Ореховского района, Днепропетровской области получил за свои трудодни столько хлеба, что пришлось засыпать большую часть хаты. Алексей Кривонога и его родная артель им. Шевченко – не исключение. (3 October 1933)

Руководители областных и краевых союзов (Северный Кавказ – т. Гарновский, Нижняя Волга т. Иванов, ЦЧО – т. Айзенберг, Крым – т.

Крумин) выдумывали всякого рода “объективные” причины невыполнения плана, но почти ничего не делали для того, чтобы повернуть армию торговых работников лицом к новым задачам.
(15 October 1933)

Examples from this period name the worthy and the guilty by name, creating an honour board and a pillory post. This tendency continues in the late 1930s and 1940s:

Прекрасный пример работы Сухаревского сельсовета Московской области, чей опыт уже освещала “Правда”, должен стать достоянием многих сел нашей страны. Здесь, в Сухареве, сумели сплотить вокруг сельсовета, его секций, вокруг избы-читальни крепкий актив. [...] Животноводческая секция под руководством зоотехника тов. Вдовина упорно борется за высокие удои, – недаром 11 стахановцев-животноводов являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Совершенно ликвидирована неграмотность, и теперь культсекция сельсовета, руководимая учителем тов. Лынским, борется за то, чтобы повысить знания всех колхозников до уровня 4 классов. Избач тов. Хорев развернул широкий план политико-массовых мероприятий к избирательной кампании. (8 October 1939)

Замечательные образцы скоростной проходки горных выработок показывают бригады т. Минзарипова на Североуральских бокситовых рудниках, тт. Михайлуцкого и Рожкова – на шахтах Криворожского бассейна. (7 October 1949)

Как сообщает корреспондент “Правды”, во многих районах Смоленской области подготовка пропагандистов к новому учебному году сорвана, постоянно действующие семинары руководителей политшкол и кружков не проводятся. “Некогда сейчас этим делом заниматься [...]” – заявляет секретарь Семлевского райкома партии тов. Скородумов.
(14 October 1949)

The names of ordinary people occur so often that they become a kind of synecdoche of the people. Considering that the events of this period take place at the height of the Stalinist repression and the postwar ideological campaigns, however, it is clear that being put on the “pillory post” had consequences that could go far beyond loss of employment. Thus indicating specific culprits has another implication and becomes a means of intimidation.

In 1959 the frequency of examples does not change, but one important detail does – names are given in reference to achievements, but not to deficiencies:

Тысячи трактористов, бригады тракторных бригад, следуя примеру знатных механизаторов тт. Мануковского и Гиталова, готовятся выращивать кукурузу на больших площадях без применения ручного труда.

[...] В Кировоградской области по инициативе тов. Гиталова организованы школы по обучению передовым методом возделывания кукурузы. (26 March 1959)

Так, в январе все 19 угольных трестов Сталинской области выполнили план, дали дополнительно свыше 60 тысяч тонн угля, в том числе 20 тысяч тонн коксующегося. Но примерно одна треть шахт и половина всех угольных участков с январским заданием не справилась, допустили большие перерасходы государственных средств. Выполнен план в целом и в феврале. Но число отстающих шахт и участков осталось прежним. Что же получается? Передовые шахты и участки значительно перевыполняют задания, общая цифра выглядит хорошо, и руководителей Сталинского совнархоза это, видимо, устраивает. (7 March 1959)

Thus the use of examples is connected with the transition from the rhetoric of persuasion of the revolutionary period to the illustrative rhetoric of totalitarian language. Different functions – support, censure, and intimidation – are clearly observable, and various aspects are emphasized in different periods. Censure is most obvious in the 1920s and early 1930s, intimidation in the late 1930s and 1940s, popular support in the late 1930s and the 1950s.

This Chapter addressed semiotically charged elements of the Soviet political language and demonstrated a number of changes from the rhetoric of revolution to totalitarian language. The following chapter considers features and changes on the level of text structure.

The structure of the editorial as a whole

The overall compositional components of written texts are the heading or title, the introduction, the body, and the conclusion. This structural division is used by some researchers (Koshcheeva 2001:57–59).

Tatiana Grushevskaja (2002:30) identified in her analysis of French newspapers the text segment as the elementary unit of composition. Segments were distributed according to compositional and structural rules as follows:

- The thesis or thematic segment provides the text with a title and anticipates the content of the text.
- The introductory or initiating segment is the starting point of the information to be communicated; it provides the basis for further information and attracts the reader's attention.
- The base argumentative segment explicates and concretizes the theme and thrust of the text, allowing readers to orient themselves in the information being offered.
- The final summarizing segment sums up the information and completes its exposition.
- The thematic summation segment is the final phase of the text. It contains a logical conclusion based on its content, a prediction of the impact of what has been described, or poses a new problem.

Grushevskaja (2002:38–39) examined the segment from the point of view of semiotics. The functional model of the segment included modules of three basic parameters – syntactic, semantic, and pragmatic. The modules on the syntactic level were structural-syntactic, structural-graphic, and thematic-rhematic. On the semantic level they were the conceptual, thematic (monothematic, polythematic) and informational-semantic modules. Her analysis also identified the most frequent kinds of segments.

The present analysis of the compositional structure of the editorial will use some elements of Grushevskaja's classification, such as monothematic and polythematic elements in editorial themes.

I will consider two obligatory structural elements in *Pravda* editorials – *the body* and *the conclusion*. The introduction and the body will be examined as a single whole, since in many cases they constitute the same structural component. Analysis of the structure of the body will address optional elements – chains, garlands, climax, antithesis, partial opposition, implication, and other logical arguments. Some of these are also found in the conclusion. Analysis of the conclusion will focus on the pragmatic aspect. In certain editorials in 1924 there was an attempt to introduce yet another element into the compositional structure in the form of a summation set off in boldface and placed immediately after the heading:

Покупательная способность червонца падала вследствие воздействия совзнаков, курс его был абсолютно прочен. Курс казначейских билетов будет столь же прочен. Но для этого Наркомфин станет выпускать их в меру развивающейся потребности в средствах обращения.
(1 March 1924, bold in the original)

This experiment, however, was soon discontinued.

Vitalii Kostomarov (1971:104–09) noted the alternation of expressive and standard elements as a typical feature of newspaper language. He classified contrasts or conflicts between expressive elements and the norm on three levels: intraphrasal or phrasal, contextual, and compositional. According to Kostomarov, contextual alternations occurred within the compositional framework, while the simplest alternations of parallel meanings of the same concept took place within the compositional parts. The principle was typical of all newspaper text, but the interrelationship between the different levels and contrastive devices depended on the newspaper, the genre, the author, and so on. With respect to the editorial Kostomarov noted that its emotionality is entirely opposite the level of expression in the feuilleton:

[...] marked units of expression in the editorial are on the whole less colourful or expressive (especially from the general, normative perspective of the literary language) than even the unmarked components articulating expressiveness and the norm in the feuilleton. (ibid., 146)

Whenever possible, the present analysis will track certain alternations between the norm and emotionality on the compositional level.

Structural analysis will be preceded by a consideration of the themes of the editorials.

5.1 Editorial themes

Grushevskaja (1980:74) observed that most newspaper texts are poly-thematic communications of information, that is, they contain several thematic threads. Such texts may have the following thematic structure:

- The main theme is central to the content of the text. Besides the main theme there can be supplementary themes that contribute to developing the basic thrust of the communication.
- The text may contain two or more independent themes that are developed separately.

Pravda editorials are devoted to a single theme, but many of them contain one or more supplementary themes that in some cases help to develop the main theme but are often not immediately connected to it and appear to function independently. Supplementary themes may be mentioned one or more times. Frequent repetition of such themes in the course of a single month indicates that they are of some significance to the current political moment. I regard a supplementary theme used several times in a month as a compositional device of structure and refer to it as a leitmotif, a recurrent important thought or idea in a written work (Ozhegov and Shvedova 1997).

5.1.1 Main Theme

There are certain features in the themes of the editorials that are typical of all six selections of texts. Thus in all periods the choice of many themes uses the opposition *self – other*, and obligatory themes throughout include the economy, domestic politics, and international issues.

The principal economic theme in the 1924 editorials was the 1922–1924 monetary reform (1, 4, 6, 7, 15, 25, 28 March 1924). The third and final phase of the reform began in late February of 1924. On 5 and 22 February 1924 the All-Russian Central Executive Committee and the Soviet of People's Commissars issued decrees on the issuance of treasury notes, after which the emission of the Soviet ruble, or *sovznak* was discontinued, and the older money needed to be exchanged. The reform succeeded in curbing hyperinflation. Financial themes in addition to the reform include international currency, the Peasant Loan, the market economy (9, 21 March 1924), and the market and cooperatives (16, 25, 30 March 1924).

International themes (2, 14, 20, 22, 26, 29 March 1924) are structured mainly on the opposition *friend – enemy*, the latter including England, France, Germany, Romania, and western Social Democracy. The same opposition is central to the attention given two men pronounced domestic enemies – Patriarch Tikhon and Aleksandr Krasnoshchekov (11, 23 March 1924). There

are four ritual articles in March 1924 (5, 8, 12, 18 March 1924) devoted to International Women's Day, the anniversary of the February Revolution 1917, the Comintern, and the Paris Commune.

The central economic themes in 1928 were the development of industry and agriculture, the supply of manufactured goods, and related issues (3, 6, 10, 12, 13, 16, 17, 24, 27 October 1928). By this time the Soviet economy had reached the prewar level, but it lagged far behind leading Western countries. The development of new technology required significant investment, which was impossible without the infusion of considerable foreign capital. The Soviet government, however, was based on Communist principles and could not allow such a development. The only alternative was total state control of the economy in which government organs were responsible for production and income. It was in this context that Stalin in late 1928 advanced the thesis that the Soviet Union must catch up and pass the developed Western countries. Accelerated industrialization was initiated, but at the same time there was a decline in agriculture that threatened to disrupt the process. All of this produced a goods famine, and in 1928 a rationing system was reintroduced in the cities.

The central theme in domestic politics was the intraparty struggle and intensified baiting of the Right Opposition led by Bukharin, the principal ideologist of the NEP (4, 7, 19, 20, 26 October 1928). Although the "Rightists" were finally routed at the Central Committee Plenum in April 1929, the NEP was in fact terminated in October 1928, so that the defeat was a foregone conclusion.

One article addresses the pre-election campaign to the soviets (4 October 1928).

The struggle against capitalism remains the principal international theme (2, 5, 9, 11, 14, 21, 23, 30 October 1928). Enemies in this period include Germany, England, France, Poland, some organizations such as the International Defense Committee for the Holders of Russian Bonds, Social Democracy, and pacifist movements. Editorials often mention not only the traditional struggle with capitalism, but also the possibility of another war. Although at this time there was no direct military threat to the USSR, the memory of the participation of the Entente countries in the Russian Civil War was still fresh, and expectations of war remained.

There are three ritual articles in this period (25, 28, 31 October 1928), devoted to several anniversaries in Germany, the tenth anniversary of the Komsomol, and the anniversary of the October Revolution.

The editorials from October 1933 are dominated by economic issues (2, 3, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 15, 17, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 30 October 1933). The principal economic themes concern agriculture, industry, transport, and commerce. Accelerated industrialization and collectivization gave rise to many practical

errors such as inflated annual industrial production plans. The Stakhanovite movement disrupted normal work rhythm and contributed to overstating the plans. Mass collectivization resulted in plunder of the peasants and famine in the countryside (in 1933 several million people died of starvation in the Ukraine). Although these problems are not mentioned explicitly in the articles, it is around such difficulties that all themes are concentrated. Editorials dealing with the Party leadership (4, 14 October 1933) and domestic issues (1, 27, 31 October 1933) are also connected with the economy. The editorial of 27 October, for example, concerns the backwardness of agricultural institutes.

Ritual articles are devoted to the traditional theme of the anniversary of the October Revolution (11 October 1933) and two other commemorations – the 15th anniversary of the founding of the Komsomol and the 15th anniversary of the founding of the Volga German Republic (18, 29 October 1933).

International themes (8, 10, 16, 20, 21, 28 October 1933) center on the escalation of the class struggle and the economic crisis in the capitalist countries. The principal enemies in this period are Japan, Germany, the leaders of the Second International, and Social Democracy.

The 1939 editorials introduce a new subject – war preparations. Although only two editorials are devoted exclusively to it – one on the draft (2 October 1939) and one on strengthening defense (13 October 1939) – the theme frequently figures on other levels in a leitmotif or is implied in another theme. Thus an article on the training of women agricultural engineers (19 October 1939) suggests that women will replace men in this capacity in the event of war. The principal economic themes (1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 19, 21, 23, 25 October 1939) include fulfillment of the industrial plan, the harvest, resource management, and livestock breeding.

Domestic issues (8, 15, 18, 22, 24, 31 October 1939) include elections to local soviets and Party matters – admission into the Party, management of the economy, and the role of Party organizations in the pre-election campaign.

One important theme in this period concerns extending the Soviet regime to Western Ukraine and Western Belorussia and elections to the Popular Assemblies of those areas (26, 30 October 1939). In accordance with the Non-Aggression Pact with Germany (also known as the Molotov–Ribbentrop Pact) and a secret agreement on the division of spheres of influence in Eastern Europe, the Soviet Union was given control over Finland, Estonia, Latvia, Lithuania, Bessarabia, and Western Ukraine and Western Belorussia, which at the time belonged to Poland. Soviet troops invaded on 17 September 1939, and on 28 September Germany and the USSR concluded a treaty setting forth the boundaries, which now ran through the former territory of Poland. The planned division of territories is indirectly connected with the theme of two international editorials (6, 11 October 1939) commenting on the mutual aid treaties concluded with Latvia and Lithuania.

The remaining articles deal with cultural issues and Stalin's national policies (14, 16, 20, 28 October 1939).

Economic themes in October 1949 are connected with the restoration of the economy destroyed by the war (3, 6, 7, 10, 15, 16, 18, 20, 25, 29 October 1949). In contrast to the 1920s, after WWII the Soviet Union had an industrial base upon which to build – the military-industrial complex created in the 1930s, which was supported by American Lend-Lease during the war and after the war by equipment and entire factories taken from Germany as reparations. Within three years the Soviet Union had restored the level of prewar production. Agriculture and consumer goods fared less well. Measures adopted to raise agricultural output left the peasants with almost no possibility to dispose of the fruits of their labour. The sale of produce from their private plots, for example, was strictly limited, and the prices for obligatory deliveries to the state were a fraction of the production cost. The main theme in this section is the fulfillment of the plan for industry, agriculture, livestock breeding, etc.

Party issues are dealt with in five editorials (4, 9, 13, 14, 21 October 1949). The central question concerns leadership in various branches of the economy and the responsibility incumbent upon Party organizations for fulfillment of the plan. Another issue is Marxist-Leninist propaganda.

The principal international themes are relations with Germany and China (5, 11, 19 November 1949). The Federal Republic of Germany was established in 1949 in the zone occupied by the Western powers, and the German Democratic Republic was organized in the Eastern Zone under the control of the Soviet Union. Also in 1949, the Communists emerged victorious after several years of civil war in China. The editorial of 2 October is devoted to a traditional theme – International Peace Day.

Several editorials (8, 17, 22, 23, 24, 26 October 1949) deal with issues of culture, science, and ideology from the perspective of ongoing campaigns to “introduce order” in literature, art, and science, which declared “adulation of the West,” “formalism,” and “cosmopolitanism” to be forms of ideological subversion. Editorials connected with this theme include commemorative articles (12, 27, 28, 30 October 1949), articles on national policy, and texts on cultural and scientific events.

One editorial (1 October 1949) devoted to the eleventh anniversary of the publication of Stalin's *Short Course* is suggestive of the extent of the personality cult.

In March 1959 editorials with economic themes are chiefly connected with the fulfillment of the Seven-Year Plan in industry and agriculture and the rising prosperity of the Soviet people (2, 3, 7, 14, 20, 25, 26, 27, 31 March 1959). There was a general increase in industrial production in the latter half

of the 1950s that provided Khrushchev with a basis for his project to construct communism in the near future. There were many problems in agriculture, but solving them was presented merely as reorganization rather than a reform of the entire system. Cultivation of the virgin lands ensured adequate grain supplies, but this was a stopgap measure that offered only a temporary solution. The other problems (unprofitable kolkhozes, insufficient technology, the peasantry's low living standard, etc.) could not be solved so quickly. As is evident from articles on livestock breeding, spring sowing, meat production, and the fulfillment of the proposed plan, however, the development of agriculture was viewed in a rosy light.

Editorials on Party themes (9, 11, 15 March 1959), also mainly deal with fulfillment of the Seven-Year Plan. The basic course in foreign policy continued to seek improvement of relations with the West, especially the United States. At the same time, there was emphasis on the political dependence of the socialist countries, and Soviet influence was expanded wherever possible in the Middle East, Africa, Cuba, and Asia. These policies are reflected in the editorials on international themes (4, 5, 12, 13, 17, 18, 21, 22 March 1959), which deal with the following issues: Soviet-British relations in connection with the visit of the British Prime Minister, Khrushchev's visit to the GDR and the peace treaty with Germany, Soviet-Iraqi relations in connection with the visit to the USSR of an Iraqi delegation, the situation in Eastern Europe, including the future of Germany and West Berlin. Articles also touch on the anti-war theme – the basis of Khrushchev's foreign policy in the late 1950s. The most popular slogan in Khrushchev's time was *Peace to the world* (*Mup – mup*), a play on the Russian word *mup*, which can mean both *peace* and *world*.

Domestic problems (1, 6, 10, 16, 19, 23, 24, 28, 29, 30 March 1959) include the trade union congress, elections to the Supreme Soviets of the republics, and issues of science, secondary education, and public order. In March 1959 there is only one ritual editorial, which is devoted to International Women's Day (8 March 1959).

Themes of editorials throughout the period under study are often selected on the basis of the opposition *self* – *other*, and are generally connected with political events in each period. Not only the events but also the main tendencies in domestic and foreign policies can be traced on the basis of theme selection. In some cases this selection indicates instead a suppression of news of events or an attempt to fill a vacuum. An editorial commemorating the 125th anniversary of Lermontov's birth, for example (14 October 1939), contains a literary analysis of his works that is more appropriate to other newspaper genres. I now turn to a consideration of supplementary themes.

5.1.2 *Leitmotif*

Leitmotifs are as a rule shorter than a paragraph and usually comprise only one or two sentences.

Leitmotifs first appear in editorials in 1928, none occur in 1924. In 1928 and 1933 they are encountered 6–8 times, but beginning in 1939 they are significantly more frequent and become one of the most common structural elements. Two basic factors – theme and frequency – are taken into account in analyzing leitmotifs. Turning now to some of the themes during various periods, we note that leitmotif themes in 1928 were the struggle with the Left Opposition,⁴⁶ the struggle with the Right Deviation in the Party, criticism of the Moscow Party Organization,⁴⁷ the escalation of the class struggle and increased resistance on the part of urban and rural capitalist elements,⁴⁸ accelerated industrialization, and the struggle against Social Democracy in capitalist countries. Almost all of these problems are relevant to Soviet domestic politics and to varying degrees are connected with the intraparty struggle.

In 1933 the main leitmotif was the struggle against the kulaks. Other themes included the offensive against opportunists and saboteurs and continuation of the class struggle.

The most frequent leitmotif in the 1939 editorials was the *annexation of Western Ukraine and Western Belorussia to the USSR*. This event was almost always described as the *liberation* of the peoples inhabiting these territories by the Red Army, which is accompanied by the epithet *доблестная* (*valiant*). In addition, frequent use is made of the construction *событие X происходит в те дни, когда доблестная Красная Армия* (*event X takes place in days when the valiant Red Army*) followed by the theme of annexation:

Подготовка к выборам в местные Советы депутатов трудящихся развертывается в те дни, Когда Красная Армия вызволила своих угнетенных братьев в Западной Украине и Западной Белоруссии из-под панского гнета. (8 October 1939)

Repetition of the same pattern clearly underscores the special significance of

⁴⁶ The Left Opposition that had been formed by Trotskii, Zinov'ev, and Kamenev, was finally defeated at the Fifteenth Party Congress in December 1927.

⁴⁷ Criticism of the Moscow Party Organization, which was the largest and most authoritative in the country, was mainly aimed against the Right Deviation and its principal ideologist Nikolai Bukharin. In November 1928 Nikolai Uglanov, the leader of the Moscow Party Organization and member of the Right Opposition, was replaced by Stalinist Viacheslav Molotov.

⁴⁸ In his speech to the Central Committee on July 4 1928 Stalin advanced the notion that as socialist construction progressed, resistance by capitalist elements would increase and the class struggle would intensify. He needed this theory to justify repression of internal enemies, who were said to be offering more and more overt and covert resistance.

the annexation. This observation is additionally confirmed by the fact that the event is simultaneously the main theme of two editorials. Another pervasive leitmotif consists of citations of Molotov's radio address of 17 September 1939, in which he called upon the Soviet people to *honest and self-sacrificing labour* (*к честному и самоотверженному труду*). Other leitmotifs in October 1939 include the actions of the Red Army at Lake Khasan on the Mongolian border,⁴⁹ the activities and arming of the Red Army, and the active recruitment of women in industrial production. All of these leitmotifs are directly or indirectly connected with preparations for war.

In 1949 the following issues are mentioned in leitmotifs: the significance of the October Revolution, the role of the Communist Party as guiding and governing force, Stalin's directives (in almost all editorials), the pre-October socialist competition for early fulfillment of the annual plan, obligations to fulfill the Five-Year-Plan in 4 years, Party leadership of local organizations, and the anniversary of the Great October Revolution. All of these themes are connected with general issues of ideology or economic achievements, tasks, and obligations, but not with events.

In 1959 the leitmotifs are the implementation of the decisions of the Twenty-first Party Congress, entrance into the period of the advanced construction of Communist society, the rise in political enthusiasm and the joy of labour among the Soviet people, the (early) fulfillment of the Seven-Year Plan, fulfillment of the 1959 Plan, and socialist emulation with the goal of overtaking and passing the capitalist countries in per capita productivity. The most widespread leitmotif is fulfillment of the decisions of the Twenty-first Party Congress, which is obligatory in all editorials dealing with domestic issues. The nature of the questions used as leitmotifs indicates that economic problems are centrally important. Ideological matters are indeed considered; they are not repeated from editorial to editorial, however, but are discussed within the thematic framework of the articles.

Leitmotif analysis on the monthly level makes it possible to discern the most significant issues in a given period. Such a problem in 1928, for example, was the struggle against the Right Opposition. In 1933 it was the consequences of collectivization, in 1939 war preparations, in 1949 the restoration of the economy and questions of ideology, and in 1959 economic problems. In the 1920s and 1930s leitmotifs are more concrete, while in the 1940s and 1950s many themes become traditional and less concrete. The most pressing problems are discussed both on the leitmotif level and as the principal theme of the editorial.

⁴⁹ In early August 1939 Japan attacked Soviet border posts and seized a number of important points near Lake Khasan. Military actions involving Soviet and Japanese forces continued until 11 August.

5.2 Overall text composition

It was noted above that the body of the editorial is examined as a single whole, and that the form in which the material is presented depends on the theme and goals of the text. Units of logical communication are non-obligatory structural elements of composition, among which the following can be identified: enumeration (chains, garlands, climax), antithesis, partial opposition, and certain logical devices of argumentation. The minimal structural unit is the paragraph or more rarely one or two sentences. Analysis will address the organization of sentences and paragraphs within larger units of logical communication.

5.2.1 Enumeration: chains, garlands, climax

The editorial utilizes two basic kinds of enumeration, here called the chain and the garland, and sometimes also climax. Units of enumeration are generally one or several paragraphs, but are in some cases shorter than a paragraph. Items enumerated can be tasks, causes, achievements, slogans, and so on. Units will be designated A_1, A_2, \dots, A_n , they consist of a paragraph or several paragraphs.

In a chain the elements A_1, A_2, \dots, A_n are arranged in causal order; that is, it is difficult or impossible for them to change places without disrupting meaning. In a garland the elements occur in non-causal order; that is, they can change places without interfering with meaning. A_1, A_2, \dots, A_n can also have supplementary markers such as anaphora,⁵⁰ bold-faced type or lexical markers like *во-первых, во-вторых, в-третьих* (*in the first place, in the second place, in the third place*) or *первый, второй, третий* (*first, second, third*). Anaphora and boldface can also mark elements of the garlands and chains. Lexical markers such as *во-первых, во-вторых, в-третьих* (*in the first place, in the second place, in the third place*) are generally used in chains. If an element of an enumeration constitutes a paragraph, supplementary markers are optional, but they are mandatory if the unit consists of several paragraphs and the elements are distant from each other or occur within a single paragraph. Garlands can be used in the body or the conclusion of the text, whereas chains are only elements of the body.

Chains

Chains are among the most frequent compositional elements in the body. They occur with equal frequency (approximately every third article) in every

⁵⁰ Selishchev (1928:124-25) notes that phrases with repetitions of some part of the phrase are especially popular in speeches of revolutionary figures, which he illustrates with an example from *Pravda*.

period. A chain can be the main element in the construction of the body of the article, in which case it is often spread over the whole text, or a secondary element extending over a part of it.

Chains as the main compositional element of the body

The body of the editorial “Торговые проблемы” (“Trade problems”; 16 March 1924) addresses the data of the Central Statistical Administration concerning retail trade:

Цифры ЦСУ ставят перед нами ряд практических вопросов, которые могут быть вырешены лишь на основании практики мест и, что очень важно, специальных опытов.

Прежде всего, отметим, что в розничной торговле частный купец забывает и госкупца и кооператора использованием наличного товарного состава. [A1]

Второй момент, это – овладение частным купечеством оптово-розничной торговли. [A2]

Наконец, третий момент: слабость кооперации в небольших городах. [A3]

In this example the entire composition of the body is based on a chain. Each element consists of several paragraphs, and supplementary markers *прежде всего (above/first of all)*, *второй момент (in the second place)*, *наконец (finally)* are obligatory.

The beginning of body of the article “Продолжим социалистическое наступление” (“Let us continue the socialist offensive”; 27 October 1928) cites basic statistics on economic development. The remaining material of the body is in the form of a chain consisting of three elements listing the economic tasks of the year. Each paragraph is made up of several paragraphs marked as follows: **во главу угла** (*of paramount importance*, bold in the original) [A1]; **вторая важнейшая задача** (*the second most important task*, bold in the original) [A2]; наконец, чрезвычайно существенной и специфической задачей является (*finally, another extremely essential and specific task is*) [A3]. The tasks themselves are set off in bold type: **быстрый темп индустриализации нашей страны** (*the rapid tempo of industrialization in our country*); **ускорение темпа развития сельского хозяйства** (*the acceleration of the tempo of development in agriculture*), **всемерное развертывание экспорта** (*all possible expansion of exports*). Elements A1 and A2 use two more chains – B and C – which consist of three elements marked by means of anaphora:

Партия отвергает пересмотр быстрого темпа развития индустрии. [B1]

Партия отвергает пересмотр нынешнего темпа индустриализации и по причине товарного голода, якобы требующего большего выдвигания легкой индустрии **за счет** тяжелой и т. д. (bold in the original) [B2]

Партия отдает себе полный отчет в том, что в условиях реконструкции наличие элементов товарного голода неизбежно. [B3]

Мы обязаны добиться значительного сдвига в этой области уже в нынешнем хозяйственном году. [C1]

Мы обязаны в течение нынешнего года подготовить более благоприятные условия для следующего 1929–30 хозяйственного года. [C2]

Мы обязаны сосредоточить материальные ресурсы, чтобы добиться более быстрого подъема индивидуального крестьянского хозяйства, усиления его коллективизации и значительно более высокого роста обобщественного сектора в деревне в целом. [C3]

The body of the editorial “Да здравствует комсомольское племя!” (“Long live the Komsomol tribe!”; 19 October 1933) dedicated to the fifteenth anniversary of the Komsomol, is structured entirely on a chain of six elements [A1 – A6]. Some elements consist of a single paragraph, others of several paragraphs, all of which are indented and marked in bold. The first element of the chain is a general statement:

В наше время комсомол Советского Союза – самая крупная, самая массовая организация из всех организаций молодежи мира. За 15 лет он вырос в двести с лишним раз, объединяя в своих рядах около пяти миллионов молодых рабочих и крестьян, их которых одну треть составляют девушки. В десятки раз увеличилось количество комсомольских ячеек на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, вокруг которых объединялись миллионные массы беспартийной трудящейся молодежи. (bold in the original) [A1]

The subsequent elements [A2–A6] are more specific and deal with the history and achievements of the organization over the past 15 years. This type of chain is found in 1924, 1928, and 1933. Elements are as a rule larger than a paragraph and are therefore marked by means of anaphora, boldface type, or other lexical means.

Chains as an auxiliary capacity

Chains as an auxiliary element of the body are used in all periods. The article “Призыв к новым производственным победам” (“A call to new victories in production”; 1 October 1939) addresses a letter from the collective of the Red Proletariat factory listing five obligations they have taken upon themselves. Each obligation is a paragraph-length element of the chain A1–A5 marked by indentation and *во-первых, во вторых, в третьих* (*in the first place, in the second place, in the third place*).

In 1949 and 1959 chain elements are most often marked by means of indentation, boldface type, and anaphora, while other lexical markers are less common. For example, the article “Расцвет социалистической культуры”

(“The flowering of socialist culture”; 17 October 1949) enumerates successes in education and science. The chain consists of five elements [A1–A5], each of which is a paragraph (A2 consists of two brief paragraphs). Elements begin with an indentation.

Some editorials of the 1920s use two chains at once, the elements of which are intertwined. In the late 1930s and 1950s chains are not used as a basic structural element, but only as a supplementary one. During the period under study the chain is gradually simplified with respect to both the variety and structure of markers.

Garlands

Garlands are used significantly less frequently than chains. Wherever possible, chains are chosen in which enumerated elements are presented in a definite logical sequence. In editorials over the course of one month garlands occur two to four times. In 1959 there are none. They are most often used in ritual, commemorative articles. For example, in “Великий сын русского народа” (“A great son of the Russian people”; 28 October 1939), on the fiftieth anniversary of Nikolai Chernyshevskii’s death, the elements of the garland are paragraphs marked by anaphora and indentation:

Чернышевский был великим, выдающимся ученым. [A1]

Чернышевский создал замечательные образцы боевой научно политической публицистики, разоблачающей идеалистическое поповство, религиозный обман народа. [A2]

Чернышевский был великим, выдающимся теоретиком экономистом. [A3]

Чернышевский был выдающимся критиком, глубоким исследователем литературы и искусства. [A4]

Чернышевский был великим русским социалистом-утопистом. [A5]

The editorial “В международный коммунистический женский день” (“On international communist women’s day”; 8 March 1924) uses two intertwined garlands, both of which are marked by means of anaphora – *объявим войну* (*we will declare war*) [A] и *будем бороться* (*we will struggle*) [B]:

Объявим войну эксплуатации, трестовым магнатам, оптовикам, ростовщикам и спекулянтам. [A1]

Объявим войну саботажу производства ненасытными капиталистами, войну безработице и удлинению рабочего дня. [A2]

Будем бороться за установление контроля над производством и всем хозяйством, при помощи органов рабочих и служащих, будем бороться за 8-часовой рабочий день. [B1]

Объявим войну бессовестной эксплуатации женской рабочей силы. [A3]

Будем бороться за равную оплату мужчины и женщины при равном труде. [B2]

Будем бороться за исчерпывающую законодательную охрану женского труда, социальное обеспечение беременных, рожениц и матерей, будем добиваться осуществления мер, облегчающих бремя домашней хозяйки и матери. [B3].

Будем бороться за полное равноправие женщин перед законом и на практике. [B4]

Elements of garland A have elements corresponding in meaning in garland B. These elements do not necessarily follow one after the other. Their correspondence and sequence can be represented as follows:

A1 ~ 0 (0 signifies that A1 does not have a corresponding element in B)

A2 ~ B1

A3 ~ B2, B3, B4

Lexical markers such as *во-первых, во-вторых, в-третьих* (*in the first place, in the second place, in the third place*) should introduce elements arranged in a particular logical sequence and comprising a single whole, but occasionally they precede elements that are hardly connected logically. An example is the article “Призыв к новым производственным победам” (“A Call to New Victories in Production”; 1 October 1939), which uses a chain of four elements listing duties a factory collective has assumed in the pre-October competition. Each element of the chain consists of one paragraph:

Во-первых, краснопролетарцы берутся не только выполнить, но и **перевыполнить программу IV квартала** нынешнего – второго года сталинской пятилетки, снизить себестоимость и призывают к этому других. (bold in the original) [A1]

Во-вторых, краснопролетарцы обязываются путем развития стахановского движения, воспитания молодых рабочих, недавно пришедших на завод, путем рационализации производства **поднять годовую производительность труда на 16% против 11% по плану**. (bold in the original) [A2]

В-третьих, краснопролетарцы обещают **шире внедрить многостаночное обслуживание**, чтобы с меньшим количеством рабочих увеличить выпуск продукции. (bold in the original) [A3]

В-четвертых, краснопролетарцы обязываются **добиться экономии топлива и электрической энергии** на 10% в сравнении с прошлым годом. (bold in the original) [A4]

Unlike chains, garlands are never basic structural elements; that is, in size they comprise only a part of the body of the article and are used together with other elements of structure. There is little change in the use of garlands

over the course of the period under study. The simultaneous utilization of two garlands is typical only of the 1920s, and there are no examples from later periods.

Climax

Climax, in which each successive utterance increases in emotional, logical, and quantitative respects and thereby, becomes more important than the preceding one, can be used within the paragraph or to link several paragraphs (Gal'perin 1958:235). Stylistics distinguishes logical, quantitative, and emotional climax. In logical climax each successive part is more important than the preceding one, while quantitative climax presupposes that each successive part is bigger in size. Emotional climax is realized through syntax and lexical items such as synonyms. In political discourse climax is above all used to influence the reader or listener emotionally. Il'ia Gal'perin (1958:234) also notes that it is most often structured on syntactic parallelism, since uniform syntactic structures are most effective in conveying increasing degree and importance.

The editorials analyzed in the present study use only emotional climax, which is marked through constructions of the same type, such as anaphora. It is used most often in the editorials from 1924 and less frequently later. For example:

Мы, счастливые тем, что могли использовать все приобретения развития и борьбы за полвека, протекшие со времени Парижской коммуны; мы, счастливые тем, что совершенно своеобразные условия дали нам возможность довести до конца то, что осталось незавершенным, едва было начато в Парижской Коммуне; мы, наследники и продолжатели Парижской Коммуны, – в этот день скажем:

Слава павшим героям-борцам-коммунарам! (18 March 1924)

The climactic point is the last sentence following the thrice-repeated homogeneous constructions, which is additionally stressed by indentation and the exclamation mark.

Разве мало фактов, когда начальники станций и дорог, получив приказ, с самой бесцеремонной развязностью вносят в него свои “поправки” или попросту кладут его под сукно? Разве отношение большинства дорог к важнейшей директиве НКПС – регулировочному приказу – не свидетельство, что на приказ смотрят как на бумажку, которая никого ни к чему не обязывает? Если бы это было не так, то наша общественность знала бы что делается в отношении тех руководителей дорог и районов, которые **систематически ломают регулировочный приказ**, нарушая этим работу транспорта. (30 October 1933, bold in the original)

Twice-repeated homogeneous constructions are followed by three sentences constituting the so called graphic climax, which is underscored by the bold-face type.

In “Урегулировать назревшие проблемы путем переговоров” (“Regulating urgent problems through negotiations”; 22 March 1959), the body of which deals with the peace treaty with Germany, the climax elements are in the form of antitheses (antitheses is considered in the next section). Khrushchev’s call to Western governments to begin negotiations is followed by the essence of the Soviet proposal for a summit meeting. After that comes the first antithesis, which cites Western lack of support for the idea:

Советский Союз считает, что было бы наиболее целесообразным организовать встречу на высшем уровне, то есть встречу глав правительств.

Однако предложение о встрече в верхах не находит сейчас поддержки у западных стран. [Antithesis 1]

This is followed by antithesis 2, in which the Soviet position is contrasted to that of the enemy. This antithesis includes evaluative elements absent from the first antithesis:

Советское правительство согласно начать с совещания министров иностранных дел, а потом идти на совещание глав правительств.

Враги мира и укрепления международной безопасности сознательно извращают позицию Советского Союза. Они утверждают, что [...] Советское правительство якобы предъявило какой-то ультиматум. [Antithesis 2]

The final element of the climax is an evaluation of the Western position:

Нет ничего более вздорного, чем подобные утверждения. Внося свои предложения, советское правительство не могло не установить какого-то определенного срока для принятия решения, чтобы предотвратить попытки сорвать обсуждение этих предложений с помощью излюбленной западными дипломатами тактики проволочек. [Antithesis 3]

The three examples above illustrate the use of climax to enumerate achievements, to evaluate the actions of the enemy, and to criticize domestic deficiencies. The last variant was used only in 1933. The use of climax as a structural element changes hardly at all over the course of the period under study.

5.2.2 *Antithesis, partial opposition*

Antithesis

Antithesis is considered here as a compositional device, when it is used on the level of several sentences, a paragraph or several paragraphs. It can be used within a single sentence or across one or several paragraphs. Most often

it involves contrast at the level of one or several paragraphs, in which case stylistics also uses the terms *contrast* or *contrastive opposition*. Usually antitheses contrast facts and phenomena of reality in all features, both principal and secondary. Antithesis is a borderline phenomenon between stylistics and logic. As Gal'perin (1958:243) notes:

When antithesis is used not only to juxtapose opposite phenomena but also to bring into the orbit of contrast words that do not express opposing notions, we have to do with a stylistic device. [...] Contextual meanings acquired by words in the process of antithesis are already facts of linguistics, not of logic.

He also observes that “in order to become an antithesis, all logical contrasts must be coloured emotionally” (Gal'perin 1958:245).

In the editorials analyzed here it is possible to identify the principal opposition upon which the political discourse of the entire Soviet period is constructed: *self – other*. This is among the most important contrasts in the life of society and reflects archetypical notions about the structure of the world. In political discourse it generally takes the form of the opposition *friend – enemy*, in which *enemy* is an extreme case of *other*. Editorials most often contrast capitalism and socialism, but there are other variations as well, such as that between tsarist and Soviet Russia. In the contrast between friends and enemies it is always socialism and its agents who represent the good, whereas representatives of the bad can be divided into two basic groups – those relating to the period under discussion and those that are relevant only to a given political moment.

An example is in “За новую победу блока коммунистов и беспартийных” (“For another victory for the Communist and non-Party bloc”; 1 March 1959), the body of which addresses elections to the Supreme Soviets of the republics. Antithesis extending over two paragraphs is introduced to demonstrate the difference between Soviet and bourgeois democracy:

Идеологи империализма изо всех сил расхваливают буржуазный парламентаризм. Но пусть они назовут такую капиталистическую страну, в которой все дела государства, все дела в парламенте решали бы сами производители материальных благ, депутаты-рабочие, депутаты-крестьяне. В конгрессе США, например, нет ни одного рабочего, ни одного трудящегося фермера. Как и всюду в капиталистических странах, здесь подавляющее большинство депутатов – или сами капиталисты, или чиновники, находящиеся в услужении миллионеров и миллиардеров. За цветистой ширмой буржуазной демократии скрываются всевластие капитала и фактическое бесправие трудящихся.

В нашей стране демократия – это подлинная власть народа. Трудящимся у нас обеспечено действительное участие в государственных делах, в управлении производством.

Antithesis is used in six of the 1924 editorials, where it serves as a compositional element of the body. The basis of contrast is between capitalism and socialism. The groups of enemies and friends are designated both generally and specifically:

- Exploiters or capitalists vs. exploited women (8 March 1924)
- The capitalist world (NEP) vs. former revolutionaries who have succumbed to the temptations of capitalism (11 March 1924)
- Private trade vs. state commerce and cooperation (16 March 1924)
- The position of France and Romania vs. the position of the USSR on the annexation of Bessarabia to Romania (14 March 1924)
- British Prime Minister MacDonald, the leader of the Labour Party, vs. the British working class (2 March 1924)
- The Chinese government vs. the Chinese people (22 March 1924).

In all these examples the specific enemy is the opponent of the particular political moment. The hostile and friendly group includes both general and specific enemies.

In 1928 antithesis is used in seven editorials contrasting the following groups:

- Poland's position on Ukraine vs. the interests of the Ukrainian people (2 October 1928)
- The policies of Social Democracy and union figures in Great Britain, Germany, and Poland vs. the workers' movement in these countries (5, 11, 23, 25 October 1928)
- The policies of the Soviet Communist Party vs. the politics of the Right and Left Opposition (20, 26 October 1928)
- The financial policies of the International Defense Committee for the Holders of Russian Bonds vs. the financial interests of the USSR (30 October 1928).

As is evident from these examples, *the enemies* are the representatives of Western capitalism and the Right and Left Opposition within the Party. *The friends* are the USSR, the Ukrainian people, and the international workers' movement.

In 1933 antithesis becomes a more common device, appearing in eleven editorials. It is based on two types of the opposition *self – other*: capitalism vs. socialism or before and after the Revolution (tsarism vs. socialism). The 1933 oppositions take the following specific forms:

- The creative power of socialism in production vs. the destructive forces in capitalism (1 October 1933)

- The Fascist terror and bourgeois reaction vs. the revolutionary struggle (8, 10 October 1933)
- The foreign policies of the capitalist countries vs. those of the USSR (21 October 1933)
- The policies of the Japanese government vs. those of the USSR (10 October 1933)
- The situation of workers and peasants in the capitalist countries vs. their position in the USSR (29 October 1933)
- Youth in the capitalist countries vs. young people in the USSR (29 October 1933)
- The situation of Germans in the Povolzh'e Republic and in Germany (13 October 1933)
- The situation of peasants before and after the Revolution (18 October 1933).

Editorials of this period mention internal enemies in other elements of compositional structure, but not on the level of antithesis. In comparison to the 1920s, a new enemy has been added – tsarist Russia.

In 1939 the use of antithesis again decreases in frequency and is used in only six editorials. The principal feature of the period under study concerns a change in the *other/enemy* group, which is limited to the tsarist Russia, the Dashnak party,⁵¹ the Basmach movement,⁵² and Polish landowners and capitalists. The first three groups are historical, while the fourth is contrasted only to the part of Poland that was annexed to the USSR, while the fate of the population in the rest of Poland is not mentioned. Polish landowners and capitalists were no longer real enemies, since by this time Poland had been divided between Germany and the Soviet Union and did not exist as an independent state, so that the traditional enemy representing the capitalist world is in effect not named and is absent from the antithesis. This strict limitation of the enemy to groups belonging to history rather than the contemporary political moment has to do not with the disappearance of the enemy but with Soviet policy on the eve of the Second World War.

In 1949 antithesis again becomes more widespread, figuring in eleven articles. In the opposition between capitalism and socialism the enemy is imperialism and certain of its specific representatives such as German Nazism, capitalists and landowners, and the army of the Guomindang. Groups within the USSR – “cosmopolitans” in biology and art – are also identified as enemies.

⁵¹ The Dashnaks were a counterrevolutionary bourgeois-nationalist Armenian party founded in the early 1890s (MAS).

⁵² Counterrevolutionary nationalist bands operating in Central Asia (MAS).

In this period as well there is an antithesis involving a historical enemy: the oppressors in Moldavia, Western Ukraine, and Belorussia before and after joining the Soviet Union. Friends include the Soviet people and the peoples of European countries in the process of building socialism.

In 1959 antithesis is employed in six editorials, throughout in the opposition of capitalism vs. socialism and as a rule, naming specific groups. The following variants may be noted:

- Bourgeois parliamentarianism vs. Soviet democracy (1 March 1959)
- The position of Western countries vs. that of the GDR and the USSR on the peace treaty with Germany (12, 13, 22 March 1959)
- The position of peace-loving forces vs. that of imperialists and colonizers illustrated by relations between Iraq and the United Arab Republic (18 March 1959)
- The advantages of socialism over capitalism based on the examples of Poland and Hungary (21 March 1959)

To mark something as *other*, the *Pravda* editorials use irony and invective, as well as metaphor and epithet. In the 1920s there are more emotionally coloured examples, whereas in the 1930s – 1950s vivid expressions often give way to clichés. In the 1920s the *self* group is often marked by means of words connected with the revolutionary struggle that later gradually becomes clichés and solemn, elevated vocabulary.

Thus the only antitheses in the 1920s are capitalism vs. socialism or the internal enemy vs. socialism. The antithesis of tsarist Russia vs. the Soviet Union appears in the 1930s and is used throughout that decade and the 1940s, but disappears in the 1950s. In the 1920s the enemy is mentioned more specifically, often by name, but beginning in the 1930s personal names are not used. The following strategies for identifying the most dangerous enemies may be noted: the use of personal names (1924); singling out groups of internal enemies (1928); and suppression of mention of the identity of the enemy (1939). The first strategy is connected with the tendency to narrow the group of enemies and direct criticism against specific persons. The second is evidence of the intense intra-Party struggle, and the third is dictated by caution and tactical flirtation with Germany.

Partial Opposition

Partial, or reduced opposition is not based on opposing good to evil or self to other. Instead, evil is reduced to shortcomings and failures, while good is an end to be pursued. It includes three elements – the good, shortcomings and failures, and an appeal to overcome difficulties and solve problems, followed by concrete steps and measures to improve the situation. In certain cases a

fourth element may be added – the final goal. Reduced opposition can be the basis or one element of compositional structure of the body. It is used in presenting themes related to industry, agriculture, internal problems, socialist emulation, the Party, ideology, etc., but not in editorials dealing with international problems or in ritual articles commemorating an event or anniversary.

Like antithesis, partial opposition can be the basis or one element of compositional structure of the body. For example, the entire body of the editorial “Решающий месяц комплектования животноводческих ферм” (“A crucial month for bringing livestock breeding farms up to strength”; 3 March 1939) is structured on a partial opposition. The article opens with a discussion of achievements in livestock breeding complete with statistics and a specific illustration, followed by several concrete examples of shortcomings:

Самой резкой критики заслуживает и позиция Наркомзема Удмуртской АССР, проявляющего непростительную медлительность. Удмуртский Наркомзем три месяца выжидал каких-то особых инструкций и разъяснений от Наркомзема СССР по вопросам комплектования. И хотя в двух постановлениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) – от 8 июля с. г. и от 16 сентября – четко намечены программа работы и методы ее осуществления, Наркомзем Удмуртии все требовал специальных бумажек, ибо, видите ли, “иначе тормозятся организация новых ферм”.

The article goes on to enumerate measures for improving livestock breeding.

In 1924 partial oppositions consisting of three elements are used in three articles on problems of the monetary reform, the market, and industry. Achievements are the positive impact of the reform on industry, an increase in domestic turnovers after the establishment of fixed prices, and the results of a survey of the economy. As shortcomings are mentioned the negative effects of the monetary reform and failings in the economy. The third part of the oppositions presents the need for improvement. Two other editorials discussing fixed prices and agriculture contain partial oppositions in a reduced form. The principal part is structured on a contrast of two elements – shortcomings and the need to eliminate them – but no achievements are mentioned.

In 1928 tripartite partial oppositions occur in two editorials on problems of cooperation and the national economy. Most space is devoted to tasks for the future. Five articles use oppositions in reduced form in the structure of the body pointing to shortcomings and their elimination. In all cases most attention is given to discussing future tasks.

Partial oppositions are used in twenty 1933 editorials, all of them devoted to industry, agriculture, transport, preparations for winter, and other domestic problems. Compared with the articles in the 1920s, significantly more space is devoted to deficiencies in 1933.

In 1939 partial oppositions are used in sixteen articles on industry, agriculture, Party organizations, fulfillment of the Plan, strengthening labour discipline, defense, etc. None employ reduced, bipartite structures. Most attention is devoted to achievements and measures for improvement. Some editorials mention shortcomings only briefly, while others cite specific examples and names. In comparison with 1933, shortcomings are given less space.

In the 1949 editorials there are fourteen partial oppositions, all of them in discussions of Party leadership, ideology, industry, transport, and agriculture.

Partial oppositions are used in fourteen editorials in 1959, most of them on economic problems.

Elements of partial oppositions are also marked in various ways. Descriptions of achievements sometimes use elevated vocabulary, statistics, and concrete examples. Shortcomings may be illustrated with statistics and examples and may use irony and invective. One feature of the third element of oppositions is the use of words indicating obligation, such as *обязаны* (*obligated*), *необходимо* (*it is necessary*), *надо* (*one must*), *следует* (*it should*).

Editorials of the 1930s – 1950s use partial oppositions significantly more frequently than those of the 1920s. Whereas in the 1920s the device is employed only in connection with economic problems, beginning in the 1930s it is also used in editorials dealing with the Party leadership and other ideological issues.

5.2.3 *The Logic of Argument*

This section addresses some of the forms of logical argumentation occurring in the compositional structure of editorials.

Implication

Conditional or implicative propositions consist of two simple propositions combined by means of the logical connector *if... then* (*если... то*). In logic implication is designated with the formula $A \rightarrow B$ (*if A, then B*). Russian expresses implication not only by means of *то* (*then*), but also through other conjunctions such as *когда... тогда* (*when... then*), *где... там* (*where... there*), *поскольку... постольку* (*insofar as/in so much as*), *в случае, если... то* (*in the case that/of... then*). Logical dependencies between utterances which are considered here are often expressed in implications.

The antecedent (first proposition) in an implicative proposition functions as the factual or logical basis. It determines acceptance of the consequence in the second proposition, or consequent. The dependency relation between basis and consequence is characterized by the property of sufficiency, which means that the truth of the basis determines the truth of the consequence, if the basis

is true the consequence will always be true. The basis, however, need not be true – even if it is false the consequence can be either true or false.

Because the basis does not possess the property of necessity for the consequence, there is room here for certain manipulations. According to the rules of logic, an implication is true in all cases but one: when there is a basis but no consequence. Thus with the help of implication actions become justified, since from the point of view of logic they are true.

Implication is used in seven 1924 editorials addressing domestic political, financial, economic, and international issues. One example is in “От власти фактов к фикциям” (“From the power of facts to fictions”; 14 March 1924) on the ratification of the treaty annexing Bessarabia to Romania by the French Chamber of Deputies:

Но признание или непризнание – акт двусторонний. Если французской буржуазии нравится продолжать лицемерную игру и показывать вид, будто наше правительство юридически для нее не существует, то неизбежно и французское правительство в совершенно такой же мере юридически не существует для нашей страны.

Implication is most often used when the subject is overcoming difficulties or solving problems; that is, in arguments for the necessity of acting to solve problems. In some cases it is used to explain “what would or will happen if the action is taken or not taken.” For example:

Если мы дадим тут зевка, он [капитал], усилившись здесь и разорвав наиболее слабые звенья той цепи, которая связывает нас с крестьянством, поведет наступление на область производства. (30 March 1924)

In 1928 implication is employed in six editorials. Two of them (2 and 27 October 1928) speak about probable specific actions in the future such as a response to actions by the Polish government and overcoming economic difficulties. In the other cases the device is used to describe hypothetical actions or past situations such as *what would have happened if*, that is, actions that might happen or might have happened:

Если, например, империалисты ведут вооруженный поход против Советского Союза, то пролетариат всех стран должен не только способствовать поражению своего правительства, но и активно содействовать победе Красной армии, которая ни для одного рабочего, ни для одного труженика не может быть «врагом», а является армией международного пролетариата. (14 October 1928)

Beginning in 1933, implication is seldom used (twice in editorials from October 1933, once each in October 1939, October 1949, and March 1959). It is no longer being used to persuade the reader, but is used sporadically or for some other pragmatic purpose. In the following text it is a covert threat:

Сроки истекают, и если в течение ближайших дней не будет решительного перелома, то “Правда” станет перед необходимостью объявить о том, что Нижневолжский край считается выбывшим из соревнования, как не справившийся с выполнением договора. (6 October 1933)

Казалось бы,... но (it would seem... but), конечно... но (of course... but), на первый взгляд,... однако (at first glance... but), несомненно,... тем не менее (undoubtedly... yet)

In 1924 the device is used in six editorials dealing with the monetary reform, finances, and industry (1, 4, 15, 30 March 1924), the purge of the Party (27 March 1924), and the policies of the British government (2 March 1924). Here are three examples from the editorial addressing problems in industry:

Конечно, в области промышленного производства мы удерживаем за собой господствующую позицию, – крупное промышленное производство целиком остается за нами.

Но если вдуматься в положение, то мы тотчас же откроем, что это еще не очень большая для нас честь: капитал еще не начал наступления на эту область, у него все еще больше, чем достаточно, работы в других сферах, – частью по нашему сознательному решению, но в огромной степени и по нашему разгильдяйству. А иностранный капитал идет в нашу страну пока в слишком гомеопатических дозах по сравнению с нашей потребностью в нем и с теми колоссальными возможностями для его приложения, которые он, несомненно, увидит в непродолжительном времени.

Следовательно, не велика заслуга, если мы удерживаем наши позиции в промышленности и транспорте: мы сохраняем их фактически без всякой борьбы, потому что капитал еще не интересовался ими.

(30 March 1924)

The need to struggle with capitalism in industry is argued logically; the example also employs implication, and the argument ends with a logical conclusion. The purpose of the text is to convince the reader, albeit merely formally, of the correctness of the policy.

In examples describing the enemy, *конечно... но (of course... but)* is used ironically:

Конечно, г. Макдональд прослышет весьма умным, весьма трезвым, весьма приемлемым для буржуазии “социалистическим политиком”. Конечно, Массарики всего мира будут указывать всеми способами, сколь мудра эта политика по сравнению с политикой “азиатского” большевизма. Конечно, г. Макдональд станет еще более “салоноподобен”, чем он был до сих пор. Все это не подлежит никакому сомнению.

Но результаты другого порядка? Они уже налицо. Это есть протест наиболее честных элементов рабочей партии. (2 March 1924)

In the editorials from the 1930s through the 1950s, the device is used only twice. In the first case below addressing deficiencies in staffing livestock farms it is used ironically:

Казалось бы, что такой рост, развитие общественного животноводства нужно только приветствовать. Однако некоторые руководители думают иначе. (3 March 1939)

The second example is about the results of a meeting between the heads of the Soviet and British governments:

Конечно, не по всем вопросам, обсуждавшимся при встрече, было достигнуто единство взглядов. Было бы нереально ожидать, что многочисленные наслоения, создавшиеся в течение ряда лет и разъединяющие обе страны, можно расчистить в течение десяти дней. Однако, как подчеркивается в совместном коммюнике, “свободный обмен мнениями и идеями, который имел место, привел к лучшему взаимопониманию позиций обоих Правительств и тем самым явился полезным вкладом в дело проведения предстоящих международных переговоров в более широком составе”. (5 March 1959)

The use of the device in 1959 may be connected with a rejection of Cold War policies and the approach of the Thaw, for this appeal to logic creates a certain illusion of a return to the rhetoric of persuasion.

Logical conclusions of the type “from A follows B, from B follows C, from C follows D”

In 1924 this device is used in three editorials to argue for the importance of financial reform or to characterize an enemy. In “СССР и Китай,” (“The USSR and China”) the logical conclusion is used ironically to demonstrate the invalidity of the argumentation of the enemy, in this case the French bourgeoisie:

Соглашением, заявило правительство французской буржуазии, предусматривается и режим, который должен установиться на Китайско-Восточной ж. д. А этой дорогой командовал Российско-Азиатский банк. А в этом банке крупную роль играли французские капиталы. А потому французская буржуазия должна хозяйничать на Китайско-Восточной ж. д. (22 March 1924)

In the later periods logical conclusion occurs only once, in 1959, where it is used together with implication to substantiate the correctness of Soviet policy in the conflict situation in Germany:

Вместе с тем Советское правительство недвусмысленно заявило, что если западные державы откажутся заключить мирный договор с Германией, то Советский Союз вступит в переговоры с ГДР и с теми стра-

нами, которые придерживаются таких же взглядов, и подпишет мирный договор с ГДР. Тогда права, вытекающие из факта капитуляции гитлеровской Германии, распространяющиеся и на территорию ГДР, прекратят свое действие. (22 March 1959)

Thus logical devices associated with the rhetoric of persuasion were common in 1924. In 1928 only implication is used, and in later periods logical argumentation is sporadic. Such devices are directly connected to the language of revolution, and their gradual disappearance indicates a successive transition to totalitarian language.

5.2.4 *The closing of the editorial*

The concluding section of the editorial has certain distinctive features in comparison with the body. For the most part, the conclusion is about policies in the future, which can be projected as a continuation of the present (the preservation of something achieved or created), an improvement of achievements, or the creation of something new. Below I will consider various types of projections. The most important aspect of the conclusion is pragmatic, that is, influencing readers in order to determine their roles in the future and evoke a reaction the author deems desirable. This part of the editorial will therefore also be examined from the point of view of speech acts.

The conclusion

The future is presented as the creation of something new only in the 1924 editorials. One variant of this projection is the creation of the new through overcoming difficulties, which is generally found in articles dealing with domestic, economic and political issues, as in the following example:

Надо прямо сказать: в ближайшие недели возможны местные финансовые перебои, не исключаются единичные затяжки с выполнением платежных обязательств. Рабочий класс и крестьянство поймут, что это – **окончательные** издержки проводимой финансовой реформы, и что эти издержки в непродолжительном времени сторицей возместятся и для крестьянства, и для рабочего класса.
(1 March 1926, bold in the original)

A number of lexical means are used to persuade the reader, e.g. *надо прямо сказать* (*it must be said straight out*) and *сторицей возместятся* (*compensated a hundredfold*). In addition, the adjective *окончательные* (*final/ultimate*) is emphasized in boldface type.

The future as a change in or preservation of the present occurs in the 1920s and is structured on the model of *self – other*: the deterioration of capitalism vs. the improvement of socialism. In a number of cases overcoming

difficulties is a prerequisite for improvement, and necessary measures are addressed in the conclusions of these articles:

Удовлетворение основных потребительских нужд рабочего класса является делом первостепенной государственной важности. Выполнение задач снабжения должно стать ежедневной заботой местных партийных, советских и профессиональных организаций. Только общими усилиями всей советской общественности мы обеспечим как удовлетворение текущих нужд рабочего-потребителя, так и правильную постановку всего дела рабочего снабжения. (10 October 1928)

One editorial deals with rectifying mistakes outside the USSR. This was in connection with the Wittorf affair, in which the former secretary of the Hamburg Party Organization had embezzled Party funds:

Братская германская партия должна сделать все политические выводы из этого дела. Она должна дать отпор всем поднимающим голову фракционным элементам партии. Исправляя допущенные ошибки, она должна все силы партии сосредоточить на основных очередных политических задачах, на том, чтобы еще больше развернуть антиброненосную кампанию, повести еще более решительное наступление на “броненосную” социал-демократию, еще более решительно мобилизовывать трудящиеся массы против войны и против империализма. (9 October 1928)

However, the admonition to the German Party is presented as coming not from the Party in the USSR, but from the Comintern.

The concluding sections of editorials in 1933–1959 project the future only as a continuation or improvement of the present. The exception is an article (5 October 1949) addressing socialist construction in China after the victorious revolution there. For the Soviet Union continuation of the present means preserving economic and political achievements, and change implies overcoming difficulties or moving forward to new achievements. For the capitalist countries the reverse obtains, and consists in continued failures and a deteriorating situation. In comparison with the 1920s there are more editorials projecting the future as a continuation of the present. Changes often imply eliminating deficiencies and improving work quality:

Стало быть, нужно еще больше налечь на освоение техники! Нужно поднять роль советского конструктора и значение конструкторских бюро, развить среди них социалистическое соревнование. С еще большим размахом необходимо повести научно-исследовательскую работу. Весь производственный аппарат нашей страны должен обладать гибкостью и оперативностью в освоении новых видов продукции. Тогда мы сумеем лучше использовать технику на благо нашей родины, на дальнейшее укрепление ее хозяйственной и военной мощи, на благо нашего народа! (9 October 1939)

Speech acts

Directives and prognoses are the most common speech acts in the selected materials throughout the period under study. Directives are usually connected with the need to eliminate shortcomings and improve industry, agriculture, and other branches of the economy. In 1924 directives are generally expressed laconically:

И рабочий класс, и крестьянство должны оказать все возможное содействие проводимой теперь финансовой реформе. (4 March 1924)

Gradually more prolix verbiage becomes the norm:

По-отечески помогать молодежи осуществлять задуманное, привлекать к решению всех важнейших задач, постепенно воспитывать ее в духе коммунизма, верности идеям марксизма-ленинизма – такова обязанность партийных организаций. Забота партии о молодом поколении, внимание партии вдохновляет советскую молодежь на новые подвиги во славу Родины, во имя торжества коммунизма.
(11 March 1959)

The second most frequent and significant speech act is prognosis. Prognoses based on the opposition *self* – *other* sometimes also include a positive self-evaluation or a negative evaluation of the enemy. In 1924, 1928, and 1933, positive self-evaluations are rare, but they become much more common beginning in 1939:

Дружные выборы в местные советы депутатов трудящихся покажут всему миру единство и силу народов Советского Союза – силу, грозную для врагов. Новая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных еще более прославит великое и святое знамя партии Ленина – Сталина! (22 October 1939)

In the 1920s negative evaluations are extended to domestic and foreign enemies. In 1933, 1949, and 1959 they apply only to foreign foes, and there are none at all in 1939:

Для нас несомненно, что новоявленные (некоторые из них, впрочем, со стажем) организаторы финансовой блокады позорно просчитаются. Они уже обожглись на “едином фронте” в Генуе и Гааге. Обожгутся и теперь, сколько бы ни нервничали, на какие бы авантюры ни пускались.
(30 October 1928)

Exhortations in the 1920s are found in ritual articles:

Да живет, да борется, да побеждает Коммунистический Интернационал!
(5 March 1924)

Beginning in 1933 and to the end of the period under study exhortations occur not only in ritual articles, but also in editorials on other themes such

as the economy, defense, elections, socialist emulation, national policy, and cultural events:

Выше знамя предоктябрьского социалистического соревнования!
Равняться по лучшим стахановцам, шире внедрять опыт передовиков!
Дать новые потоки нефти социалистической индустрии, сельскому хозяйству, Красной Армии! (21 October 1939)

Representatives are found in articles on various themes, but are used more seldom than directives and exhortations:

В “Кратком курсе истории ВКП(б)” наши пропагандисты черпают умение раскрывать великую мобилизационную, организующую и преобразующую силу идей марксизма-ленинизма, сочетать теорию с практикой, в идеологической работе, строго проводить большевистскую партийность. “Краткий курс истории ВКП(б)” – основа коммунистического воспитания трудящихся. (1 October 1949)

Indirect speech acts are not frequent. Usually they involve using a representative in place of a directive, thus softening the order:

Дорожить званием коммуниста, быть примером для всех в жизни и труде, подчинять всю свою деятельность интересам партии, интересам народа – в этом состоит высокая обязанность каждого большевика.
(21 October 1924)

The following example addresses foreign Communist parties that are supposed to make independent decisions, so the directive is softened to a representative:

Эта обстановка развивающейся классовой борьбы налагает ответственные обязанности на руководство коммунистических партий и требует от них смелого и четкого проведения в жизнь исторических решений VI всемирного коммунистического конгресса. (5 October 1928)

In one further example, words denoting obligation – *необходимость* (*necessity*), *безусловный* (*absolute/unconditional*) and the phrase *ЦК КПСС обращает внимание* (*the Central Committee turns its attention*) indicate the presence of a directive:

Теперь, когда наша промышленность и сельское хозяйство достигли в своем развитии огромных успехов, у нас есть все условия для более полного удовлетворения материальных потребностей трудящихся. Сейчас, когда все усилия советского народа направлены на решение грандиозных задач семилетки, вопросы неуклонного улучшения бытового обслуживания населения приобретают особо важное значение. ЦК КПСС и Совет Министров СССР обращают внимание партийных, советских, профсоюзных организаций на необходимость обеспечения безусловного выполнения намеченных мер по улучшению бытового

обслуживания населения. Это будет способствовать дальнейшему повышению жизненного уровня трудящихся города и деревни.
(14 March 1959)

Other types of indirect speech acts are rare. In the example below prognosis is used instead of promise:

Он [Китай] уже теперь ясными словами заявляет о своей воле. Скоро он проявит ее в действиях. (22 March 1924)

A promise would be tantamount to interference in the affairs of another country, so a prediction of the future is more appropriate.

Another example is prognosis containing a covert threat:

Но пусть не переоценивают свои силы империалисты. Лагерю поджигателей войны противостоит могучий и неизменно крепнущий лагерь мира и демократии, поддерживаемый неисчислимыми сторонниками мира во всем мире. Германский народ на своем новом пути – на пути борьбы за создание единой, демократической, миролюбивой Германии, борьбы за укрепление дела мира – встретит великое сочувствие и активную поддержку всех народов мира, в первую очередь советского народа.
(19 October 1949).

The need to observe international diplomatic etiquette demands that the threat be softened.

The above analysis has shown a number of features and general tendencies typical of each period. Thus they all project the future as a continuation and improvement of the present, and the most common speech acts are directives and prognoses. Indirect speech acts are not a characteristic device in the editorials analyzed in the present study.

Slogans

Although slogans generally occur both in the body and in the closing of the editorial, they are considered in this section, since their pragmatic communicative aspect is expressed more explicitly in the conclusion. Selishchev (1928:122–23) takes note not only of the frequent use of slogans in Soviet political language, but also its constant presence in Soviet life, from adornments on buildings to placards and banners in processions and demonstrations. He says that “the message of these slogans is not taken very much to heart. They are verbal signs befitting the given occasion. [...] Solemn speeches usually end with a twice or thrice repeated *long live* (such and such or so and so), but this ending is a mere formality: that is the way speeches are supposed to end, and the meaning is not important.”

Slogans will be considered on the basis of Levin’s (1988:69–85) classification with respect to themes and their pragmatic communicative aspect, which

includes three groups: exhortations (inclusive and exclusive), encomium, and constation. In March 1924 slogans are connected with the revolutionary struggle and anniversaries related to it. They occur in three editorials urging struggle for the Soviet regime, against world capitalism, and for women's rights. Thematically, most slogans are political, and none have economic themes.

In the late 1920s slogans increase in frequency and broaden their themes. Six articles in October 1928 contain political, economic, and special slogans connected with the struggle against capitalism and with commemorative events. Themes include elections to the soviets, industrialization, the struggle with the Right Opposition, self-criticism, and socialist construction in the countryside.

In October 1933 thirteen editorials contain slogans (more than in 1924 and 1928 taken together). Economic themes dominate, but there are also political and special slogans. Economic themes are the fourth quarter plan, the harvest and problems connected with it, transport, and industry. The struggle with capitalism is viewed as a struggle between two economic systems:

[В капиталистической системе] буржуазия бросает лозунг: **“Пристрелите каждую третью молочную корову”**, – Страна советов осуществляет лозунг своего вождя тов. Сталина о том, чтобы **“все колхозники имели у нас по корове”**. (20 October 1933, bold in the original)

Political and special slogans often serve economic purposes. Thus those connected with the approaching anniversary of the October Revolution urge fulfillment of the Plan, the completion of construction projects, preparations for winter, and so on.

In 1939 slogans occur in nine editorials and address economic, political, and special themes. Economic themes include the 1939 Plan, oil production, defense, and training women for typically male professions. Political and special slogans urge participation in elections to the local soviets and victory for the Party-non-party bloc, and eulogize the USSR, the Communist Party, Stalin, and Armenia.

Eight editorials in 1949 contain slogans on economic, political, and special themes. Economic slogans have to do with new achievements in industry and agriculture, overfulfillment of the Plan, Stakhanovite workers, and socialist emulation. Political and special slogans concern the victory of the cause for peace, strengthening Michurin's scientific theories, the friendship of the Soviet and Chinese peoples, and celebration of Moldavia's 25th anniversary.

Slogans in six editorials in 1959 have to do with International Women's Day, elections to the Supreme Soviets of the republics, the 12th Trade Union Congress, and the establishment of relations with Iraq.

Exhortations

Exhortations are found throughout the material. In the 1920s the principal function of slogans is agitational. In the 1924 articles there are both exclusive and inclusive urgings connected with the revolutionary struggle. Here are examples of exclusive exhortations:

Выходите на улицу в международный коммунистический женский день, трудовые массы всех стран, где капитал бросает тело и душу человека в мельницу своей наживы! (8 March 1924)

Выше поднимайте головы в международный коммунистический женский день, трудовые массы! (8 March 1924)

Inclusive exhortations are taken from the same article:

Будем бороться за полное равноправие женщин перед законом и на практике. (8 March 1924)

Братская помощь коммунарам новейшего времени, томящимся в застенках теперешнего мирового варварского Версаля, который должен быть ниспровергнут, который скоро будет опрокинут непреодолимой волной! (18 March 1924)

The second example may be considered the result of a transformation annulling the first-person plural form of the verb.

In 1928 all exhortations are inclusive and can be considered the result of a transformation annulling the first-person plural form of the verb:

Лучших рабочих от станка в советы! (18 October 1928)

За безусловное сохранение нынешних темпов развития индустрии!
(19 October 1928, bold in the original)

За массовое кооперирование и социалистическое преобразование деревни!
(19 October 1928, bold in the original)

In the 1930s an imperative function is added to the agitational one. It is particularly apparent in exclusive slogans using an infinitive, which can be considered the result of a transformation ellipting the second-person plural form of the verb. Such exclusive slogans are found in 1939 and are connected with economic issues:

Взять в будущем году урожай и доход на трудодень еще больший, чем в нынешнем! (3 October 1933, bold in the original)

Не снижая погрузки нажать на добычу! Грузить не менее 2400 вагонов и добывать не менее 32000 тонн руды в сутки! К XVI годовщине Октября вернуть рудный долг металлургам!
(5 October 1933, bold in the original)

Дать новые потоки нефти социалистической индустрии, сельскому хозяйству, Красной Амии! (21 October 1939)

These imperatives indicate the key significance of these questions at the time. Inclusive slogans in the 1930s have to do with political and economic problems:

Сильнее огонь по оппортунистам и саботажникам, сопротивляющимся перестройке транспорта! (4 October 1933, bold in the original)

Добьемся превращения каждой КК-РКИ в подлинный зоркий глаз, контрольный орган партии! (14 October 1933)

Встретим Октябрьскую годовщину также праздником рабочих улиц и домов! (31 October 1933, bold in the original)

Выполним и перевыполним план второго года третьей сталинской пятилетки! (7 October 1939)

Выберем в местные советы стойких и преданных делу народа людей! (24 October 1939)

The first example can also be considered to have resulted from a transformation annulling the first-person plural form of the verb. As a rule, the inclusive slogans of this period are connected with less significant themes.

In the 1940s and 1950s the primary function is agitational. Only inclusive slogans are found in this period. Themes in 1949 are mostly economic, and in 1959 there is only one political exhortation:

Новыми производственными успехами встретим приближающуюся 32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции! (25 October 1949)

Годовой план – к 7 ноября! Пятилетку – в четыре года! (3 October 1949)

Выше знамя социалистического соревнования! (25 October 1949)

За новую победу нерушимого всенародного блока коммунистов и беспартийных! (1 March 1959)

Most of the examples are the result of a transformation annulling the first-person form of the verb.

Encomium

With the exception of 1928, encomium is found in editorials in all periods. They take various forms – *да здравствует* (*long live*), *слава* (*glory to*) и *пусть* (*may*). The object of the tribute may be higher values, economic tasks, or friendship among peoples. Such encomium is common in ritual texts, especially in praise of values:

Да живет, да борется, да побеждает Коммунистический Интернационал! (5 March 1924)

Да здравствует диктатура пролетариата! (8 March 1924)

Слава павшим героям–борцам–коммунарам! (18 March 1924)

Да здравствует комсомольское племя! (29 October 1933, bold in the original)

Пусть эта зима будет первой зимой, в течение которой транспорт не будет давать перебоев. (4 October 1933, bold in the original)

Да здравствует советская власть, да здравствует СССР, да здравствует организатор победы Советов – коммунистическая партия большевиков, да здравствует великий Сталин! (30 October 1939)

Слава армянскому народу! (20 October 1939)

Да здравствует дружба народов Китая и Советского Союза!
(5 October 1949)

Пусть крепнет и процветает наша передовая мичуринская наука!
(28 October 1949)

Да здравствует коммунизм – самое справедливое и прекрасное общество на земле! (28 March 1959)

Пусть здравствует и денно ото дня крепнет дружба между советским иракским народами! (18 March 1959)

Encomium reflects the values system of the period in question. Thus in 1939, for example, slogans praising Stalin indicate that at this time Stalin is formally recognized among the higher values in the world of slogans.

Constatation

Constatation is used mainly in the 1924 editorials:

Диктатура пролетариата – вот ось всей коммунистической политики.

Советская власть – вот лозунг, выдвинутый российской революцией, который Коммунистический Интернационал понес по всему лицу земли.

Союз рабочих с колониальными рабами – великий союз пролетарского Запада и угнетенного Востока – вот мировой клич Коминтерна.

Союз рабочих и крестьян – вот гарантия пролетарской победы.

Железная спайка стройных и дружных пролетарских рядов – вот залог успешной борьбы.

Смертельная борьба с оппортунизмом – вот условие рабочего торжества.
(5 March 1924, bold in the original)

In all examples above the predicate is in the present tense.

In subsequent periods constatation occurs twice – in 1928 and 1949:

Революция в Германии будет и **германская революция победит!**
(25 October 1928, bold in the original)

Дело мира – правое. Оно победит! (2 October 1949, bold in the original)

In both examples the predicate is in the future tense; i.e. they are prognoses. Slogans occupy relatively little space in the analyzed editorials, espe-

cially in the 1920s and 1950s. Analysis indicates that they were significantly more frequent in the 1930s and 1940s. In the 1920s they were used for revolutionary agitation and to explicate basic points in domestic and foreign policy. In later periods the explanatory function and calls to revolutionary action disappear, and the agitational function recedes into the background. The themes of slogans in the 1930s – 1950s are most often connected with economic issues. In the 1930s and 1940s exhortations are often in the form of an imperative, and in the 1950s in the form of praise of achievements. In the 1950s economic themes recede, and slogans more often have to do with commemorative events.

The analysis of the structure of editorial texts addressed editorial themes and composition and followed changes that occurred on this level in the Soviet political language of the 1920s – 1950s. Many of them indicate a gradual transition from the language of revolution to totalitarian language. The next Chapter demonstrates the use of some of the elements described in Chapters 3–6 in editorials.

Two illustrative examples

The concluding chapter will demonstrate some of the devices, analyzed in Chapters 3–6 as used in two editorials. The first – “Партия на-чеку” (“The party is on the alert”) – is from the early 1920s and addresses the struggle against internal enemies at that time. The second – “Неотложная задача работников сельского хозяйства” (“A pressing task facing agricultural workers”) – is from the late 1940s and deals with problems in livestock raising. These texts have been selected at an interval of over 25 years to demonstrate some of the changes that took place in the structure and rhetoric of the genre. Structural elements are numbered in the order they occur in the text on different levels. The corresponding numbers are put at the beginning and in the end of each element.

6.1 Example 1

Партия на-чеку

(11 March 1924)

Дело Александра Краснощекова кончилось.

<1> Это было **его** дело, поскольку без него были бы невозможны преступления остальных обвиняемых. [A1] Это было **его** дело, потому что из всех обвиняемых единственно он был членом РКП. [A2] <1>

<2> Этот процесс вскрыл опасности нэпа. Капитал применяет теперь не лобовую атаку, а незаметное внедрение, не уничтожает физически, а убивает политически и морально, не в бою свергает борца, а воздействиями своей “культуры”, незаметно, крадучись, калечит и увечит бывших революционеров и превращает их в гниль и слякоть людскую. <2>

С ликвидацией внешних фронтов некоторые из нас вообще начали слишком поспешную демобилизацию, – демобилизовались внутренне, утратили некоторую долю своей революционной энергии и бдительности, расслабели. Они совершенно забыли, что теперешние формы борьбы с капиталистическим миром требуют, чтобы внутренне мы были подтянуты и подобраны, пожалуй, еще больше, чем в те времена, когда он посылал против нас вооруженные армии.

К суровым революционерам, проявившим свою выдержку и суровость в боевой обстановке, капиталистический мир, когда партия посылает их на ответственные посты, подступает во внешне безобидных и, быть может, внешне “эстетических” формах. <3> Казалось бы, чего тут сохранять боевые настроения и быть начеку, когда дело идет о посещении какого-нибудь кабачка или театра. [B1] И чего бы опасаться, когда близкий родственник, к деловым способностям которого ответственный коммунист, быть может, питает доверие, обращается за маленьким содействием к этому ответственному работнику. [B2]

На практике все такие уступочки и послабления незаметно оказываются началом быстрого, неудержимого падения, – со ступеньки на ступеньку, до скамьи подсудимых. [B3] <3>

В деле Краснощекова есть одна сторона, которую следуют подчеркнуть: он накрыт, можно сказать, почти в самом начале своего разложения. Об этом свидетельствуют даты его первых преступных деяний. О том же говорит относительно небольшая, не превышающая 40.000 руб., цифра убытков, причиненных им советской республике. Принимая во внимание, что А. Краснощек при своем положении мог орудовать миллионными суммами, при начале следствия можно было опасаться, что гнусная краснощекская измена РКП обойдется республике в громадные суммы.

<4> Необходимо, чтобы комячейки во всех наших учреждениях развернули максимум активности. [C1] Необходимо, чтобы они настигли своим контролем подозрительные действия в самом зародыше. [C2] Необходимо, чтобы они своими связями с центральной и местными контрольными комиссиями содействовали быстрому изъятию преступников раньше, чем они успеют принести какой бы то ни было вред. [C3] Необходимо помнить, что Краснощек могли бы превратиться в пятно для нашей партии, если бы мы немедленно не сажали их на скамью подсудимых. [C4] <4>

<5> (Краснощек избежал высшей меры наказания. Но политически он **убит** вынесенным ему приговором. <5>

<6> (Наш советский аппарат еще не налажен. И ячейки нашей партии все еще не проявляют той активности, которая необходима для оздоровления советского аппарата.

Но мы и теперь можем сказать: у нас невозможно ничего подобного американскому нефтяному скандалу. <6>

Всякого разложившегося коммуниста мы немедленно выбросим из наших рядов и осудим на политическое и гражданское небытие.

Приговор по делу Краснощекова еще раз подтвердил это.

<7> От партии, от всех ее членов и от всех трудящихся, для которых дорога власть Советов, зависит, чтобы чистка, решительная чистка, пошла с ускоренной быстротой. <7>

Lexical rhetorical devices

The most common lexical device is metaphor. The war metaphoric model includes military actions and their results, the front, and mobilization. All examples are components of the opposition *friend – enemy*, and in some cases the war metaphor is also a component of an antithesis:

с ликвидацией внешних фронтов некоторые из нас вообще начали слишком поспешную демобилизацию, – демобилизовались внутренне сохранять боевые настроения и быть начеку
капитал применяет теперь не лобовую атаку, а незаметное внедрение; не в бою свергает борца, а воздействиями своей “культуры”, незаметно крадучись, калечит и увечит бывших революционеров и превращает их в гниль и слякоть людскую

The examples frequently mention destruction, injuries, and death, which is a distinctive feature of revolutionary rhetoric:

убивает политически и морально
политически он убит вынесенным ему приговором
калечит и увечит бывших революционеров
он [Краснощеков] накрыт [...] почти в самом начале своего разложения
всякого разложившегося коммуниста мы немедленно выбросим из наших рядов и осудим на политическое и гражданское небытие

Yet in the disease metaphor the accent is not on the disease, but the cure:

оздоровление советского аппарата
процесс вскрыл опасности нэпа.

The article uses several phraseologisms:

партия начеку
чтобы они [коммунистические ячейки] настигали своим контролем подозрительные действия в самом зародыше
превратиться в пятно для нашей партии
если бы мы немедленно не сажали их на скамью подсудимых.

Live metaphors are rare:

[капитал] незаметно, крадучись, калечит и увечит бывших революционеров и превращает их в гниль и слякоть людскую
начало быстрого, неудержимого падения – со ступеньки на ступеньку, до скамьи подсудимых

Metonymy is used in two examples in the meaning capital → hostile system and surnames in the plural → enemy:

капитал применяет теперь не лобовую атаку, а незаметное внедрение
Краснощековы могли бы превратиться в пятно для нашей партии

Most epithets denote severity and intensity, typical properties of the 1920s language of revolution:

суровые революционеры, боевая обстановка, решительная чистка,
быстрое, неудержимое падение

In some cases epithets are used in reference to the enemy:

гнусная краснощековская измена РКП, разложившийся коммунист

Гнусный (*vile*) is at the same time an example of invective.

The heading of the editorial – “Партия на-чеку” (“The party is on the alert”) contains a phonetic allusion to the Cheka, which is a covert hint at total control.

As in other editorials of this period, irony is a common device and is used in reference to enemies and their actions. Means of formation include

- the diminutive-pejorative suffixes *-ик*, *-ок* и *-очк*: *кабачок* from *кабак* (*tavern/pub*), *театрик* from *театр* (*theatre*), *уступочки* from *уступка* (*concession*)
- lexical markers: *совершенно забыли* (*completely forgot*), *какой-нибудь кабачок* (*some sort of pub*), *и чего опасаться* (*what to fear*), *маленькое содействие* (*a little assistance*)
- logical argument: *казалось бы... на практике* (*it would seem... in practice*)
- intonation:

к суровым революционерам [...] капиталистический мир [...] подступает во внешне безобидных и, быть может, внешне “эстетических” формах” капитал [...] не в бою свергает борца, а воздействиями своей “культуры” [...] калечит и увечит бывших революционеров

с ликвидацией внешних фронтов некоторые из нас вообще начали слишком поспешную демобилизацию, – демобилизовались внутренне они совершенно забыли, что теперешние формы борьбы с капиталистическим миром требуют [...]

Казалось бы, чего тут сохранять боевые настроения и быть начеку, когда дело идет о посещении какого-нибудь кабачка или театрчика. И чего бы опасаться, когда близкий родственник, к деловым способностям которого ответственный коммунист, быть может, питает доверие, обращается за маленьким содействием к этому ответственному работнику. На практике все такие уступочки и послабления незаметно оказываются началом быстрого, неудержимого падения.

Semiotically charged elements of argumentation

The editorial uses two statistical arguments that constitute an antithesis:

относительно небольшая, не превышающая 40.000 руб., цифра убытков
vs. мог орудовать миллионными суммами

The structure of the editorial

The theme of the editorial is the Aleksandr Krasnoshchekov affair, that is, an internal problem. No other themes are raised. Obviously, if the subject is the struggle against internal enemies, antithesis is central to the structure of the body. Antithesis is in fact used three times, in all cases in the opposition *friend – enemy*:

<2> The antithesis is a paragraph in length and consists of three elements, each of which is marked through anaphora *не..., а. (not... but)*. The example contrasts real and hypothetical actions of the enemy.

<5> A paragraph in length, this antithesis consists of two sentences. The verdict sparing Krasnoshchekov's life is contrasted with his political death.

<6> This example is two paragraphs long and consists of three sentences contrasting the American and Soviet systems.

Besides antithesis, the following structural devices are employed here:

<1> A chain consisting of two elements here designated A1 and A2, each of which is marked by means of anaphora: *это было его дело, поскольку (this was **his** case because)* and with *его (his)* emphasized in boldface type. This double anaphoric marking conveys emotional climax.

<3> The logical device *казалось бы... на деле (it would seem ... in reality)*. The argument is structured as follows: propositions B1 and B2 hypothetically allow the action described there. The attendant irony, however, indicates that such action is incorrect. Proposition B3 explains the possible consequences of permitting B1 and B2.

<4> A chain consisting of four elements here designated C1–C4 occurring in logical sequence from the general to the specific. The first element C1 makes a general assertion about the necessity of struggle. In C2 and C3 the struggle becomes more concrete, and C4 illustrates the significance of struggle on the basis of Krasnoshchekov's example. The chain is one paragraph long and its elements are marked through anaphora *необходимо (it is necessary)*. Emotional climax is also employed, culminating in element C4.

<7> The conclusion consists of one sentence and is an assertive in form. In the context of the editorial it may also be considered as an indirect speech act containing a covert directive indicated by the lexical markers *зависит (depends)*, *решиительный (decisive)*, *с ускоренной быстротой (accelerated)*.

As the analysis shows, most of the devices employed in this editorial are typical of the rhetoric of the revolutionary period.

6.2 Example 2

Неотложная задача работников сельского хозяйства

(29 October 1949)

<1> <4> Всенародный праздник – 32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции колхозная деревня, как и вся наша страна, встречает в обстановке большого патриотического подъема. <4> Успешно завершается сельскохозяйственный год. Колхозы, совхозы и МТС закладывают основы для высокого урожая будущего года.

В успехах социалистического сельского хозяйства, достигнутых в нынешнем году, немалую роль сыграли работники общественного животноводства. За последнее время эта отрасль нашего сельского хозяйства заметно двинулась вперед. Как видно из недавно опубликованного сообщения Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР, к 1 октября 1949 года колхозы организовали вновь свыше 75 тысяч ферм крупного рогатого скота, овцеводческих, свиноводческих и птицеводческих ферм. Значительно возросло поголовье крупного рогатого скота и свиней. Увеличилось также поголовье овец, коз и птицы.

Прошло лишь полгода с тех пор, как Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства. За этот небольшой срок колхозы и совхозы добились серьезных успехов. Обсуждая постановление, работники сельского хозяйства взяли на себя обязательство перевыполнить установленные трехлетним планом задания по увеличению поголовья скота и повышению продуктивности животноводства.

<5> В письме товарищу Сталину передовики животноводства колхозов и совхозов, зоотехники, ветеринарные работники, специалисты научно-исследовательских и учебных заведений Украинской ССР заявили: “Заверяем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что мы отдадим все свои знания, всю свою энергию и добьемся успешного и досрочного выполнения трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства”. <5> С таким же воодушевлением было встречено постановление партии и правительства во всех областях, краях и республиках. <6> В колхозах и совхозах развернулась большая работа по созданию новых ферм, увеличению численности скота и повышению его продуктивности. Повсеместно усилилась забота об обеспечении общественного скота кормами, об улучшении содержания скота и ухода за ним, о механизации трудоемких работ на фермах. Улучшилась подготовка специалистов и кадров массовых квалификаций по животноводству. Построено много новых помещений для скота. Лучше прошлогоднего колхозы и совхозы выполняют свои обязательства перед государством по сдаче продуктов животноводства. <6>

Серьезные успехи в развитии общественного животноводства особенно ярко проявились в создании новых ферм. Многие колхозы Краснодарского и Ставропольского краев, Воронежской, Молотовской, Кемеровской областей, Чувашской АССР и Украинской ССР уже имеют по четыре животноводческих фермы. Во многих колхозах поголовье скота уже превысило плановое и продолжает расти. Значительно больше прошлогоднего заготовлено грубых и сочных кормов. <1>

<2> Нельзя, однако, сказать, что все местные партийные и советские организации поняли, какую большую ответственность возлагает на них постановление о трехлетнем плане развития общественного животноводства. Только этим можно объяснить, что в некоторых районах до сих пор не уделяется надлежащего внимания руководству столь важным делом. Отсюда серьезное отставание с выполнением годового плана в ряде районов. <7> Так, в Тульской области к 1 сентября 1949 года более двухсот колхозов не имели свиноводческих ферм, около пятидесяти колхозов – овцеводческих и свыше трехсот колхозов – птицеводческих ферм. В Калужской области на то же число более пятисот колхозов не имели свиноводческих ферм, и еще большее количество колхозов не имело птицеводческих ферм. Не принимается достаточных мер по организации новых ферм в колхозах Горьковской, Ивановской, Рязанской, Новгородской и некоторых других областей. <7>

При общем, сравнительно быстром росте поголовья крупного рогатого скота отдельные районы продолжают отставать и в этом отношении. Неблагополучно обстоит дело с ростом поголовья крупного рогатого скота во многих колхозах Горьковской, Куйбышевской, Тамбовской, Чкаловской, Саратовской областей и ряда других районов. Партийные, советские и сельскохозяйственные органы этих районов не приняли должных мер против разбазаривания скота, к полному сохранению поголовья. <2>

<3> Быстро устранить недостатки в руководстве развитием животноводства, добиться того, чтобы государственное задание по созданию новых ферм, приросту поголовья скота и повышению его продуктивности было выполнено каждым колхозом и совхозом – в этом сейчас заключается неотложная задача всех местных партийных, советских и сельскохозяйственных органов. В борьбе за осуществление центральной задачи в развитии сельского хозяйства, какой является сейчас подъем общественного животноводства, не могут отставать ни одна область, край и республика, ни один район, колхоз и совхоз.

Что требуется для того, чтобы устранить имеющиеся недостатки и обеспечить безусловное выполнение государственных заданий? <8> Для этого надо, чтобы партийные и советские органы всесторонне рассмотрели положение дел с выполнением плана роста поголовья скота и продуктивности животноводства по каждому району, а в районе – по каждому колхозу. Необходимо принять неотложные меры к тому, чтобы уже в 1949

году каждый колхоз имел четыре фермы и достиг планового поголовья скота. Надо покончить с вредной практикой забоя и продажи скота с колхозных ферм при невыполнении плана развития животноводства и добиться сохранения сверхпланового поголовья всюду, где оно имеется. Особое внимание требует к себе увеличение поголовья овец и птицы. <8>

Совершенно исключительное значение для успешного выполнения государственных заданий по развитию животноводства сейчас имеет задача всемерного увеличения запасов кормов в колхозах и совхозах. Приходится отметить, что Министерство сельского хозяйства СССР, партийные и советские органы ряда районов не уделяют надлежащего внимания этой задаче. При невыполнении плана накопления кормов они не организуют сбора и скирдования соломы и половы. В некоторых местах раньше времени прекратили работу по силосованию кормов. Необходимо принять дополнительные меры к использованию отходов полеводства и пополнить запасы кормов. Вместе с тем следует взять на учет все имеющиеся корма и установить строжайший порядок в их расходовании.

Теперь, когда приближается зима, нельзя больше мириться с затяжкой строительства животноводческих помещений там, где их не хватает. Задача состоит в том, чтобы наряду с максимальным использованием местных строительных материалов в колхозах и совхозах, организовать производство этих материалов и в первую очередь кирпича, черепицы и самана на предприятиях местной промышленности.

Партия и правительство установили, что оплата труда на фермах должна производиться в зависимости от надоя молока, настрига шерсти, получения и выращивания молодняка, прироста живого веса и упитанности скота. Обязанность местных партийных и советских органов – помочь всем колхозам и совхозам правильно организовать труд и его оплату на фермах. Партийные и комсомольские организации должны повседневно вести массово-политическую работу среди животноводов. В обобщении и популяризации передового опыта по развитию животноводства большую роль могут сыграть местная печать, радио и другие средства пропаганды. <3>

<9> <10> В дни предоктябрьского всенародного социалистического соревнования растет трудовой подъем в колхозах и совхозах, на полях и фермах. <10> Еще шире разворачивается социалистическое соревнование за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки. Возглавить трудовую активность колхозников и рабочих совхозов, поднять всех работников сельского хозяйства на борьбу за успешное выполнение и перевыполнение трехлетнего плана развития общественного животноводства – такова боевая задача местных партийных и советских организаций, всех коммунистов и комсомольцев на селе. <9>

Lexical rhetorical devices

There are two war metaphors:

в борьбе за осуществление центральной задачи в развитии сельского хозяйства

поднять всех работников сельского хозяйства на борьбу за успешное выполнение и перевыполнение трехлетнего плана

In both examples the original semantics is practically erased. One example uses the foundation metaphor:

колхозы, совхозы и МТС закладывают основы для высокого урожая

The following examples are repeated in editorial after editorial:

эта отрасль нашего сельского хозяйства заметно двинулась вперед
растет трудовой подъем в колхозах и совхозах шире разворачивается социалистическое соревнование

Metonymy is used in one instance in the meaning place → people:

32-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции колхозная деревня, как и вся наша страна, встречает в обстановке большого патриотического подъема

Epithet is also rare and is mainly used in reference to deficiencies and tasks:

большой патриотический подъем, серьезные успехи, особенно ярко проявились, серьезное отставание, неотложная задача, безусловное выполнение, неотложные меры, вредная практика забоя и продажи скота, совершенно исключительное значение, боевая задача

There are no other lexical means of political rhetoric in the article, a paucity that is due to its overall style, which is more that of an official instruction or directive than an editorial. On the lexical level this is evident in the multiple repetition of terminology, toponyms, and specific details that are of little interest or unintelligible to many readers:

поголовье овец, коз и птицы

передовики животноводства колхозов и совхозов, зоотехники, ветеринарные работники, специалисты научно-исследовательских и учебных заведений

сбор и скирдование соломы и половы

силосование кормов

производство этих материалов и в первую очередь кирпича, черепицы и самана

колхозы Краснодарского и Ставропольского краев, Воронежской, Молотовской, Кемеровской областей, Чувашской АССР и Украинской ССР

Bureaucratese contributes to this official style:

не уделяется надлежащего внимания руководству столь важным делом
должные меры
задача всемерного увеличения запасов кормов в колхозах и совхозах

The present study does not analyze the syntactic level, but the overabundance of nominal and prepositional groups is worth noting:

задания по увеличению поголовья скота и повышению продуктивности животноводства
успешное и досрочное выполнение трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства
забота об обеспечении общественного скота кормами, об улучшении содержания скота и ухода за ним, о механизации трудоемких работ на фермах
оплата труда на фермах должна производиться в зависимости от надоя молока, настрига шерсти, получения и выращивания молодняка, прироста живого веса и упитанности скота

Semiotically charged elements of argumentation

Two statistical arguments are used. The first illustrates achievements and cites the source:

Как видно из недавно опубликованного сообщения Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР, к 1 октября 1949 года колхозы организовали вновь свыше 75 тысяч ферм крупного рогатого скота, овцеводческих, свиноводческих и птицеводческих ферм.

The second argument describes deficiencies:

Так, в Тульской области к 1 сентября 1949 года более двухсот колхозов не имели свиноводческих ферм, около пятидесяти колхозов – овцеводческих и свыше трехсот колхозов – птицеводческих ферм. В Калужской области на то же число более пятисот колхозов не имели свиноводческих ферм, и еще большее количество колхозов не имело птицеводческих ферм.

Here “thousands” are chosen to illustrate achievements, while “hundreds” refer to shortcomings. Such oppositions are most often found in editorials from 1939 and 1949. The authority cited is Stalin, and the reference to him is an excerpt from a letter from workers <5> praising the Leader. This device is used especially often in 1939 and 1949. The level of the eulogy illustrates the hypertrophied dimensions of the personality cult.

The Structure of the Editorial

The theme of the editorial is problems in livestock raising.

<4> Besides this main theme, there is a leitmotif – the approaching anniversary of the October Revolution, which is commonly found at the beginning and end of editorials in October, often as an occasion for early fulfillment or overfulfillment of the Plan, assuming labour obligations, and so on. The editorial uses a phrase common in the 1930s and 1940s: *the country greets event X with enthusiasm*. In this case the enthusiasm is political.

<10> The leitmotif of the October Revolution and enthusiasm is repeated at the end of the editorial, but with certain changes. Now the enthusiasm has to do with working and pre-October socialist emulation.

The structure of the body is a partial opposition whose elements are here designated <1>, <2>, and <3>. This device is typical of editorials addressing economic and domestic problems, and is structured on the principle *achievements – deficiencies – measures to remedy deficiencies*. The first and final parts are equal in length, while the second part is only half as long.

<1> The first part mentions achievements in livestock raising, which it enumerates in a chain <6> consisting of five elements, each of which begins with a new sentence. There are no supplementary markers.

<2> The second part addresses deficiencies and begins with two lexical markers typical of such descriptions: *нельзя, однако, сказать* (*it cannot, however, be said*) and the quantifier *некоторый* (*certain*). It uses a chain <7> of three elements enumerating the deficient areas.

<3> The third part of the opposition lists measures to address the shortcomings. It begins with a loaded question: *Что требуется для того, чтобы устранить имеющиеся недостатки и обеспечить безусловное выполнение государственных заданий?* (*What must be done to eliminate these deficiencies and ensure the fulfillment of the tasks required by the state?*). The answer is in the form of a chain <8> of four elements, each of which uses words typical of the third part of an opposition denoting obligation: *надо* (*one must*), *необходимо* (*it is necessary*), and *требует* (*demands*). This loaded question-and-answer format mimics Stalin's rhetoric.

<9> The conclusion of the editorial begins by repeating the leitmotif of enthusiastic labour in connection with pre-October socialist emulation. From the perspective of speech acts this beginning is a positive self-evaluation or representative followed by a directive.

Analysis of these two editorials demonstrates some of the distinctive features of the genre in the 1920s and 1940s and changes that took place over 25 years. The means selected correspond to the rhetorical standards of each period. In 1924 many of these devices appeal to the logic and emotions of the reader, while in 1949 they reflect the standards of totalitarian language.

Conclusion

The present study has examined diachronic changes in Soviet political language as reflected in *Pravda* editorials from the 1920s through the 1950s. The organization and structure of the study are connected with the materials upon which it is based, consisting of *Pravda* editorials, slogans, and headlines. The primary objective has been to address tendencies in the process by which the language of revolution was gradually transformed into totalitarian language.

The choice of materials was naturally limited by the resources at the disposal of a single researcher, and study of a broader corpus might introduce correctives into some of my findings. It is shown here, however, that within the dynamics of change in political rhetoric certain features remain constant or alter insignificantly over the course of the entire period, whereas others undergo considerable transformation or disappear completely.

Primary among the stable elements is the *self*–*other* opposition. It should be emphasized that it is only the opposition itself that remains constant, while the referents of *friend* and *enemy* vary. Thus in the 1920s the Party opposition was typically counted among enemies and individual internal and external foes were singled out and named. In the selections of the 1930s domestic enemies were not named, and in the late 1930s current foreign enemies disappeared as well, but reappeared in the 1940s and 1950s. The place of the enemy was never vacant. In cases where mention of a current enemy was suppressed, the slot was filled by a vanquished foe temporarily borrowed from the past.

The analysis does not cover a number of periods in which important events occurred, such as the mass repressions of 1937–1938. At the show trials during these years Chief Prosecutor Vyshinskii called for traitors, spies, and enemies of the Soviet regime to be “shot like mad dogs,” sentiments that were probably echoed in *Pravda* editorials. During WWII, another period not addressed in the present study, the mention of German Nazism was surely not repressed as it was in 1939.

The group of *friends* is more stable and always includes the Soviet people as a kind of nucleus. In various periods the circle was expanded to embrace

Communist parties of other countries, oppressed peoples, and countries in which socialism had triumphed. The group contracted when domestic enemies were excluded.

Analysis has also shown the gradual disappearance of figurative and expressive language on all levels. This phenomenon is especially apparent in the case of metaphors and epithets denoting rigidity, harshness, destruction, death, and bloodshed. The abandonment of harsh rhetoric signaled a transition to more civilized ways, although only in rhetoric and not in politics. The gradual disappearance of expressiveness was noted on other levels as well. Thus, as early as the beginning of the 1930s the language of editorials abandoned religious phraseology, allusions and proverbs and sayings relying upon a certain level of knowledge and erudition on the part of the reader, while irony became less expressive and colourful and the means of creating it more simple.

The rhetoric of the 1920s appealed both to ratio, as is evident in the use of the light metaphor and logical argumentation in the structure of editorials, and to emotions. The style of editorials varied in accordance with the nature of the appeal. As the appeal to imagination and reason decreased in the rhetoric of the 1930s – 1950s, however, the style of editorials on various themes became more uniform. On the whole, rhetoric became boring and flat and was often reduced to a repetition of generalities. Language was becoming ritualized, as is apparent especially in quotations of Stalin and references to letters from workers. Such devices were transformed into a kind of rite whose motivation has been forgotten, leaving only glorification. This eulogistic tradition continued after Stalin's death, but with certain modifications. Now it was the achievements of the Soviet people that were praised, and although the leader of the state continued to be quoted, in the late 1950s he was not glorified. References to letters from workers had disappeared by the end of the period under study, but they are the origin of the tradition of speaking in the name of the people that survived in later years as well. On the lexical level, ritualization was reflected in an increase in lexemes denoting stability, unity, and praise, and in the appearance of numerous clichés and labels.

Obligatory quotations from Marx and Lenin are another constant and noteworthy element typical of all Soviet political discourse. As in the *self – other* opposition, these references contained a constant component – obligatoriness – while the nature of the quotation itself could vary. The degree to which language was becoming ritualized is further apparent in the transformation of Marx and Lenin from the founders of ideology and practical leaders into ideological symbols and in the appearance of numerous derivations from their names. Ritualization is also observable in the increasing stylistic uniformity of editorials on the structural level. It is most visible in articles addressing the economy, ideology, and issues of Party leadership, most of

which were structured on the basis of partial oppositions that had become easily recognizable clichés.

Accompanying the evolution from expressiveness to ritualization was an attempt to simplify language. Thus slogans from the late 1920s amounted to brief explanations of Party policy, and illustrative examples from this period simply and clearly elucidated political principles. The tendency to bureaucratize, however, proved to be much stronger than the striving for simplicity. As the present study demonstrates, Soviet political language was gradually transformed into the heavy, monolithic language that later French researchers have called *langue de bois*.

Bibliography

- Alekseev, V. A. 1963. *Istoriia russkoi zhurnalistiki*. Leningrad: LGU.
- Allan, K. and K. Burridge. 1991. *Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon*. New York: Oxford University Press.
- Althusser, L. 1971. "Ideology and ideological state apparatus (notes towards an investigation)". In *Lenin and philosophy, and other essays*. New York: Monthly Review Press, 85–126.
- Apresian, R. G. 1997. "Sila i nasilie slova". *Chelovek*, 5: 133–37.
- Arutiunova, N. D. 1990. "Diskurs". In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moskva: Sovetskaia entsiklopediia, 136–37.
- Atkinson, M. 1984. *Our masters' voices: the language and the body language of politics*. New York: Routledge.
- Austin, J. L. 1962. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon.
- Baranov, A. N., D. O. Dobrovol'skii, M. N. Mikhailov, P. B. Parshin and O. I. Romanova. 2001. *Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike*. Moskva: Azbukovnik.
- Baranov, A. N. and Iu. N. Karaulov. 1991. *Russkaia politicheskaiia metafora (materialy k slovariu)*. Moskva: Pomovskii i partnery.
- Baranov, A. N. and Iu. N. Karaulov. 1994. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor*. Moskva: Pomovskii i partnery.
- Baranov, A. N. and E. G. Kazakevich. 1991. *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii*. Moskva: Znanie.
- Baranov, A. N. and P. B. Parshin. 1986. "Iazykovye mekhanizmy variativnoi interpretatsii deistvitel'nosti kak sredstvo vozdeistviia na soznanie". In *Rol' iazyka v sredstvakh massovoi kommunikatsii*, edited by N. F. Bezmenova and N. G. Luzina. Moskva: INION, 100–143.
- Bauer, G. 1988. *Sprache und Sprachlosigkeit im "Dritten Reich"*. Köln: Bund.
- Becker, J. M. 2001. *Semantische Variabilität der russischen politischen Lexik im zwanzigsten Jahrhundert*. München: Otto Sagner.
- Benveniste, E. 1971. "Subjectivity in language". In *Problems in general linguistics*. Coral Gables, Fla: University of Miami Press, 223–30.
- Berezin, B. G. 1965. "Gazety 1860-kh godov". In *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki*. Leningrad: LGU, vol. 2.
- Birken-Bertsch, H. and R. Markner. 2000. *Rechtschreibreform und Nationalsozialismus. Ein Kapitel aus der politischen Geschichte der deutschen Sprache*. Göttingen: Wallstein.

- Blakemore, S. 1988. *Burke and the fall of language: the French Revolution as linguistic event*. Hanover, N.H.: Brown University Press.
- Bohleber, W. and J. Drews (eds.) 1991. "Gift, das du unbewusst eintrinkst": *der Nationalsozialismus und die deutsche Sprache*. Bielefeld: Aisthesis.
- Bolinger, D. 1980. *Language – the loaded weapon: The use and abuse of language today*. London: Longman.
- Bralczyk, J. 1987. *O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych: On the language of polish political propaganda of the 1970s*. (diss. Uppsala); Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Brooks, J. 2000. *Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from revolution to Cold War*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Brunot, F. 1937. *Histoire de la langue française des origines à 1900*. T. 9, *La Révolution et l'Empire*. P. 2, *Les évènements, les institutions et la langue*. Paris: A. Colin.
- BSE: *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia v 30 tomakh*. 1969–1978. Edited by A. M. Prokhorov. Moskva: Sovetskaia entsiklopediia.
- Chernykh, P. Ia. 1929. "Russkii iazyk i revoliutsiia". In *I. Sovremennye techeniia v lingvistike. II. Russkii iazyk I revoliutsiia*. Irkutsk: Vlast' truda.
- Chilton, P. 1994. "Politics and language". *The encyclopedia of language and linguistics*, edited by R. E. Asher. Oxford: Pergamon, vol. 6: 3214–21.
- Chilton, P. 2004. *Analysing political discourse: theory and practice*. London: Routledge.
- Chilton, P. and M. Ilyin. 1993. "Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house'". *Discourse and society*, vol. 4, no. 1: 7–31.
- Chilton, P. and G. Lakoff. 1995. "Foreign policy by metaphor". In *Language and peace*, edited by Ch. Schäffner and A. Wenden. Aldershot, Hants: Ashgate.
- Comrie, B. and G. Stone. 1978. *The Russian language since the revolution*. Oxford: Clarendon.
- Comrie, B., G. Stone. and M. Polinsky. 1996. *The Russian language in the twentieth century*. Oxford : Clarendon.
- Concise Oxford English dictionary*. 2006. Oxford: Oxford University Press
- Denisov, P. N. (ed.) *Slovar' iazyka V. I. Lenina v 2 t*. 1972. Moskva: Nauka.
- Derzhavin, K. N. 1927. "Iazyk frantsuzskoi revoliutsii". *Iazyk i literatura*, vol. 2, no. 1: 1–62.
- Dijk van, T. A. 1985. "The role of discourse analysis in society". In *Handbook of discourse analysis*, edited by T. A. van Dijk. London: Academic Press, 1–8.
- Dijk van, T. A. 1987. *Communicating racism: ethnic prejudice in thought and talk*. London: Sage.
- Dijk van, T. A. 1990. "Social cognition and discourse". In *Handbook of language and social psychology*, edited by H. Giles and W. P. Robinson. New York: John Wiley.
- Dijk van, T. A. (ed.). 1997. *Discourse as social interaction*. London: Sage.
- Dijk van, T. A. 1998. *Ideology: An interdisciplinary approach*. London: Sage.
- Dijk van, T. A. 2002. "Political discourse and political cognition". In *Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse*, edited by P. A. Chilton and Ch. Schäffner. Philadelphia: John Benjamins, 203–37.

- Dijk van, T. A. and W. Kintsch. 1983. *Strategies of discourse comprehension*. New York: Academic Press.
- Dobrovol'skii, D. and E. Piirainen. 2005. *Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: Elsevier.
- Dorligiin, A. 1999. *Sovremennyi russkii politicheskii diskurs: leksiko-semanticheskii aspekt* (unpublished diss. Moskva).
- Efimov, A. I. 1957. *O masterstve rechi propagandista*. Moskva: Moskovskii rabochii.
- Eikhenbaum, B. M. 1924. "Osnovnye stilevye tendentsii v rechi Lenina". *LEF* no. 1: 57–70.
- Esin, B. I. 1967. *Kratkii ocherk razvitiia gazetnogo dela v Rossii XVIII–XIX vekov*. Moskva: MGU.
- Fairclough, N. 1989. *Language and power*. London: Longman.
- Fairclough, N. 1992. *Discourse and social change*. Cambridge: Polity.
- Fairclough, N. 1995. *Critical discourse analysis: the critical study of language*. London: Longman.
- Fesenko, A. and T. Fesenko. 1955. *Russkii iazyk pri sovetakh*. New York: Rausen.
- Fidelius, P. 1983. *Jazyk a moc*. München: K. Jadrný.
- Fowler, R. 1991. *Language in the news: discourse and ideology in the press*. London: Routledge.
- Gal'perin, I. P. 1958. *Ocherki po stilistike angliiskogo iazyka*. Moskva: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh.
- Głowiński, M. 1990. *Nowomowa po polsku*. Warszawa: Wydawnictwo PEN.
- Gorham, M. S. 2003. *Speaking in Soviet tongues: language culture and the politics of voice in revolutionary Russia*. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press.
- Grast, R. E. 1933. *Headlines and deadlines, a manual for copyeditors*. New York: Columbia University Press.
- Grushevskaja, T. M. 2002. *Politicheskii diskurs v aspekte gazetnogo teksta*. St. Petersburg: RGPU.
- Gus, M., Iu. Zagorianskii and N. Kaganovich. 1926. *Iazyk gazety*. Moskva: Pabotnik prosveshcheniia.
- Guseinov, G. Ch. 2003. *D.S.P.: materialy k russkomu slovariu obshchestvenno-politicheskogo iazyka*. Moskva: Tri kvadrata.
- Harris, Z. S. 1952. "Discourse analysis". *Language*, vol. 28: 1–30.
- Holly, W. 1989. "Credibility and political language". In *Language, power and ideology: studies in political discourse*, edited by R. Wodak. Amsterdam: John Benjamins, 115–35.
- Jakobson, R. 1921. "Vliv revoluce na ruský jazyk". *Nové Ateneum*, Roc. II, sv. III (1920–1921) 3: 111–14, 5: 200–12, 6: 250–55, 7: 310–18).
- Karpiński, J. 1984. *Mowa do ludu: szkice o języku polityki*. London: Puls.
- Karcevski, S. I. 1923. *Iazyk, voina i revoliutsiia*. Berlin: Russkoe Universal'noe Izdatel'stvo.
- Klein, G. 1986. *La politica linguistica del fascismo*. Bologna: Mulino.
- Klemanova, L. S. (ed.) 1972. *O partiinoi sovetskoi pečati, radioveshchanii i televidenii. Sbornik dokumentov i materialov*. Moskva: Mysl'.
- Klemperer, V. 1947. *Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen*. Berlin: Aufbau.

- Klemperer, V. 2000. *The language of the Third Reich. A philologist's notebook*.
Translated by Martin Brady. London and New York: Continuum.
- Khlynov, N. M. 1960. *Kak rabotat' nad stat'ei*. Moskva: TsDZh.
- Kondrat'eva, T. 1993. *Bol'sheviki-iakobintsy i prizrak termidora*. Moskva: Ipol.
- Koshcheeva, G. V. 2001. *Diskursivnyi analiz tipa teksta "peredovaia politicheskaia stat'ia" (na materiale pravoradikal'nykh izdaniy Rossii i FRG)* (unpublished diss. Moskva).
- Kostomarov, V. G. 1961. "Iz nabliudeniia nad iazykom gazety: gazetnye zagolovki".
In *Iz opyta prepodavaniia russkogo iazyka nerusskim: sbornik nauchno-metodicheskikh statei*, edited by V. G. Kostomarov and A. L. Chistiakova. Moskva: VPSH.
- Kostomarov, V. G. 1971. *Russkii iazyk na gazetnoi polose: nekotorye osobennosti iazyka sovremennoi publitsistiki*. Moskva: MGU.
- Koz'min, B. P. 1948. *Zhurnalistika shestidesiatykh godov XIX v*. Moskva: VPSH.
- Kruglov, A. A. 1955. *Peredovaia stat'ia v gazete*. Moskva.
- Krysin, L. P. 1994. "Evmizmy v sovremennoi russkoi rechi". *Rusistika*, 1–2: 28–49.
- Kupina, N. A. 1995. *Totalitarnyi iazyk: slovar' i rechevye reaksii*. Ekaterinburg – Perm': Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Lafargue, P. 1912. *Die französische Sprache vor und nach der Revolution: Untersuchungen über die Wurzeln der modernen Bourgeoisie*. Stuttgart: Zeit, Die neue. Erg. hft. 15.
- Lakoff, G. 1993. "The contemporary theory of metaphor". In *Metaphor and thought*, edited by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, G. and M. Johnson. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. and M. Johnson. 1999. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought*. New York: Basic Books.
- Lakoff, G. and M. Turner. 1989. *More than cool reason*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lasswell, H. D., N. Leites et al. 1949, 1968. *Language of politics: studies in quantitative semantics*. Cambridge, Mass.: M. I. T. Press.
- Lazareva, E. A. 1989. *Zagolovok v gazete*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Sverdlovskogo universiteta.
- Lazzari, G. 1975. *Le parole del fascismo*. Roma: Argileto.
- Leinfellner, E. 1971. *Der Euphemismus in der politischen Sprache*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Le Robert: *Dictionnaire historique de la langue française: contenant les mots français en usage et quelques autres délaissés, avec leur origine proche et lointaine ...* 1992. vol. 1–2. Paris: Le Robert.
- Lenin, V. I. 1958. "K voprosu o natsional'noi politike". *Polnoe sobranie sochinenii*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 3: 1–535.
- Lenin, V. I. 1959. "Shag vpered, dva shaga nazad (krizis v nashei partii)". *Polnoe sobranie sochinenii*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 8: 185–414.

- Lenin, V. I. 1961. "Pamiati Gerzena". *Polnoe sobranie sochinenii*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 21: 255–262.
- Lenin, V. I. 1961. "K voprosu o natsional'noi politike". *Polnoe sobranie sochinenii*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 25: 64–72.
- Lenin, V. I. 1963. "Ob ochistke russkogo iazyka". *Polnoe sobranie sochinenii*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 40: 49.
- Lenin, V. I. 1963. "Detskaia bolezn' levizny v kommunizme". *Polnoe sobranie sochinenii*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 41: 1–104.
- Leso, E., M. A. Cortelazzo, I. Paccagnella and F. Foresti. 1978. *La Lingua italiana e il fascismo*. Bologna: Consorzio provinciale pubblica lettura.
- Levin, Iu. I. 1988. "Semiotika sovetskikh lozungov". *Wiener Slawistischer Almanach*, vol. 22: 69–85.
- Lohe, E. 1997. *Rhetorik der Französischen Revolution. Untersuchungen auf der Basis eines erweiterten Verständnisses von Rhetorik*. Aachen: Shaker.
- Lysakova, I. P. 1981. *Iazyk gazety: sotsiolingvisticheskii aspekt*. Leningrad: LGU.
- Lysakova, I. P. 2005. *Iazyk gazety i tipologiya pressy. Sotsiolingvisticheskoe issledovanie*. St. Petersburg: SPbGU.
- Maksimov, A. 1970. *Litso gazety*. Leningrad.
- Marx, K. and F. Engels. 1969. "Die deutsche Ideologie: Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Repräsentanten Feuerbach, B. Bauer und Stirner, und des deutschen Sozialismus in seinen verschiedenen Propheten". *Werke*. Berlin: Dietz Verlag, B. 3: 5 – 530
- MAS: Evgen'eva, A. P. 1981–84. *Slovar' russkogo iazyka v 4 tomakh*. Moskva: Russkii iazyk.
- Mazon, A. 1920. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie 1914–1918*. Paris: Librairie ancienne honoré champion.
- McHoul, A. 1994. "Discourse". In *The encyclopedia of language and linguistics*, edited by R. E. Asher. Oxford: Pergamon, vol. 2: 940–49.
- Mengaldo, P. V. 1994. *Il Novecento*. Bologna: Il Mulino.
- Michael, R. 2002. *Nazi-Deutsch/Nazi-German: An English lexicon of the language of the Third Reich*. Westport, Conn.: Greenwood.
- Mikhal'skaia, A. K. 1996. *Russkii Sokrat: leksii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike*. Moskva: Akademiia.
- Mitchell, T. F. 1957. "The language of buying and selling in Cyrenaica". *Hesperis*, vol. 44: 31–71.
- Mokienko, V. M. and T. G. Nikitina. 1998. *Tolkovyi slovar' iazyka sovdepii*. St. Petersburg: Folio-Press.
- Molva* 19, 1857.
- Moskvin, V. P. 1998. *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo iazyka*. Volgograd: Peremena.
- Muzhev, V. S. 1970. "O funktsiiakh zagolovkov". In *Sbornik nauchnykh trudov MGPI im. M. Toreza*. Moskva, t. 55.

- Nikolaeva, T. M. 1999. "Rechevaia model' 'obyvatelia' i idei N. S. Trubetskogo – R. O. Jakobsona ob oppozitsiakh i 'valorizatsii". In *Poetika. Istoriia literatury. Lingvistika: Sbornik k 70-letiiu Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova*. Moskva: OGI, 704–20.
- Nowo-mowa: materiały z sesji naukowej poświęconej problemom współczesnego języka polskiego odbytej na Uniwersytecie Jagiellońskim w dniach 16 i 17 stycznia 1981*. 1985. London: Polonia.
- Orwell, G. 1949. 1986–87. "Nineteen eighty-four". *The complete works of George Orwell*. London: Secker & Warburg, vol. 9.
- Orwell, G. 1945. 1986–87. "Animal farm: a Fairy Story". *The complete works of George Orwell*. London: Secker & Warburg, vol. 8.
- Ozhegov, S. I. and N. Iu. Shvedova. 1997. *Tolkovyii slovar' russkogo iazyka*. Moskva: Azbukovnik.
- Pfau, M. and H. C. Kenski 1990. *Attack politics: strategy and defense*. New York: Praeger.
- Podchasov, A. S. 2001. *Funktsional'no-stilisticheskie osobennosti gazetnykh zagolovkov* (unpublished diss. Moskva).
- Pogrebenkov, V. I. 1977. *Zagolovochnyi kompleks v amerikanskoii voennoi gazete: struktura i funktsii*. Moskva.
- Politicheskii diskurs v Rossii – 2: Materialy rabocheho soveshchaniia (Moskva, 29 marta 1998 goda)*, edited by Iu. A. Sorokin and V. N. Bazylev. 1998. Moskva: Dialog-MGU.
- Politicheskii diskurs v Rossii – 3: Materialy rabocheho soveshchaniia (Moskva, 27–28 marta 1999 goda)*, edited by Iu. A. Sorokin and V. N. Bazylev. 1999. Moskva: Dialog-MGU.
- Politicheskii diskurs v Rossii – 4: Materialy rabocheho soveshchaniia (Moskva, 22 aprelia 2000 goda)*, edited by Iu. A. Sorokin and V. N. Bazylev. 2000. Moskva: Dialog-MGU.
- Politicheskii diskurs v Rossii 5: Materialy postoianno deistvuiushchego seminara (Moskva, 22 aprelia 2001 goda)*, edited by V. N. Bazylev, Iu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. 2001. Moskva: MAKS Press.
- Politicheskii diskurs v Rossii 7: Obrazy bez lits: materialy postoianno deistvuiushchego seminara*, edited by V. N. Bazylev and V. G. Krasil'nikova. 2004. Moskva: MAKS Press.
- Politicheskii diskurs v Rossii 8: Sviatye bez zhitii: materialy postoianno deistvuiushchego seminara*, edited by V. N. Bazylev and V. G. Krasil'nikova. 2005. Moskva: MAKS Press.
- Polivanov, E. D. 1927. "O literaturnom (standartnom) iazyke sovremennosti". *Rodnoi iazyk v shkole*, 1: 225–35.
- Polivanov, E. D. 1931. *Za marksistskoe iazykoznanie*. Moskva: Federatsiia.
- Popov, A. S. 1966. "Sintaksicheskaia funktsiia sovremennykh gazetnykh zaglavii i ee razvitie". In *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka*, edited by N. S. Pospelov and E. A. Ivanchikova. Moskva: Nauka.
- Pushkin, A. A. 1990. "Sposob organizatsii diskursa i tipologiia iazykovykh lichnostei". In *Iazyk, diskurs i lichnost'*, edited by I. P. Susov. Tver': Izdatel'stvo Tverskogo universiteta, 50–60.

- Ricoeur, P. 1978. *The rule of metaphor: multi-disciplinary studies of the creation of meaning in language*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Rogovin, V. Z. 1996. 1937. Moskva: Teatr.
- Root, A. A. 1980. *Istoriia zhanra peredovoi stat'i*. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Rossi, Zh. 1987. *Spravochnik po GULAGu*. London: Overseas Publications Interchange.
- Rozina, R. I. 1995. "Chelovek i sistema v iazyke totalitarnogo i posttotalitarnogo obshchestva". In *Mova totalitarnogo suspil'stva*, edited by G. M. Iavors'ka. Kiev: Institut movoznavstva im. O. O. Potebni, 106–15.
- Rzhevskii, L. 1951. *Iazyk i totalitarizm*. München: Institute for the Study of History and Institutions of the USSR.
- Schlosser, H. D. 1999. *Die Deutsche Sprache in der DDR: zwischen Stalinismus und Demokratie: historische, politische und kommunikative Bedingungen*. Köln: Wissenschaft und Politik.
- Schmitz-Berning, C. 1998. *Vokabular des Nationalsozialismus*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Scott, J. and G. Marshall. 2005. *A dictionary of sociology*. Oxford: Oxford University Press.
- Searle, J. R. 1969. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, J. R. 1979. *Expression and meaning: studies in the theory of speech acts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Selishchev, A. M. 1928. *Iazyk revoliutsionnoi epokhi. Iz nabliudenii nad russkim iazykom poslednikh let (1917–1926)*. Moskva: Rabotnik prosveshcheniia.
- Seriot, P. 1985. *Analyse du discours politique soviétique*. Paris: Institut d'études slaves.
- Seriot, P. (ed.) 1999. *Kvadratura smysla: frantsuzskaia shkola analiza diskursa*. Moskva: Progress.
- Shafir, Ia. 1927. *Voprosy gazetnoi kul'tury*. Moskva–Leningrad: Gosizdat.
- Shamelashvili, M. A. 1982. *Funktsional'no-stilisticheskie i leksiko-grammaticheskie osobennosti gazetnykh zagolovkov* (unpublished diss. Moskva).
- Shandra, V. A. 1962. "Peredovaia stat'ia". In *Gazetnye zhanry*. Sverdlovsk.
- Sheigal, E. I. 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moskva: Gnosis.
- Shklovskii, V. 1925. "Vashi pozhelaniia nashei khudozhestvennoi literature". *Zhurnalist*, no 5.
- Shuvalova, L. G. 1957. "Za nauchnuiu razrabotku problemy gazetnykh zhanrov". *Uchebnye zapiski LGU*, vyp. 43.
- Solganik, G. Ia. 1981. *Leksika gazety*. Moskva: Vysschaia shkola.
- Sovetskaia pechat' v dokumentakh* 1961. Moskva.
- Stalin, I. V. 1949. "K voprosam agrarnoi politiki SSSR: rech' na konferentsii agrarnikov-marksistov 27 dekabria 1929 g.". *Sochineniia*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 12: 141–172.

- Stalin, I. V. 1949. "Golovukruzhenie ot uspekhev: k voprosam kolkhoznogo dvizheniia". *Sochineniia*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 12: 191–199.
- Stepanenko, A. V. 2001. *Lingvokognitivnye osobennosti funktsionirovaniia metafory v politicheskom diskurse* (unpublished diss. Moskva).
- Traugott, E. and R. Dasher. 2002. *Regularity in semantic change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trotsky, L. 1963. *La Révolution permanente*. Paris: Editions de Minuit.
- Tseitlin, A. G. 1969. *Stil' Lenina-publitsista*. Moskva: Nauka.
- Turner, M. 1991. *Reading minds*. Princeton: Princeton University Press.
- Ushakov, D. N. (ed.) 1935–40. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka v 4 tomakh*. Moskva: Sovetskaia entsiklopediia.
- Uspenskii, L. 1931. "Russkii iazyk posle revoliutsii". *Slavia* 10, 2: 252–87.
- Vinokur, G. O. 1924. "Iazyk nashei gazety". *LEF*, 2: 117–40.
- Vinokur, G. O. 1925. *Kul'tura iazyka. Ocherki lingvisticheskoi technologii*. Moskva: Rabotnik prosveshcheniia.
- Vinokur, G. O. 1928. "Glagol ili imia? Opyt stilisticheskoi interpretatsii". In *Russkaia rech'*, edited by L. V. Shcherba. Leningrad: Academia, vol. 3: 75–93.
- Volkova, I. 2000. "Slovo Putina: chto pokazal psikholingvisticheskii analiz ustnykh vystuplenii i. o. prezidenta Rossii". *Ekspert* 6, 53–57.
- Vomperskii, V. P. 1966. "K izucheniiu sintaksicheskoi struktury gazetnogo zagolovka". *Iskusstvo publitsistiki. Tezisy dokladov*. Alma-Ata.
- Weiss, D. 1986. "Was ist neu am "newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion". In *Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Innsbruck 10. mit 12.9.1985*, edited by R. Rathmayr. München: Otto Sagner, 247–325.
- Weiss, D. 1995. "Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion". In *Slavistische Linguistik 1994. Slavistische Linguistik 1994: Referate des XX Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Zürich, 20–22.9.1994*, edited by D. Weiss. München: Otto Sagner, 343–91.
- Westin, I. 2002. *Language change in English newspaper editorials*. Amsterdam: Rodopi.
- Wodak, R. (ed.) 1989. *Language, power and ideology*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wodak, R. 1996. *Disorders of discourse*. London: Longman.
- Wodak, R. 2002. "Fragmented identities: redefining and recontextualising national identity". In *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse*, edited by P. A. Chilton and Ch. Schäffner. Philadelphia: John Benjamins, 143–69.
- Young, J. W. 1991. *Totalitarian language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist antecedents*. Charlottesville: University Press of Virginia.
- Zemtsov, I. 1985. *Sovetskii politicheskii iazyk*. London: Overseas Publications Interchange.
- Zhel'vis, V. I. 1997. *Pole brani. Skvernoslovie kak sotsial'naiia problema*. Moskva: Ladomir.

Appendix

Slogans and headings: complete tables of word frequency

- TABLE I Slogan corpus word frequency list.
- TABLE II Headline corpus word frequency list.
- TABLE III Slogans and editorial headlines (1917–18, 1923, 1928, 1933).
Frequency of words in positive contexts.
- TABLE IV Slogans and editorial headlines (1917–18, 1923, 1928, 1933).
Frequency of words in negative contexts.
- TABLE V October 1923 editorials: words in positive contexts.
- TABLE VI October 1923 editorials: words in negative contexts.
- TABLE VII December 1923 editorials: words in positive contexts.
- TABLE VIII December 1923 editorials: words in negative contexts.

Tables III–VIII consider both high- and low-frequency words, the latter are shown as text. The number of occurrences is written next to the word, if no number is indicated the occurrence is equal to one.

Table I. Slogan corpus word frequency list (per 1000 word usages).

	Total	1917/18	1923	1928	1933
Number of usages	6649	1903	1216	897	2633
агент (-ура)	5	3	1	-	1
Англия (-ийский)	6	6	6	-	2
армия	19	2	4	4	9
бдительность	8	1	-	-	7
беднота (-як)	8	6	-	1	1
беспощадный	10	6	2	-	2
боевой	7	2	-	3	2
боец	6	-	1	2	3
бой	7	2	3	1	1
большевики	11	4	-	2	5
большевистский	32	1	-	3	28
борец	8	1	3	-	4
бороться	9	1	-	1	7
борьба	37	10	4	7	16
брат (-ский,ство)	16	6	3	1	6
будет	10	-	1	3	6
будьте	13	6	2	2	3
буржуазия	23	21	2	-	-
буржуазный	7	2	3	1	1
в	151	42	36	24	49
ваши	10	8	-	1	1
великий	20	2	6	4	8
верный	7	-	1	4	2
весь	113	48	22	14	29
ВКП(б)	9	-	-	1	8
власть	23	15	3	1	4
вождь	11	-	-	3	8
война	20	8	6	2	4
вокруг	6	1	2	1	2
вот	6	3	-	1	2
вперед	13	3	-	3	7
враг	18	10	3	2	3
всемирный (-о)	6	-	3	1	2
всероссийский	15	15	-	-	-
второй	10	-	-	-	10
вы	21	12	1	7	1
выборы	9	8	-	1	-
выполнение	8	-	-	1	7
выполнить	7	-	-	-	7
высокий	12	-	-	-	12
выше	10	-	-	1	9
генерал	7	3	4	-	-
Германия	16	3	8	1	4
германский	13	2	8	2	1
герой (-ический)	7	-	-	3	4
год	12	1	1	-	10
годовщина	8	1	3	2	2
голосовать	6	5	1	-	-
город	9	4	2	1	2
горячий	5	-	3	1	1
готовить	6	2	2	-	2
готовы	6	1	-	2	3
да здравствует	95	35	12	9	39
дать	10	5	1	-	4
дело	25	6	1	3	15
демократический	5	5	-	-	-
день	12	1	8	1	2
депутат	6	6	-	-	-
деревня (-ский)	11	5	1	3	2
диктатура	13	4	1	-	8
дисциплина	16	3	-	-	13
для	21	10	3	2	6
добить (-ивать)	6	-	-	-	6
добиться	11	-	-	2	9

долой	19	7	-	1	11
Европа	6	1	5	-	-
его	9	1	6	-	2
единство	5	-	-	1	4
единый	9	-	2	1	6
ее	15	5	1	3	6
если	5	4	-	1	-
еще	8	1	1	-	6
же	6	3	-	1	2
железный	13	2	3	2	6
жизнь	7	1	-	2	4
за	103	21	6	20	56
завод	9	1	-	-	6
завоевания (-ать)	6	3	1	-	2
задача	9	-	-	2	7
задушить	5	3	2	-	-
защита	7	1	1	2	3
защищать	5	1	2	-	2
земля	16	7	2	1	6
знамя	19	1	1	3	14
и	299	80	46	41	132
идейный (-о)	5	-	-	2	3
идти	9	1	2	-	6
из	9	4	3	1	1
империализм	7	3	-	3	1
империалисты	7	2	1	1	3
интернационал	13	2	1	3	6
их	15	5	8	-	2
к	49	17	9	4	19
каждый	5	-	1	-	4
как	12	6	1	1	4
капитал	16	5	5	1	5
капитализм	9	-	-	-	9
капиталистический	9	1	4	-	4
капиталисты	6	1	4	1	-
качество	7	-	-	-	7
Китай (-ский)	9	-	-	5	4
класс	29	3	4	5	17
классовый	10	-	-	2	8
колхоз	11	-	-	-	11
колхозники	6	-	-	-	6
колхозный	11	-	-	-	11
Коминтерн	9	-	-	7	2
коммунизм	5	-	1	1	3
коммунист	10	2	2	1	5
коммунистический	15	2	2	3	8
контрреволюц-	7	4	2	-	1
который	11	2	5	2	2
красноармейцы	8	-	4	1	3
красный	26	4	11	5	6
крестьянин	45	16	16	3	10
крестьянский	6	5	1	-	-
кровавый	6	-	3	2	1
кровь	5	2	3	-	-
кто	15	10	1	1	3
кулак (-цкий, -чество)	11	1	-	3	7
культурный	6	-	-	1	5
Ленин	11	-	1	5	5
ленинский	25	-	-	7	18
лет	5	-	4	1	-
линия	6	-	-	4	2
массы	11	1	-	2	8
международный	12	7	3	-	2
миллион (-ный)	13	-	3	1	9
мир (world)	22	2	8	3	9
мир (peace)	33	23	5	1	4
мировой	21	4	1	8	8
могучий	5	-	-	1	4
Москва (-овский)	11	3	3	2	3
мощь (-ный)	8	-	3	1	4
мы	34	5	19	4	6
на	87	32	16	11	28
над	8	2	3	2	1

нападение	6	2	-	-	4
народ	11	8	2	-	1
народный	12	7	1	-	4
народы	11	4	2	2	3
наступление	6	1	1	3	1
наука	5	-	-	-	5
наш	51	6	34	3	8
не	36	23	2	3	8
немедленный (-о)	8	8	-	-	-
несокрушимый	5	-	1	2	2
ни	12	5	-	1	6
но	5	1	1	1	2
новый	40	5	9	3	23
обеспечить	7	-	-	1	6
образцовый (-о,-еи)	7	-	-	-	7
овладеть (-ваит, -вание)	11	-	-	-	11
один	7	2	-	-	5
одобрить	6	6	-	-	-
октябрь	19	1	2	6	10
октябрьский	7	1	1	1	4
он	9	3	5	-	1
она	9	3	6	-	-
они	14	7	3	2	2
опасность	8	3	-	5	-
оплот	6	-	3	1	2
организатор	10	1	1	1	7
организация	7	3	-	1	3
организовать	6	1	-	1	4
оружие	7	5	2	-	-
освобождение (-ный)	8	4	3	-	1
основа	8	-	2	1	5
остатки	6	-	-	-	6
от	11	2	1	2	6
отношение	5	1	-	-	4
отряды	5	4	-	-	1
партия	43	6	1	13	23
первый	18	2	2	2	12
перед	6	-	1	3	2
передовой	7	-	1	-	6
перемирие	7	7	-	-	-
Петроград	5	5	-	-	-
план	9	1	1	-	7
по	20	7	6	4	3
победа	40	9	8	6	17
победить	7	3	1	1	2
победоносный (-о)	5	-	-	-	5
под	32	6	3	7	16
поднимать (-нять)	6	-	3	-	3
подъем	5	1	-	1	3
поле	6	1	-	-	5
политика	12	6	-	1	5
полный	11	-	1	2	8
помещик	9	4	3	2	-
правительство	5	2	3	-	-
правый	12	1	-	9	2
привет	26	-	6	5	15
приветствовать	6	5	-	1	-
провокация (-ионный)	10	3	2	-	5
продукция	5	-	-	-	5
производство	5	-	-	-	5
пролетариат	21	7	5	1	8
пролетарии	29	7	10	3	9
пролетарский	27	3	7	5	12
против	52	11	15	10	16
пусть	14	2	6	5	1
путь	5	3	-	-	2
пятилетка	17	-	-	-	17
работа	12	1	-	-	11
работник	5	1	-	-	4
работница	13	-	1	-	13
рабоче-крестьянский	6	2	2	1	1
рабочий (прил.)	39	13	8	3	15

рабочий (сущ.)	98	45	16	7	30
революционный	37	14	3	5	15
революция	46	21	6	7	12
республика	9	6	2	1	-
решение	5	-	-	4	1
решительный (-о)	6	2	1	3	-
Россия	8	5	2	1	-
рука	13	5	7	-	1
руководство	12	-	-	4	8
русский	5	5	-	-	-
ряды	16	1	3	3	9
с	48	20	10	9	9
свобода	5	3	-	-	2
свой	31	11	8	4	8
сделать	5	3	-	-	2
сев	7	-	-	-	7
сегодня	14	1	6	5	2
силы	15	1	4	4	6
славный	5	-	2	1	2
слать	5	-	4	1	-
совет	7	6	-	1	-
советский	27	9	4	3	11
советы	29	23	-	-	6
совхоз	8	-	-	-	8
солдатский	6	6	-	-	-
солдаты	35	33	-	2	-
соревнование	6	-	-	-	6
социал-демократы	5	1	4	-	-
социализм	23	5	-	5	13
социалистический	28	3	-	4	21
союз	30	7	11	2	10
список	6	6	-	-	-
СССР	15	-	1	2	12
Сталин	16	-	-	-	16
страна	41	4	12	5	20
строитель	7	-	-	1	6
строительство	8	1	-	-	7
строй	6	1	-	1	4
съезд	25	18	-	5	2
теперь	7	1	1	-	5
террор	6	2	-	1	3
техника	14	-	-	-	14
товарищ	29	10	6	1	12
только	11	4	1	-	6
тот	13	4	-	2	7
транспорт	5	-	-	-	5
труд	15	3	3	2	7
трудоустрой	8	2	2	1	3
трудящихся (adj.)	7	1	1	1	4
трудящийся (n)	20	6	2	2	10
у	5	2	2	-	1
угнетенный	7	1	1	3	2
уголь (-ный)	8	-	-	-	8
уклон	6	-	-	6	-
укрепить (-лять)	16	2	-	1	13
урожай	5	-	-	-	5
усилить	5	-	-	1	4
условие	5	-	-	-	5
успех	12	1	-	1	10
Учредительное собрание	12	12	-	-	-
фашизм	8	-	-	-	8
фашист (-ский)	15	-	4	-	11
фронт	13	5	2	-	6
хлеб	8	3	2	-	3
хозяйство	11	1	4	-	6
хотеть	14	6	3	2	3
цепь	8	-	7	-	1
ЦК	10	-	-	1	9
что	6	-	1	-	5
чтобы	9	3	1	2	3
шаг	6	1	1	1	3
этот	24	9	8	1	6

Table II. Headline corpus word frequency list.

Total words	804	421	608	1085	1690
Total editorials	939	142	173	278	346
Average headline length	4.1	3.0	3.5	3.9	4.9
авангард	3	-	2	-	1
Англия (-ский)	5	-	-	5	-
антигосударственный	3	-	-	-	3
антирелигиозный	2	-	1	1	-
армия	4	-	-	3	1
база	5	-	1	-	4
беднота	3	1	-	2	-
беречь	7	-	-	-	7
ближайший	3	-	-	2	1
богатый (-ство)	3	-	-	-	3
боевой	6	-	1	3	2
Болгария (-ский)	3	1	2	-	-
больше	5	-	1	1	3
большевик	3	-	-	-	3
большевистский	15	-	-	-	15
борьба	46	5	4	19	18
будущий	4	-	-	-	4
буржуазия (-ный)	6	1	2	2	1
быстро	4	1	-	-	3
быть	6	1	-	-	5
бюджет (-ный)	4	-	1	1	2
в	106	3	22	40	41
важный (ейший,ость)	13	-	1	7	5
великий (-чайший)	3	-	1	2	-
весна (-енный)	9	-	-	1	8
весь	14	-	2	3	9
вечный	3	-	3	-	-
взять	3	1	-	-	2
власть	4	3	-	1	-
внимание	8	-	3	2	3
война	7	6	-	-	1
вопрос	6	1	1	4	-
воспит-	3	-	-	-	3
восток	3	-	1	1	1
вперед	4	1	-	-	3
враг (-жедбный)	10	2	-	3	5
время	3	-	-	-	3
встретить (-чать)	3	-	-	-	3
второй	6	1	-	1	4
выборы	6	-	1	5	-
высокий	9	-	-	-	9
Германия (-ский)	23	2	8	10	3
главный	7	-	-	-	7
год	21	-	2	2	17
годовщина	9	1	1	5	2
город (-ской)	3	-	-	-	3
государство (-енный)	5	-	2	1	2
готовить (-ся, -ность)	5	-	-	-	5
грядущее	3	1	2	-	-
дать	3	-	-	-	3
два	10	3	-	4	3
дело	4	2	4	1	7
демократия (-ический)	4	2	1	1	-
демонстрация	5	-	2	1	2
день	14	1	5	3	5
деревня (-енский)	19	1	5	7	6
державы	3	-	1	2	-
диктатура	7	3	-	3	1
дисциплина	5	-	-	1	4
для	4	1	-	-	3
до	5	1	-	-	4
договор	6	2	1	1	2
документ	5	-	-	1	4
должен	6	-	-	-	6
Донбасс	5	-	-	-	5

европейский	5	-	3	1	1
его	4	-	1	2	1
единство	3	-	2	-	1
единый	3	-	2	-	1
же	4	-	1	-	3
железнодорожный (-ник)	4	-	-	-	4
Женева (-ский)	3	-	-	2	1
животноводство	3	-	-	-	3
жизнь	3	-	-	1	2
за	56	4	4	15	33
завод (-ской)	3	-	1	-	2
задача	36	1	3	19	13
заем	4	-	-	4	-
зажиточный	3	-	-	-	3
закон	6	-	-	-	6
звено	3	-	-	2	1
зерно (-поставки)	5	-	-	-	5
зима (-ний, -овка)	8	-	-	-	8
знамя	4	1	1	1	1
зоркий (-о)	3	-	-	-	3
и	137	24	29	47	37
игра (-ть)	4	2	-	2	-
из	7	-	1	2	4
ИККИ	3	-	1	2	-
или	10	4	1	4	1
империализм-	7	2	1	3	1
индустри-	6	-	-	6	-
интернационал-	4	-	1	2	1
история (-ический)	5	-	3	-	2
итог	11	1	1	7	2
к	74	10	12	27	25
каждый	3	-	-	-	3
как	8	1	2	1	4
кампания	7	-	-	7	-
капитал	6	1	2	2	1
капитализм-	5	-	1	3	1
качество	6	-	-	-	6
Керзон (-иادا)	3	-	3	-	-
Китай	4	-	-	4	-
класс (-овый)	13	2	2	7	2
коалиция (-нный)	3	1	1	1	-
колхоз-	27	-	-	3	24
Коминтерн	3	-	1	2	-
коммунизм-	15	1	2	7	5
комсомол-	7	-	-	3	4
конгресс	6	-	1	4	1
конец	8	2	2	1	3
контрреволюция	3	1	1	1	-
конференция	5	-	2	2	1
кооперат-	6	-	1	5	-
который	3	-	1	2	-
красный	6	4	2	-	-
кредит (-ный)	3	-	1	-	2
крепнуть	3	-	-	-	3
крестьянин (-ский)	5	1	3	1	-
кризис	9	-	5	1	3
крупный (ейший)	5	-	2	-	3
кто	6	3	1	-	2
культура (-ный)	6	-	-	1	5
левый	3	-	1	2	-
Ленин	3	-	-	2	1
ленинский	5	-	-	1	4
лет	4	-	-	2	2
ликвид-	3	-	1	-	2
линия	3	1	-	2	-
лицом	3	-	-	-	3
лучший	4	-	-	-	4
маневры (-ировать)	6	-	-	5	1
массовый	3	-	-	1	2
массы	16	-	1	9	6
машина	3	-	-	1	2
международный	11	1	4	4	2
меры	3	-	-	3	-

место	3	1	-	-	2
металлургия	4	-	-	-	4
метод	4	-	-	-	4
миллион (-ный)	3	-	-	1	2
мир (-овой)	17	3	1	4	9
мир (peace)	22	9	1	9	3
молодой (-ежь)	4	-	2	1	1
Москва (-овской)	7	1	3	1	2
мощь (-ный)	4	1	-	-	3
МТС	4	-	-	-	4
мы, наши	29	6	13	6	4
на	71	4	11	19	37
навстречу	5	-	-	-	5
надо	4	-	-	2	2
накануне	5	-	1	-	4
народ	4	-	1	-	3
народы	4	1	1	1	1
наступление	6	1	1	3	1
нация (-ональный)	6	1	1	3	1
не	14	1	2	2	9
незыблемый	3	-	-	-	3
ни	3	-	-	-	3
новый	38	3	4	8	23
нужно (-ный)	3	-	-	2	1
о	56	1	16	27	12
образец-	12	-	-	-	12
обстановка	3	-	-	3	1
овладеть (-вать)	3	-	-	-	3
один	9	2	2	1	4
октябрь (-ский)	4	-	1	1	2
они, их	10	4	2	3	1
опасность	3	-	-	2	1
опыт	3	-	2	-	1
organiz-	14	1	2	3	8
основной	3	-	1	1	1
от	6	3	-	-	3
ответ (-чать)	6	1	3	1	1
ответственн-	3	-	-	-	3
отряд	3	-	-	2	1
отстава-	6	-	-	-	6
очередной	4	-	-	4	-
партия (-йный)	33	-	9	9	15
партсъезд	3	-	1	1	1
первенство	3	-	-	-	3
первый	16	1	2	3	10
перевыборы	3	-	-	3	-
переговоры	4	2	-	2	-
перед	8	1	1	4	2
передовой	4	-	-	-	4
перестроиться (-ка)	5	-	-	-	5
план (-овый)	9	-	-	2	7
плата (-еж)	3	-	2	1	-
пленум	9	-	1	7	1
по	0	2	-	1	7
по-новому	3	-	-	-	3
побед-	18	4	1	1	12
повышение	5	-	-	2	3
под	10	3	2	4	1
подготов-	13	-	1	3	9
поднять	3	1	-	1	1
подъем	3	-	-	-	3
покончить	3	1	-	-	2
поле	6	-	-	-	6
политика (-ческий)	19	3	1	3	12
политотдел (-ский)	4	-	-	-	4
полный (-остью)	4	1	-	-	3
положение	5	1	1	2	1
помощь	4	-	1	1	2
посев (-ной)	3	-	-	2	1
после	5	2	2	-	1
последний	3	1	1	-	1
правительство	6	-	5	1	-
правый	3	-	1	2	-

практика (-ческий)	3	-	-	-	3
превратить	2	-	-	-	2
преда-	4	-	2	2	-
предприятие	4	-	1	-	3
привет	3	-	1	1	1
приговор	4	-	1	2	1
проблема	5	-	2	3	-
программа (-ный)	5	1	-	-	4
продолж-	3	-	1	1	1
производство (-енный)	7	-	1	2	4
пролетар-	13	2	2	6	3
промышленн-	18	-	2	9	7
против	16	5	2	2	7
профсоюзы	6	-	-	5	1
путь	7	3	-	2	2
пятилетка	10	-	-	2	8
работа (-ать)	26	1	5	9	11
работник (-ица)	4	1	2	1	-
рабочий	14	1	7	2	4
разверн-	4	-	-	1	3
развитие	8	-	1	4	3
расти (рост)	4	1	-	2	1
расшир-	4	-	2	1	1
рационализация	3	-	-	3	-
революция (-ионный)	25	11	6	5	3
рекорд	3	-	-	2	1
ремонт	3	-	-	-	3
решать	5	-	-	1	4
решение	3	-	1	1	1
решительн-	3	-	-	1	2
Россия (-йский)	5	3	2	-	-
руководство	9	-	-	3	6
Рур (-ский)	5	-	5	-	-
с	25	4	4	9	8
самокритика	4	-	-	4	-
свекла	3	-	-	-	3
сделать	6	-	-	-	6
сев	17	-	-	1	16
село	2	-	-	-	2
сельское хозяйство	5	-	-	4	1
сельскохозяйственный	4	1	-	-	3
серьезный	4	1	-	2	1
сила	4	-	2	-	2
слово	3	2	1	-	-
снабжение	3	-	-	3	-
советский	21	2	5	4	10
советы	7	3	-	3	1
совхозы	6	-	-	-	6
соревнование (-ться)	10	-	-	-	10
социал-демократ-	4	-	3	1	-
социализм-	20	-	-	9	11
союз	7	1	2	1	3
союзник (-ный)	5	5	-	-	-
СССР	10	-	4	2	4
стачка (-чный)	3	-	2	1	-
страна	5	-	-	-	5
строительство	5	-	-	3	2
строй	3	-	-	-	3
съезд	20	5	5	6	4
сырье (-вой)	3	-	2	-	1
твердый (-о)	6	1	-	-	5
темп	4	-	-	2	2
тенденция	3	-	-	-	3
техника (-ический)	9	-	-	-	9
товарищ	4	-	2	-	2
только	3	-	-	-	3
торжество	3	-	-	1	2
транспорт	14	-	-	1	13
тридцать	3	-	1	1	1
труд (-овой)	4	1	-	1	2
трудящийся	3	-	1	1	1
тысяча	3	-	-	-	3
тяжелый	3	1	-	1	1

у	4	1	2	1	-
убить-	4	-	4	-	-
убрать (-ка, -чный)	9	-	-	-	9
угнетенный	3	2	-	-	1
уголь (-ный)	4	-	-	1	3
угроза	5	2	2	1	-
удар	3	-	-	2	1
ударник	3	-	-	-	3
Украина	3	2	-	-	1
укреп-	5	1	-	1	3
уровень	3	-	-	-	3
урожай (-ность)	17	1	-	1	15
урок	7	-	-	4	3
успех	3	-	-	-	3
Учредительное собрание	5	5	-	-	-
фашизм-	6	-	3	1	2
финансовый	3	-	1	1	1
фронт	9	2	1	4	2
хлеб-	16	2	-	7	7
хлопок (-овый)	4	-	-	-	4
хозяйство (-енный)	11	-	1	7	3
хороший	3	-	-	-	3
цена	3	-	1	1	1
ЦК	4	-	-	2	2
ЦКК	3	-	-	3	-
чем	3	-	-	1	2
чистка	4	-	-	-	4
что	5	-	3	-	2
шаг	5	2	-	1	2
Шейдеман (-овский)	2	2	-	-	-
школа	4	-	1	1	2
экзамен	5	-	-	1	4
экономический	3	-	1	1	1
юбилей (-яр)	3	-	1	2	-
Япония (-ский)	4	-	1	2	1

Table III. Slogans and editorial headlines (1917–18, 1923, 1928, 1933).
Frequency of words in positive contexts.

98	за	24	трудящиеся	16	Сталин
96	весь	23	пролетарий	15	строительство
96	да здравствует	22	коммунистический	15	труд
95	рабочий (суц.)	22	великий	14	деревня
67	наш	22	международный	14	народы
60	борьба	22	мир (peace)	14	партийный
71	партия	21	массы	14	работница
55	революция	21	мировой	13	земля
50	новый	21	Рабочий	13	пяtilетка
47	крестьянин	21	рабочий класс	13	сила
44	победа	21	СССР	12	единый фронт
43	большевистский	20	мир (world)	12	Коминтерн
40	задача	19	коммунист	12	первый
39	товарищ	19	политика	12	под знаменем
37	солдаты	19	техника	12	урожай
37	социалистический	18	дисциплина	11	боевой
36	страна	18	колхоз	11	качество
33	революционный	18	Ленин	11	Красная Армия
33	советский	18	октябрь	11	пусть
30	пролетарский	18	работа	11	советская власть
29	ленинский	18	Съезд Советов	11	трудовай
29	мы	17	вперед	10	армия
27	привет	17	колхозный	10	Германия
26	красный	16	высокий	10	годовщина
26	социализм	14	германский	10	город
26	съезд	16	пролетариат	10	коммунизм
25	союз	16	руководство	10	октябрьский
24	дело	16	ряды	10	организатор
24	на	16	советы	10	соревнование

авангард 5, авиация 2, автомашина, авторитет, агитация, агроном, Адлер 2, аккуратность, актив, активность, активный, американский 3, антирелигиозный 2, антифашистский, аппарат, армейский, Афганистан, база 2, баланс, балка, батальон 3, бдительность 8, бдительный беднота 7, бедняк 4, беженцы, безбожие, безвестный, безусловный, Бела Кун 2, Белинский, бельгийский, бережный 2, беречь 8, беспартийный 2, беспощадно 2, беспощадность, беспощадный 9, бесстрашный 2, битва, благоговение, блестящий 4, ближайший 2, ближе, бог, богатство, богатый, боеспособность, боец 7, бой 5, бойкот, Болгария, болгарский 2, больше 4, большевизм 5, большевик 7, большой 2, борец 8, бороться 7, братский 9, братство 2, братья 5, бревно, бронированной, бросать, Будапешт, будем 3, будущее 3, будущий 2, будущность, будьте 6, бывший 2, быть 3, бюджет, бюджетно-кредитный, бюджетный 2, важнейший 7, важность 3, важный 6, величайший 2, Вена, венский, вернейший, верность 2, верный 8, вести 2, вечно, взнудать, Виссарион, витязь 2, ВКП(б) 9, власть 3, влияние, внешний, внимание 2, внутривпартийный 2, военный 4, вождь 8, возратить, возглавить возглавлять 2, воздвигать, воздушный, возможность, воин, война 2, войти, вокруг 3, волна, вольный 2, воля 2, воодушевлять, вооруженный, вооружить 2, вопрос, Воровский 3, ворота, воскресение, воспитание 2, воспитать, воспитывать, восстанавливаться, восстание, восток, восходить, вписать, впрах 2, время, всемерно 2, всемерный 2, всемирный 6, всеобщий, всесоюзный 2, вспоминать 2, встретить, ВУЗ 3, ВЦСПС, выводы, выгонять, выдвижение, выдвинуть, выдержать 2, выйти, выковать, выполнение 6, выполнить 5, выполнять, выправить, вырастить, высококвалифицированный, выставка, выступать, высший вытравить 2, выход, выходить, выше 3, выше знамя 7, вышибить, Гамбург 2, гегемония, генеральная линия 3, гениальный, героический 6, герой 2, геройство 2, глава 2, главный 5, глаз 2, гнать, гнев, головной, голос 3, голосовать, гордо 2, гордость, гордый, гореть,

городской, горячий 5, государственный 2, государство 4, готовить 2, готовиться, готовность, готовы 4, граждане 2, гражданская война 2, гражданский 2, грамота, грандиозный, граница 2, грозить, гром, громадный 2, громовой, громче, грудь, группа, грядущее 2, давно, давать, дальнейший, дать, движение 6, двинуть 2, действительно 2, действительный 3, декрет, делегация, деловой, демократический, демократия 3, демонстрация 6, депутат 6, деревенский 5, держать, дети 3, детище, диктатура 8, диктатура пролетариата 6, Димитров 2, директива, директор 2, добивать, добить 6, добиться 8, доблестный 2, доблесть 2, документ 3, должен 4, домна, дорога 4, дорогой, достижение 2, дочь, друг 3, дружба, дружнее, дружно, дружный, Европа 3, европейский 3, египетский, единогласно, единоличник, единственный 3, единство 9, единый 3, еще 2, ждать 2, железный 9, женский, женщина 2, жертва 2, жесткий 2, жесточайший, живой 3, жизнь 8, жить 4, забастовка, забота 2, завершить 3, завет, завод, заводской, завоевание 2, завоевать, зажиточный 6, закаляться, закрепить 2, залог, замечание, занятие, запад, заработная плата, затянуть, захотеть, защита 8, защитница, защищать 4, звать 2, звезда 2, звено 6, здоровый, земледелие 2, зеница ока 3, зерно 3, знаменательный 2, знамя 3, знать, значение 2, золотой, зоркий 3, зорко 2, зрелость, идейно 2, идейность, идейный 3, идти 6, избавить, извлечь, изгнание 2, Изотовы, изучение, ИККИ 3, Ильич 2, индийский, индустриализация 3, индустрия 2, инженер 2, инициатива, интернационал 8, интернационализм, интернационалист, исполком, использование, использовать, исправить, испытанный, исторический 5, история 5, источник, итоги 6, Каганович, кадры 2, каждый 4, кампания 2, Кантон, карать, Карл, катехизис, Кашен, кипеть, Киров, Китай 4, китайский 4, КК, класс 8, классовая борьба 3, классовый 9, клич, ключ 3, коалиция, ковать, коллективный, колониальный 2, колония, колонна 3, колхозник 7, колхозница 3, командир 3, комбайн, комитет, комитет действия, коммунар, компартия 5, комсомол 5, комсомолец 4, комсомолка, комсомольский 7, конгресс 9, конец 2, конкретность, конкретный 2, конкурс, консолидация, конституция, континент 2, конференция, кооперативный, кооператор, кооперация 4, кооперирование, коренной, корень, костер, кость “Красин”, красноармейцы 8, Красный Флот 3, кредит, кредитный 2, крестор, Кремль, крепить 3, крепкий 2, крепко, крепнуть 3, крепость 2, крестьянка 4, крестьянский 9, крестьянство 3, критика, кровный, кровь 4, крупнейший 2, крупный 2, крыло, кузнец, кули, культура, культура 4, культурно-политический, культурный 8, курс, лавина, лев, левый, Ленинград 2, ленинградский 2, ленинизм 5, Либкнехт 4, ликвидация 4, ликвидировать 3, линия 8, лицо 5, лодзинский, Лодзь, лозунг 2, лучше 3, лучший 6, любимый, любовь, люд, люди 4, людской, магнит, маевка, май 6, максимум, маневрировать, манифест, Маркс 4, марксизм, марксистский, марксистско-ленинский 3, массовый 6, мастер, материально-бытовой, материальный 2, машина, мелочи, меньше, меры 2, место, методы 3, меч, миллионный 4, миллионы 8, мирный 3, миролюбивый, мобилизация, мобилизовать, могильщик, могучий 6, молодежь 7, молодой 3, молот, Молотов, Москва 8, московский 4, мощный 5, мощь 5, МТС 2, мудрый, мужественно, мужественный 2, мужество, на страже, навести, навстречу 2, нагляднейший, надежда, надежный, надо 2, накануне, наклонный, накопление, налоговой, направление, народ 8, народнохозяйственный, народный 2, настоящий, наступление 5, наука 5, национальности 2, национальный 4, нация, начеку 2, негодование, независимость, незабываемый, немецкий, ненависть 2, необходимость, необходимый 2, неослабно, неотъемлемый, непобедимость, непобедимый 3, непримиримость, несметный, несокрушимый 5, неуклонный 2, неустанно, ниже, низовой, низы, носить, нота, ноябрьский, нужен 2, нужно 2, нынешний, обвинительный, обеспечение, обеспечивать, обеспечить 7, обилие, обмен, обороноспособность 2, оборончество,

образец 3, образцово 6, образцовый 5, обращение, обстановка, обсуждать, общественное мнение, общественность, общественный 2, общество 3, объединение, овладевать 8, овладение 2, овладеть 4, огонь 2, огромный, одержать 2, один 3, оживление, оздоровление 3, окружить, оперативность, оплот 7, опора, опыт 3, организационно, организационный, организация 9, организованность, организовать 5, органический, органы 3, орудие 4, оружие 4, освободить, освобождение 4, освобожденный, освоение 5, основа 7, основной 4, останки, острота, ответ 8, ответственный, отдать 2, отечество 4, отечествоведение, открываться, открытие, отлично, отношение 2, отпор 4, отряд 2, охрана 2, охранять, очередной 2, очистить 3, очищаться, павший 2, память 2, паровой, партизанский, партийность, парторганизация, партсъезд 2, парус, пафос 3, первенство 2, первомайский 2, перевал, переворачивать, переворот 2, перевыборы, переговоры 2, передовик, передовой 9, перемирие, перестроиться, перестройка 3, перспективы 2, песня, печаль, печать 3, пионеры 3, питание, пламенный 4, план 8, племя 3, пленум 8, плечо 4, площадь, по-большевистски 4, по-новому 2, победитель, победить 6, победный, победоносно 2, победоносный 4, побеждать 6, повернуть, повесить, повышение 5, под знаком 2, подготовить, подготовка 5, поддержать, поддержка, поднимать 4, поднятие 3, поднять 4, подобрать, подтянуться, подъем 6, подымать, пожар 2, позиция, поймать, показать 3, покидать, покончить 2, поле 4, полевение, политический 7, политотдел 3, политпросветы, политработник, полководец, полноправный 2, полностью, полный 8, положительный, польза, польский, Польша, полярный, помогать, помощник, помощь 3, Попов, пора 5, порох, порукой, порыв, порядок, посевы, посланчество, послать, последний 4, пост 2, поставить, поступь, поход, почва, почин, правда, правительство 3, праздник 6, праздничный, практика 2, практический, превратить 2, превращаться, преданный, предвыборный, предложение 2, предостережение 2, предприятие 2, предсъездовский, преимущество, прекратить, преобразить, преобразование, преодолеть 2, прибалтийский, приветствовать 6, приговор 4, приезжать, прием 2, призвать, признание 3, призыв, призывать, пример, приступать, присягать, прицел 2, проблема, проведение, проверенный, провести, проводник, программный, продвижение, продолжать 2, продолжить, продукты, продукция 3, проект, производительность 4, производство 8, проклятья, пролетарская диктатура 3, промышленность 3, промышленный, пронестись, пропаганда 3, протест, протестовать 2, профдвижение, профессиональный, профессор, Профинтерн, профсоюзы 8, процесс 2, путь 7, раб, рабкор 2, Рабкрин, работать 3, работник 5, рабоче-крестьянский 5, рабочее движение 4, рабочий-коммунист, равняться, Радек, радостно, раз, разбить 2, развернуть 2, развертывание, развеять 2, развитие 8, разгораться, разгореться, разгром, раздаться, разжигать, разоблачать 2, разоблачить, разоружение 2, разоружить 2, разъянительный, районирование, Раковский, раскрепостить, рассеиваться, расстрелять, расти 3, растить, расширение 2, расширенный, расширяться, рационализация 3, ребята, режим 2, резерв 3, результаты, реконструкция, реорганизация 2, реорганизовать, репетиция, республика 5, реформа, речь, решать, решающий 4, решение 8, решимость, решительно 2, решительный 4, РКИ, РКП 6, родиться, рожь, роль, российский, Россия 6, рост 2, рука 9, руководитель, руководить, руководящий, русский 4, рушиться, рычаг 2, Саксония 2, самый, самокритика 4, самооборона, сбрасывать, сбросить, свержение, свет 2, светлый 3, свидетельство, свобода 2, свободный, связь, священный 2, сдать, сделать 2, сбережения, себестоимость 4, село 3, сельский, сельскохозяйственный 2, семимильный, сердце 3, середняк, серьезный 5, сессия, сигнал, сидеть, сильнее 3, сильный 3, склонить, сковать, скорее, слава 2, славный 5, слать 4, следить, слово 2,

сломать, служба, служить, слушать, смелость, смелый, смена, смести, смотр 4, смотреть 2, смысл, смычка, снижение 3, снятие, собираться 2, соблюдать, собрать, собраться, собственность 5, событие 2, совет 3, Совет Народных Комиссаров 4, Советский Союз 5, совещание, совхоз 5, соглашение 2, соединение, соединиться 2, создаваться, созидание, созидатель, сознательный, сокращение, сокрушительный, солдатский 6, сомкнуть, сотня, сохранение 2, социал-демократический, социал-демократия, социал-демократы 2, социальный, соцсоревнование, сочетать, сочувствующий, союзник 3, спасение, спасти, специалист 2, спешить 2, сплачивать, сплачиваться 2, сплотить 2, сплоченность 2, сплоченный, справедливый, сражаться, средний, средство 2, сталь, стальной, становиться 2, старик, статья 3, стачка, стена, стиль 2, стойкость 2, столица 2, сторожить, страж 2, стратегия, строжайший 4, строитель 7, строить 7, строиться, строй 3, стропила, студент, студенчество, ступень, стяг 2, субботник, суд 2, суровый, сухой, существо, сход, счастливый, сыны 2, сырье 2, сырьевой, тактика 2, Танев, твердость, твердый 3, творческий, творить, тезисы, текстильщик, Тельман 3, темп 4, теоретик, теория 5, теснее 2, технический 2, товарищи-делегаты, только 3, топливо, Торглер, торжественно, торжество 4, традиция, трактор, Третий интернационал 2, тридцать, Троцкий, трудящийся (прил.) 4, труженик 2, тщательно, тысяча 3, Тюрингия 3, уберечь, уборка 2, увеличение, угнетенный 8, удар 3, ударить, ударник 6, ударник-колхозник 2, ударница 3, ударничество 4, ударный 3, удобрить, удоимость, узник 2, указание, укрепить 9, укрепление 4, укреплять 4, укрепляться, улица 3, улучшать 2, улучшение 3, улучшить, умение, умножить, уничтожающий, уничтожение, уровень 6, урожайность 4, урок 6, усилие 2, усилить 7, условие 2, услышать, успех 9, установить 3, установка, уступка, уход, участок, учеба, учебник учитель 2, учиться, Учредительное Собрание, фаланга, феллах, флаг, флот, фонд 2, Фостер, француз, фронт 6, фундамент, хартия, хлеб 7, хлебный 2, хлебозаготовки 2, хозрасчет, хозяин, хозяйственник, хозяйственный, хозяйство 9, хоронить, хороший 2, хотеть 3, царство, ценный 2, центр, центральный 3, цепь 2, ЦИК, ЦК 9, ЦКК, час, часовой, человек, человечество 2, честно, честный 2, честь 6, четкость, чистка 4, член 5, чудо, чужой, чуткость, шаг 4, шагать 2, шахтинский 2, шествие, шефство, шея 2, шире, шириться, широкий 3, школа 5, штаб, штурм 2, эй, экзамен 5, экономика, экономический, экономия 4, экспорт, Энгельс, энергия 2, энтузиазм 2, эпоха, этап 2, юбиляр, юный 4, являться, язык, январь, яростно, ярче, ясность, ячейка.

Table IV. Slogans and editorial headlines (1917–18, 1923, 1928, 1933).
Frequency of words in negative contexts.

21	капитал	9	господин	6	империалистический
19	долгой	9	контрреволюция	6	мир (peace)
17	новый	9	помещик	6	остатки
15	фашистский	8	враг народа	6	сила
14	правый	8	за	6	социал-демократия
13	враг	8	капиталист	5	буржуазия
13	кризис	8	Керзон	5	Германия
13	фашизм	8	кулак	5	классовый враг
12	война	8	мир (world)	5	кровавый
12	германский	7	диктатура	5	маневры
12	опасность	7	левый	5	нападение
11	капиталистический	7	наступление	5	палач
11	не	7	правительство	5	Польша
10	весь	7	уклон	5	работа
10	империалист	7	Штресеман	5	угроза
10	капитализм	6	английский	5	ультиматум
10	провокация	6	борьба	5	фашист
9	буржуазный	6	империализм	5	французский

абсолютно, автомобильный, агент, агентура 2, агония, азарт, академический, акционерный, американский 3, Амстердам, Амстердамский Интернационал 2, анархо-синдикалистский, Англия 3, англо-японский, Антанта, антигосударственный 3, антисоветский 3, апостол, арест, архиепископ, атака Бавария, баварский 2, банда 2, бандит, банкир 2, банкротство, бег, беда, безграмотность, безработица, безумие, белобандит, белый 4, Берлин, бесноватый, бесноваться, беспощадный, беспризорность, бессилие, бессильный, бесы, блок 2, блокада, богатые, бойня 3, болгарский, Болдуин, болен, болото, бороться, брак 4, Брест, брест-литовский, Бриан, британский, Брюссель, бунт, буржуазно-социалистический, буря 2, бывший, быстро, бюрократ 2, бюрократизм, бюрократически, бюрократический, вакханалия, Вандервельде 2, варвары, Вашингтон, ввергнуть, вексель, Великобритания, величество, венгерский, Версаль, вертеться, верхи, вечный мир 3, вздохи, Вильсон 3, власти 2, влияние 2, внутренний 2, водка, военщина 2, военный 2, вождь 3, войска, волчий, вон, вопрос, вор 2, воскресенье, враждебный 2, врангелевский, Врангель, вредитель 3, вредительский, вредительство, всеобщий, вступить, вторжение, Второй Интернационал, вулканический, выдача, вызывающий, выколачивание, вымирание, выпад, выстрел, выступление 2, Гаазе, гарантии, гвардия, генерал 4, гибель, гибнуть, Гильфердинг, гимн, гитлеровцы, главный 3, глупость, гнусный, говорить, годовщина, голова, голод 3, голодный, горгуловщина, горох, горький, господство, готовы, готовить 3, грабеж 3, грабить, грозить, громкий, группировка 2, грядущее, грянуть, Гурко, даже 2, дальневосточный, дальше 2, дармоед, дата, дауэсовский движение, двусмысленность, двусмысленный, дезертир, дезорганизация, декларация 2, дележ, делить, делиться, дело, демократический 3, демократия 2, Деникин, день, державы 3, держать, деспотический, детективный, джентльмен, Джойнсон, дипломатия, дискуссия 2, дно, добродетельный, добрый, доверие, довольно, договор 3, долги, Дон-Кихоты, допустимость, дорога 2, драка, дредноут, дремать, душегуб, душитель, Европа 3, европейский 2, единый фронт, ездить, жадность, жадный, жалкий, жандарм 2, железный 3, желтый, Женева, женевский 2, жесточайший, забота, забывать, заверение, завоевание, задержать, задремать, задушить 3, закованный, Залесский, замолчать, замучить, замыслы, запутываться, застенки, затевать, затащить, захватчик, защищать, звериный, зверь, звон, здание, землетрясение, зима, злобный, злодей, игра 3, идти, иждивенческий, извращение 2, изгородь, измена 3, императорский, империалистский 2, имя, иностранный 2, интеллигент,

интеллигентский, интеллигенция, интервенция 3, интересы, интернационал, инцидент, исчерпать, итало-французский, к ответу 2, кабинет 2, казенщина, казнь, Каин, калединский, кандалы, канцелярия, канцелярно-бюрократический 2, катанье, катастрофа 3, католический, каторжный, Каутский, квартет, Келлог, кемалисты, кентерберийский, керзониада, керзонята, Кешендэн, киевский, кинематограф, Китай 2, кладбище, класс 4, клевета, клеветник, климат, клоун, клубок, клык, коалиционный, коварный, козни 2, козырь, колебания, колени 2, Колчак 2, колчаковщина, колючий, командовать, комедия 2, комитет, коммунистический 2, компромисс, конец 3, конкуренты, консолидация, контрразведчик, контрреволюционер, контрреволюционер-provokator, контрреволюционный, конференция 4, конфуз, копыто, королевский, король, кошка, крах, критика, кровопролитие, кровь, крупный, кулацкий, кулачество 3, кулисы, культура, кусок, Кюльман, лад, лай, лакей 3, лапы, латышский, левацкий, Леви, легкий, лейпцигский 2, ленский, лес, летун 2, Лига Наций 2, лисий, лицемер, лицемерие, лицемерный, лицо, лоб, лодырь 4, ложь 2, Лозанна, лозаннский 2, Лондон, лондонский, лопнуть, лорд 3, Лугано, Луи, люди, ляхи, Макдональд 3, малиновый, малый 2, малярия, Маркс, маска, мастер, медлительность, медный, междоусобица, международный 2, меньшевизм, меньшевик 2, меньшевистский, меньшевистско-генеральский, мертвец, мертвый, меры, место, методы 2, мешать, министерский, мировой 4, миролюбие, миротворческий, молодежь, монополия, морда, мука, мыльный, мягкий, на месте, наглый, надежда, нажива, назад 3, наклонный, налево, налетчик, нанкинский, нападать, напоминание, нарушитель 2, нарушить, насилие, насильник 3, национальный 2, нация, начало 2, начинать, недоброкачественный, недолгий, недооценка 2, недопустимый, недостаточный, недочеты, незабываемый, нельзя, немецкий 3, немощ, ненавидеть, ненадежный, непокорный, непрекращающийся, неравноправный, несчастный, неудовлетворительно, неустойчивый, никакой 4, Николай Романов, нищета 2, ножницы 2, Ноздревы, норвежский 3, нужда, НЭП, нэпман, обер-жандарм, облачко, обломки, обман 2, обманывать, обострение, образование, обращаться, обречь, обречен, обрядность, обстрел, огонь 2, один, оккупация 3, окровавленный 2, они 3, опасный, ополчиться, оппозиция 2, оппортунист 4, оппортунизм, оппортунистический, организатор, организовать 2, орден, ослаблять 2, ослиный, осторожней, открытый 2, отнять, отравитель, отравленный 2, отставание 4, отставать 2, отставка, отступать, отступление, отсыреть, отчаяние 2, офицер, Охаси, охваченный, очередной, ошибки, пакт 2, Палата общин, панамериканский, панский, парижский, парламент, партия 3, патриот, пацифистский, первый, переворот, переговоры, передел, перерожденцы 2, песенка, пессимизм, петарда, Петлюра, петля 3, Пилсудский, письмо, Питирим Сорокин, план 4, плен, плестись, плоскость, по поводу, по стопам 2, поведение, повернуть, поворот, погудка, подготовка, подготавливать, подделать, поджигатель, поджигать, подлог, подлость, подлый 4, подрывать, пожар, позорно, позорный, пойти, покровитель, поле, политика 2, положительный, польский, польско-литовский, помогать, помощник 2, поп 2, попытаться 2, попытка 3, поработитель, поработать, поражение 2, портить, порция, порча, последний 3, последствия, последыш, потерпеть, потеря, потерять 2, поход 2, почва, пощада, правые, пражский, практика, предавать, предатель 3, предательский 3, предательство 3, предать 2, предотвратить, предприятия, предрассудок, представитель, презренный, прекрасный, премьер, Преображенский, пресса 2, преступление, привести, приказ, прикрытие, примазаться, примиренцы, примиренчество 2, принести, природа, приятно, проба, пробить, провал 2, provokator войны 3, provokatorский, provokacionный 2, провоцировать, прогульщик, продажный, продолжаться, продукция, прожектерство,

прозябание, происки, проклятие, проклятый 2, промышленность, проповедник, просчитаться, противник, противоречия, профессионал, процесс, проявление, пугать, пузырь, пуля, путч 2, путь, пучина, пшеничка, пытаться 4, пьяный 3, пята 2, раба, рабовладельцы 2, рабочий, рабство 3, равный, радикальный, разбойник 3, разбойнический, разбойничий 2, разбойный, развал 3, разваливаться, разговаривать, раздел, разложиться, разоблачение, разорение, рай, Рамзей, раскованный, раскол, расправа, распродавать, рассказ, расстрел, расстреливать, расстрелять, расти 2, растленный, расхититель, расхищение, расчистить, расширять, Рафаил, рвач, реакция 2, ревизия 3, револьверный, революционный, режим, рейхсвер, рейхстаг, рекорд, рельсы, ренегат, реформизм 2, реформист, реформистский 2, речь, решетки, рождение, романовский, российский, Россия, руководство, ряды, с поличным, с-д 2, саботаж 2, саботажник, саботировать, Савинков, самогонщик, самодовольство, самоубийство, Сапронов, свалка, святейший, священный, сговор 2, сей, Сект 2, сердце, серьезный, сидение, сильные, синдикалисты-коммунисты, синдикатники, синица, сирокко, система, сказка, сквозь, Скоропадский, скрытый, слабость, слепой, слово 3, словоблудие, слуга 4, служба, случайный, слушать, смертельный, смерть 4, снисхождение, совестливый, советы, соглашательский, содрогаться, Соединенные Штаты, соловей, сорвать, сотрудничество, софийский, социал-демократ 3, социал-демократический 3, социал-пацифизм, социал-предатель 2, социал-прислужающий, социал-фашист, социал-холоп, социализм, социалист, социально-чуждый, союз 4, союзник 2, союзный 2, спасти 2, спать, спекулянт 3, спеть, сплетня, спор, срывать 2, ставка, стан, старый 3, статья, стачечный, Стенлей, сторона, страна, странный, стратег, стратегия, страх 2, страшиться, страшный, стрельба, строй 2, суд, судьба, сумерки, съезд, сырьевой, сюрприз, тайный 2, таков, твердолобый 2, твердыня, текучесть, темный, тенденция 3, терпеть, террор 4, терять, тихой сапой, тов. 4, томиться, топтание, торжество, тормоз, травля 2, трагедия, трагикомедия, третий, трижды, тронный, Троцкий 2, трудность, труп, трюк 2, Тулуза, туман, тупик, турецкий, туча, тюрьма, тяжелый 3, убийство 2, убийца 4, убить, убой, угнетательный, угнетательский, угнетение, удар 3, удался, удел, ужасный, узел, укrywатель, умирающий 3, ураганный, уступать, Учредительное Собрание 4, фальшивый, фельдфебель, Фиммен, финансовый, флаг, флюгер, Фор, формально, фраза 2, фракционный 2, фракция 2, франкфуртский, Франция 3, фронт, Фроссар, хаос, хвост 2, хвостистский, Хикт, химера, химический, хищник 2, Хлестаковы, хозяин, хотеть 2, Цанков, царевна, царский 4, царство 2, цена, цепь 4, церковь, цивилизованный, частный, человечество, черный 2, чесотка, честный, чехарда, чехо- словаки, чистый, чудовище, чудовищный, чужак 2, шаг 3, шайка, шатания 3, Шейдемман 3, шея, шпион, шпионаж, штурм, штыки, Шульгин, шут, шутка, Эберт 2, экономический, эксплуатация 2, экстраординарный, элементы 4, эмигрантский, эрфуртский, эсдеки, эсеры 3, Юденич, Юз, юзефщина, юнкер, явный, Япония 2, японо-германский, японский 4.

Table V. October 1923 editorials: words in positive contexts.
Total: 1233 (475 different words).

авангард	13	комитет действия	9	классовый	6
агитация	5	коммунизм	10	Коминтерн	8
активный	5	коммунист	17	пролетарские сотни	12
баррикады	6	коммунистический	9	пролетарский	23
боевой	8	компартия	24	рабоче-крестьянский	8
бой	7	красный	16	рабочие (суц.)	20
борьба	18	крестьянин	8	рабочий	23
волнение	6	левый	9	рабочий класс	26
вооруженный	5	лозунг	5	революционный	17
восстание	7	массы	27	революция	34
выступление	6	мир (peace)	6	республика	5
гражданская	0	мобилизация	7	решительный	5
война	13	на страже	6	руководство	5
движение	6	незаконный	5	ряды	5
демонстрация	7	переворот	7	силы	5
диктатура	0	победа	14	советский	5
пролетариата	6	победить	6	социал-демократический	5
дружина	6	победоносный	7	трудящийся	5
единство	7	правильный	5	успех	5
единый фронт	13	пролетариат	28	фабзавком	12
забастовка	19	пролетарий	6	ядро	5

авторитет, агитировать, аккуратный, антагонизм, антифашистский 2, арест, артиллерия, бастовать, бдительность, беззаветный, беззащитный, безработный 4, безраздельный 2, безусловный, беспощадный, бесхитростный, бешеный 2, битва 2, благоприятный, блестящий, блок 3, бодрый, больно, большевизм, большевистский 2, брутальность, бурлить, бурный, буря 2, великий, великолепный, верность 2, взрыв, взять за горло, винтовка 2, влево 3, внушительный, во главе, военный, вождь, волна 4, воля 4, вооружение 4, вооружить 2, воспитывать, восстать 2, вперед 2, вражда, всходы, вырвать, высмеивать, вящий, гарантия 2, гегемония 2, германская революция, германский, героизм 2, героический, геройский, гигантский, глубочайший, гнать, гнать в шею, гнев, гневный, голова, гордиться, гордый, громадный 3, громить, грядущий, гулять, дальновидный, действие, действительный, демократия 2, демократический 3, демонстрировать, деморализовать, дети, диалектика, диалектический, диктатура, дисциплина, добровольный, добрососедский, доверие, домашний очаг, дружественный, дружный 2, единение, единомышленный 2, единый, железный 3, жизнь, забастовочный, завоевать 2, закал, закаленный, закрепить, залечивать, зарница, заря, засверкать, застрельщик, захват, захватить, защищать, здоровый, земля, знамя 4, зрелость 2, изгнать 2, изжить 3, инициатива 2, инициативность, инстинкт, интеллигент, интерес, "Интернационал" (гимн) 2, интернационализм, кавалерия, кипеть, классовая борьба 2, клич, колонна 2, колоссальный, коммунар, коммунистическая партия 2, конспиративный, конституционный, конституция 4, коренной 2, красная гвардия 2, красные сотни 2, Кремль, крестьянский, крестьянство, критика, кричать, кровавый 2, кулак 2, легальный, Либкнехт, ликвидировать, лихорадочный, лицом к, Люксембург, мандат, маневр, марксизм 2, марксистский 3, масса 2, массовый 2, международная революция, международный 3, мелкий, меткий, метла, миллионный, мир (world) 2, мирный 2, мировая революция, мировой, митинг, многомиллионный 2, мобилизовать, могучий 3, могущественный 2, молодой, молот, моральный, Москва, московский, мощный 2, мужественный, мужество, мужчина, на деле 2, назреть, нанести, нападение, наперекор, напряжение, нарастающий, народ 4, народный 2, население, настойчивость, настойчивый, настоже, настроение, натиск, негодование 2, неиссякаемый, нейтрализовать,

ненавидеть, ненависть 3, ненарушимый, необычайный, несметный, несокрушимый, неуважение, неуловимый, низвергнуть, низовой, низы 4, новый 3, нож острый, обезвредить, обеспеченный, оборонительный, обороняться, обострение, обструкция, обуздать, объединение, овал, овладеть, окопы, Октябрь 2, Октябрьская революция, октябрьский, оппозиция, опыт, организация, оружие 2, освободить 2, освобождение, ослепительный, отборный, ответственность, отповедь 3, отпор 2, отряд, охрана, пароль, партизан, партийный аппарат, партия 2, перевес, перевоспитать, передовик, передовой 2, перехлестывать, перспектива, Петроград, пехота 2, пламенный, плоть и кровь, повсеместный, поголовно, поддержка 2, подлинный, покорить, политический, популярность, порядок 2, пост, поток, потрясать, потрясение, почетный, пощечина, правительство, превосходный, преданный, презрение, преодолеть, престиж, приветствовать, призыв, призывать, примирение, присяга, проблема, пробудить, прожектор, пролетарская диктатура 2, пропаганда 3, прорвать, простой, протест 4, протестовать 2, Профинтерн, прочный 4, пулемет, работа, “Рабочее правительство”, рабоче-крестьянское правительство, рабочее движение, радостный, разгромить, раздавить 2, разоблачение, разорвать, разоружение, разумный, раскачка, раскрепощение, расти, рвать, рваться, реалистический, реальный 3, резкий, решимость 3, ринуться, ружье, руководить, руководящий, русский 2, с честью, саботаж, самооборона 4, свобода, связь, сдвиг, семя, серп, сила 3, симпатия 2, симптом, сломить, служить 2, смельчак 2, смотреть, смычка 3, собрание, Совет рабочих депутатов 2, Советская Россия 2, совместный, сознательный 3, солидарность, сомкнутый 2, сомкнуть, сопротивление 4, сотня 4, сотрудничество, социал-демократ 4, социал-демократия 3, социальная революция, сочувствие, союз, союзник, спайка, спартаковец, спартаковский, спешно, сплотить, сплоченный, справедливость, СССР 2, стальной, стачка, стихийный, столбовая дорога, стратегический, стратегия, строжайший, стройный, стычка, схватка 2, сход, такт, тактика, твердость 4, твердый, терпение 2, толпа 2, толчок, толща 2, трезвость, трибуна, трудовой, трудолюбие, трудящиеся 4, тяжелый, убедиться, уважение, удалить, удар 2, ударный, удесятерить, узы, укрепить, укрепление, упорство 2, усилие 3, усилить 2, успешность, успешный, устранить, утопать, фронт 3, фундамент 2, хлеб 2, хребет, цвет, черпать, чистка 2, чистый, чутье, шествие, шествовать, штаб, штурм 2, штурмовой, экспроприация, энергичный, энергия 2, энтузиазм 2, ясность.

Table VI. October 1923 editorials: words in negative contexts.
Total: 1466 (788 different words).

<i>арест</i>	6	<i>Кар</i>	10	<i>противник</i>	5
<i>Бавария</i>	9	<i>катастрофа</i>	5	<i>профсоюз</i>	5
<i>белый</i>	10	<i>контрреволюционный</i>	13	<i>развал</i>	5
<i>блокада</i>	6	<i>контрреволюция</i>	14	<i>разгром</i>	5
<i>буржуазия</i>	37	<i>конфликт</i>	7	<i>реакция</i>	13
<i>буржуазный</i>	17	<i>кризис</i>	9	<i>рейхсвер</i>	17
<i>военный</i>	9	<i>кровавый</i>	16	<i>саботаж</i>	6
<i>военщина</i>	5	<i>кровь</i>	5	<i>с-д</i>	11
<i>вождь</i>	7	<i>левый</i>	8	<i>Сект</i>	7
<i>враг</i>	8	<i>Людендорф</i>	9	<i>согласительский</i>	5
<i>генерал</i>	11	<i>меньшевик</i>	8	<i>социал-</i>	6
<i>Гитлер</i>	6	<i>незаконный</i>	5	<i>социал-демократ</i>	16
<i>голод</i>	7	<i>опасность</i>	7	<i>социал-демократия</i>	7
<i>голодный</i>	6	<i>осадный</i>	5	<i>Стиннес</i>	9
<i>гражданская война</i>	9	<i>официозный</i>	5	<i>ультиматум</i>	7
<i>-демократический</i>	6	<i>падение</i>	4	<i>фашизм</i>	7
<i>демократия</i>	5	<i>палач</i>	8	<i>фашист</i>	17
<i>диктатура</i>	20	<i>переворот</i>	7	<i>фашистский</i>	13
<i>измена</i>	7	<i>полиция</i>	9	<i>черный</i>	6
<i>иллюзия</i>	6	<i>помещик</i>	8	<i>Штреземан</i>	8
<i>империализм</i>	6	<i>правый</i>	15	<i>Эберт</i>	5
<i>капиталист</i>	8	<i>предательство</i>	5		

авантюра, авантюрный, агония, аграрии, агрессивный 2, адский, ажиотаж, “анархия”, аннексия, Антанта, антантовский 2, антиконституционный, аппарат, аппендикс, арестовать, армия, арьергард 2, арьергардный 2, атака 3, ахиллесова пята, баба, баварский, банда 4, бандит, бандитский 2, банкрот, банкротство 4, бедствие, безболезненный, бездействие, бездействовать, беззаботный, безнадежный, безобразия, безумие, белогвардейский, белые, Бернштейн 2, беспечный, бесплатный, беспомощность 2, беспомощный, беспринципность, бессилие 3, бессильный 4, бесформенность, бесформенный, бесхарактерный, бесчестный, бешеный 4, бить, благословить, блаженной памяти, блок 2, блокировать, блокироваться, блудливый, богатей, бой, болезненный 2, болото, болтать, болтливость, больной, бомбомет, бороться, бояться 2, братия, братство, брожение, бумага 2, бунт, буржуа, Бурышкин 2, бюрократ 3, в спину, в тиши, Вандея, вассал 2, вереница, версальский, верхушка 2, вести игру 2, взваливать, вздыхать, взирать, взор, взорвать, винтовка, виселица, вкупе, военно-полевой, вожак, воинственный, война 2, войска, волнения, воля, воображение, вооружаться, вооружение, вооруженный до зубов 2, вопить, вопиющий, воротилы, враждебный 2, врангелевец, врасплох, вред, вредный, вулкан, выгораживать, вызывающий, гадать, гегемон, генералитет, генеральский 2, “герой”, герой печального образа, гибель 3, гиена, Гильфердинг 4, гитлеровский 2, гнилой 2, гнусный 2, голенький, головорез, голодать 2, горделивый, гордый, горячий, горячиться, господин 3, грабительский, грозить, грызня, данность, девиция-демократия, деградация, деланный, демагогия, демократический 3, демонстративный, деморализация 2, деньги, диктатор 3, директива, директория, дискуссионный 2, дискуссия, доктринер, доктринерство 2, доносчик, дороговизна 3, драка, дряблый, дурак 2, душегуб, дьявольский, единый фронт 2, жалкий 2, жалоба, железо, желтый 4, жертва 3, жестокий 2, забеспокоиться, забияка, завеса, завоеватель, заговор, заговорщик 2, закабалить, закаты, закулисный, залить, залог, залпы, заметить, замысел, запрет, запрещенный 3, запугать, засыпаться, затишье, затопить 2, затормозить, заглушить, затяжной, зверство, зло, злобный, злодейский, злосчастный, золото, игра, извращение, извращенный, изменник, изменчивый 2, измором, изнурение, империалист, империалистический, империалистский, инерция,

иноземный, инстанция, интервенция 3, интриговать, инцидент, ирония, “истинно-русский”, Иуда, кавалерия, казус, кайзерский, калединец, кампания 4, канцелярия, капитал 3, капитализм, капиталистический 2, капитулировать 2, капитуляция, карательный, катастрофический, католический, каторжный 2, Керенский, Керзон, Кишкин 2, клеветнический, клика 2, кнут, коварный, кокетничать, колебание 3, колебаться 2, командование 3, комедия, компромисс 4, консервативный 2, конституционный 2, конституция 2, Корнилов, корниловец, корыстный, крах 2, кровопролитный, круги, крушение, крючковатый, кукла, кукольный, кулак 4, кулак (руки), кулацкий 2, кулисы 2, лавина, лавирование, лавировать, лагерь 2, лапы, лгать, легальный, либерализм, либердан 2, либерданский, лидер, лизать, лихой, лихорадка, лицемерный, Ллойд-Джордж, ложь, локаут, малодушие, манера, маниловский, массы 3, махинация 2, медленный, меланхолический, мелкая буржуазия, мелкобуржуазный 2, меньшевистский 3, мерзавец, меч 2, мечты, мешанство, милитаризм 2, милый, Милюков, миномет, мирный 2, мобилизация, молить, молчать, мольба, монархист 2, монархический 3, мстить, муссировать, Муссолини 2, мятеж, на реках вавилонских, на словах, на страже, набег, навоз, навредить, навязать, наглеть 3, наглый, надежда 2, наемный 2, наивно, наивный, наказание, нападать 2, напасть, напролом, напряженный, народнический, нарушение, насилие 2, насильственный 2, наступать, наступление 2, натиск 2, науськивать, национал-социалист, национализм, националист 3, националистический 4, не прочь, неблагоприятный, небывалый, невинный, невооруженный, недовольство 3, недооценить, недостойный, недружелюбный, незадачливый, неискушенный, “нейтралитет”, ненавистный, ненависть, непонимание, неправильный 2, непрочный, нервничать 2, нерешительный, неслыханный, несчастный 2, нетерпеливый, неудача, неуместный, неумный, неустойчивость 2, неустойчивый, низложить, нищета 2, ножницы, Носке 3, “ноябрьские преступники”, обанкротиться, обезвредить, обезуметь, обер-директор, обескровленный, обессиленный, обман, обмануть, обманчивый, обмолвиться, обнаженный, обнищание, обострение, обрезание, обрушивать, обструкция, обуздать, обыватель, обывательский, обыск, оглушительный, оголтелый, огонь, одурачить, ожесточенный 3, озверелый, оккупация, оккупировать, оковы, оливковая ветвь, олигархия, опасный 3, орудовать, оружие, осада 2, осаждать, отделаться, отечественный, “отечество”, отказ, отнимать, отречься 2, отставка 2, отстаивать, отсталый 2, отчаяние, отчаянный, офицерский, официальный, охват, охрана, охранять, очаг, ошибка 3, парализовать, Париж, парламентаризм, парламентаристский, пассивный, пасть (глагол), педант, перебой 2, передышка, перестрелка, перманентный, петиция, петля 4, пешка 2, пиррова победа, платонический, плачевный, плотина, плохой, победа, пограничный столб, под предлогом, подавить, поддельный, подкупить, подлететь, подлость, подлый 3, поднимать голову, подпольный, подозрительный, подстрекать, пожар, поживиться, пожилой, позорный, показатель 2, покорный, покушение, полицейский 2, полуфашистский, Польша, помещичий 3, попутчик, поражение 4, порка, порядок, пот, потрясения, поход 2, правительственный, правительство 2, предавать 4, предатель 3, предательский 2, предать, предлог, предсмертный, презренный 2, препятствовать, пресловутый, преступление, привилегия, приговор, придаток, притворяться, притча во языцех, провалить, провокаторский, провокация 3, провоцировать, проиграть, промышленник, промышленный, протестантский, противоречие, профессиональный, прыть, Пуанкаре 3, пулемет 3, пулеметный, пуля, путч 4, пушечное мясо, пушка, пьяница, “рабоче-крестьянское правительство” 2, рабство, равенство, разброд 3, развязка, разговор 2, разгон, разгромить, раздавать,

раздавить, раздоры, раздражение, раздумье, разногласия 2, разоблачение, разоблачить, разорить 3, разоружение 3, разоружить, разруха 4, разрушение, разрыв, разъедать, ранить, рантье, раскол 2, распад 2, расправа 4, расстрелять 3, расцвет, расчленение 4, ратовать, ратуша, ратушный, реакционер 4, реакционный 4, ребячий, реванш 2, режим 2, резкий, репарации 2, репрессии 2, республика 3, “реформа”, реформистский 2, решительный, риск, робкий, розги 2, рок, роковой 2, роспуск 2, ростовщический, рупор, рухнуть, рушиться, рыхлость, с перепугу, с позволения сказать 2, с-р, сабля, саботировать 3, самодовольство, самороспуск, самоубийство, свержение, свинец, свинцовый, свобода, сдаться, сделка, сентенция, сепаратизм, сепаратист 3, скверный, скептический, скомпрометировать, скудный, слепой, служба, слух 2, смертная казнь 4, смертный час, смерть, смешной, смута, собрание, “совесть”, согласование, соглашатель, соглашательство, сокрушительный, солдат, солдатчина, соломинка, сомнение 2, сообщник, сопротивление 2, сотрудничество, социалист 3, союз, спастись, спасти, спекулянт 2, спекуляция 4, “спокойствие”, спровоцировать, спустить с цепи, срыв 3, срывать, ставленник, старый, столкновение 3, странный, страшный час, стусеваться, стычка, суд, судорожный, тайный, так называемый, твердой рукой, твердость, телесное наказание, тенденциозный, тенденция, терроризм, тихая сапа, тишина, толкать, толпа, толща, торги 2, травить, травля, традиционный, традиция, тревога, треск 2, трескотня, трещина, триумвират, трудность, трусливый, туча, тщетно, тюремный, тюрьма, убаюкивать, убийство 2, уволить, увольнение, уговаривание, уголовный, угрожать, угроза 4, удаление, удар 3, удушение, уклон, улыбка, умильный, умирать, усердие, усмирение, уста, уступчивый, утопать, учащение, учредилка, фалды, филистерский, формальный, фраза 2, ханжа, ханжеский, хаос 3, хвалить, хитрить, хладнокровный, хлестать, хоромина, царь, цинический, черносотенец, черносотенный 3, чехарда 2, чиновник 3, чреватый 2, чрезвычайное положение 2, чуждый, чураться, шантажистский, шатания, шататься, шаткий, ширма, шовинист, шпион, шпионаж 2, штиль, штраф, штреземановский, штык, шум, эксплуататор, эксцесс 3, энергичный, эсер 3, юнкер 2, яд, якобы 2, яростный, ярость 2, II Интернационал, “3-я сила”.

Table VII. December 1923 editorials: words in positive contexts.

Total usages: 1581.

авангард	10	коллективный	9	путь	7
авторитет	6	конкретный	6	рабочая демократия	19
активность	8	крепкий	8	рабочий	9
активный	15	критика	12	рабочий (сущ.)	7
аппарат	14	критический	5	рабочий класс	21
беспорный	5	культурный	9	революционный	27
боевой	7	Ленин	35	революция	22
большевизм	9	ленинизм	7	решительный	12
большевик	6	линия	11	руководство	10
большевистский	12	марксистский	5	руководящий	5
бороться	6	массы	11	самодетельность	8
борьба	9	новый	10	самодетельный	5
внутрипартийная	17	оновить	5	самокритика	5
демократия	12	объективный	6	самостоятельный	6
воля	10	оживить	5	свежий	5
гарантия	10	опыт	6	серьезный	12
государство	10	отвергнуть	6	сила	5
деловой	11	ответственность	9	собственный	6
демократия	5	партийный	5	советский	5
диктатура пролетариата	5	партийный аппарат	7	сознательный	6
дисциплина	16	партия	22	Троцкий	6
доверие	11	политбюро	5	у станка	5
единогласный	6	правильный	16	ЦК	23
единство	18	право	5	честный	5
живой	6	провести в жизнь	5	широкий	5
задача	5	пролетариат	14	штаб	5
идейный	5	пролетарская	5		
исправить	5	диктатура			
коллектив	5	пролетарский	17		

абсолютный, авторитетный 2, агитатор, “амальгама”, аппаратский 3, аппаратчик, армия 3, барометр, безбоязненный, безупречный, беречь, беспощадный 2, беспристрастный, бессмертный, бить, благополучие, благополучный 2, благотворный 2, блеск, блестящий, боевик, боеспособный, боец, братский, бурный, Бухарин, в оба, важность, важный 3, “вдумчивый”, верный 2, взвесить, Владимир Ильич, власть 4, внезапный, внутренний, вовлечь, вождь 4, возражение, вон, вооруженный, воплощать, воспитание, воспитанный 2, восстание, восстановить, вперед, всемерный 2, всемирный, выработать, всеоружие, вскрыть, выборность 3, выгода, выдвигать 2, выдержанность, выдержанный 2, выдержать 2, выжигать, выкуривать, выметать, вырасти, вырваться, высмеивать 2, высокий 3, гарантировать, гармонический, генеральный штаб, геройский, гибкий 2, гигантский, гласность, глубокий 2, гнать, гордый 2, горизонт, государственный 3, грамотность, грандиозный, громадный, дальновидный, дать сдачи, движение 3, действительный, дело, деловито, дельный, демократический, демократический центр, дешевый, Дзержинский, диалектика, диалектический, диамат, диктатура 3, дискуссия, дискутировать, дисциплинированность 3, дисциплинированный, доброволец 2, добросовестный 4, документ, долг, долой, дорога, достойный 4, драться, дружный 2, духовный, единогласие 2, единодушие 2, единодушный 3, единый 2, железный 4, жестокий, жестоко, жизненный 3, жизнь 4, забота, завод, заводской 3, завоевание, завоевать 4, задача 2, закал, закалка, законный, залог, запретить 2, запрещать, запрос, зарекомендовать, заслуга 2, захват, защитить 2, звать, здоровый 3, Зиновьев 2, знаменательный, знамя, знание, идеал, идеальный, идеология 3, идея 2, изжить 2, Ильич, иметь право, инициатива 3, интенсивный, интерес, интимный, исключить 3, искренний 3, исправление, истина, исторический 2, история 2, к счастью, кадры 2, Каменев 2, кампания 2, кардинальный 2, качество, классовая борьба 2, классовый 3, ключ 2, когорта, колонна, Коминтерн, коммунизм, коммунист, коммунистическая партия, Коммунистический Интернационал, компартия, компетентный, конкретно, консолидация, коренной, костяк 2, Красин,

Красная Армия, красный 2, краше, крестьянин 3, крестьянство, критиковать 2, кровь, культура 2, культурность 2, курс 2, лаборатория, ленинец, левый 3, легальность 2, ленинский 2, личность, логика 2, лозунг, луч, лучший 3, Люксембург, Маркс 2, марксизм 4, марксист, маскировка, масса 2, массовая работа, массовый 3, материальное положение, мировая революция 2, миссия, мнение 4, мобилизовать, могучий, могущество, молодой, монолитность, монолитный 2, монополия 2, моральный 2, мощный, мужественный 2, мужество, мысль 2, на деле 2, наверху, навык 2, надежда 2, надлежащий, назреть, наладить, народы, настойчивый, настороже, настоящий, наступление, наш Союз, неведение, негодование 2, недвусмысленный 2, недра, независимость 2, независимый 2, нелегальный, ненависть, неотъемлемый, непрерывный, непримиримый, неразрывный, нерасторжимый, “нетерпимый”, низы 2, новый курс 2, нормальный, нравственный, обман, обмануть, обновление 3, обсудить 3, обсуждение 2, общество, объединять, оградить, одергивать, однородный, одобрение, одобрять, ожесточенный, оживление 4, оздоровить 2, оздоровление 2, укрепнуть, оплот, опытность, орган, организация 4, организм, органический, осторожный 3, откровенный, осуждать, осуществить, от станка, отбросить, отвага, отклонить, открытый 2, отпор 3, отряд 2, отстаивать 2, официальный, охранять, оценить, очистить, партиец, партизан, партийная демократия 2, партийность 3, ПБ, перевыборы, передовой 2, перестроить 3, перестройка, перспективы, плановый, планомерный, плюс 2, победа, победить 2, победоносный, подконтрольность, подлинный, поворотный пункт, поганая метла, подавляющий, подбирать, подвижный, подотчетность, подполье, подпольный 2, подъем, полезный, полемика, полемист, положительный, польза 4, помочь 2, помощь 2, поощрение, последовательный, почетный, починить, почистить, правительство, правда 3, правдивый 2, правильность, практика, практический 2, превосходный, предвидение, преднамеренный, преемственность 2, преемственный, презрение, прекрасный, Преображенский, преодолеть 2, пресекать, претворять, прибыльный, приветствовать, принципиальный 2, пробудиться, проверить, прогнать, прогрессивный, прокладывать, пролетарий 3, пролетарско-демократический, пропорция, протест 2, протестовать, противостояние, противоядие, прочный, прямой 3, работа 3, работать, работник, равновесие 3, Радек 2, радио, радикальный, разбить, развитие 2, размах, разрушить, разумение 2, разумный, распустить, расстрел, рассуждать, рассуждение 2, реальность 4, революционер 2, режим 2, резервуар, резкий, рекрут, рельсы, решительность, решить, РКП 2, руководитель, руководить 3, руль, русло, русский, с честью, самостоятельность 3, самоуправление, свободный 2, связь 4, силы 3, сильный 2, симпатия, симптом, система, систематический, скрепа, скромный, смелый 3, смысл, смотреть, смычка 4, снизу 4, совесть, совет, советская система, советская власть 3, советский режим, Советский Союз 4, советский строй, содержание, сознательность, солидный, сотрудничество, социализм 2, социалистический, спайка 4, сплотиться 2, сплоченность 2, сплоченный 3, “спокойный”, спокойствие, справедливый, справиться, СССР, ставить ребром, ставка на 2, стачка, стереть, стойкий, страстность, страстный 2, стремление, строгий 2, строительство, судьбы, суровый 2, схватка, “твердокаменный”, твердость 3, твердый 4, творить 2, творчество, теоретический 4, теория, товарищеский 3, товарищи, толковый, точный 2, традиция 4, трактор, требовательный, трезвый, труд, трудовой, трудящийся 3, трудящийся (сущ.), убеждение 2, убежденность, убежденный, убивать, уверенный 2, ударить 3, удовлетворение, узел, укрепление, уладить, улучшение 4, улучшенный, улучшить, умение, уместно, Урицкий, урок, усилие, успех 2, успокоенность, устойчивый, участие, учеба, учебный, учитель, учить 2, учреждение, уяснить, фабрика, факт 3, формализм, фундамент, характер 2, хворостина, хитрость, хладнокровный, хозяйственный фронт, хороший 4, целесообразность, цельный, цемент, центр, централизм, центральный 2, человечество, червонец, четкость, чистить, чистка 4, чистый, чуткий, чуткость 2, чутье, шефство, экономный, эластичный, Энгельс, энергичный. энтузиазм 2, ядро 3, “якобинско-большевистский”, яркий 2, ясный 3.

Table VIII. December 1923 editorials: words in negative contexts.

Total usages: 1800.

аппарат	12	критик	7	потрясение	6
аппаратный	5	ложный	5	практика	5
аппаратчик	6	ложь	5	Преображенский	13
беда	6	мелкобуржуазный	7	“Рабочая группа”	5
болезненный	5	меньшевик	14	разложение	6
болезнь	5	механический	5	разногласия	7
буржуазия	12	недоверие	6	раскол	16
буржуазный	7	недостаток	5	Сапронов	11
бюрократизм	11	недочет	7	свобода	8
бюрократический	14	неправильный	13	слабость	6
враг	8	нэп	9	слух	7
гибель	6	обвинение	8	социал-демократия	6
грубый	6	опасность	25	сплетня	6
группировка	20	опасный	9	уклон	8
дипломатия	5	оппозиционер	5	формальный	9
Зиновьев	9	оппозиция	10	фраза	7
зло	5	оппортунизм	6	фракционность	7
казенный	5	оттенок	5	фракционный	12
казенищина	7	ошибка	19	фракция	15
Каменев	6	партийный аппарат	9	чудовищный	7
капитал	5	перерождение	10	штиль	5
кризис	5	плохой	6		

абсолютный, абстракция, абсурд, авантюризм, автомат, агитация, агнец, аграрный, алхимия, “аналогия”, анекдот 4, антикоммунистический, антипартийный, аппаратно-бюрократический, “аппаратский”, “аппаратчина”, аренда, арестовать, арсенал, архитрудный, атака 2, база, базарный 2, балласт, банкротство 2, барский, барыш, беда, бедствие, безвыходность, безгласный, безграмотный бездарный, беззастенчивый, безличность, безобразия 2, безответственность, безответственный 2, безработные, безработный, безрассудный, безрассудство, безрыбье, безысходность, белогвардейский 4, белоснежный, белый 3, Бернштейн, беспочвенный, беспринципный 2, беспросветный, бесследный, бессмысленный, бессовестный, бесспорный, бесформенный 2, бесцеременный, бесшабашный, блага, благодушный, благолепный, благомыслие, благочестивый, блаженной памяти, блаженный (сущ.), близорукий, блокада, блокировать, богдановщина, божиться, больной 3, боязнь 2, бояться 4, братья, бродить, брожение, Бронштейн, буква, буквоедский, бумага 3, бумажный 3, буржуа 2, буржуазно-белогвардейский, буржуазно-демократический, буржуазно-империалистический, буря, “буферить”, Бухарин 2, бюрократ, бюрократизация 2, бюрократия 3, “варвар-большевик”, ввести в заблуждение, вгонять, вегетарианец, верхушка 2, веяния, взбеситься, вздор 2, визжать, вина 3, виновник, винтик, висельник, витрина, влачить, вмешательство, внутрипартийная демократия, вода, военно-канцелярский, военщина, воздушные замки, возражение, война, волнение, вольность, воображение, вопить, воровать, воровство, восхваление, вражда, враждебный 4, враки, вранье, вредный 3, времечко, вслепую, втереться, втираться, выборный, выборы, выбросить 2, выгодный, выдумка, выжидательный, вызывающий, выкрик, вылинять, “вынужден”, выпад, выродиться, вырождение, вышестоящий, вышибить, гаже, “гарантия”, гипертрофия, главкокротия, глубокомысленный, глупый 2, глухой, гниль, голод 2, голословный, голый 2, горе, городской, горячиться, горячность, господа, господство, государственный аппарат, грабеж, грех 3, грехопадение, грешок, гроза, грозить 4, грозный 2, гром, грош цена, группа 3, группочка 2, грязный, густопсовый, давление, дамоклов меч, Дан, даром, де, дезорганизаторский, дезорганизация, деклассированный 3, декретировать, демагогический 2, демагогия 4, демократизм 3, Демократический центр 4, “демократическое мещанство”, демократический центрист, демократия 4, дергать, Держиморда, дескать, дети, дипломат 2, дипломатничать, дискредитация,

дискуссионный, дискуссия 3, длинный, “добренький”, дозвонить себе, догмат, допустимость, допустить, дорожка, дрогнуть, дурак 2, душить, дьявол, Европа, евангелие, европейский, енчменизм, “ересь”, жадный, жандарм, жатва, жевать, желтый, женщина, жест, живучий, жиреть, житие, забастовка 2, забвение, заблуждение, завинтить гайки, загнать 2, загнивание, загноение, “заговорщик”, зады, зажигалка 2, закоренелый, “закостенение”, закрыть глаза 2, заманчивый, замерзание, заминка, замирать, замкнутый 2, замыкаться, запугивать 4, запутаться, зародыш 4, зародышевый, зарубить на носу, засиживаться, засилие, застой, застойно-реформистский, застрачивать, затруднение, затяжной, заучивать, зацепка, защита, звено, Иван, не помнящий родства, игнорирование, “игра”, играть 2, идеалистический, иезуитский 2, иже с, из рук вон, избирательный, извилистый, извратить, извращение 4, извращенный, излишество 2, излишний, измельчать, изничтожить, изобретательность, изъян 2, икона, иллюзия 2, империализм, империалистический, инертный, инерция, инстанция, институт благородных девиц, интеллигентный, искажать 2, искажение, искривленный, искусственный 2, истерзанный, истеричный, ихний, к сожалению 2, кадетский, Калинин, калякать, канал, канцелярия, капитализм 3, капиталист 2, капиталистический 4, капитуляция, карикатура, каркать, карьеризм, карьерист, каста, Каутский, Керенский, Керзон 3, кисейная барышня, кисло-сладкий, Клайнс, классная дама, клевета, клеветать, книжничество, коалиция 3, колебания, колебать, колебаться, колониальный 4, колония, конвульсия, консервативный 4, консерватизм, контраступление, контрреволюционер, контрреволюционный 4, “контрреволюция”, конфликт 2, косный 2, крайность 2, крах 2, крахнуть, крепкие слова, кривотолки 4, крик 4, крикун, критика 3, критиковать 2, крохи 2, круги, кулак 2, куриная слепота, куща, лавры, лагерь, левый, легенда 2, легкий, легко, легкомысленный 3, легкомыслие, либерально-чиновный, ликвидаторство 2, “линия”, лихорадить, лихорадка, лихорадочный, лицемерие, личный, ложно 2, ложность, лозунг 4, ломать 2, лстыть 2, майнридовщина, Макдональд, малодушие, мания, медвежья услуга, медленный 2, мелкая буржуазия, мелкий, мелочный 2, мельчить, меньше, меньшевизм 2, меньшевистский 4, меньшевистско-эсеровский, мертвенность, мертвый, “меткий”, механичный, мещанин, Милюков, мимоза, миндальничать, минус, мирный, митинговый, митральеза, младенец, мнение 2, мнимый 3, мнить, мода 3, мозги, молчаливый, монополизировать, монополия, мораль, “мудрость”, мыльный пузырь, мягкость, мясниковский, на нет, на песке 2, на словах 3, наболеть, наглупить, надзвездный, надлом, надломиться, наемный, нажим, назначать, назначение 2, назначенство 3, наивный 2, накатанный, намек 3, намекать 3, нападение, нападки 2, нарощение, нарушать, нарыв, наспех, наставник, натиск, натравить, натравливать, начетчик, нашептывание, не в силах, невдомек, “неверный”, негодный 3, неграмотный, недовольство 2, недомогание 2, недооценка, недуг, нежизненный, незадача, нездоровый 3, неистовый, нелегальный 2, нелепый, ненавистный, ненадежный, ненормальный, неосторожность, непартийный, непорядки, неприглядный 2, неприкрытый, непроверенный, непролетарский, неравенство, нервность, неряшество, неслыханный, несмышленный, несостоятельность, несчастье, неудача 2, неумелость, неурядица, неустойка, неустойчивость, неустойчивый, нечистый, низкий, никчемный, ничтожный, нищенский, новичок, “новый курс”, ножницы, ночь, нрав 2, нравоучительный, нэпман, нэпмановский, нэпманский, нэпманство, нэповский 3, обвинитель, обвинить, обедня, обезличить, обман, обмануть 2, обомшелый, оборончество, обострение, обострять, обрывать, обструкция, обсуждение, обыватель, оглядка, оговорочка, огульный, одяние, ожесточенный, оказениться 2, оковы, окостенение, опасения, опаска, “опека”,

оплевание, оплошность, опоздать 2, оппозиционный, оппортунист 3, оппортунистический 4, опускать, органы 2, орудие, оружие, Осинский, ослабить 2, ослабление 3, ослепление, осложнение, осторожный, острить, острота, остряк, отбросы, отвлеченный, отвоевать, отвратительный, отмена, оторванный 3, оторваться 3, отпугивать, отрицательный 4, отрицать 2, отрыв 4, отсталость, отсталый 2, отступление 2, оттеночек, отходить, отчуждение, отчужденность, официальный, охота, ошибаться 3, ошибиться, ошибочный 2, пагуба, падкий, палач, паразит, паника 2, парализование, парализовать 2, паралич, парламент, парламентаризм, парламентский 4, партаппарат 3, партизанщина, “партия”, пассивность, пассивный 2, пахнуть, педагогический, педант, пенять, переборщить, “переворот”, перегиб, пережитой, пережиток, переродиться 3, пересмотр, перетолкование, перетряхивание, перехлестнуть 2, пессимист, печальный, пинкертовщина, писание, планомерный, платформа 4, плен, плесень, плодить, плутократ, плюнуть, поблекнуть, поголовно, погубить 2, под фирмой, под флагом 2, подавить, подавлять 2, “подбор”, подделка, поджигатель, подкладка, подкоп, подлец, подменить, подозрительный, подорвать, “подпольщик”, подрыв 2, подрывать, подтягивать, подхалим, подчинение, подчищать, поза, позволить, позолота, позорный, показной, покойничек, полинять, политикан, политиканство, политический капитал, полоса, помешать 2, помещик 2, помещичий, поносить, попутчик 2, попытка, поражение 2, порасшатать, послушание, послушный, пособник, посредник 3, посреднический 2, поставить крест на, потерпеть, потерять, потрафить, потрясать, “поучать”, похлопывать, походя, почва, почтенный, почтительный, правящий, преграда, предательство, предвзято, предлог, предосудительный, предположение, презрение, презренный 4, препятствие 3, пресловутый, пресс 2, преступление, преступник 3, преступный, преувеличение, привольный, привычный, прием 2, призрак 3, “призывать”, приказ, “прикармливать”, прикидываться, прикрытый, прилипать 2, примазаться, примиренец, примирять, примкнуть, приноровиться, прислужничать, прислужничество, притупить, пробел, провалить, провокатор, провокационный, провоцировать, прозванный, проиграть, прокламация, прореха, просачиваться, прослойка, простой, протащить, протест, противник, противоречие 2, прыжок, пугать, пугаться, пустой, пустопорожний, пустословие, пустота, пустяк, путаница, пьянство, Пятаков 2, рабочая аристократия 2, рабочая демократия, “Рабочая Правда” 3, равнение, Радек 3, разбить, разбольшевичить, разбрестись 2, развал 3, развалина, развернутая демократия, развернуто-демократический, развязать руки, разгромить, разгул, раздвоение 3, раздвоенный, раздражать, разжигать, разлагать 4, разлагаться 3, разложиться, разруха 2, разрушение 3, разрушить, разъедать, расколоть, раскольнический, распад, распадаться, распыление, распылять, распыляться, рассказ, расхлябанность, расхождение, расчленение, расчлнять, расшатка, “расшатывание”, расщепление 2, Рафаил, реакционный 2, реакция, “ревизионист”, регрессивный, режим 4, резкий 2, рекомендация 3, рекомендовать, репрессии 2, ретивый, реформа 2, ржавчина 2, ржание, ризы, родовой, романтика, роптать, роскошь 3, росчерк пира, ругань, ругаться, рутина, рутинерство, рынок 2, рыскать, Рязанов, с легким сердцем, сабля, самовлюбленность, самодержавие, самодержавный, “самодеятельность”, самодурство, самолюбие, самооборона, самостийность, самоцель, сбиться, свара, свергнуть, “свержение”, сверху, свет божий, свистопляска, свобода печати, свободный, святой (сущ.), сдать, секретарь, секта, сердиться, синдикалистско-анархический, сказка, скверный, склока 3, склочный, скрипеть, скромный, скрываться, скупщик 2, скучный, слабый, слепец 2, слепота, сломать, смертельный, смерть 2, смехотворный, смешной 3, Смирнов, смута, снисходительный, “снять с”,

снять с поста, со вкусом, советский аппарат, соглашательский, сомнение 3, “соображение”, софистика, спекулянт, спекулятивный, спекуляция 2, спор, спорщик, споткнуться, спячка, срам, срыв, Сталин, старая гвардия, старик, старовер 2, старый 4, старый дурак, стачка 2, Стиннес, столыпинский, страдать 2, “страна людоедов”, странный, страшиться, страшный, Стуков, сужать, суровый, субъективный 2, творец, тенденциозный, тенденция 2, терпимость 2, терроризировать 2, течение 4, тиски 2, толстовец, “толстый”, “тонкий”, торгаш, торгашеский, торговля, тормоз, тоска, травля, традиция, требование, тревога, тревожный 2, трепать, Троцкий 4, трудность, трэд-юнионистский, тряпка, трясение, трясина, трясти, тупик 4, тщетный, тюрьма, тяжелый 3, убийственный, убыток, увильнуть, увлечение 2, угодничество, угрожать 3, угроза 3, удар, ударить лицом в грязь, ужас, узкий, уклониться, украдкой, улететь, улика 2, ультиматум 2, “ультралевый”, умертвить, умирать, умысел, уничтожать, уничтожить, уносить, упорный, упорство 2, упрощенный, упрямство, усердие, услужливый, усмирить, устарелый, утопический, ученик, учитель, ущерб 4, фальсификатор, фальшивый 2, фантазия, фетишизм, форма 2, формализм 2, формально, формула, фракционно-оппортунистический, “фундамент”, хвастовство, хворать 2, хвост, хитрость, хлесткий, хромать 2, худой, худший, хуже, хула, хулитель, царизм 2, царский, централизм 2, “централист”, цепляться 3, циркуляр, ЦК, частный капитал 2, “чекист”, Чернов, черный, “чернь”, чертеж 3, чиновник 4, чистая монета, чреватый 3, чуждый, чужой, швыряться, шипеть, шаблон, широкий, шумный, щель, эксплуататор, эксплуатация 3, эсер 4, эсеро-меньшевистский 3, юмор, явление 2, “якобинец”, якобинство, якобы, ярлык 2, II Интернационал 2

Biographical notes

Adler, Victor (1852–1919)

Austrian Social Democratic leader, founder of a party representing all the nationalities of Austria-Hungary. In 1918 he advocated the unification of Austria with Germany.

Aksakov, Konstantin (1817–1860)

Russian writer and one of the founders and principal theorists of the Slavophile movement.

Andreev, Andrei (1895–1970)

Soviet politician, member of Politburo (1932–52). He was also minister of transportation, chairman of the Supreme Soviet and minister of agriculture.

Baldwin, Stanley (1867–1947)

British politician, a Conservative member of the House of Commons (1908–37). He served as financial secretary of the treasury (1917–21) and president of the Board of Trade (1921–22), was subsequently appointed prime minister (1923–24, 1924–29, 1935–37).

Barnes, Thomas (1785–1841)

British journalist. He was editor of *The Times* and for many years established its reputation. He also founded a tradition of independent journalism.

Bukharin, Nikolai (1888–1938)

Russian Communist leader and economist, editor of the Party newspaper *Pravda* (1917–29). A member of the Politburo and a prominent leader of the Comintern, he also wrote several theoretical economic works. In 1938 he was accused of counterrevolutionary activities and espionage and executed.

Chuikov, Vasili (1900–1982)

Soviet general. In World War II he commanded the defense of Stalingrad, joined in turning Hitler's armies back, and led the Soviet drive to Berlin. He personally accepted the German surrender of Berlin in 1945. After the War he commanded the Soviet occupation forces in Germany (1949–53).

Curzon, George Nathaniel (1859–1925)

British foreign secretary (1919–24).

Dimitrov, Georgi (1882–1949)

Bulgarian Communist leader. He won worldwide fame for his defence against Nazi accusations in the Reichstag fire trial of 1933. After WWII he was prime minister of Bulgaria (1945–49).

Ebert, Friedrich (1871–1925)

German politician. After revolution broke out in 1918, he formed a Socialist coalition government. He helped bring about the Weimar constitution and in 1919 was elected the first president of the Weimar Republic.

Frunze, Mikhail (1885–1925)

Soviet army officer and military theorist, regarded as one of the fathers of the Red Army. With the support of Stalin, he replaced Trotskii as commissar for war in 1925. He introduced compulsory military service, standardized military formations, drills, and uniforms.

Haase, Hugo (1863–1919)

German Socialist leader. In 1917, Haase and his followers formed the Independent Social Democratic party. In 1918 he joined with Ebert and Scheidemann in forming the new government, but withdrew later.

Herzen, Aleksandr (1812–1870)

Russian writer and political activist. He founded the Free Russian Press, as well as the influential newspaper *Kolokol* (*The Bell*). When the Emancipation Act was enacted in 1861, he denounced it as a betrayal of the peasants. His most famous work was *My Past and Thoughts*.

Kaganovich, Lazar' (1893–1991)

Soviet political leader. As head of the Moscow party organization (1930–35), he brought it firmly under Stalin's control and with Molotov formed the core of Stalin's "post-purge" Politburo. Until 1953 he was largely responsible for heavy industry in the Soviet Union.

Kaledin, Alexei (1861–1918)

Russian Imperial Army officer and Cossack leader who was one of the first to organize military resistance against the Bolsheviks after the 1917 Revolution. In winter 1917–18 he led the rebellion in the Don region. After its failure, he committed suicide.

Kalinin, Mikhail (1875–1946)

Soviet communist leader and statesman. In 1919 he became chair of the Central Executive Committee of the All-Russian Congress of Soviets, and thus the formal head of the Soviet state from 1919 until 1946. From 1925 he was a member of the Politburo and supported Stalin in crucial votes.

Kamenev, Lev (1883–1936)

Russian political leader, head of the Moscow Soviet (1919–25). In 1925 Stalin removed Kamenev as Moscow party head. In 1926 he was expelled from the party after conspiring with Zinov'ev and Trotsky against Stalin. In 1936 he was tried and executed.

Katkov, Mikhail (1818–1887)

Russian journalist. He exercised a high degree of influence in government circles during the reigns of Aleksandr II (reigned 1855–81) and Aleksandr III (reigned 1881–94).

Kautsky, Karl (1854–1938)

German Marxist theorist and leader, the author of the Erfurt Program adopted by Germany's Social Democrat Party. He founded the Marxist review *Neue Zeit* in 1883 and wrote several books about Marx's doctrines.

Kirov, Sergei (1886–1934)

Soviet political leader. In 1926 he was appointed head of the Leningrad party organization. In 1930 he was elected to the Politburo. In 1934 he was assassinated.

Kolchak, Aleksandr (1874–1920)

Russian naval officer and political leader. In 1918 he gained power in the counterrevolutionary White Army. After initial successes against the Red Army, his armies were routed in 1919.

Krasnoshchekov, Aleksandr (1880–1937)

Soviet politician. He was deputy minister of finance in 1921 and chairman of the board of the Prombank in 1922–26. He was tried and executed in 1937.

Krupskaia, Nadezhda (1869–1939)

Russian revolutionary, wife of Lenin. She helped Lenin found the Bolshevik party fraction. After the Revolution 1917 she spread Bolshevik propaganda, and later she served in several posts in the educational bureaucracy. After Lenin's death (1924), she remained aloof from intraparty struggles.

Krylenko, Nikolai (1885–1938)

Soviet politician. He was deputy Commissar (minister) of Justice and assistant Prosecutor General of the Russian Federation in the 1920s and Commissar of Justice and Prosecutor General of the RSFSR in the 1930s.

Kun, Béla (1886–1939?)

Hungarian Communist leader. In 1919 Kun headed the new Hungarian Soviet Republic. Later he fled to Vienna and then to the Soviet Union. Accused of "Trotskyism," he was executed eventually in 1939.

Larin, Iurii (1882–1932)

Russian revolutionary. In 1917–21 he was one of the economic leaders of Russia. He actively supported the idea of state planned economy.

Liebknecht, Karl (1871–1919)

German socialist leader. In 1918 he played a leading role in forming the German Communist Party. He was shot during a putsch in 1919 on the pretext that he was attempting to escape arrest.

Lozovskii, Solomon (1878–1952)

Russian revolutionary and a prominent official in the Soviet government, Soviet trade unions and Soviet Information Bureau. He was General Secretary of the Red International of Labour Unions and deputy foreign minister under Molotov. He was arrested in 1949 and executed in 1952.

Lysenko, Trofim (1898–1976)

Soviet biologist and agronomist. He proposed techniques for the enhancement of crop yields, rejecting orthodox Mendelian genetics on the basis of unconfirmed experiments and becoming the controversial "dictator" of Stalinist biology. His doctrines were officially discredited in 1964.

MacDonald, Ramsay (1866–1937)

British politician, first Labour Party prime minister of Britain (1924, 1929–31, 1931–35). He became prime minister in 1924 with Liberal Party support, but he was forced to resign later that year. In 1929 Labour won a majority and he returned as prime minister. He remained in office as head of a national coalition until 1935

Marat, Jean-Paul (1743–1793)

French politician and a leader of the radical Montagnard faction in the French Revolution. From 1789, as editor of the newspaper *L'Ami du Peuple*, he became an influential voice for radical measures against the aristocrats. He was one of the most influential members of the National Convention (1792). He was assassinated in 1793 and became a martyr to the people's cause.

Masaryk, Tomáš (1850–1937)

First president of Czechoslovakia (1918–35). As president of the new country, he was occupied with settling conflicts between the Czech and Slovak parties. His major contribution was creation of a free and democratic Czechoslovakia.

Meierkhold, Vsevolod (1874–1940)

Russian theatrical producer and director. He formulated avant-garde theories of symbolic theatre that opposed to the naturalism of Stanislavskii. Condemned by Soviet critics for his artistic individuality and opposition to socialist realism, he was arrested and imprisoned in 1939 and was probably executed.

Michurin, Ivan (1855–1935)

Russian horticulturist who earned the praise of the Soviet government by developing more than 300 new types of fruit trees and berries in an attempt to prove the inheritance of acquired characteristics. His theory was used by Lysenko.

Molotov, Vyacheslav (1890–1986)

Soviet political leader. A staunch supporter of Joseph Stalin, he became secretary of the Central Committee in 1921. Promoted to the Politburo in 1926, he purged the Moscow party organization of anti-Stalinists (1928–30). He served as prime minister (1930–41) and as the country's foreign minister (1939–49, 1953–56).

Noulens, Joseph (1864–1944)

French politician and diplomat. During his career he was minister of war, minister of agriculture and ambassador to Russia in 1917.

Nuri al-Said (1888–1958)

Prime minister of Iraq. In 1958 he supported a union with Jordan that was strongly opposed by the military. He was killed in the coup that followed.

Ordzhonikidze, Grigorii (1886–1937)

Russian Communist leader. He became a member of the Politburo (1930) and commissar for heavy industry (1932), but in the mid-1930s he opposed Stalin's industrial policy. His sudden death was ascribed to natural causes although later it was claimed that Stalin had driven him to death.

Petliura, Simon (1879–1926)

Ukrainian politician. He was member of the Central Rada and minister of military affairs in 1917. In 1918 he was member of the new government, the Directorate of the Rada, and became the leading figure in it in 1919. While Petliura's government was in power, a series of pogroms were perpetrated against the Jews of Ukraine.

Poincaré, Raymond (1860–1934)

French politician. He was president of the Third Republic (1913–20). In 1922–24 and 1926–29 he was prime minister again. He was credited with solving France's financial crisis by stabilizing the franc, enabling a period of new prosperity.

Postyshev, Pavel (1887–1939)

Soviet politician. As secretary of the Central Committee of the Communist Party in Moscow (1930–33) he was in charge of propaganda and organization. In 1933–37 he was second secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine. He was arrested in 1938 and executed a year later.

Preobrazhenskii, Evgenii (1886–1937)

Soviet politician and leading economist, supporter of Trotskii. He advocated industrialization and was against NEP. In the 1920s he was member of *Pravdas* editorial board. In 1937 he was arrested and executed.

Rudzutak, Ian (1887–1938)

Soviet politician. During 1924–34 he was minister for transportation. In 1926 he was appointed deputy chairman of the Council of People's Commissars (the equivalent of deputy prime minister) and held this position until 1937. In 1937 he was arrested and executed in 1938.

Rykov, Alexei (1881–1938)

Soviet official. During 1924–29 he was chairman of the Council of People's Commissars. A strong supporter of the New Economic Policy, he was stripped of his posts and forced to recant his "Right Opposition" views in 1929. In 1936 he was tried in Stalin's purge trials, and executed for treason.

Scheidemann, Philipp (1865–1939)

German Social Democratic politician who, without party or government authorization, on Nov. 9, 1918, made the Weimar Republic a fact by proclaiming it from the balcony of the Reichstag. He later became the republic's first chancellor.

Seeckt, Hans von (1866–1936)

German general. After the World War I he became head of the German Reichswehr (1919–26) and secretly built a small but efficient army, circumventing the Treaty of Versailles prohibition.

Skoropadskii, Pavlo (1873–1945)

Ukrainian politician. He was declared Hetman (leader) of the government of a Ukrainian State in April 1918 and was removed from power in an uprising led by Petliura in November the same year.

Stresemann, Gustav (1878–1929)

German chancellor (1923) and foreign minister (1923–29) of the Weimar Republic. In 1918 he founded the German People's Party and sought to form coalitions with other democratic parties. He shared the 1926 Nobel Prize for Peace with Aristide Briand.

Thälmann, Ernst (1886–1944)

German Communist leader and twice presidential candidate during the Weimar Republic (1919–33). He was chiefly responsible for moulding the German Communist Party (KPD), the most powerful Communist party outside the Soviet Union.

Patriarch Tikhon, Saint (1865–1925)

Sviatoi Tikhon (original name *Vasilii Belavin*) was patriarch of the Russian Orthodox church following the Bolshevik Revolution of 1917. He resisted the new Soviet state's anti-ecclesiastical legislation and refused to cooperate with a state-supported element of the clergy known as the "Living Church." He was imprisoned in 1922–23. Under pressure he declared his loyalty to the Soviet regime. He was canonized in 1989.

Tomskii, Mikhail (1880–1936)

Russian Communist and politician. He was head of the trade union movement (1922–29) and member of the Central Committee. He was one of the leaders of the "Right Opposition". In 1936 he committed suicide.

Trotskii, Lev (1879–1940)

Russian Communist leader, commissar of war (1918–24). After a campaign of denunciation, he was expelled from the Politburo (1926) and Central Committee (1927), and then banished from Russia (1929). He was murdered in 1940.

Tsankov, Aleksandur (1879–1959)

Bulgarian politician, prime minister of Bulgaria (1923–26) during years of great domestic unrest and violence.

Uglanov, Nikolai (1886–1937)

Soviet politician. He was leader of the Moscow Party Organization (1924–28) and later commissar for labour (1928–30). In 1936 he was arrested and executed in 1937.

Usov, Pavel (1828–1888)

Russian journalist. In 1860–64 he was editor of “Severnaia pchela”.

Vandervelde, Émile (1866–1938)

Belgian statesman and a prominent figure in European Socialism who served in Belgian coalition governments from 1914 to 1937 and was influential in the peace negotiations following World War I.

Voroshilov, Kliment (1881–1969)

Soviet military and political leader. A close associate of Stalin, he was appointed people’s commissar for defense (1925) and a member of the Politburo (1926). Named a marshal of the Soviet Union (1935), he reorganized the Soviet general staff, mechanized the army, and developed the air force. After the initial Soviet defeats in World War II, he was removed as defense commissar but appointed to the committee for state defense (1941–44).

Vorovskii, Vatslav (1871–1923)

Russian Communist, journalist and literary critic. After the October Revolution he held leading diplomatic posts. He was assassinated during the Lausanne Conference in Switzerland.

Vyshinskii, Andrei (1883–1954)

Soviet politician and diplomat. In 1935 he was appointed chief prosecutor of the Soviet Union and gained worldwide notoriety for his zeal in prosecuting the purge trials.

Wilson, Woodrow (1856–1924)

28th president of the U.S. (1913–21). He led the U.S. delegation to the Paris Peace Conference. He was awarded the 1919 Nobel Prize for Peace.

Wrangel, Petr (1878–1928)

Russian general who led the anti-Bolshevik forces in the Russian Civil War. He became commander of the Whites in April 1920 and launched an offensive in Ukraine in June, but was defeated by the Red Army.

Zhdanov, Andrei (1896–1948)

Soviet politician. He became a leading member of the Politburo (1939) and Communist Party secretary in Leningrad. In 1946 he formulated the extreme anti-Western cultural policy known as “Zhdanovism,” which imposed strict government control on art and literature and soon affected all intellectual activity in the Soviet Union.

Zinov’ev, Grigorii (1883–1936)

Soviet politician. By 1921 he was head of the Petrograd (St. Petersburg) Soviet and a member of the Politburo. He was chairman of the Comintern (1919–26). He was removed from power by Stalin in 1926. In 1935 he was arrested for conspiracy and later executed.

Index

- Adler, Victor 94
Aksakov, Konstantin 45
Tsar Aleksandr II 179, 180
Allan, Keith 159, 172
Andreev, Andrei 195
Apresian, Ruben 174
Aristotle 41
Arutiunova, Nina 40
Austin, John 42, 43, 51
- Baldwin, Stanley 178
Baranov, Anatolii 35, 42,
106, 108
Barnes, Thomas 46
Bauer, Gerhard 24
Becker, Joern-Martin 31, 32
Belinskii, Vissarion 169
Benveniste, Émile 30
Birken-Bertsch, Hanno 24
Bohleber, Werner 24
Bolinger, Dwight 174
Bralczyk, Jerzy 37
Brezhnev, Leonid 30
Brooks, Jeffrey 48, 108
Bukharin, Nikolai 64, 75,
79, 81, 102, 192, 193,
210, 214
Burridge, Kate 159, 172
- Certeau, Michel de 40
Chernyshevskii, Nikolai
151, 167, 171, 194, 219
Chilton, Paul 43, 105, 107,
126
Chuikov, Vasilii 197
Churchill, Winston 178
Cicero 41
Curzon, George 61, 62, 73,
77, 90, 93, 94
Custine, Adolf de 127
- Dal', Vladimir 45
Derrida, Jacques 40
Dijk van, Teun 40, 105, 108
Dimitrov, Georgi 94
Dmitriev, Ivan 165
Dobrovoľskii, Dmitrii 105
Dorlingiin, Amarzaiaa 34
Drews, Jörg 24
- Ebert, Friedrich 60, 91, 94,
182
Eikhenbaum, Boris 19
Ekk, Nikolai 168
Engels, Friedrich 59, 121,
166, 167, 191, 192, 193,
197, 198
- Fairclough, Norman 42
Fesenko, Andrei 28
Fesenko, Tatiana 28
Fidelius, Petr 37
Foucault, Michel 40
Frunze, Mikhail 58
- Gal'perin, Il'ia 221, 223
Głowiński, Michal 37
Goebbels, Joseph 22
Goethe, Johann 166
Gorham, Michael 19, 36
Grushevskaiia, Tatiana 207,
209
- Haase, Hugo 75
Habermas, Jürgen 39, 40
Harris, Zellig 39
Heine, Heinrich 166
Henderson, Arthur 182
Herzen, Aleksandr 45, 167
Hitler, Adolf 12, 22, 23, 24,
65, 134, 186
- Iaroslavskii, Emel'ian 84
Izotov, Nikita 134
- Jakobson, Roman 15
- Kaganovich, Lazar' 195
Kaledin, Alexei 59
Kalinin, Mikhail 26, 101
Kamenev, Lev 101, 214
Karaulov, Iurii 35, 108
Karcevski, Serge 15
Katkov, Mikhail 45
Kautsky, Karl 182, 192
Kazakevich, Elena 42, 106
Kerenskii, Aleksandr 59
Khrushchev, Nikita 30, 191,
198, 213, 222
Kirov, Sergei 26
Klein, Gabriella 24
Klemperer, Victor 22, 23
Kolchak, Aleksandr 90, 94,
181
Kondrat'eva, Tamara 14
Koshcheeva, Galina 46
Kostomarov, Vitalii 208
Krasnoshchekov, Aleksandr
134, 159, 209, 243, 244,
246, 247
Krupskaia, Nadezhda 79
Krylenko, Nikolai 79, 101
Krylov, Ivan 165
Krysin, Leonid 158
Kun, Béla 94
Kupina, Natalia 32, 48
Kviring, Emmanuil 101
- Lafargue, Paul 12, 13
Larin, Iurii 79
Lasswell, Harold 52, 53,
54, 55

- Lazareva, Ella 71, 72
Lazzari, Giovanni 24
Leinfellner, Elisabeth 159
Leipart, Theodor 179
Lenin, Vladimir 12, 18, 19, 26, 27, 28, 33, 47, 48, 52, 58, 59, 64, 65, 67, 69, 78, 79, 84, 86, 94, 102, 103, 115, 116, 121, 127, 133, 147, 148, 166, 167, 168, 169, 172, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 234, 256
Lermontov, Mikhail 137, 167, 213
Leso, Erasmo 24
Levin, Iurii 51, 52, 236
Liebknecht, Karl 75, 86, 92, 94
Lohe, Elisabeth 14
Lozovskii, Solomon 96
Lysakova, Irina 47
Lysenko, Trofim 161
- MacDonald, Ramsay 83, 90, 94, 134, 162, 178, 182, 185, 187, 224, 230
Mao Zedong 197
Marat, Jean-Paul 46
Markner, Reinhard 24
Marx, Karl 12, 59, 86, 94, 117, 121, 166, 169, 172, 182, 191, 192, 193, 194, 197, 198, 256
Masaryk, Tomáš 133, 230
Mazon, André 14, 33
McHoul, Alec 39
Mengaldo, Pier Vincenzo 24, 25, 26
Michael, Robert 24
Michurin, Ivan 161, 237
Mikhal'skaia, Anna 158
Mitchell, Terence 39
Mokienko, Valerii 33
Molotov, Viacheslav 195, 196, 211, 214, 215
Moskvin, Vasilii 159
Mussolini, Benito 12, 20, 25, 26, 175
- Naphtali, Fritz 185
Nekrasov, Nikolai 142, 166, 167
- Nikitina, Tatiana 33
Nikolaeva, Tatiana 107
Tsar Nikolai II (Nikolai Romanov) 75
- Ordzhonikidze, Grigorii 193
Orwell, George 11, 20, 21, 22, 55
- Pêcheux, Michel 40
Petliura, Simon 75
Piirainen, Elisabeth 105
Plato 22
Podchasov, Aleksei 71, 72
Poincaré, Raymond 132, 162, 175
Polivanov, Evgenii 107
Postyshev, Pavel 193
Preobrazhenskii, Evgenii 101
Pyr'ev, Ivan 68
- Quintilian 41
- Ribbentrop, Joachim von 211
Ricoeur, Paul 129
Root, Andrei 26, 45
Rossi, Jacques 29
Rozina, Raisa 33
Rudzutak, Ian 193
Rykov, Alexei 64
Rzhevskii, Leonid 27, 108
- Safarov, Georgii 79
Sapronov, Timofei 79
Scheidemann, Philipp 75, 91, 94
Schlosser, Horst Dieter 37
Schmitz-Berning, Cornelia 24
Searle, John 42, 43
Seeckt, Hans von 60, 94
Selishchev, Afanasii 15, 17, 19, 28, 107, 109, 135, 174, 175, 177, 216, 236
Seriot, Patrick 30
Shafir, Iakov 18
Sheigal, Elena 35, 36, 43, 44, 45, 52, 158, 164, 172, 174
Shklovskii, Viktor 18
Skoropadskii, Pavlo 75
Smirnov, Ivan 101
- Stalin, Iosif 14, 26, 27, 28, 33, 48, 57, 58, 59, 64, 67, 68, 69, 79, 81, 88, 93, 94, 95, 101, 108, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 125, 126, 133, 134, 142, 148, 149, 152, 160, 161, 167, 168, 169, 170, 173, 181, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 210, 212, 214, 215, 234, 237, 240, 248, 252, 253, 256
Stepanenko, Anna 35
Stresemann, Gustav 60, 82, 91, 94
- Thälmann, Ernst 66, 94
Patriarch Tikhon 78, 159, 164, 188, 209
Tomskii, Mikhail 64
Trotskii, Lev 14, 58, 79, 94, 101, 102, 214
Tsankov, Aleksandur 61, 94
- Uglanov, Nikolai 214
Ushakov, Dimitrii 32
Usov, Pavel 45
Uspenskii, Lev 18
- Vandervelde, Émile 94
Vinokur, Grigorii 17, 19, 71, 107
Voroshilov, Kliment 58, 195
Vorovskii, Vatslav 61, 62, 77, 94
Vyshinskii, Andrei 255
- Weiss, Daniel 12, 19, 28, 31, 48, 49, 135, 136
Westin, Ingrid 46, , 47, 49
Kaiser Wilhelm 186
Wilson, Woodrow 75, 89, 94
Wittorf, John 233
Wrangel, Petr 94
- Yakobson, Sergius 53, 54
Young, John Welsey 20
- Zhdanov, Andrei 195
Zhel'vis, Vladimir 174
Zinov'ev, Grigorii 79, 101, 102, 214

Stockholm Slavic Studies

Published by Stockholm University

Editor: Barbro Nilsson

1. SVEN LINNÉR: Dostoevskij on Realism. Stockholm 1967. 212 pp.
2. NILS ÅKE NILSSON: Studies in Čechov's Narrative Technique. 'The Steppe' and 'The Bishop'. Stockholm 1968. 110 pp.
3. SVEN GUSTAVSSON: Accent Paradigms of the Present Tense in South Slavonic. East and Central South Slavonic. Stockholm 1969. 145 pp.
4. IRENE MASING: A. Blok's 'The Snow Mask'. An Interpretation. Stockholm 1970. 100 pp.
5. NILS ÅKE NILSSON: The Russian Imaginists. Stockholm 1970. 117 pp.
6. VELTA RŪĶE-DRAVIŅA: Place Names in Kauguri County, Latvia. A Synchronic-Structural Analysis of Toponyms in an Ancient Indo-European and Finno-Ugric Contact Area. Stockholm 1971. 158 pp.
7. BARBRO NILSSON: Old Russian Derived Nominals in -nie, -tie. A Syntactical Study. Stockholm 1971. 158 pp.
8. FIONA BJÖRLING: Stolbcy by Nikolaj Zabolockij. Analyses. Stockholm 1973. 112 pp.
9. DAG SVEDSTEDT: Position of Objective Personal Pronouns. A Study of Word Order in Modern Russian. Stockholm 1976. 200 pp.
10. SVEN GUSTAVSSON: Predicative Adjectives with the Copula byt' in Modern Russian. Stockholm 1976. 399 pp.
11. VELTA RŪĶE-DRAVIŅA: The Standardization Process in Latvian. 16th Century to the Present. Stockholm 1977. 130 pp.
12. BIRGITTA ENGLUND: Yes/No-Questions in Bulgarian and Macedonian. Stockholm 1977. 143 pp.
13. BARBRO NILSSON: Personal Pronouns in Russian and Polish. A Study of their Communicative Function and Placement in the Sentence. Stockholm 1982. 204 pp.
14. HAGAR SUNDBERG: The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and Commentary. Stockholm 1982. 210 pp.
15. CARL-ERIK LINDBERG: Text and Content. A Text Linguistic Interpretation of a Major Aspect of 'Content' in Vladimir Tendrjakov's Novella 'Črezvyčajnoe'. Stockholm 1983. 124 pp.
16. ELISABETH LÖFSTRAND: Slavonic Parchment Fragments in Sweden. I. Paroemiarion, Triodion, Psalter. Stockholm 1984. 201 pp.
17. SIW WESSLÉN: Slavonic Parchment Fragments in Sweden. II. Gospels. Stockholm 1985. 320 pp.
18. INGEGERD NORDLANDER: Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1616. Text and Commentary. Stockholm 1987. 186 pp.

19. ЛАРС СТЕНСЛАНД (Lars Steensland): Акцентировка и акцент. Акцентологический анализ служебника XV в. Chil. 323 (Accentuation and Accent. Accentological Analysis of the 15th-Century Missal Chil. 323). Stockholm 1990. 232 pp.
20. НЕЛЛИ ЛИНДГРЕН (Nelly Lindgren): Акцентологическая характеристика севернорусской рукописи XVII века (An Accentological Study of a 17th Century North Russian Manuscript). Stockholm 1990. 163 pp.
21. PER AMBROSIANI: On Church Slavonic Accentuation. The Accentuation of a Russian Church Slavonic Gospel Manuscript from the Fifteenth Century. Stockholm 1991. 215 pp.
22. ЭЛИСАБЕТ ЛЁФСТРАНД (Elisabeth Löfstrand): Хождение игумена Даниила в святую землю. Рукопись Стокгольмской Королевской библиотеки (The Pilgrimage of Abbot Daniil to the Holy Land. The Royal Library Manuscript). Stockholm 1993. 92 pp.
23. KRZYSZTOF STALA: On the Margins of Reality. The Paradoxes of Representation in Bruno Schulz's Fiction. Stockholm 1993. 131 pp.
24. PER AMBROSIANI, BARBRO NILSSON, LARS STEENSLAND (eds.): **Подобаєть памать сътворити** · Essays to the Memory of Anders Sjöberg. Stockholm 1995. 204 pp.
25. MICHAŁ LEGIERSKI: Modernizm Witolda Gombrowicza. Wybrane zagadnienia. Stockholm 1996. 460 pp.
26. KAZIMIERA INGDAHL: A Gnostic Tragedy. A Study in Stanisława Przybyszewska's Aesthetics and Works. Stockholm 1997. 217 pp. + 24 pp. ill.
27. JANUSZ KOREK: Paradoxy paryskiej „Kultury“. Ewolucja myśli politycznej w latach 1947–1980. Stockholm 1998. 366 pp.
28. PER AMBROSIANI, ELISABETH LÖFSTRAND, LAILA NORDQUIST, EWA TEODOROWICZ-HELLMAN (eds.): Explorare necesse est. Hyllningskrift till Barbro Nilsson. Stockholm 2002. 259 pp.
29. TORA HEDIN: Changing Identities. Language Variation in Czech Television. Stockholm 2005. 220 pp.
30. MORENA AZBEL SCHMIDT: How Do You Do It Anyway? A Longitudinal Study of Three Translator Students Translating from Russian into Swedish. Stockholm 2005. 261 pp.
31. LARS STEENSLAND: Если бы Господь в гроб не был положен. Об одной малоизвестной толковой азбуке. Stockholm 2006. 212 pp.
32. PER AMBROSIANI, IRINA LYSÉN, ELISABETH LÖFSTRAND, JOHAN MUSKALA (eds.): **Йѣко бл҃гопѣснѣвалъ птица** ∴ Hyllningskrift till Lars Steensland. Stockholm 2006. 246 pp.
33. LUDMILA PÖPPEL: The Rhetoric of Pravda Editorials. A Diachronic Study of a Political Genre. Stockholm 2007. 306 pp.

Subscriptions to the series and orders for single volumes should be addressed to any international bookseller or directly to the distributor:

Almqvist & Wiksell International
P.O. Box 7634
SE-103 94 Stockholm, Sweden
Phone: +46 8 613 61 00
Fax: +46 8 24 25 43
E-mail: order@akademibokhandeln.se

Acta Universitatis Stockholmiensis

Corpus Troporum
Romanica Stockholmiensia
Stockholm Cinema Studies
Stockholm Economic Studies. Pamphlet Series
Stockholm Oriental Studies
Stockholm Slavic Studies
Stockholm Studies in Baltic Languages
Stockholm Studies in Classical Archaeology
Stockholm Studies in Comparative Religion
Stockholm Studies in Economic History
Stockholm Studies in Educational Psychology
Stockholm Studies in English
Stockholm Studies in Ethnology
Stockholm Studies in History
Stockholm Studies in History of Art
Stockholm Studies in History of Literature
Stockholm Studies in Human Geography
Stockholm Studies in Linguistics
Stockholm Studies in Modern Philology. N.S.
Stockholm Studies in Musicology
Stockholm Studies in Philosophy
Stockholm Studies in Psychology
Stockholm Studies in Russian Literature
Stockholm Studies in Scandinavian Philology. N.S.
Stockholm Studies in Sociology. N.S.
Stockholm Studies in Statistics
Stockholm Studies in the History of Ideas
Stockholm Theatre Studies
Stockholmer Germanistische Forschungen
Studia Baltica Stockholmiensia
Studia Fennica Stockholmiensia
Studia Graeca Stockholmiensia. Series Graeca
Studia Graeca Stockholmiensia. Series Neohellenica
Studia Juridica Stockholmiensia
Studia Latina Stockholmiensia
Studies in North-European Archaeology